Министерство науки и высшего образования РФ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»

На правах рукописи

Николашин Вадим Павлович

СОВЕТСКИЕ АГРАРНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В ГУБЕРНИЯХ ЧЕРНОЗЕМНОГО ЦЕНТРА 1917-1918 гг.

07.00.02 – Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Научный консультант
доктор исторических наук, профессор,
Кондрашин В.В.

Тамбов 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 4

Глава 1. Историография и источники 28

§ 1.1. Историография 28

§ 1.2. Источники 47

§ 1.3 Методологические подходы в изучении советских аграрных преобразований в 1917-1918 гг. 54

Глава 2. Крестьянский вопрос и попытки его решения в аграрных программах политических партий и практической деятельности Советской власти в 1917 г. 61

§ 2.1. Аграрно-крестьянский вопрос как комплексная социально–экономическая проблема развития России в начале XX в. 61

§ 2.2. Аграрные программы политических партий 96

§ 2.3. Разработка и утверждение «Основного закона о социализации земли» 121

Глава 3. Аграрные преобразования Советской власти в 1917–1918 гг. 150

§ 3.1. Взаимодействие власти и крестьянства в вопросах землеустройства 150

§ 3.2. Особенности советских аграрных преобразований в губерниях Черноземного центра 183

§ 3.3. Влияние аграрных преобразований на социальные отношения в деревне 240

§ 3.4.Аграрные преобразования в условиях Гражданской войны 266

Глава 4. Новые формы производственных отношений как результат социализации земли 280

§ 4.1. Создание коммун и артелей 280

§ 4.2 Организация советских хозяйств 299

§ 4.3. Общественно–политические и экономические итоги аграрных преобразований 1917–1918 гг. в черноземной деревне 317
Заключение 353
Список источников и литературы 367
Приложение 1 394
Приложение 2 395
Приложение 3 396
Приложение 4 397
Приложение 5 398
Список сокращений 399

Введение

Главной целью аграрных преобразований в России было и остается создание эффективного и высокорентабельного сельскохозяйственного производства, способного обеспечить потребности населения в качественных продуктах питания, а также снабжение качественным сырьем промышленности. В современной Российской Федерации данная проблема остается одной из самых актуальных, поскольку до настоящего времени отечественное сельское хозяйство проходит стадию реформирования, и его трудности и проблемы находятся в центре внимания общественности и исследователей.

Широко известно, что в России, как минимум с XVIII века, разрабатывались и осуществлялись различные аграрные программы и модели развития сельского хозяйства. Самой крупной из них до революции 1917 г. была Великая крестьянская реформа 1861 г., заложившая основу для превращения крестьянского вопроса в главный вопрос русской революции, который, как очень точно определил лидер большевиков В.И. Ленин, стал ее «гвоздем»[1]. В 1905 – 1907 г. крестьянское движение за землю заставило царское самодержавие вновь вернуться к решению аграрно-крестьянского вопроса с помощью столыпинской аграрной реформы. В историографии по-разному оцениваются ее итоги, но одно очевидно, что при всех ее достижениях реформаторам не удалось «успокоить деревню» и предотвратить там очередной виток крестьянкой революции в 1917 г.[2]

1917 год стал «моментом истины» для российской власти, действующих политических сил и самого крестьянства. В этот период Временным правительством предпринимаются активные попытки провести такие аграрные преобразования, которые бы удовлетворили насущные чаяния крестьян и не посягали бы на право частной собственности на землю. Эсеры и

[1] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 14. С. 178.

[2] См.: Данилов В.П. Аграрные реформы и аграрная революция в России // История крестьянства России в XX веке. Избранные труды: в 2-х ч. Ч. 2. М., 2011. С. 276 – 277.

большевики предложили отдать крестьянам всю землю сельскохозяйственного назначения, которой они фактически пользовались, в том числу находящуюся в частной собственности «столыпинских крестьян»[3].

Но «аграрные беспорядки» 1917 г., как их назвало Временное правительство, в действительности, ставшие кульминацией крестьянской общинной революцией, смели частное землевладение в его цитадели – Центральной России и поставили, как Временное правительство, так и большевиков, перед свершившимся фактом. Дальнейшие социально-политические процессы протекали уже в развитии и в контексте этого события. В 1918 г. они получили логическое завершение в большевистском аграрном законодательстве. О том, как это было в губерниях Черноземного центра, и освещается в настоящем диссертационном исследовании.

На данной территории в исследуемый период происходили процессы, которые, как и на остальной огромной территории страны, привели к кардинальным изменениям в сфере землевладения и землепользования, определившие основные векторы развития советской деревни и Советского государства на последующие несколько десятилетий.

В историографии доказано, что начало XX в. стало периодом кризиса традиционных форм сельскохозяйственного производства, сопровождавшегося перенаселением деревни. Эти условия обострили общественно-политическую и экономическую ситуацию в России, углубили напряжение между властью и крестьянством[4]. Над решением аграрного вопроса бились «лучшие умы» различных политических сил государства. Но наибольшую популярность получила программа социализации земли, которую поддерживало большинство крестьян. Авторство этой программы принадлежит социалистам-революционерам. Они, умело доработав

[3] См.: Кондрашин В.В. Крестьянство и революция // Великая российская революция, 1917: сто лет изучения: материалы Междунар. науч. конф. (Москва, 9 – 11 октября 1917 г.). М., 2017. С. 66 – 73.

[4] См.: Данилов В.П. Аграрные реформы и аграрная революция в России // История крестьянства России в XX веке… С. 274 – 275.

социально–экономические идеи народников, выступили за передачу всей земли общинам без выкупа.

Идея распределения земельных угодий по едокам основывалась на уравнительные принципы землепользования. По традиции общины имели право распоряжаться землей. Но это не исключало возможность возделывания земли отдельными крестьянскими дворами и членами общины. Используя это право, мир периодически осуществлял внутриобщинные переделы с целью более равномерного и справедливого распределения имевшейся общинной земли. Следовательно, при распределении важную роль играл принцип равенства. Прочие причины экономического характера, например, качество труда в отдельных крестьянских дворах, не учитывались.

Как следует из анализа изученной литературы, уравнительно–передельный принцип по отношению к земле не содействовал росту продуктивности сельскохозяйственного производства в деревне. Он лишь позволял земледельцам выживать от «урожая до урожая».

Низкий уровень потребления крестьян формировал условия для аграрного перенаселения в черноземной деревне и одновременно стимулировал и укреплял уравнительные принципы в общине. В результате в деревне возникало и удерживалось избыточное население. Таким образом к 1917 г., как отмечал Л.Н. Литошенко, «русская земельная община превратилась в своеобразный институт страхования от безработицы»[5].

Как уже отмечалось, Великая российская революция 1917 г. «разбудила деревню», и ее революционная активность отразила общинную психологию и общинное видение решения вопроса о земле, которую власть уже не могла игнорировать в силу своей неспособности обуздать ее.

Традиционная деревня вышла из «вековой законодательной тени». В 1917 г. устоявшиеся земельно-правовые отношения начали терять свою значимость. Общественно-политические и социально-экономические процессы в крестьянской среде стали регулироваться неформальными

[5] Литошенко Л.Н. Социализация земли в России. Новосибирск, 2001. С. 118.

нормами и практиками. В данных обстоятельствах община руководствовалась не законодательными актами, а приговорами, решениями и наказами сходов и съездов крестьян. Таким образом, традиции начинали создавать условия для развития правовых отношений в деревне. Вновь сформированные нормы и практики нашли отражение в советских законодательных актах. Так, «Крестьянский наказ о земле» стал частью «Декрета о земле». «Крестьянский наказ о земле» был сформирован эсерами из основании 242 крестьянских наказов[6] и включил в себя основное требование об уравнительном распределении земли, отражавшее чаяния подавляющей части крестьянства. В.М. Чернов писал, что «большевики провозгласили декретом о земле проведение в жизнь такой программы, которую они издавна называли утопичной, реакционной и непостижимой, и о которой они, по всей видимости, втайне продолжали думать то же самое»[7]. Несмотря на это целый ряд положений, нашедших отражение в «Крестьянском наказе о земле», нашли отражение в «Основном законе о социализации земли».

Советское правительство осознанно шло на использование положений из политических программ и нормативных документов эсеров. Политический маневр Советской власти скрывал тонкий расчет: с одной стороны, она законодательно закрепляла за крестьянами полученную в ходе крестьянской революции землю, с другой – перекладывала на деревню и левых социалистов-революционеров все реформаторские риски. К тому же включение некоторых положений «народного законотворчества» в нормативные акты Советской власти вполне укладывалось в политические планы большевиков на первые послеоктябрьские месяцы. В.И. Ленин, в выступлении перед делегатами комбедов Московской области 8 ноября 1918 г., отмечал: «Мы, большевики, были противниками закона о социализации земли. Но все же мы его подписали, потому что мы не хотели идти против воли большинства крестьянства … Мы считали, что лучше, если сами

[6] См.: Данилов В.П. Насилие против насилия. (Крестьянская революция в России. 1902 – 1922 гг.) // История крестьянства России в XX веке… С. 221 – 222.
[7] Чернов В.М. Конструктивный социализм. Т. 2. М., 1997. С. 412, 413.

трудящиеся крестьяне собственным горбом, на собственной шкуре увидят, что уравнительная дележка – вздор»[8].

Большевики вполне ясно осознавали ситуацию в сельском хозяйстве и значимость для деревни вопроса о земле. Поэтому, борясь за власть, они стали включать положение о социализации земли в свои программные документы и речи.

Необходимо отметить, что социализация земли – это процесс сохранения и развития крестьянского общинного землевладения и земельной кооперации. Под национализацией земли следует понимать ее передачу в собственность государства, ликвидацию частной собственности. Право пользования землей исключало возможность передачи надела другому лицу в аренду, залог, наследование, бесплатное пользование. Именно эти юридические признаки определяли развитие имущественных отношений в деревне в изучаемый период.

К 1917 г. в черноземной деревне сформировался общественно-политический и экономический кризис, который поступательно вел к уравнительному распределению поземельных ресурсов. Наступал период, когда решение аграрного вопроса без учета мнения крестьян органы власти не могли. Понимая сложность политического момента, представители советской власти в конце 1917 – начале 1918 гг. существенно снизили свое присутствие в черноземной деревне. Они полагали, что «крестьянство, опираясь на свой социалистический инстинкт, самостоятельно, в рамках каждой местности, решит аграрный вопрос, что в целом по стране приведет к социальному поравнению деревенских масс»[9].

Советское правительство в своей политической программе особое место уделило положению об уравнительном распределении земли. Данное положение вскоре было оформлено в форме закона. 27 января (9 февраля) 1918 г. ВЦИКом был принят «Основной закон о социализации земли». Однако

[8] Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 28. С. 156.
[9] Шатковская Т.В. Место обычного права в регулировании земельных отношений в первый годы Советской власти // Юристъ – Правоведъ. 2008. № 3. С. 89.

в данном нормативном акте вместе с положениями об уравнительном распределении земли особое внимание уделялось проблематике социалистической кооперации в деревне в форме коммун и артелей.

Таким образом, большевики для прихода к власти выступили перед крестьянством под флагом социализации земли, но вскоре внесли коррективы в свой аграрный курс. Они начали формировать новый уклад в деревне, создавая коллективные и советские хозяйства.

Социализация земли не была осуществлена в той форме, как ее конструировали социалисты-революционеры в своей политической программе. Большевики сознательно делали выбор в пользу коллективных и советских хозяйств как основных форм сельскохозяйственного производства в деревне, а не мелких крестьянских наделов, сформированных в ходе уравнительного перераспределения земельных ресурсов[10].

Очень важно для понимания сути и последствий аграрных преобразований в советской деревне 1918 г. изучение, когда же сельское хозяйство, в результате этих преобразований, а также аграрной политики большевиков в целом стало ослабевать и двигаться в сторону упадка, пик которого наступит в финале Гражданской войны и станет главной причиной корректировки реформ. Данный тезис очень наглядно иллюстрируется материалами губерний Черноземного центра.

Таким образом, **актуальность темы исследования** определяется необходимостью изучения исторического опыта осуществления преобразований в сельском хозяйстве России, особенно на региональном уровне, поскольку Россия – это федерация с огромным многообразием территорий и населяющих их народов. На наш взгляд, региональные исследования способны более глубоко отразить практику осуществления реформ на местах, так как они наиболее приближены к действительности, к «месту» их осуществления: селению, району, области.

[10] См.: Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство. Избранные труды. М., 1989. С. 208.

Также использование региональных подходов существенно расширяет исследовательское поле, обогащает исторические знания при анализе наиболее важных аспектов проблемы, поскольку позволяет лучше понять их общее и особенное, общероссийские тенденции и их региональное преломление, в том числе при изучении истории аграрных преобразований в 1917 – 1918 г. С этой целью возможно использование современных методик исследовательской работы. В частности, обобщить и систематизировать исторический опыт реформирования, происходившего в черноземной деревне в 1917 – 1918 гг., дают возможность применить интегративный, комплексный подход к изучению проблем аграрного строительства. Эти методологические конструкции позволяют в контексте осуществления региональных исследований более существенно расширить и более полно восстановить картину общественно-политического развития черноземной деревни в 1917 – 1918 г. Теоретическая парадигма, основанная на использовании регионального подхода, применяемая в данном исследовании, способствует более глубокому исследованию причин и последствий революционных преобразования сельского хозяйства и российской деревни, произошедших в изучаемый период.

Региональные подходы имеют особую значимость в исследовании аграрной истории России в конкретных регионах страны, в том числе в губерниях Черноземного центра. Здесь в 1917 – 1918 г. происходило широкое аграрное движение, которое привело ломке дореволюционного землевладения и землепользования.

В условиях общегосударственного кризиса аграрные преобразования приобретают особую значимость. Воссоздание картины взаимодействия власти и деревни, определение причин политического и социально–экономического кризиса периода Великой российской революции и Гражданской войны позволяют лучше понять механизм других кризисных периодов в отечественной истории, в том числе и проблем современного сельского хозяйства России, особенно на региональном уровне. В данном

контексте, недостаточная изученность в историографии темы аграрных реформ в черноземной деревне в 1917 – 1918 гг. и хода их реализации также определяют несомненную актуальность данного диссертационного исследования и его практическую значимость.

Объектом исследования является проблема разработки и реализации аграрных преобразований в губерниях Черноземного центра в 1917–1918 гг., а также другие политические и социально-экономические процессы, позволяющие раскрыть сущность советских аграрных реформ. Изучение общих и региональных особенностей подготовки и осуществления аграрных преобразований в российской деревне в 1917–1918 гг. - важное направление исследовательской работы автора настоящего диссертационного исследования.

Предметом исследования являются процессы социально–экономических и общественно–политических изменений в черноземной деревне в 1917–1918 гг., происходившие под влиянием революционной активности крестьянства и советских аграрных реформ. В рамках данных процессов исследуются механизмы взаимодействия различных социальных институтов и органов власти, анализируются механизмы аграрного реформирования.

С помощью исследования различных аспектов взаимодействия в 1917–1918 гг. крестьянства черноземной деревни и власти изучается природа конфликта и сотрудничества между ними в данный период. Кроме того в диссертационной работе выявляются, с одной стороны, поведенческие модели общины, а с другой – механизмы несилового «обуздания», «усмирения» деревни Советской властью. Также анализируется деятельность коллективных и советских хозяйств, различных социальных страт в черноземной деревне. Это, на наш взгляд, чрезвычайно важно и актуально, поскольку исследуемые события и процессы стали прологом к масштабному конфликту между черноземным крестьянством и Советской властью в последующий период, создав условия для крупных крестьянских восстаний.

Хронологические рамки исследования ограничены 1917 – 1918 гг. Выбор данного периода обусловлен насыщенностью событий для губерний Черноземного центра в политической, экономической и социальной сфере. Выход за его границы возможен лишь для объяснения социально-экономических предпосылок большевистских аграрных преобразований, либо подведения итогов таких событий как социализация земли, первый этап деятельности коллективных и советских хозяйств. 1917-1918 гг. в контексте темы исследования является самобытным, отличным от дореволюционного периода этапом, предшествующий переходу к новой экономической политике.

Этот временной период, не смотря на некоторую хронологическую ограниченность, вполне правомерен и возможен для выделения в качестве объекта для отдельного глубокого и всестороннего исследования, поскольку происходившие в его рамках события в изучаемом регионе были чрезвычайно важными и имели долговременные последствия.

Выбор хронологических рамок вполне оправдан с точки зрения решения поставленных в исследовании задач, а также с учетом того обстоятельства, что они являются признанным и научно обоснованным периодом в истории российской деревни. В 1917 – 1918 гг., наряду с аграрными преобразованиями Временного правительства и началом советских реформ, происходило изменение административных институтов власти и земельного права. В это время большевики начали оформлять свое монопольное право на распределение земельных ресурсов и сельскохозяйственной продукции в советской деревне, разрушая прежние устоявшиеся структуры и формы аграрного производства и распределения, насаждая в деревне коллективные и советские хозяйства.

Вместе с тем, в диссертации ряд сюжетов выходят за рамки 1917 – 1918 гг. В частности, для изучения результатов реализации на практике «Основного закона о социализации земли» привлекались документы и материалы за 1919–1920 гг., позволившие более масштабно и рельефно выявить последствия реформаторского курса большевиков. В целом, на наш взгляд, исследуемый

временной период является достаточным для понимания сути проблемы, выявления динамики, особенностей и результатов аграрно-крестьянской революции и аграрной политики Советской власти в губерниях Черноземного центра в 1917 – 1918 гг.

Региональные рамки. Территориальные границы исследования ограничены губерниями Черноземного центра. Сюда включены Орловская, Тамбовская, Курская и Воронежская губернии. Выбор данных региональных границ обусловлен их общими природно-климатическими условиями и экономическими связями. Это типичные сельскохозяйственные регионы Центральной России со сходным для крестьянских хозяйств экономическим укладом. Кроме того, губернии Черноземного центра, располагаясь вблизи от политических центров государства, являлись зерновым донорами для советского государства, а, впоследствии – зоной социальных катаклизмов («антоновщины», «колесниковщины» и т.д.). Они отставали от других регионов Европейской России по уровню своего экономического развития, что вело к росту острых кризисных процессов в деревне, связанных как с объективными социально–экономическими условиями, так и с реализацией аграрных преобразований.

Отсутствие обобщающих работ по исследуемой проблеме аграрных преобразований в 1917-1918 гг. также определили выбор географических границ данной диссертационной работы. В частности, социализация земли в советском государстве осуществлялась на ограниченной территории, находившейся в зоне контроля большевиков. Г.В. Шарапов подсчитал, что «в действительности уравнительный раздел земли проводился в 1917–1918 гг. лишь в 22 губерниях Советской России, и то не полностью»[11]. Именно в этих региональных границах и располагались Воронежская, Курская, Тамбовская и Орловская губернии.

[11] Шарапов Г.В. К вопросу о сущности уравнительного землепользования в Советской России // Вопросы истории. 1957. № 3. С. 115.

Степень научной разработанности проблемы. Революционные события 1917 г. обострили социально–политические и экономические проблемы, которые существовали в черноземной деревне. Были необходимы глубинные аграрные реформы, которые могли бы вывести деревню с ее традиционным хозяйственным укладом на новую траекторию развития. Среди целого ряда аграрных программ 1917–1918 гг. центральное место заняла реформа социализации земли, предложенная партией социалистов-революционеров и «перехваченная» большевиками, поскольку именно ее восприняло крестьянство, и именно она стала реализовываться на практике. В настоящее время, на наш взгляд, в историографии недостаточно работ, посвященных этой проблеме на базе региональных материалов. В частности, в отечественной и зарубежной историографии отсутствуют исследования, посвященные истории аграрных преобразований в 1917 – 1918 гг. в губерниях Черноземного центра России.

Исходя из этого, а также актуальности и практической значимости проблемы, в настоящей диссертации предпринята попытка восполнить этот пробел. Достигнутый уровень изучения аграрной истории России и регионов в годы революционных потрясений 1917 г. и последующей за ними Гражданской войны в отечественной и зарубежной историографии, а также многочисленные архивные документы, в том числе не введенные в научный оборот, дали нам возможность подготовить обобщающий труд по проблемам аграрных преобразований 1917–1918 гг. в России на материалах губерний Центрального Черноземья с использованием не только чисто исторических методов исследования, но и инструментария других гуманитарных дисциплин. Это способствовало формированию новых подходов в проведении исследований по данной тематике.

Цель и задачи исследования заключаются в том, чтобы при помощи анализа широкого круга источников, в большинстве своем впервые введенных в научный оборот, охарактеризовать аграрные преобразования в губерниях Черноземного центра в 1917 – 1918 гг., выявить проходившие в них

общественно-политические процессы и определить их региональную специфику на общероссийском фоне.

Для реализации поставленных целей автор определил следующие задачи:

1. Исследовать социально-экономическое состояние деревни Центральной России в изучаемый период, выявить причины нарастания негативных тенденций, приведших к обострению аграрных отношений в 1917 г.

2. Изучить социальные и экономические причины роста конфликтности черноземной деревни в земельных отношениях в 1917 – 1918 гг.

3. Охарактеризовать аграрные программы большевиков и их политических оппонентов.

4. Изучить ход и особенности «общинной революции» (процесс борьбы общин за землю) в губерниях Черноземного центра в 1917 г.

5. Проанализировать деятельность местных земельных органов в 1917–1918 гг. по реализации аграрной политики Временного правительства и Советской власти в указанный период, обобщить этот опыт с точки зрения общероссийских тенденций и региональных особенностей.

6. Исследовать конкретные механизмы, при помощи которых были осуществлены аграрные преобразования в губерниях Черноземного центра.

7. Проанализировать и дать оценку влиянию аграрных преобразований на социальные отношения в черноземной деревне.

8. Изучить положение различных социальных сил в деревне после уравнительного распределения земли (в т.ч. положение помещиков и зажиточных крестьян).

9. Исследовать особенности организации и функционирования коллективных хозяйств в деревне.

10. Раскрыть условия и факторы, которые влияли на жизнестойкость и результативность деятельности советских хозяйств.

11. Определить степень влияния военно-мобилизационных процессов на ход аграрных преобразований в 1917-1918 гг.

12. Раскрыть факторы, негативно повлиявшие на проведение модернизации поземельных отношений в ходе первых советских аграрных преобразований.

13. Определить общественно–политические и экономические итоги аграрных преобразований 1917–1918 гг. в черноземной деревне.

Научная новизна диссертационного исследования связана с новизной его **источниковой базы**. Необходимо выделить достаточно широкий массив ранее не введенных в научный оборот документов и материалов, использованных в диссертационной работе. Они позволяют провести критический анализ общественно–политических реалий 1917 – 1918 гг., сконструировать своего рода динамическую модель развития черноземной деревни, сложившуюся в процессе революционных преобразований.

Новизна диссертационной работы заключается также в выборе географических рамок исследования. Локализация в пределах губерний Черноземного центра позволяет учитывать экономические и политические особенности конкретных территорий и дает возможность применять строгий научный подход, сравнительный анализ для выявления общего и особенного в выработке и осуществлении на практике аграрных преобразований в рассматриваемый период.

Изучение взятой для исследования проблемы с точки зрения ее научной новизны важно, как для уточнения и разрешения дискуссионных вопросов аграрной истории России периода революции 1917 г. и Гражданской войны в целом, так и для понимания ее региональных особенностей, конкретно-исторического описания причин, хода и последствий «крестьянской революции» на местах.

Теоретическая значимость диссертационной работы состоит в попытке автора изучить аграрные преобразования в российской деревне в 1917 – 1918

гг. на материалах губерний Черноземного центра России с применением междисциплинарного подхода, теории модернизации.

Исследования крестьянства начала XX столетия затрагивают разнообразные проблемы бытия данной социальной категории. Однако часто игнорируется аспект исторически допустимого времени на проведение реформирования, преобразовательной деятельности. Большевики, будучи партией молодого рабочего класса, интуитивно осознавали необходимость динамично реформировать все стороны функционирования государства. И аграрный вопрос для них имел не только экономическую, но и политическую значимость. Объективные условия развития страны диктовали важность решения аграрного вопроса при любой власти. Приход большевиков лишь придал большую активность в поиске методов преобразований сельского хозяйства. Но любое ускоренное, неопробированное, идеологизированное реформирование, как явно показали либеральные реформы 1990-х гг. в России, сопровождается гигантскими социальными потерями. Большевистская модернизация, создавая новые социальные институты в деревне (комбеды, советские хозяйства, коллективные хозяйства), пренебрегая и борясь с крестьянской идентичностью, формировала нового советского аграрного рабочего и служащего. Поземельные конфликты в этом процессе, выступая формой противодействия раскрестьяниванию, отражали состояние несоциализированной части земледельческой массы. Соотношение социализированной и несоциализированной частей деревни в период военного коммунизма и НЭПа будут меняться и поземельные конфликты количественно и качественно отражали эти изменения. Изучение содержания, роли и эволюции взаимоотношений Советской власти и крестьянства, поземельных конфликтов в 1917-1918 гг., особенности советских аграрных преобразований в обозначенном контексте является новым в изучении истории крестьянства черноземного центра.

Изучаемая научная проблема связана и со сложившейся в историографии проблемной ситуацией. Так, работы историков советского

периода, в силу жесткого идеологического контроля со стороны государства, не позволяли комплексно оценить предпосылки, ход социализации земли и последовавшего за ней системного кризиса в экономике и общественно–политической сфере. Накопленные материалы и исследования современной исторической науки, в том числе при нашем активном участии, в совокупности с документальной базой архивов, открытых для исследователей, позволяют провести масштабный анализ общественно–политического и социально–экономического развития черноземной деревни в 1917–1918 гг., а также восстановить этапы осуществления «Основного закона о социализации земли». В этой связи в диссертационном исследовании дается комплексная оценка малоизученным вопросам политической эволюции программы «социализации земли» на фоне «общинной революции» в губерниях Черноземного центра.

Также теоретическая значимость диссертации состоит и в том, что она продолжает уже сложившуюся в отечественной историографии устойчивую традицию, в рамках которой ведущие историки–аграрники России, такие, как В.П. Данилов[12], С.А. Есиков[13], П.В. Загоровский[14], В.В. Кондрашин[15], А.В. Посадский[16], Д.А. Сафонов[17] и др. подготовили монографические и коллективные исследования на основе региональных материалов, где сформулированы и аргументировано обоснованы новые концептуальные

[12] См.: Данилов В.П. Насилие против насилия. (Крестьянская революция в России. 1902 – 1922 гг.) // История крестьянства России в XX веке…С. 211 – 228 и др.

[13] Есиков С.А. Крестьянство Тамбовской губернии в начале XX века (1900 –1921 гг.): автореф. дис… докт. ист. наук. М., 1998.

[14] Загоровский П.В. Социально-политическое развитие сельского населения в губерниях Черноземного центра России во второй половине 1920-х – первой половине 1930-х гг.: автореф. дис… докт. ист. наук. М., 1999.

[15] Кондрашин В.В. Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинима. М., 2009 и др.

[16] См.: Крестьянский фронт 1918–1922 гг. Сб. статей и материалов / Сост. и науч. ред. А.В. Посадский. М., 2013; От «германской» к Гражданской: становление корпуса народных вожаков русской смуты. Сб. статей и материалов / Сост. и науч. рук. А.В. Посадский. М., 2014; «Атаманщина» и «партизанщина» в Гражданской войне: идеология, военное участие, кадры. Сб. статей и материалов / Под ред. А.В. Посадского. М., 2015 и др.

[17] См.: Сафонов Д.А. Великая крестьянская война 1920−1921 гг. и Южный Урал. Хроника и историография. Оренбург, 1999 и др.

оценки. Данные работы серьезно дополнили и отчасти исправили многие выводы исследователей советского периода, посвященных проблемам реформирования аграрного сектора.

Для определения новых граней в теоретическом осмыслении темы важным стало использование в диссертации оригинального собственного понятийного аппарата, который, по мнению автора, наиболее точно характеризует динамику общественно–политических и социально–экономических отношений в деревне Черноземного центра России в 1917–1918 гг.

Решение заявленных в диссертационной работе задач обуславливают **практическую значимость** исследуемой проблематики, т.к. современные модели аграрного производства требуют корректирующего воздействия, основанного на аккумулированном опыте аграрных реформ в России. Эффективная аграрная политика должна опираться как на экономические показатели, институты (кредитную систему, ценообразование, субсидии государства и т.д.), так и на культурные традиции, социальную инфраструктуру деревни. Выявление социальных моделей и форм бесконфликтного взаимодействия города и деревни могут быть полезными при модернизации современного аграрного сектора, в прогнозировании социально–экономических и общественно–политических катаклизмов.

Значение и масштаб влияния крестьянства на ход Великой российской революции 1917 г. и последовавшей за ней Гражданской войны сложно определить без всестороннего изучения процесса социализации земли, уравнительного распределения земли в 1918 г., без анализа динамики земельных отношений. Исследование «черного передела» земли 1917–1918 гг. необходимо для преодоления современных кризисных явлений в экономике и политике.

Методологической базой исследования является системный междисциплинарный подход, позволяющий проанализировать содержание, особенности и результаты аграрной политики большевиков в 1917–1918 гг.,

общественно–политические и социально–экономические процессы, протекавшие в черноземной деревне в данный период. Данный подход позволяет использовать инструментарий исторических, социогуманитарных и экономических наук, что существенно расширяет исследовательские возможности, дает возможность прийти к более глубоким выводам. Междисциплинарный характер исследования позволяет использовать в работе современные достижения в области целого ряда наук. При подготовке исследования были применены общенаучные, а также специальные исторические методы исследования. Особое место при подготовке диссертационного исследования заняла теория модернизации. Более подробно методологическая база работы представлена в первой главе диссертации.

Апробация работы осуществлялась на всех этапах исследования. Основные аспекты аграрных преобразований в черноземной деревне в 1917–1918 гг. отражены в монографии, а также в статьях. 21 статья опубликована в журналах, рекомендованных ВАК: «Власть», «Вестник Мичуринского государственного аграрного университета», «История государства и права», «Клио», «Вестник архивиста», «Вопросы современной науки и практики. Университет им. В.И. Вернадского», «Вестник Тамбовского университета», «Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики», «История и факты», «Вестник архивиста», «Научный диалог», «Новый исторический вестник». Также ряд статей было опубликовано в изданиях, входящих в международные наукометрические базы Scopus и Web of Science («Былые годы», «Ecology, Environment and Conservation», «International Journal of Engineering and Technology(UAE)» и других). Отдельные положения диссертации были апробированы на научных международных, всероссийских, региональных конференциях: «Региональная культура: инновационные аспекты развития» (Международная научно–практическая конференция, Брянск, 2014), «Государство и право: проблемы становления и стратегия развития» (Международная научно–практическая конференция, Сумы, 2014),

«Российское крестьянство в условиях военных, социально–экономических и политических потрясений» (Международная научно–практическая конференция, Мичуринск, 2015), «Российская история: в начале XXI века: опыт, проблемы, перспективы» (Международная научно–практическая конференция, Оренбург, 2014), «Проблемы и тенденции развития социокультурного пространства России: история и современность» (Международная научно–практическая конференция, Брянск, 2015), V Международная научно–практическая конференция «Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XIX века» (Коломна, 2015), «Культура и образование в Орловском крае: традиции, памятные события, выдающиеся деятели» (VII научно-практическая конференция Орловского областного отделения Российского общества историков-архивистов, Орел, 2015), Российская многопартийность и российские кризисы XX–XXI вв. (Международный круглый стола в рамках научного проекта «Народ и власть» (Москва, 2015 г.), «Российское крестьянство в условиях военных, социально–экономических и политических потрясений» (III Международная научно–практическая конференция, 2016), «Проблемы и тенденции развития социокультурного пространства России: история и современность» (III Международная научно-практическая конференция, 2016 г., Брянск), «Российское крестьянство в условиях военных, социально-экономических и политических потрясений» (IV Международной научно-практической конференции, Мичуринск, 1917), «Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XIX века» (VI Международная научно–практическая конференция, Коломна, 2017), «Крестьянское восстание в Тамбовской губернии под руководством А.С. Антонова» (Международная научная конференция, Тамбов, 2017), «Проблемы аграрной истории России», посвященная памяти профессора В.М. Важинского (Вторая региональная научная конференция, Липецк, 2019), «Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XXI в» (VII Международная научно-практическая конференция, Москва, ИРИ РАН, 2019 г.).

Структура и основное содержание диссертационной работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка литературы диссертационного исследования, приложений и списка сокращений.

Положения, выносимые на защиту:

1. Модернизация конца XIX – начала XX вв. изменила традиционный уклад российской деревни. В этот период община оказалась под влиянием рынка и реформ. В ответ на внешние вызовы община включила традиционные механизмы самосохранения. Царское правительство не сумело решить «аграрный вопрос», что послужило одним из ключевых причин Февральской революции 1917 г. Для решения этой проблемы и выхода из кризиса Временному правительству необходимо было опираться на традиционный уклад деревни в отношении прав на земельные ресурсы, а также на сельскую общину. Но события в 1917 г. в черноземной деревне развертывались с большой скоростью. Росло аграрное движение. Взяв старт в форме арендного движения, вскоре оно привело к волне погромов поместий и уравнительному распределению земли внутри общин. Крестьяне, пересмотрев арендные отношения, фактически расширили свою запашку, включили в землепользование деревни новые наделы.

2. Временное правительство продемонстрировало свою неспособность решить аграрный кризис. Ряд мер (в том числе закон «Об охране посевов» от 11 апреля 1917 г., закон от 12 июля 1917 г. об ограничении земельных сделок, введение земельных комитетов) лишь на время ослабили остроту «общинной революции». По мере того как в черноземной деревне исчезали помещичьи имения, крестьяне начинали претендовать на земли хуторян, отрубщиков, а также иных лиц, сдававших землю в аренду. 1917 г. стал периодом формирования границ поземельных конфликтов. Наиболее мощно земельные споры на внутри– и межобщинные развернулись весной–летом 1918 г.

3. Процесс формирования целого спектра аграрных программ отражал полярность и многоплановость подходов ведущих политических партий к решению проблемы формирования будущего аграрного строя России. Однако окончательный выбор был за крестьянством, которое, в преобладающей своей массе, отдавало предпочтение программе «социализации земли» социалистов–революционеров. Это подтвердили итоги голосования на выборах в Учредительное собрание. Программа социализации земли была достаточно глубоко разработана народниками и эсерами. К 1917 г. она была сформирована и доведена до крестьянства как комплексная социально–экономическая и общественно–политическая программа. Для реального ее осуществления необходимо было решить целый ряд задач: организовать власть на местах, развить правовые и земельные институты, решить проблемы взимания земельной ренты и т.д.

4. Большевиками была выдвинута программа национализации земли. На практике водораздел между аграрными программами национализации и социализации было трудно провести не только крестьянству, но и опытным политикам. Большевики умело воспользовались подобным противоречием и с лозунгом «социализации земли» пришли к власти. Но на практике они попытались проводить аграрную политику, фактически направленную на национализацию земельных ресурсов.

5. Аграрная реформа большевиков рождала новых агентов Советской власти в деревне, которые были проводниками большевистской политики. В советской действительности 1918 г. ими стали землемеры, техники, инструкторы, агрономы. В этот период предполагалось силами государственных органов произвести межевание всего земельного фонда, повысить уровень агротехнических знаний в крестьянской среде. Зачастую инструкторы и землемеры оказывались определяющей силой в ходе проведения социализации земли, так как на местах, кроме них, некому было заполнить нормативно–правовой вакуум, образовавшийся из-за отсутствия подробных инструкций о распределении земли. На этот счет существовали

лишь общие положения, содержащиеся в «Основном законе о социализации земли» и фрагментарных нормативных актах, дополнявших его.

6. Социализация земли законодательно закрепила за общинами значительную часть земли, которая ранее арендовалась крестьянством, а также включила в зону экономического контроля угодья, которые до этого не были включены в землепользование деревни. Среди «победителей» оказались сторонники и представители Советской власти, а также низшие слои деревни, в том числе и батраки. Подавляющее большинство из них были крестьяне-общинники. Остальные деревенские страты (помещики, священники, отчасти зажиточные крестьяне) оказались в роли проигравших. В отличие от священников, помещиков, крестьянство благодаря своим усредненным наделам, образовавшихся в результате «черного передела», поддержанного большевиками, получило возможность обеспечить себя минимальным количеством продовольствия. Кроме того, в первые месяцы 1918 г. деревня уклонялась от уплаты налогов.

Высокий градус «земельной жажды» крестьянских общин определил социальный облик деревни первой половины 1918 г. В этих условиях разрушались прежние общественные структуры и формировались новые социальные институты. Рвались прежние социальные и экономические связи, корректировке подверглись даже, казалось бы, монолитные системы, например, взаимоотношения общины с церковью. В это время крестьяне использовали процесс уравнительного распределения земли для того, чтобы вытеснить из деревни целые семьи, имевшие отношение к духовному сословию.

Отсутствие устойчивых социальных связей между различными социальными стратами в дореволюционной России в сфере имущественных отношений создавали конфликтные ситуации в селе. Групповое давление крестьянство осуществляло, в большинстве случаев, на своих экономических конкурентов и только в крайних случаях изгнание с земли происходило из–за эмоциональных побуждений или из–за чувства мести к своим соседям. К

концу 1918 г. помещики практически были вытеснены из аграрно–производственной структуры деревни. К этому времени их имения уже вошли в состав земельного надела общин, но крестьяне продолжали искать новые резервы для расширения запашки. В стихии борьбы за землю конфликт в крестьянской среде приобретал новые черты. В него вовлекались не только крестьяне–общинники и целые волости, но и «чужаки» – беженцы, выходцы из города, хуторяне, отрубщики, а также демобилизованные солдаты и т.д. Новый импульс внутридеревенская борьба в 1918 г. получила после формирования комитетов бедноты.

7. В 1918 г. снизился уровень аграрного производства в изучаемом регионе, а также его товарность из-за реализации на практике «черного передела» и большевистского аграрного законодательства, которое базировалось на эсеровской утопической идее об уравнительности в сельском хозяйстве. Под влиянием аграрной революции из системы сельскохозяйственного производства были вычеркнуты крестьянские и помещичьи хозяйства, которые поставляли на рынок основную часть товарного зерна. В черноземной деревне произошло «осереднячивание». Крупные крестьянские хозяйства практически исчезли. Исключения составляли лишь те, кто сумел сохранить землю или рабочий скот. В целом же общинное крестьянство в 1917 г. завладело большей частью земель сельскохозяйственного назначения. Был осуществлен ее уравнительный передел, от которого выиграли середняки, безземельные и малоземельные крестьяне. Причем середняки увеличили свои земельные наделы незначительно. В наибольшем выигрыше оказались безземельные и малоземельные крестьяне, существенно расширившие их.

На снижение уровня аграрного производства в губерниях Черноземного центра в 1918 г. повлияли острый дефицит семенного материала, рабочего скота, инструментов, а также некомпетентность, злоупотребления представителей Советской власти на местах, иждивенческие настроения в коллективных и советских хозяйствах.

8. В 1918 г. в регионе возникли первые советские хозяйства, коммуны, артели, которые должны были выступить в качестве примера культурного и технологического преобразования села. По замыслу власти, наличие коллективных форм хозяйствования должно было помочь ей облегчить регулирование социально–экономических процессов в аграрном секторе. Кроме того, вводимые Советской властью коллективные и советские хозяйства производства позволяли бороться с неэффективным землепользованием. В них редко встречалось дальноземелье, чересполосица и длинноземелье. Тем самым коллективные и советские хозяйства имели возможность вести многопольный севооборот, формировать необходимые отрасли животноводства и растениеводства и т.д.

Особое внимание большевистской власти к советским и коллективным хозяйствам и контроль над ними не привели к росту их производственных показателей, так как крестьянство не видело практической пользы от труда в коллективных и советских хозяйствах. В крестьянском сознании, несмотря на призывы и давление со стороны Советской власти, сохранялось приверженность к семейно-трудовому хозяйству, к труду на своей земле силами своей семьи.

9. Дискуссия во ВЦИК 27 января (9 февраля) 1918 г. после разгона Учредительного собрания по поводу «Основного закона о социализации земли» продемонстрировала полярность взглядов и нежелание идти на компромиссы блока большевиков с левыми эсерами и их политических оппонентов.

10. Причины крестьянских выступлений против политики Советской власти в регионе в рассматриваемый период и позднее, в частности, «антоновщины» и «колесниковщины», сформировались не только под влиянием большевистской продовольственной политики, но были обусловлены комплексом мероприятий в сфере поземельных отношений. Так, недовольство крестьянства стало развиваться под влиянием насаждения Советской властью коллективных и советских хозяйств, которые являлись

проводниками советских аграрных преобразований. Особое недовольство черноземной деревни вызывало то, что крестьянство в коллективных и советских хозяйствах трудилось за незначительное натуральное вознаграждение, а в некоторых случаях совершенно бесплатно выполняли трудовые и гужевые повинности. Также недовольство в крестьянской среде вызывали общественные запашки, ставшие реальностью после формирования «запасного земельного фонда». Необходимо выделить, что большевистское руководство рассматривало крестьянство в качестве экономического донора для города, а их аграрная политика фактически национализировала главное средство производства деревни – землю.

11. В черноземной деревне положения «Основного закона о социализации земли» полностью реализованы не были. Ряд положений «Основного закона о социализации земли» предполагали достаточно широкие толкования, тем самым создавались условия, как для злоупотреблений, так и для ошибок в сфере правовой регламентации новой аграрной политики. Уравнительный передел земли на местах был осуществлен с учетом свойственной каждой конкретной общине и волости специфики.

12. В рамках аграрных преобразований 1917–1918 гг. в губерниях Черноземного центра (реализация «Декрета о земле», «Основного закона о социализации земли») большевики сделали ряд важных шагов на пути к практической национализации земли. Как известно, право собственности на землю включает в себя три единовременных правомочия: владение, пользование и распоряжение. Однако, право пользования земельным наделом, полученное крестьянами от Советской власти, не позволяло им владеть и распоряжаться данным имуществом. Данный процесс находился вне рамок законодательных норм. Окончательную национализацию (оформление государственной собственности) большевики осуществляли в 1922 г., утвердив Земельный кодекс РСФСР.

ГЛАВА 1. ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ

§ 1.1. ИСТОРИОГРАФИЯ

В историографии аграрных преобразований 1917–1918 гг. в рассматриваемом регионе можно выделить несколько этапов, связанных с общественно–политическими и идеологическими факторами, происходившими в стране и оказывавшими влияние на исторические исследования. Общим для них был процесс постоянного научного поиска и расширения предметной области данной проблемы, основанный на солидной источниковой базе, представляющей собой, с одной стороны, нормативные акты Советского государства, а с другой – их реализацию на практике субъектами земельно-правовых отношений в территориальных рамках губерний Черноземного центра в рассматриваемый период.

В развитии историографии особым периодом можно выделить 1920-е гг. Авторами появившихся тогда первых исследований на эту тему являлись современники аграрных преобразований 1917-1918 гг. и их очевидцы[18]. Данные труды были написаны с марксистско–классовых позиций. В них отмечалось бедственное экономическое положение в деревне, слабая производительность традиционной системы сельскохозяйственного производства, выделялись и подчеркивались преимущества создаваемых коллективных хозяйств в аграрном секторе. В данных публикациях имеется ряд достоверных фактов, характеризующих социально–экономическое положение черноземной деревни.

[18] См.: Андреев В., Кулаев С. Октябрьская революция и гражданская война в Тамбовской губернии. Тамбов, 1927; В память Великой Октябрьской революции. Усмань, 1918; Путь борьбы. Тамбов, 1923; Вторая великая годовщина. Коммунист. Союз Журналистов. Козлов, 7-е ноября 1919 года; Лавыгин Б.М. 1917 год в Воронежской губернии. Воронеж, 1928; Курск в революции. Сборник материалов по истории Октябрьской революции в Курском крае. 1917 – 1918 гг. Курск, 1927 и др.

В 1920–е гг. наиболее активно изучением проблемы занимались такие исследователи, как А.М. Большакова[19], И.А. Кириллов[20], Ф.Д. Крестов[21] П.А. Месяцев[22], В.П. Милютин[23], М.Н. Покровский[24], Я.А. Яковлев[25]и др. Они обращались преимущественно к историко–партийным аспектам темы, как правило, акцентируя внимание на выяснении места и роли большевистской партии в «революционных преобразованиях» деревни, оправдывая необходимость развития колхозного движения как самой радикальной формы социалистических преобразований.

В литературе 1920-х гг. необходимо отметить работы бывших членов Лиги аграрных реформ и Главного земельного комитета, работавших при Временном правительстве: Л.Н. Литошенко[26], Н.Д. Кондратьева[27], Б.Д. Бруцкуса[28], Б.Н. Книповича[29]. В них приведены статистические данные, указывающие на факт измельчания крестьянских хозяйств и снижения их товарности в результате реализации закона о социализации земли. Среди перечисленных авторов, самой высокой оценки, на наш взгляд, заслуживает фундаментальная монография Л.Н. Литошенко «Социализация земли в России».

Особое место в историографии проблемы рассматриваемого периода, занимают работы русских эмигрантов. Среди них – труды главного теоретика партии эсеров и одного из ключевых авторов аграрной программы социалистов-революционеров В.М. Чернова, а также экономиста, статистика,

---

[19] Большаков А.М. Очерки деревни СССР. 1917–1926. М., 1928; Большаков А.М. Деревня 1917-1927. М., 1927.
[20] Кириллов И.А. Очерки землеустройства за три года революции. Пг., 1922.
[21] Крестов Ф.Д. Деревня после Октября. М., 1925.
[22] Месяцев П.А. Земельная и сельскохозяйственная политика России. Б/м, 1922.
[23] Милютин В.П. Аграрная политика СССР. М., 1929.
[24] Октябрьская революция: Сборник статей: 1917-1927. М., 1929.
[25] Яковлев Я.А. Деревня как она есть. 2-е изд. М., 1923.
[26] Литошенко Л.Н. Социализация земли в России. Новосибирск, 2001.
[27] Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1991.
[28] Бруцкус Б.Д. Аграрный вопрос и аграрная политика. Петроград, 1922.
[29] Книпович Б.Н. Очерк деятельности Народного Комиссариата Земледелия за три года (1917–1920). М., 1920.

теоретика и практика кооперативного движения А.Н. Анцыферова. В частности, В.М. Чернов отмечал популистский характер большевистской аграрной программы, ее слабую экономическую и правовую проработанность[30]. А.Н. Анцыферов назвал «Декрет о земле» «инструкцией» по упразднению частной собственности[31], а саму «социализацию земли» – «повальным грабежом»[32]. По мнению исследователя, подобное положение стало результатом резкой смены аграрных вех на пути государственного строительства большевиков.

В 1920-е гг. рассматриваемая проблема изучалась на региональном уровне В. Келлером, И. Романенко, В. Андреевым, А.В. Шестаковым и др. На местных материалах они охарактеризовали процесс уравнительного распределения земли, эволюцию крестьянского землепользования, а также различные общественно–политические аспекты развития черноземной деревни в указанный период[33]. Например, А.В. Шестаков выдвинул тезис о стихийном характере аграрной революции в губерниях Черноземного центра[34].

В работах авторов 1920-х гг. аграрные преобразования большевиков объяснялись их стремлением укрепить свою власть при поддержке крестьянства. С этой целью и осуществлялась на практике программа социализации земли.

Таким образом, в историографии изучаемой проблемы в 1920–х гг. воспроизводились идеологические догмы того времени о прогрессивности и полезности аграрных преобразований большевиков в деревне, в том числе и на региональном уровне. В трудах ученых эмигрантов содержались ценные

[30] Чернов В.М. Конструктивный социализм. М., 1997.
[31] Анцыферов А.Н. Россия, кооперация, христианство: Избранные исследования. М., 2011. С. 189.
[32] Там же. С. 191.
[33] Келлер В., Романенко И. Первые итоги аграрной реформы. Опыт исследования результатов современного землеустройства на примере Задонского уезда Воронежской губернии. Воронеж, 1922; Андреев В. Кулаев С. Октябрьская революция и гражданская война в Тамбовской губернии. Тамбов, 1927.
[34] Шестаков А.В. Классовая борьба в деревне ЦЧО в эпоху военного коммунизма. Воронеж, 1930.

сведения о динамике крестьянского землепользования и развитии крестьянских хозяйств в рассматриваемый период.

Следующим этапом в историографии проблемы был сталинский период. Его содержанием была жесткая идеологическая установка на следование официальным оценкам по всем вопросам историко-партийной тематики. В частности, подход к истории аграрной политики Советской власти в 1917 – 1918 гг. определялся в контексте сталинского курса на коллективизацию советской деревни и «ликвидацию кулачества как класса».

Тем не менее, и в данный период продолжалось изучение проблемы на достоверных источниках, хотя и в рамках официальной идеологии. Например, в 1948 г. в журнале «Вопросы истории» была опубликована статья Е.А. Луцкого «Закон о социализации земли», в которой автор доказал неразрывную связь этого закона с «Декретом о земле»[35]. В публикациях В.М. Губарева, И.А. Конюкова и др. на основе конкретно-исторического материала были охарактеризованы социально-экономические процессы, протекавшие в деревне в 1917 и 1918 гг.[36] И.А. Конюков, например, в своей монографии, посвященной первым этапам формирования и деятельности коллективных хозяйств, обращаясь к теме землепользования, пришел к обоснованному выводу, что уравнительное распределение помещичьих, удельных, церковных и монастырских земель не привело к экономическому подъему деревни[37].

В 1950–е гг. на региональном уровне повысился исследовательский интерес к проблематике социалистического переустройства деревни. В этот период публикуются монографии, издаются сборники статей, защищаются диссертационные работы, содержавшие ранее неизвестные факты о

[35] Луцкий Е.А. Закон о социализации земли // Вопросы истории. 1948. № 10. С. 22.
[36] Конюков И. Очерки о первых этапах развития коллективного земледелия 1917 – 1925 гг. М., 1949; Скрыпнев Н. Первые шаги социалистического переустройства сельского хозяйства в 1918 – 1920-х гг. М., 1951; Губарева В.М. Развертывание социалистической революции в деревне в 1918 году. Л., 1957 и др.
[37] Конюков И.А. Указ. соч. С. 19.

экономических отношениях в черноземной деревне первых лет Советской власти[38].

Вторая половина 1950-х – 1980-е гг. – следующий этап в историографии проблемы. В это время в работах по истории аграрных преобразований 1917 – 1918 гг. стали привлекаться новые источники. Так, например, в 1956 г. появилась статья Е.А. Луцкого о практике осуществления в деревне уравнительного землепользования[39]. В этой работе выделялось, что уравнительное землепользование отвечало ключевым положениям аграрной программы большевиков.

В статьях, опубликованных в журнале «Вопросы истории», состоялась оживленная дискуссия по этой же научной проблеме между Е.А. Луцким и его оппонентами. А.Н. Лопаткина, В.Л. Гладкова, В.Л. Игнатьева, В.Ф. Шарапов отмечали, что уравнительное землепользование не соответствовало аграрной программе большевиков[40]. Г.В. Шарапов отмечал, что В.И. Ленин мог уступить и считал необходимым уступить в вопросе об уравнительном распределении земли крестьянству для того, чтобы быстрее деревню «вырвать … из–под эсеровского влияния»[41]. В статье «К вопросу о сущности уравнительного землепользования в советской России» он указал, что Е.А. Луцкой, анализируя аграрную программу большевиков, «односторонне рассматривает уравнительную систему, не показывает, как она проводилась на местах, и совершенно ничего не говорит о недостатках этой системы»[42].

---

[38] Соболев П. Подготовка социалистической революции и установление Советской власти в Воронежской губернии. Воронеж, 1955; Статьи, воспоминания, очерки. 1917–1957. Курск, 1957; Солнышко Ю. Октябрь в Курской области. Курск, 1947 и др.; Бодренков К.А. Воронежские большевики в борьбе за проведение в жизнь ленинского Декрета о земле в 1917–1918 гг.: дис… канд. ист. наук. М., 1951.

[39] Луцкий Е.А. О сущности уравнительного землепользования в Советской России // Вопросы истории. 1956. № 9.

[40] Шарапов Г.В. К вопросу о сущности уравнительного землепользования в Советской России // Вопросы истории. 1957. № 3. С. 113. Шарапов Г.В. Решение аграрного вопроса в России после победы Октябрьской революции 1917 – 1920 гг. М., 1961.

[41] Там же. С. 119.

[42] Шарапов Г.В. К вопросу о сущности уравнительного землепользования в Советской России… С. 115.

Напротив, Е.А. Луцкий, стремясь доказать, что «Основной закон о социализации земли» соответствовал аграрной программе большевиков, обращался к работам Ленина. Он отмечал, что «в условиях борьбы за социалистическую революцию изменилось содержание крестьянского требования об уравнительном землепользовании. Осуществление требований крестьянского наказа было невозможно в рамках буржуазно–демократической революции… Отмена частной собственности на землю и обращение ее во всенародное достояние означали национализацию земли…»[43]. Е.А. Луцкий заключил, что «в действительности закон о социализации земли был издан после коренной переработки левоэсеровского проекта, проведенной большевиками при личном участии В.И. Ленина»[44].

В 1960–1980–е гг. рассматриваемая проблема изучалась на общесоюзном и на региональном уровнях, а также на фоне роста общего интереса исследователей к аграрной истории страны в целом. В этот период расширяется фактический материал и создается новая парадигма по осмыслению аграрных преобразований начального советского периода, что становится основной для формирования новой картины социально-экономического и общественно-политического положения деревни. В частности, В.Р. Герасимюк глубоко изучил процесс уравнительного распределения земли в 1917 – 1918 гг., опираясь на материалы Европейской части России, и сделал вывод, что основным итогом уравнительного распределения земли стала «некоторая нивелировка деревни», из-за чего малоземельные крестьяне получили незначительные прирезки, а безземельные крестьяне получили небольшие наделы. Более крупные и средние крестьянские дворы «стали исчезать»[45].

П.Н. Першин в своих трудах проводил исследование ключевых нормативных актов, определивших развитие сельского хозяйства в 1917-1918

[43] Луцкий Е.А. О сущности уравнительного землепользования в Советской России... С. 62.
[44] Там же. С. 63.
[45] Герасимюк В.Р. Уравнительное распределение земель в Европейской части Российской Федерации в 1918 г. // История СССР. 1965. № 1. С. 97.

гг. «Основной закон о социализации земли» он исследовал в одном ряду с такими документами и нормативными актами как Крестьянский наказ о земле, «Декрет о земле», Декларацией прав трудящегося и эксплуатируемого народа[46]. Базируясь на официальных идеологических установках, П.Н. Першин пришел к выводу, что советские аграрные преобразования создали условия, которые позволили «приступить к строительству социалистических сельскохозяйственных предприятий в виде государственных советских хозяйств и коллективных объединений для общественной обработки земли»[47].

1970–е гг. – это период роста роли идеологии в историографии аграрных преобразований начального советского периода. Но, не смотря на масштабное влияние советского государства на исторические исследования, в этот период выходит ряд капитальных трудов по изучаемой проблематике Э.М. Щагина[48], Г.А. Герасименко[49], Л.М. Кузнецовой[50], В.И. Кострикина[51], В.П. Данилова[52] и др., которые не утратили своей научной значимости и для современных исследователей истории аграрного реформирования советской деревни в 1917 – 1918 гг. Так, Э.М. Щагин, исследуя аграрные преобразования начального советского периода на Дальнем Востоке, отметил классовый характер в борьбе вокруг вопроса о собственности на землю. Одним из важнейших результатов социализации земли он отмечал осереднячивание деревни. Л.М. Кузнецова выделяла, что утверждение закона о социализации земли свидетельствовало о крестьянских требованиях осуществить уравнительное землепользование и тем самым выдвинуло на передний план коллективные формы

[46] Першин П.Н. Аграрная революция в России. Т. 1–2. М., 1966.
[47] Першин П.Н. Аграрная революция в России. Т. 1–2. М., 1966. Т. 2. С. 526.
[48] Щагин Э.М. Октябрьская революция в деревне восточных окраин России (1917–1918 гг.). М., 1974.
[49] Герасименко Г.А. Низовые крестьянские организации в 1917 – первой половине 1918 годов. На материалах Нижнего Поволжья. Саратов, 1974.
[50] Кузнецова Л. М. Крестьянство в первые десятилетия советской власти. 1917–1927. Т. 1. М., 1977.
[51] Кострикин В.И. Земельные комитеты в 1917 году. М., 1975.
[52] Данилов В.П. Перераспределение земельного фонда России в результате Великой Октябрьской революции // Ленинский декрет о земле в действии: сборник статей. М., 1979. С. 261–310.

хозяйствования[53]. Г.А. Герасименко, изучая работу низовых крестьянских организаций в селе, приходил к выводу, что осереднячивание крестьянства стало главным итогом «Ленинского декрета о земле и последующих аграрных законов советской власти»[54].

В.И. Кострикин в монографии «Земельные комитеты в 1917 году» заключил, что к февралю 1918 г. параллельное существование земельных комитетов и волостных, сельских Советов становится излишним. «Основной закон о социализации земли» фактически передал распоряжение землей Советам и их земельным отделам[55]. В.П. Данилов отмечал, что крестьянство в 1917 г. завоевало землю, отстояло в годы гражданской войны свое право свободно трудиться на ней и добилось введения НЭПа[56].

Среди работ по теме диссертации, увидевших свет в 1980-е гг., следует выделить монографию В.В. Кабанова «Крестьянское хозяйство в условиях “военного коммунизма”»[57]. В ней исследуется эволюция крестьянских хозяйств накануне и в период «военного коммунизма», сравнивается экономическое положение хуторян и вступивших в коллективные хозяйства крестьян.

Эпохальной вехой в историографии российской аграрной революции является опубликование сборника статей «Октябрь и советское крестьянство: 1917–1927». В нем представлены работы, которые посвящены изучению особенностей поземельных отношений в 1917–1927 гг. Важным достижением данного сборника является введение в научный оборот новых источников по проблематике аграрных преобразований в начальный советский периода.

Таким образом, 1950 – 1980-е гг. – это время активного изучения проблемы в условиях ее жесткой идеологизации. Несмотря на это,

---

[53] Там же. Данилов В.П. Перераспределение земельного фонда России в результате Великой Октябрьской революции … С. 52.

[54] Герасименко Г.А. Низовые крестьянские организации в 1917 – первой половине 1918 годов... С. 278.

[55] Кострикин В.И. Указ. соч. С. 334.

[56] Кондрашин В.В. Историки-аграрники России XX – начала XXI вв.: творческий путь и международное сотрудничество. Выпуск первый. Прага, 2014. С. 28.

[57] Кабанов В.В. Крестьянское хозяйство в условиях «военного коммунизма». М., 1988.

исследователями был накоплен значительный фактический материал, характеризующий процесс реализации аграрной политики Советской власти в деревне в рассматриваемый период, в том числе и на данных по Центральному Черноземью.

В начале 1990-х гг. наступил новый, современный этап в историографии проблемы. Его отличает новизна подходов к изучению аграрных преобразований 1917-1918 гг. и введение в научный оборот значительного комплекса ранее не доступных исследователям источников. Также в это же время появляются новые, оригинальные концепции, связанные с темой диссертации. Много делается и в изучении проблемы на региональном уровне, в том числе в регионах Центральной черноземной России. Прежде всего, появляются первые фундаментальные исследования по истории черноземной деревни в эпоху Великой российской революции и Гражданской войны.

Среди многочисленных публикаций на указанную тему, на наш взгляд, следует выделить работы С.А. Есикова. На материалах тамбовской деревни исследователь пришел к выводу, что в период аграрной революции 1917 – 1918 гг. уравнительное распределение земли и ежегодные земельные переделы не решали проблем земельного дефицита в крестьянских хозяйствах и сохраняли неустойчивое крестьянское землепользование[58]. Группа тамбовских историков в составе В.Л. Дьячкова, С.А. Есикова и В.В. Канищева пришла к выводу, что в результате «черного передела», который происходил в период с конца 1917 до начала 1918 гг., крестьяне приобрели фактический контроль над «всеми природными ресурсами»[59]. Однако государство также было нацелено на контроль над этими ресурсами. Тем самым, по мнению коллектива авторов, конфликт между государством и крестьянством был предрешен.

В данный период формируется историографическая традиция глубокого и всестороннего исследования земельно-правовых актов Советской власти в разрезе их реализации. Так, юридические аспекты «Декрета о земле» и

[58] Кондрашин В.В. Историки-аграрники России XX – начала XXI вв.: творческий путь и международное сотрудничество. Выпуск первый. Прага, 2014. С. 67.
[59] Россия в XX веке: Реформы и революции. В 2 т. Т. 1. М., 2002. С. 519.

«Основного закона о социализации земли» были проанализированы в статьях Г.И. Шмелева[60], Л.П. Рассказова и Д.П. Верхогляда[61], С.Н. Подлесных[62], А.А. Иванова и С.В.Старикова[63], О.Н. Мигущенко[64], М.Д. Карпачева[65], Т.В. Шатковской[66]. С.Н. Подлесных, например, изучая проблему низкой эффективности первых советских аграрных преобразований, пришел к обоснованному выводу, что значительное число норм земельного права

[60] Шмелев Г.И. Национализация земли в теоретических схемах большевиков и в реальности// Вопросы истории. 2003. № 2. С. 35–49.

[61] Рассказов Л.П., Верхогляд Д.П. Ленинская идея национализации земли и ее реализация в процессе формирования законодательной базы, определявшей статус земельной собственности после Октябрьской революции 1917 г.// Научный журнал КубГАУ, № 94 (10), 2013. С. 982–993.

[62] Подлесных С.Н. Реализация первых советских законов о земле в Воронежской губернии (по материалам Новокурлакской волости Бобровского уезда): общие положения // Юридическая наука. 2013. № 4. С. 28–34; Подлесных С.Н. Правовое положение земельных отделов по декрету ВЦИК «О социализации земли» 1918 гг.// научное обеспечение агропромышленного комплекса Сборник статей по материалам X Всероссийской конференции молодых ученых, посвященной 120-летию И. С. Косенко. Отв. за вып. А. Г. Кощаев. 2017. С. 957-958; Подлесных С.Н. Правовое регулирование переселения по декрету ВЦИК «О социализации земли» 1918 г.// Инновационные технологии и технические средства для АПК. Материалы международной научно-практической конференции молодых ученых и специалистов. Под общей редакцией Н.И. Бухтоярова, Н.М. Дерканосовой, В.А. Гулевского. 2016. С. 234-239; Подлесных С.Н. Правовые источники социализации земли в 1917-1922 гг.// Инновационные технологии и технические средства для АПК. Материалы Международной научно-практической конференции молодых ученых и специалистов. Под общей редакцией Н.И. Бухтоярова, Н.М. Дерканосовой, В.А. Гулевского. 2017. С. 288-291; Подлесных С.Н. Правопользование землей по декрету ВЦИК «О социализации земли» 1918 г.// Материалы международной научно-практической конференции профессорско–преподавательского состава, научных сотрудников и аспирантов, посвященной Дню юриста. Под общей редакцией Н.И. Бухтоярова, В.Н. Плаксина, С.Н. Махиной, Т.М. Куценко. 2016. С. 74-78.

[63] Иванова А.А., Старикова С.В. Закон левых эсеров о земле (редкое издание Основного закона о социализации земли) // Марийский археографический вестник, № 11. 2001. С. 182–205.

[64] Мигущенко О.Н. Военный коммунизм в Курской губернии: Учебное пособие для высших учебных заведений МВД России. Орел, 1997.

[65] Карпачев М.Д. Воронежские неонародники о крестьянской политике в 1920-е гг. // Воронеж народнический: сборник статей/ под ред. Г.Н. Мокшина. Воронеж, 2002. С. 160–173.

[66] Шатковская Т.В. Место обычного права в регулировании земельных отношений в первые годы советской власти (1917-1922 гг.) // Юристъ – Правоведъ. 2008. № 3. С. 87-92.

носило декларативный характер: не было сформировано схемы распределения земель, механизма контроля и надзора за данным распределением[67].

Во второй половине 1990-х – начале 2000-х гг. появляются многочисленные публикации по истории советской деревни 1917–1918 гг. на общероссийском и региональном уровнях, где затрагивается и проблема социализации земли, дается ее оценка с позиции воздействия на крестьянство и сельское хозяйство[68].

В рамках дискуссии на эту тему поднимается вопрос о преемственности аграрных преобразований Советской власти[69]. В частности, анализируя «Декрет о земле», А.А. Колупаев заключает, что он уничтожил «формировавшуюся десятилетиями систему земельных отношений»[70]. По его мнению, этот декрет обозначил вектор развития деревни, значительно изменил социально-экономическую структуру села, но не предложил конкретные механизмы и инструментарий для решения аграрного вопроса.

Несколько иного мнения придерживаются Л.П. Рассказов и Д.П. Верхогляд. Они считают, что «Декрет о земле» «создавал основы земельного

---

[67] Подлесных С.Н. Реализация первых советских законов о земле в Воронежской губернии… С. 30.

[68] Ковалев Д.В. Социализация земли и крестьянское землепользование (по материалам Подмосковья) // Российская история. 2007. № 5. С. 97-106; Жиромская В.Б. Российская постсоциализированная деревня. 1918–1921 // Демографические и экологические проблемы истории России в 20 веке. Москва-Тамбов, 2010. С. 115; Рогалина Н.Л., Гончарова И.В. Крестьянское хозяйство Центральной России в 1920-е гг.: общее и особенное// Государственная власть и крестьянство в XIX-начале XIX века: сборник статей. Коломна, 2013. С. 328–336; Якимов Д.В. Право собственности на землю в аграрной политике большевиков и левых эсеров (на материалах Саратовской губернии) // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2008. № 2. С. 158–162; Кочетков И.В. Институты крестьянского землепользования в 1918–1919 гг. // Власть, общество и реформы в России (XVI – начало XX в.): Материалы научно - теоретической конференции 8–10 декабря 2003. СПб., 2004. С. 510–526.

[69] Максимова О.Д. Законотворческая деятельность Всероссийских съезд Советов и ВЦИК в условиях многопартийности (ноябрь 1917 – июль 1918 г.) // Вестник Московского университета сер. 11. Право. 2009. № 4. С. 77–93; Якимов Д.В. Взгляды большевиков и левых эсеров на формы организации сельскохозяйственного производства в 1917–1918 годах (на материалах Саратовской губернии) // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2008. № 3. С. 157–161.

[70] Колупев А.А. Решение земельного вопроса в Курской губернии накануне и в период революционных событий 1917 года и гражданской войны // Известия Юго-Западного государственного университета. 2013. №6 (51). Ч. 1. С. 182 – 183.

строя… на предстоящие десятилетия», а «Основной закон о социализации земли» «развивал положения декрета о земле». Исследователи признают роль «Основного закона о социализации земли» в решении аграрного вопроса как более проработанной программы преобразований[71].

Размышляя о соотношении «Декрета о земле» и «Основного закона о социализации земли» Т.В. Шатковская указывает на тот факт, что именно «Декрет о земле» подогрел конфликтность в крестьянской среде и поднял волну земельных переделов и захватов поместий. В то же время, по ее мнению, «Основной закон о социализации земли» «последовательно отстаивал интересы государства в аграрной сфере» [72]. Тезис о том, что «Декрет о земле» узаконил самовольный захват земель крестьянством, обосновывает и А.В. Шуструйский[73].

Исследователи затронули проблему влияния на аграрную программу большевиков других политических партий, а также вопрос о национализации земли. Так, например, В.Г. Благодатских и Д.К. Стожко изучили эсеровский подход к аграрному вопросу в 1917 г. Они отмечают, что у эсеров шли постоянные и ожесточенные дискуссии по данной проблеме, а в 1907–1917 гг. тема социализации земли стала одной из причин дезорганизации работы партии. Только консенсус, сформировавшийся в ходе внутрипартийной борьбы и долгих дискуссий, дал возможность эсерам стать одной из ведущих политических сил в феврале 1917 г.[74]. Исследователи выделяют, что позиции в решении аграрного вопроса, понимание социализации земли у большевиков и эсеров принципиально отличались. М.Д. Карпачев считает, что результатом

---

[71] Рассказов Л.Д., Верхогляд Д.П. Ленинская идея национализации земли в процессе формирования законодательной базы, определяющей статус земельной собственности после Октябрьской революции 1917 г… С. 988.

[72] Шатковская Т.В. Место обычного права в регулировании земельных отношений в первые годы советской власти (1917 – 1922 гг.) // Юристъ – Правоведъ. 2008. № 3. С. 88 – 89.

[73] Шуструйский А.В. Продовольственный вопрос и крестьянское движение за землю в условиях общенационального кризиса в России. 1917 год // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2013. № 1. С. 183.

[74] Благодатских В.Г., Стожко Д.К. Теория и практика партии эсеров в 1917 г.// Человек, общество, власть. К 100-летию российской революции 1917 года Сборник научных статей. Ответственные за выпуск: И.В. Борзихина, М.А. Клинова. Екатеринбург, 2017. С. 4.

большевистской революции 1917 г. стала национализация земли, которая создала почву «для возрождения старых народнических общинных иллюзий»[75]. С ним не согласен Л.П. Рассказов, который считает, что «ленинская формула» о переходе земельной собственности к государству не находила ясных формулировок. Кроме того, по мнению исследователя, «в декрете не упоминается о государстве как собственнике земли»[76]. В данном контексте и Г.И. Шмелев обращает внимание на отсутствие четкого указания в «Декрете о земле» на национализацию всей земли[77]. О.А. Игнатьева заключила, что вслед за разгоном Учредительного собрания, и в особенности, после публикации 19 февраля 1918 г. Декрета СНК и ВЦИК “О социализации земли”, «аграрная программа меньшевиков перестала быть предметом для серьезного обсуждения…»[78].

В работах современных историков даны концептуальные оценки закона «О социализации земли». Например, О.Н. Мигущенко пришел к выводу, что “Основной закон о социализации земли” «практического значения почти не имел и не оказывал на сельское хозяйство губерний ни отрицательного, ни положительного значения»[79]. А.А. Колупаев, не упоминая «Основного закона о социализации земли», отмечал, что «Декрет о земле» дал очень скромную прибавку земли курским крестьянам[80].

Анализ рассматриваемой проблемы невозможен без учета роли в аграрных преобразованиях исследуемого периода земельных комитетов. На эту тему имеется обширная историография, в том числе на региональном

---

[75] Карпачев М.Д. Воронежские неонародники о крестьянской политике в 1920-е гг… С. 163.
[76] Рассказов Л.Д., Верхогляд Д.П. Ленинская идея национализации земли в процессе формирования законодательной базы, определяющей статус земельной собственности после Октябрьской революции 1917 г… С. 991.
[77] Шмелев Г.И. Национализация земли в теоретических схемах большевиков и в реальности… С. 41.
[78] Игнатьева О.А. Меньшевики об аграрном вопросе в России (1917 – первая половина 1918 г.) // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2005. № 1. С. 46.
[79] Мигущенко О.Н. Военный коммунизм в Курской губернии. Орел, 1997. С. 6.
[80] Колупев А.А. Решение земельного вопроса в Курской губернии накануне и в период революционных событий 1917 года и гражданской войны // Известия Юго-Западного государственного университета. 2013. № 6 (51). Ч. 1. С. 183.

уровне[81]. Ряд исследователей отмечает перегруженность земельных комитетов различными задачами. С.Н. Артемов считает, что данные органы в практической деятельности уделяли внимание регулированию арендных отношений и разрешению сельскохозяйственных споров, а подготовка земельной реформы была отодвинута на второй план[82]. Д.В. Ковалев отмечает важную роль земельных комитетов в упорядочении аграрных беспорядков в деревне[83].

В исследованиях ставится вопрос о преемственности земельных отделов советов с земельными комитетами. Д.Н. Погорелый изучил работу земельных комитетов на материалах Тамбовской губернии. Он пришел выводу о том, что итогом их деятельности стала реализация положений «Основного закона о социализации земли»[84]. Другой тамбовский исследователь Д.Г. Сельцер отмечает сосуществование двух систем крестьянских организаций в губерниях Черноземного центра в начале 1918 г.: земельных комитетов и Советов, конец

[81] Кострикин В.И. Земельные комитеты в 1917 году. М., 1975; Герасименко Г.А. Низовые крестьянские организации в 1917 – первой половине 1918 гг. (На материалах Нижнего Поволжья). Саратов, 1974; Гинев В.Н. Аграрный вопрос и мелкобуржуазные партии в России в 1917 году. М., 1977; Першин П.Н. Аграрная революция в России. М., 1966. Т. 1–2; Догаева В.П. Земельные комитеты Пензенской губернии в 1917 г. // Из истории советской деревни. Рязань, 1972; Зиновьев Е.А. Крестьянские земельные комитеты Мордовии в период от февраля к октябрю 1917 года // Труды НИИ Мордовской АССР. Саранск, 1961. Вып. 21. С. 187–199; Куренков Н.А. Роль земельных комитетов в крестьянском движении в 1917 г. (на материалах Самарской губ.) // Социально-экономическое развитие Поволжья в 19 – начале 20 вв. Куйбышев, 1986. С. 163 – 169; Погорелый Д.Н. Организация Тамбовского губернского земельного комитета в 1917 г.: компетенция и задачи // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2001. № 3 – 3 (23). С. 14; Артемов С.Н. Деятельность земельных комитетов по реализации положений Декрета о земле (по материалам Юга России) // Государственная служба. 2008. № 2. С. 205 – 208; Артемов С.Н. Земельные комитеты Юга России в решении аграрного вопроса после октябрьских событий 1917 года // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 62. С. 114 – 122 и др.

[82] Артемов А.Н. Участие земельных комитетов в разработке аграрной реформы в России // Научно-теоретический журнал «Научные проблемы гуманитарных исследований». Выпуск 1. 2012. С. 14.

[83] Ковалев Д.В. Социально-политическая активность крестьянства весной-летом 1917 г. в материалах анкетирования земельных комитетов // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2011. № 1. С. 248.

[84] Погорелый Д.Н. Земельные комитеты Тамбовской губернии 1917–1918 гг. Автореф. дис… канд. ист. наук. Тамбов, 2002.

которому положил «Основной закон о социализации земли», законодательно закрепивший переход власти на местах к советам[85].

Ряд современных исследователей рассматривают проблематику аграрного производства в комплексе с продовольственной политикой Советской власти[86]. Среди работ на эту тему заслуживает внимания монография В.В. Кондрашина «Крестьянское движение в Поволжье в 1918–1922 гг.». В ней автор связывает ключевые проблемы деревни, острейшей из которых был продовольственный вопрос, с политикой предшественников большевиков[87].

Д.А. Сафонов, обращаясь к тематике деятельности комитетов бедноты, отмечает, что большевики влияли на взаимоотношения крестьян внутри деревни путем перераспределения ресурсов от более крепких хозяйств к низшим слоям села. Исследователь выделяет, что беднейшему крестьянству довольно демонстративно предоставлялись властные полномочия в качестве членов комитетов бедноты или в Советах. Настолько же демонстративно ограничивались общественно-политические права их зажиточных соседей. Д.А. Сафонов уточняет, что «беднота, и только она, получала хлебные дотации, что в условиях голода было фактически всем»[88].

Современная историография аграрных преобразований 1917–1918 гг. характеризуется новизной подходов. Так, В.В. Бабашкин проблему социализацию земли рассматривает в контексте российской аграрной модернизации 1902 – 1935 гг.[89] П.В. Волобуев и В.П. Булдаков, анализируя

---

[85] Сельцер Д.Г. Крестьянское движение в губерниях Черноземного центра России (март 1917 – март 1918 гг.). Автореф. дис… канд. ист. наук. Казань, 1991. С. 14.

[86] Тишкина А.В. Товары и цены в Советской России в 1917–1921 гг. (на материалах Среднего Поволжья) // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. 2008. № 10. С. 89; Фролов А. Последняя судорога помещичье-самодержавной системы (преобразования П.А. Столыпина через призму ленинских оценок). Русский экономический журнал. 2013. № 3. С. 14.

[87] Кондрашин В.В. Крестьянское движение в Поволжье в 1918–1922 гг. М., 2001.

[88] Сафонов Д.А. Великая крестьянская война 1920–1921 гг. и Южный Урал. Оренбург, 1998. С. 23.

[89] Бабашкин В.В. Россия в 1902–1935 гг. как аграрное общество: закономерности и особенности отечественной модернизации. Автореф. дис… докт. ист. наук. Тамбов, 2009. С. 28.

ситуацию в России первых лет Советской власти, предлагают рассматривать революционные потрясения 1917 г. и Гражданскую войну как часть системного кризиса империи[90]. О.Е. Фарберова указывает на вынужденный характер большевистских преобразований 1917 – 1918 гг., поскольку сами реалии изучаемого периода с войной, голодом и, как следствие этого, усилением продовольственного кризиса стимулировало власть «принимать меры к изменению социально-экономического курса»[91].

Еще одним аспектом историографии аграрных преобразований 1917–1918 гг. является проблема создания и деятельности коллективных и советских хозяйств. Она имеет давнюю традицию изучения. Вплоть до 1980–х гг. не ставилась под сомнение позитивная оценка первых колхозов и совхозов. В частности, в исследованиях И.А. Конюкова[92], М.А. Краева[93], Н. Скрыпнева[94], которые были написаны в 1940–1950–х гг., также как и в трудах таких исследователей как Л.М. Кузнецова, П.Н. Першин, И.А. Зеленин[95] и В.В. Гришаев[96], которые были опубликованы в 1960–1970–е гг. В исследованиях описывались только преимущества коллективных и советских хозяйств над другими формами сельскохозяйственного производства, отмечалась заинтересованность деревенский бедноты в их деятельности.

Ошибки в деятельности коллективных и советских хозяйств, действовавших в первые годы советских аграрных реформ, списывались на трудности трансформации традиционных установок общины. При этом советские хозяйства оценивались исследователями как «опорные пункты

---

[90] Волобуев П.В., Булдаков В.П. Октябрьская революция: новые подходы к изучению. Вопросы истории. 1996. № 5–6. С. 30.

[91] Фарберова О.Е. Правовое регулирование становления кооперативного движения в первые годы Советской власти (октябрь 1917 г. – январь 1921 г.)// Вестник Белгородского университета потребительской кооперации. С. 398.

[92] Конюков И.А. Очерки о первых этапах развития коллективного земледелия, 1917–1925 гг. М., 1949.

[93] Краев М.А. Победа колхозного строя в СССР. М., 1954. С. 107.

[94] Скрыпнев Н. Первые шаги социалистического переустройства сельского хозяйства в 1918–1920 гг. М., 1951.

[95] Зеленин И.Е. Совхозы в первое десятилетие Советской власти // Вопросы истории. 1970. № 2.

[96] Гришаев В.В. Сельскохозяйственные коммуны Советской России 1917-1929. М., 1976.

социализма в деревне»[97]. Совхозы оказывались в качестве основных бенефициаров в системе советских аграрных преобразований. Им, зачастую, отводилась земля в наиболее производительных помещичьих имениях, а также выделялся продуктивный и рабочий скот, сельскохозяйственный инвентарь и постройки[98].

В.В. Гришаев выделил, что созданию коммун способствовало утверждение «Основного закона о социализации земли» и его последующее распространение в селе[99].

Проблематика развития коллективных и советских хозяйств представлена и в современной научной литературе[100]. В ней анализируются самые различные аспекты формирования и деятельности коммун, артелей и советских хозяйств, показывается роль центральных и местных властей в этом процессе. Например, В.Я. Романченко, изучая тематику создания государственных хозяйств, выделяет цели, которые стремилось достичь государство при их формировании. Он отмечает повышение производительности труда, подготовку условий для «полного перехода к коммунистическому земледелию»[101], а также формирование образцовых хозяйств. Д.Я. Якимов обратил внимание исследователей на тот факт, что упоминания о коммунах нет ни в аграрной программе РСДРП, ни в других основополагающих документах большевиков. Данные упоминания находят отражение только в законе о социализации земли[102]. По его мнению, в

---

[97] Зеленин И.Е. Совхозы в первое десятилетие Советской власти… С. 18.
[98] Там же. Зеленин И.Е. Совхозы в первое десятилетие Советской власти… С. 19.
[99] Гришаев В.В. Указ. соч. С. 14.
[100] Войнов Е.В. Деятельность земельных органов Воронежской губернии по организации колхозов и совхозов (1918–1919 гг.) // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 4/1 (64/1). С. 41–46; Милосердов В.В., Милосердов К.В. Аграрная политика России–XX век. М., 2002. и др.
[101] Романченко В.Я. Из истории формирования системы государственных сельских хозяйств в первые годы советской власти (1918–1920 гг.) // Государственная власть и крестьянство в XIX-начале XIX века: сборник статей. Коломна, 2013. С. 285.
[102] Якимов Д.В. Взгляды большевиков и левых эсеров на формы организации сельскохозяйственного производства в 1917–1918 годах (на материалах Саратовской губернии) // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2008. № 3. С. 159.

дальнейшем большевики «мирились с коммуной»[103] и «приспособили» ее под собственную политику в деревне.

Тему советских аграрных преобразований в 1917–1918 гг. не могли обойти в своих работах по истории русской революции и зарубежные исследователи. Именно они, например, первыми подняли вопрос о влиянии политики большевиков на ход социально-экономических изменений в дерене[104].

Зарубежные исследователи обращали внимание на самые различные аспекты взаимоотношения Советской власти и крестьянства в 1917 и 1918 гг. Например, Г. Джилл в работе «Движущие силы крестьянской активности в 1917 г.» заключил, что аграрные волнения в изучаемый период определялись не политическим сознанием крестьян, а традиционными заботами и календарем деревенской жизни. Кроме того, по его мнению, крестьянский мир отвергал любые формы внешнего управления[105].

О. Редки анализировал аграрные преобразования через призму отношений власти и крестьянства. Он отметил отсутствие четких программных установок у большевиков по преобразованию жизни в деревне, халатность, безответственность местных органов власти при их осуществлении, неудачные попытки создания первых колхозов и совхозов[106].

С. Мэлль особое внимание уделила идеологическим и экономическим аспектам политики большевиков. При изучении истории ранней советской экономики она анализировала степень соответствия законодательства в

---

[103] Там же.

[104] Корчагова М.Н. Проблемы аграрной истории Октябрьской революции и гражданской войны в англоязычной литературе (Историографический обзор) // Отечественная история. 1994. № 4–5. С. 205.

[105] Gill, Graeme J. The Mainsprings of Peasant Action in 1917 // Soviet Studies, Vol. 30 (1978). No. 1. Pp. 63–68.

[106] Цит по: Корчагова М.Н. Проблемы аграрной истории Октябрьской революции и гражданской войны в англоязычной литературе (Историографический обзор)… С. 211.

данной области его фактической реализации, в том числе продразверстку в деревне[107].

Британский исследователь О. Файджес считает, что преобразования в российской деревне в годы, предшествовавшие революции, и в 1917-1918 гг., обеспечили большевикам победу в Гражданской войне[108]. Большевики имели поддержку в деревне, как правило, из молодежных элементов, бывших военнослужащих и промысловых жителей[109].

Итогам аграрных преобразований в России в зарубежной литературе также уделено достаточно большое внимание. Исследовали обратили внимание на различные социальные и экономические аспекты результатов реформы. М. Левин пришел к выводу, что аграрная революция «отбросила деревню на несколько десятков лет назад»[110], в результате как-бы «воплотилась в жизнь крестьянская утопия – “общенациональная коммуна”, где вся земля есть достояние всех людей… ею владеют по трудопотребительскому принципу»[111].

Д. Байрау выделил в уравнительном распределении земли, которое по его мнению поддержало крестьянство, возрождение докоммерческого ведения хозяйства, которое базировалось на натуральных началах[112]. Итальянский историк А. Грациози выделяет, что под социализацией земли крестьяне понимали «черный передел», а не национализацию земли[113]. Исходя из этих взглядов, деревня и осуществляла распределение земли.

---

[107] Silvana Malle. The Economic Organization of War Communism 1918–1921. Cambridge [Cambridgeshire]; New York: Cambridge University Press, 1985. P. 24.

[108] Figes, O. Peasant Russia, Civil War: the Volga Countryside in Revolution (1917–1921). Oxford, 1989.

[109] Figes, O. Peasant Russia, Civil War: the Volga Countryside in Revolution (1917–1921). Oxford: Clarendon Press; 1989. P. 9.

[110] Левин М. Деревенское бытие: нравы, верования, обычаи // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ежегодник. М., 1997. С. 85.

[111] Там же. С. 124.

[112] Байрау Д. Янус в лаптях: крестьяне в русской революции. 1905–1917 гг. // Вопросы истории. 1992. № 1. С. 26–27.

[113] Грациози Андреа. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917–1933. С. 14.

Большинство зарубежных ученых-аграрников приходят выводу о том, что после Октябрьской революции разрушение старых органов управления «было главным фактором для крестьян, а не большевистский захват власти»[114]. Многие из них склонны считать, что именно община стала тем механизмом, который разрушил помещичью экономическую систему. В частности, Т. Шанин считал общину одной из центральных социальных структур, повлиявших на аграрную реформу. По его мнению, крестьянство - это социальная общность классового типа, которая оказывала существенное воздействие на российские политические процессы[115].

Таким образом, синтез отечественной и западной историографических традиций в изучении феномена российской революции и крестьянства в ней существенно расширяет возможности исследователей в решении рассматриваемой в настоящей диссертации проблемы. Он создает условия для более глубокого, всестороннего анализа истории аграрных преобразований 1917–1918 гг., особенно на региональном уровне.

§ 1.2. ИСТОЧНИКИ

Источниковая база диссертационной работы сформирована из ряда крупных комплексов - архивных документов, нормативных актов, периодических изданий, статистических материалов, исследований и дневников современников.

Одним из важнейших нормативных документов, который использовался при написании диссертационного исследования, является текст «Основного закона о социализации земли». Именно этот документ регламентировал процесс советских аграрных преобразований в 1917–1918 гг. и проводил в жизнь положения, декларированные в «Декрете о земле». Фактическим

[114] Корчагова М.Н. Проблемы аграрной истории Октябрьской революции и гражданской войны в англоязычной литературе (Историографический обзор)... С. 206.
[115] См.: Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире. М., 1992. С. 274–275.

руководством к данному нормативному акту стала «Инструкция переходных мер по проведению в жизнь закона о социализации земли». Эту Инструкцию дополняли другие акты государственного уровня, а также распоряжения губернских властей (например, в Тамбовской губернии «Распоряжение № 3» и «Распоряжение № 4»). Именно эти нормативные акты обеспечили юридическое сопровождение процесса реформирования аграрного сектора. Все они анализируются в настоящем диссертационном исследовании.

В этом же ряду находятся материалы, представленные в «Журнале Воронежского губернского земского собрании. Чрезвычайной сессии» от 16 января 1918 г. и в «Протоколе 3-го съезда Советов рабочих и крестьянских депутатов Воронежской губернии», который проходил с 5 по 10 апреля 1918 г. Они характеризуют общественно–политические процессы в воронежской деревне в рассматриваемый период, в том числе деятельность воронежских «социализаторов»[116].

Опубликованные документы по теме диссертации, использованные в настоящем исследовании, делятся на два крупных массива. Первый из них представляют сборники документов, которые были опубликованы в советский период. В основном их публикация была приурочена к юбилейным датам (сорокалетию Октябрьской революции и т.п.). Во второй группе представлены сборники документов, которые посвящены истории крестьянских восстаний и движений, направленных против политики большевиков в годы Гражданской войны. Они увидели свет в последние десятилетия. В данных сборниках представлены документы и по проблематике советских аграрных преобразований в 1917 – 1918 гг., ранее не опубликованных ввиду несоответствия содержащейся в ней информации идеологическим мифам действующей власти[117].

---

[116] Журнал Воронежского губернского земского собрания. Чрезвычайной сессии 16 января 1918 г. Воронеж, Типо-Литография. Издательство Т-ва. Б.-Дворян, д. Сомова, 1918; Протокол третьего съезда Советов рабочих и крестьянских депутатов Воронежской губернии (5–10 апреля 1918 г.). Воронеж, 1918.

[117] Крестьянское движение в Тамбовской губернии (1917–1918): Документы и материалы. М. РОССПЭН, 2003; «Антоновщина». Крестьянское восстание в Тамбовской области в

Основную источниковую базу исследуемой проблематики составляют документы, которые хранятся в трех центральных архивах. Это материалы Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского государственного архива экономики (РГАЭ), Российского государственного архива социально–политической истории (РГАСПИ), а также пяти местных архивов: Государственного архива Тамбовской области (ГАТО), Государственного архива социально–политической истории Тамбовской области (ГАСПИТО), Государственного архива Липецкой области (ГАЛО), Государственный архив Орловской области (ГАОО), Государственного архива Воронежской области (ГАВО), Государственного архива Курской области (ГАКуО). Всего для написания диссертационного исследования были привлечены материалы 43 фондов.

Среди использованных в диссертации документов Государственного архива Российской Федерации особую ценность представляют документы фонда ВЦИК (Ф. Р–1235). Среди них стенограмма заседания Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета III созыва от 27 января 1918 г. Кроме того, в фондах ГАРФа (Ф. А 353 и др.) по теме диссертации имеются многочисленные подборки газетных статей и вырезок на тему аграрных преобразований, материалы к проектам декретов и распоряжений о социализации земли, сопровождавшие подготовку и проведение этого закона в жизнь в черноземной деревне. Они также представлены на страницах данной диссертации.

В Российском государственном архиве социально–политической истории документы по исследуемой проблематике за 1917 – 1918 гг. отложились в ограниченном количестве. Но и они использованы в

1920–1921 гг. Документы, материалы, воспоминания. Тамбов, 2007; Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919–1921 гг. «Антоновщина» Документы и материалы. Тамбов, Крестьянское движение в Тамбовской губернии (1917–1918): Документы и материалы. Под ред. В.П. Данилова, Т. Шанина. М., 2003; Борьба за установление и упрочение Советской власти в Курской губернии. Сборник документов и материалов. Курск. 1957; Борьба трудящихся Орловской губернии за установление советской власти в 1917–1918 гг. Орел, 1957; Борьба за Советскую власть в Воронежской губернии 1917-1918 гг.: Сборник документов и материалов Воронеж, 1957 и др.

диссертационной работе, так как в них содержатся сведения, характеризующие особенности функционирования советского административного аппарата на местах, а также информация о социально–экономическом положении черноземной деревни в рассматриваемый период.

В Российском государственном архиве экономики (РГАЭ) в фонде № 478 сосредоточены отчеты, докладные записки, статистические материалы различных советских органов, показывающие процесс аграрного реформирования черноземной деревни в 1917–1918 гг. Документы этого фонда дают не только информацию экономического характера, но и содержат разнообразные данные общественно–политического характера, а также источники для анализа последствий социализации земли в указанном регионе.

В Государственном архиве Тамбовской области сконцентрированы материалы и документы, которые позволили исследовать на местном материале процесс реализации аграрной реформы. В группу источников, которые содержат данные материалы, входят следующие фонды: Исполнительный комитет Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Тамбовской губернии (ф. Р–1), Тамбовский губернский земельный комитет (ф. Р–946), а также уездные земельные комитеты (ф. Р–955 – Кирсановский уездный земельный комитет, ф. Р–956 – Козловский уездный земельный комитет, ф. Р–959 – Моршанский уездный земельный комитет). Данные фонды саккумулировали важнейшие и наиболее значимые факты о советских аграрных преобразованиях 1917-1918 гг. в тамбовской деревне. В них объединены постановления органов Советской власти, а также рапорты, отчеты, телеграммы, межведомственная корреспонденция, циркулярные письма, переписка населения с органами Советской власти и другие материалы. Комплекс этих источников имеет высокую научную значимость для изучения аграрных реформ в 1917-1918 гг. в черноземной деревне.

В ходе подготовки диссертационного исследования были мобилизованы делопроизводственные документы и проекты постановлений земельных отделов Тамбовского, Моршанского, Козловского, Кирсановского уездных

Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (ф. Р–946, ф. Р–959, ф. Р–956 и ф. Р–955).

Комплекс документов, выявленные в фондах Государственного архива социально-политической истории Тамбовской области существенно расширяют источниковую базу диссертационного исследования. Это фонды Тамбовского областного комитета КП РСФСР (ф. П–1045) и Тамбовского губкома РКП(б) (ф. П-840), а также фонды Козловского, Лебедянского, Кирсановского, Тамбовского, Моршанского уездных комитетов ВКП(б) (фф. П–832, П–834, П–837, П–842, П–997).

Фонды Государственного архива Липецкой области содержат материалы по истории аграрных преобразований 1917-1918 гг. ряда уездов Тамбовской, Воронежской, Орловской губерний. В частности здесь представлены актуальные для данного диссертационного исследования документы из фондов земельных управлений исполнительных комитетов уездных Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Задонского уезда (ф. Р–93), Елецкого уезда (ф. Р–150), Липецкого уезда (ф. Р–7), и ряда других. Хранящиеся здесь документы позволяют более широко проанализировать уравнительное распределение земли в черноземной деревне, изучить условия формирования и деятельности первых советских и коллективных хозяйств.

Изученные в рамках подготовки данной диссертационной работы в Государственном архиве Воронежской области источники по проблематике социализации земли оказались сосредоточены в фонде Воронежского губернского земельного управления (ф. Р–19). Это переписка с центральными и местными органами власти, отчеты, доклады о деятельности уездных земельных органов и другие материалы. В фондах уездных органов Советской власти (ф. Р–64 Нижнедевицкого уездного земельного управления, ф. Р–23 земельного отдела Землянского уисполкома, ф. Р–549 земельного отдела Острогожского уисполкома) изучены протоколы общих собраний граждан, сельских сходов о создании коллективных хозяйств, отчеты и доклады о работе земельных органов.

Государственный архив Орловской области также содержит в своих фондах значимые документы для изучения аграрных преобразований в черноземной деревне в 1917-1918 гг. Они хранятся в следующих фондах: ф. Р–314 (Орловском губернском земельном управлении), ф. Р–223 (Кромском земельном управлении уисполкоме) и других. Здесь содержатся сведения о распределении земельного фонда, документы об организации сельскохозяйственных артелей, коммун, совхозов, протоколы заседаний уездных земельных и колхозных съездов и др.

Государственный архив Курской области также содержит ключевые документы и материалы по проблематике социализации земли. Такие документы представлены в фонде Курского губернского земельного управления (ф. Р–313). Среди них представлены циркуляры и инструкции губернского земельного управления, резолюции I и II губернских земельных съездов 1918 г., постановления, распоряжения и журналы заседаний коллегий губземотдела, губернских и уездных съездов, конференций работников земельных и другие материалы. Ценные документы и материалы выявлены в фондах уездных земельных управлений (ф. Р–1740 Дмитровское, ф. Р–583 Курское, ф. Р–1746 Рыльское, ф. Р–685 Тимское и другие).

В настоящем исследовании впервые в историографии реализовано комплексное изучение исторических источников по заявленной тематике. В результате в научный оборот введены многочисленные документы центральных и региональных архивов (Государственных архивов Тамбовской, Курской, Липецкой Орловской и Воронежской областей), до данного момента не публиковавшиеся и не востребованные исследователями.

Для проведения системного анализа аграрных преобразований в регионе в рассматриваемый период в диссертационной работе привлечены опубликованные источники и периодические издания[118]. Эти материалы

[118] «Известия Тамбовского губернского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов за 1918 г.»; «Наша правда», «Солдат и рабочий»; «Крестьянский вестник» за 1917 г.; «Орловский вестник» за 1917 и 1918 гг.; «Соха и молот» за 1919 г.; «Известия Орловского Совета рабочих и солдатских депутатов за 1917 г.» («Известия Советов

позволили проследить реализацию аграрных преобразований на местах, выявить восприятие крестьянством советских реформ, оформленные в виде писем в газету и публикаций о происходивших выступлениях, а также определить позицию местных и центральных органов власти, используя официальные нормативные акты, постановления, резолюции. Материалы периодической печати воссоздали более полную картину событий исследуемого периода.

В диссертации использованы статистические данные, характеризующие социально – экономическое положение деревни в изучаемый период (например, представленные в сельскохозяйственной переписи 1917 г.)[119].

Мемуарная литература позволяет более глубоко исследовать и рельефно отобразить картину повседневной жизни деревни в изучаемый период[120]. Она существенно дополняет имеющиеся материалы об аграрных преобразованиях 1917–1918 гг. в черноземной деревне. Однако введение в научный оборот мемуарных источников требует тщательного анализа с целью исключения субъективизма и сознательного искажения фактов. При подготовке диссертационного исследования были использованы дневники М.М. Пришвина[121], А.Л. Окнинского[122]. Их воспоминания воспроизводят черты

рабочих, солдатских и крестьянских депутатов города Орла и Орловской губернии» (февраль 1918 г.); «Орловские известия Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов» (23 февраля – сентябрь 1918 г.)); «Известия Курского губернского Совета рабочих и солдатских депутатов», Известия Воронежского Совета рабочих и солдатских депутатов; «Путь жизни» («Воронежская правда», «Известия Воронежского Губисполкома»); «Известия Революционного Совета Курской губернии»; «Курская беднота»; «Курская жизнь» и др.

[119] Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи. Вып. 1. – Пг., 1916; Поуездные итоги сельскохозяйственной переписи Тамбовской губернии в 1917 г. (Население, скот, посев, сельскохозяйственный инвентарь). Секция статистики земледельческого хозяйства. Выпуск 1. Тамбов, 1921; Крестьянское хозяйство в 1920–1922 гг. Материалы сельскохозяйственных переписей. Воронеж, 1923 и др.

[120] Окнинский А.Л. Два года среди крестьян. Виденное, слышанное, пережитое в Тамбовской губернии с ноября 1918 года до ноября 1920 года. М., 1998; М.М. Пришвин Дневники. Книга первая: 1914–1917. М., 1991; Пришвин М.М. Дневники. Книга первая: 1914-1917. М., 2008.

[121] Пришвин М.М. Ранний дневник 1906 –1916 гг. М., 2007.

[122] Окнинский А. Л. Два года среди крестьян: виденное, слышанное, пережитое в Тамбовской губернии с ноября 1918 до ноября 1919 года. М., 1998.

повседневности российской деревни 1917-1918 гг., содержат суждения крестьян о происходивших событиях изучаемого периода.

В целом осуществленный в диссертационном исследовании анализ аграрных преобразований в черноземной деревне в 1917 – 1918 гг. основан на источниковой базе, представленной самыми различными пластами достоверных архивных документов и материалов. Этот массив документов и материалов позволил решить поставленные в диссертационном исследовании задачи.

§ 1.3 МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ В ИЗУЧЕНИИ СОВЕТСКИХ АГРАРНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В 1917-1918 гг.

В основе диссертационного исследования лежат, прежде всего, разнородные архивные материалы, поэтому наша работа требует источниковедческого анализа рукописей. В диссертационном исследовании историко-политические и историко-экономические процессы анализируются не как часть линейной преемственности (которая представляет собой повествовательное описание хронологического анализа), а как совокупность конкретных событий. Каждый факт включен в общую историческую канву и систему событий.

Выделим, что реформы и модернизации в аграрной сфере начинают осуществляться с момента формирования устойчивых социальных систем, государственных образований. Без наличия соответствующей системы социальных отношений, институтов, способных мобилизовать ресурсы, аграрные преобразования невозможны. На государство оказывает существенное влияние научно-технологический прогресс, в том числе состояние агротехнологий, кооперации. Существенные изменения на взаимоотношения власти и деревни происходят в России в первой трети XX в.

Реформы становятся возможными, с одной стороны, когда накапливаются кризисные условия, с другой - формируются финансовые,

культурные, информационные и другие ресурсы, необходимые для их реализации. Попытки же проведения реформ без наличия соответствующих ресурсов оборачиваются углублением экономического кризиса, либо революцией (например, социализация земли в России). Цели реформ формулируются поступательно под влиянием картины мира, культуры, социально-экономических условий, уровня развития демократических институтов.

В настоящее время существует три основных подхода к изучению аграрных реформ. В первом случае анализируются земельные и аграрные преобразования в контексте политических процессов: влияние политических режимов на формы хозяйствования и собственности, борьба партий вокруг программ аграрного реформирования. Также в исследованиях данной группы изучаются закономерности перераспределения земли радикальными политическими режимами. Вторая группа исследований рассматривает проблему обеспеченности землей, доступность водных и земельных ресурсов и разрешение этих противоречий методами аграрных реформ. Третья группа исследований направлена на анализ влияния аграрных преобразований на динамику уровня бедности государств, социальные предпосылки и последствия реформ. Именно через призму данных подходов в диссертационной работе анализировался ход аграрных преобразований в черноземной деревне.

Любая трансформация в аграрном секторе увязана и в политическом и экономическом смысле с собственностью на землю. Именно собственность на землю является центральной позицией любой аграрной реформы. Степень оформления данной категории с поправкой на ментальность, социально-культурные реалии и этапы цивилизационного развития ведут к росту производительных сил государств. Поэтому в широком понимании аграрная реформа объективно представляется как органический комплекс земельной реформы, налоговой реформы, реформы управления, реформы права собственности, законодательных и административных мероприятий. Наряду

с этим могут изменяться организационно-производственные формы хозяйствования, могут получать поддержку или отмирать формы землевладения и землепользования.

Именно поэтому методология диссертационного исследования опирается на синтез основных подходов современной истории и носит междисциплинарный характер. Поэтому при подготовке исследования привлекались материалы таких научных дисциплин как крестьяноведение, культурология, экономика сельского хозяйства, агрономия, юриспруденция, религиоведение, конфликтология и ряда других. Применение такого широкого спектра наук обусловлено завершением исторически существовавшей крестьянской традиции «земли и воли» и началом нового качественного этапа развития сознания деревни, расширения сфер деятельности и функционирования местных сообществ.

Не менее важным аспектом при анализе программы аграрных преобразований является учет социокультурных норм и практик, характерных конкретному аграрному обществу. В каждом государстве, соответственно опыту преобразований, ментальности и других факторов формируются особые стратегии и нормы реализации реформ.

Цивилизационный подход и вытекающая из него теория модернизации аграрного общества в сочетании с системным и историко-сравнительным подходами позволяют рассмотреть социально-экономическое и общественно-политическое развитие исследуемого региона как подсистему общероссийской системы. Теория модернизации актуальна при анализе традиционных обществ, претерпевающих изменения и переходящие на индустриальную стадию развития. Именно в этот период и происходят социально-экономические и политические потрясения. Такие трансформации приводят к институциональным изменениям, процессу урбанизации, распространению более прогрессивных производственных технологий, изменению социокультурых основ общества и ряду других процессов. Теория модернизации позволила исследовать социально-экономические и

общественно-политические изменения в черноземной деревне 1917-1918 гг. в контексте происходивших трансформаций.

Термин «модернизация» в переводе с английского означает осовременивание. Существует целый ряд определений данного процесса. Модернизация – это переход общества от традиционного аграрного строя к современному-индустриальному, а затем – постиндустриальному. Модернизация – это процесс изменения каких-либо объектов, придание им современных свойств, которые соответствуют требованиям времени. Это процесс усовершенствования, с помощью обновления оборудования, реформ, социальных взглядов, культуры.

Отмечая, что модернизация – это комплексный процесс, в него, по нашему мнению, следует включить все изменения, которые трансформируют государство. Модернизация делится на экономическую, политическую, культурную и социальную. В данную классификацию, на наш взгляд, нужно отдельно включить аграрную модернизацию, которая напрямую связана с такой важнейшей категорией, как продовольственная безопасность.

Социально-экономические модернизации сопровождали весь период развития общества. Реформы же стали проводиться с момента появления государства. Проводником модернизации становился человек-творец, реформ - государственный деятель, административная система. Таким образом, модернизация - это экономическая категория, а реформа, зачастую, общественно-политическая.

Аграрная модернизация - это процесс обновления, придание новых черт существующим аграрным устоям и приводящий к качественным сдвигам в системе производительности труда. Аграрные модернизации, как и реформы имеют общее ядро. Они способны изменить сразу несколько систем и сфер: ментальные установки, общественно-производственные отношения, а также создать условия для внедрения новых технологий.

В ряде случаев неразрешенные проблемы в рамках реформы могут стать частью модернизационного проекта. Аграрные реформы, выходя за рамки экономических преобразований, решают задачи, в том числе, социокультурного характера.

Исследователь С.А. Никольский выделяет, что «реформы отличаются от модернизации постоянно происходящими в нормально развивающемся аграрном секторе развитии страны и связанных с появлением новых технологий, машин, системы организации производства и т.д.»[123]. Государственная модернизация может проводиться на более низком социальном уровне, применяя, например, фискальный инструментарий и ценообразование. Естественная модернизации происходят без остановок, эволюционно под влиянием организационных и технологических нововведений.

Аграрная модернизация в традиционном обществе это, прежде всего, ментальные изменения, воздействующие на социальные нормы, а также на экономические отношения. Ключевой составляющей изменения системы аграрных отношений является смена традиционных установок, которые способны и тормозить, и усиливать социально-экономическую динамику.

Потребность в модернизации, либо реформе аграрного сектора России в 1917-1918 гг. выражалась в целом ряде нерешенных проблем: перенаселенности деревни, низком уровне агротехники, неэффективных и низкоэффективных формах общественно-производственных отношений и др. Эти явления стимулировали тенденции догоняющей модернизации и накопления социальной напряжённости в черноземной деревне, вели к изменению общественно-производственных отношений. Изучение данных процессов стало возможным в данном исследовании в контексте применения модернизационного подхода.

---

[123] Никольский С.А. Коллективизация и деколлективизация: сравнительный анализ процессов, последствий, перспектив // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ежегодник. 1997. Под ред. В. Данилова, Т. Шанина. М., 1997. С. 223.

Системный подход также позволил выявить системообразующие связи в моделях аграрного производства 1917–1918 гг., их стимулирующее и тормозящее влияние на процесс трансформации крестьянского хозяйства. Данный подход позволил комплексно изучить проблему взаимоотношения государства и деревни в кризисный период отечественной истории.

Факторные и причинные связи социально–экономических и общественно–политических процессов в черноземной деревне в 1917–1918 гг. позволили применить такие принципы как историзм, проблемно–хронологический, ретроспективный методы. Также при написании диссертационной работы применялись конкретно–исторический, историко–сравнительный, монографический, статистический методы.

Углубленное изучение темы социализации земли в исследуемой черноземной деревне потребовала расширения устоявшегося понятийного аппарата диссертационной работы. Как уже отмечалось, в ней, наряду с традиционными терминами, используемыми в современной литературе, автор употребляет такие термины, как «агенты власти», «акторы», «системная бедность», «трансформация», «медиатор», «коммуникативные барьеры».

Под «акторами» понимаются участники общественно–политического процесса. «Системная бедность» – это социально-экономическое явление, которое формирует сложную модель, включающую в себя факторы эмоционального, социального, политического, экономического порядка и приводят к ситуации, когда «бедность порождает бедность». В таких условиях крестьянство оказываются в трудных экономических условиях, когда количество и качество затраченного труда не влияет на рост материального благополучия, оставляя их на нижних этажах социальной пирамиды. Термин «медиатор» используется в качестве определения посредника в разрешении конфликтов, возникавших в черноземной деревне в ходе уравнительного распределения земли.

Таким образом, изучение советских аграрных преобразований в 1917-1918 гг. основано как на как общенаучных, исторических подходах, так и специальных методах. Междисциплинарный подход позволил системно подойти к изучаемой научной проблеме. Теория модернизации позволяет более глубоко осмыслить процессы трансформации черноземной деревни на одном из первых этапов ослабления и разрушения традиционных общинных институтов. Введенные в текст диссертации термины расширяют существующий понятийный аппарат, необходимы для наиболее емкой и точной характеристики общественно–политических и социально–экономических процессов, происходивших в аграрном секторе России изучаемого периода.

ГЛАВА 2. КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС И ПОПЫТКИ ЕГО РЕШЕНИЯ В АГРАРНЫХ ПРОГРАММАХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ И ПРАКТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ в 1917 г.

§ 2.1. АГРАРНЫЙ ВОПРОС КАК КОМПЛЕКСНАЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА РАЗВИТИЯ РОССИИ В НАЧАЛЕ XX В.

Губернии Черноземного центра в конце XIX – начале XX вв. имели аграрную специализацию, поэтому сельскохозяйственный кризис оказал существенное влияние на их развитии. Экономический упадок в деревне развивался в условиях неблагоприятных тенденций в мировой конъюнктуре сельскохозяйственного производства. Падение цен на основные продукты аграрного сектора и последовавшая за ними стагнация в продаже зерна на европейском рынке стали результатом развития конкуренции со стороны североамериканских фермерских хозяйств. Данный кризис отразился и на российском сельском хозяйстве. Наибольшее влияние он оказал на крупные хозяйства, производивших зерно. Это привело к снижению доходов в бюджет государства.

Негативная мировая экономическая конъюнктура на аграрном рынке углубила социально-экономические противоречия в российской деревне. В начале XX века здесь сохранялись полукрепостнические отношения, а также наблюдался резкий рост численности населения.

С момента реформы 1861 г. и до революционных событий 1917 г. численность крестьянства в черноземной деревне практически увеличилось вдвое (отметим, что подобные социодемографические процессы отмечались по всей России). К 1917 г. доля крестьянства в губерниях Черноземного центра составляла более 80% от общего количества населения. Ограниченные площади земли, которые использовались в сельскохозяйственном производстве общинами и не могли существенно расшириться, формировали

аграрное перенаселение[124]. Л.Н. Литошенко обращал внимание на то, что именно большая численность населения в деревне (или снижение совокупной земельной площади, приходившейся на одного крестьянина) стала основной причиной глубоких противоречий вокруг земельных ресурсов в деревне. Например, в тамбовской деревне площадь пашни, приходившейся на члена крестьянской общины, за пятьдесят лет сократилась в два раза – с 3,6 до 1,8 десятин на одну ревизскую душу[125]. Н.П. Макаров, давая характеристику этому процессу, отмечал, что чем «острее малоземелье и чем меньше тех земель, которые можно было бы арендовать, тем большую долю своего дохода теряло крестьянское хозяйство в пользу владельца»[126]. Тем самым увеличивалось количество малоземельных и безземельных крестьян, возрастало число бедняцких хозяйств.

Достаточно рельефно рисует картину малоземелья черноземной деревни в преддверии революционных событий в своей книге «Вымирающая деревня» земский врач А.И. Шингарев. Обследовав два села Воронежской губернии Ново–Животинное и Моховатка, он отмечал, что в Моховатке надел на 1 душу имеет размер 3 сажени ширины и 80 длины, или 1½ сажени ширины и 120 длины. То есть представляет «узкую длинную полоску в виде ленты»[127]. С таких наделов после сбора урожая на 3–4 души приходилось 5–15 пудов ржи и проса 3–10 пудов[128]. А.И. Шингарев делал вывод, что «прокормиться» продуктами, получаемыми с таких наделов, даже в средний по урожайности год земледельцы не могут[129]. Также земский врач отмечал, что положение крестьян сел Ново–Животинное и Моховатка было типично не только для этих двух сел, но и «характерно для трудового крестьянства Воронежской, да и других губерний России»[130]. Таким образом, острая земельная нужда, как

[124] Литошенко Л.Н. Социализация земли в России. Новосибирск, 2001. С. 101.
[125] Кузнецов Н.С. Экономика Тамбовского края. Мичуринск, 2001. С. 117.
[126] Цит. по: Великий незнакомец. С. 123-124.
[127] Цит. по: Бойко Л. Сельское хозяйство Курской губернии. Курск, 1938. С. 3.
[128] Там же.
[129] Там же. С. 4.
[130] Там же.

индикатор качества жизни в деревне, сигнализировала о негативных социально–экономических сдвигах.

В данных условиях прогресс и модернизация системы производства в крестьянских хозяйствах были практически невозможны. Быстрый прирост численности крестьянства в пореформенные годы оказывал существенное влияние на состояние сельскохозяйственной техники, которая постепенно приходила в негодность и в большинстве дворов не было средств на ее обновление. Как следствие, в данный период произошло резкое снижение обеспеченности орудиями труда в пересчете на одно крестьянское хозяйство[131].

Перенаселение в черноземной деревне осложнялось отсутствием альтернативных сфер для приложения своего труда. К внутренней миграции и эмиграции прибегали лишь отдельные крестьянские хозяйства и их отдельные представители. В отличие от разорившихся крестьян Голландии, Германии, Ирландии и других государств, которые выезжали в Америку, представители русских общин были прикреплены к земле бюрократическим паспортным режимом и фискальной налоговой политикой, которая связала общину системой круговой поруки в выплате подушных податей и выкупных платежей за земельные наделы. До аграрной реформы П.А. Столыпина деревенские жители обязаны были делать налоговые выплаты за односельчан, которые уходили на длительный отхожий промысел или совсем уезжали, превращаясь в «бродяг беспаспортных».

В ходе столыпинской аграрной реформы начала развиваться миграция крестьян на целинные земли в Сибирь и на Дальний Восток. Однако царское правительство не сумело реализовать политику переселения в тех масштабах, которое позволило бы существенно изменить положение малоземельных крестьян в центральной России. Поэтому на повестке дня встал вопрос о «черном переделе», то есть о захвате земли крестьянством силой. Накануне

[131] Байрау. Д. Янус в лаптях: крестьяне в русской революции 1905–1917 гг. // Вопросы истории. 1992. № 1. С. 20.

1917 г. этот вопрос приобрел катастрофическую остроту и впоследствии привел к масштабным политическим и экономическим потрясениям.

Столыпинская аграрная реформа, ставшая фактической альтернативой программатике социализации земли, из-за ограниченности во времени реализации и ряда других причин, так и не разрешила российский аграрный вопрос. И, напротив, расширила внутридеревенские противоречия. В.П. Данилов, исследуя эту проблематику, отмечал, что административно–принудительные меры исполнения столыпинской аграрной реформы увеличивали революционный импульс, а ее массовый социальный продукт стал той силой, которая сыграла важную роль в событиях 1917–1918 гг. «Ставка на “сильных” не просто ослабляла слабых, а гнала их из деревни в город, который не мог принять десятки и сотни тысяч обездоленных и отчаявшихся людей»[132].

Такое положение не оставляло для подавляющего большинства крестьянства надежд на конструктивное разрешение земельного вопроса властью, приводило их к осознанию необходимости действовать самостоятельно. «Программа их была проста: минимальный гнет со стороны государства и минимальное его присутствие в деревне, мир и земля, “черный передел”, которым грезили поколения крестьян. Они почти совершенно перестали платить налоги и делать поставки государственным уполномоченным»[133].

После аграрной реформы 1861 г. более половины земельных угодий в черноземной деревне отошли во временное пользование общин, а затем и в их коллективную собственность. В последующие десятилетия из деревни стали выезжать помещики, которые продали крестьянам и купцам 28% сельскохозяйственных угодий.

В большинстве случаев земли, приобретаемые купечеством в пореформенный период, сдавались впоследствии крестьянству в аренду.

[132] Великий незнакомец. С. 317.
[133] Грациози Андреа. Указ. соч. С. 14.

Помещики также сдавали около 30 % своих сельскохозяйственных угодий местным земледельцам[134]. По данным Л.Н. Литошенко, накануне революционных событий 1917 г. в крупных капиталистически организованных латифундиях обрабатывалось примерно 10 % площадей, которые ранее засевались помещиками. Остальные же сельскохозяйственные угодья, включая арендованные, принадлежали или использовались преимущественно мелкими крестьянскими хозяйствами, обрабатывавшими наделы личным трудом[135]. Россия фактически становилась государством с аграрным сектором, где по многим параметрам преобладали мелкие земледельцы. По этой причине перераспределение земельных ресурсов даже в случае относительно бесконфликтной уравнительной аграрной реформы или национализации земли не могло значительно повысить доходы мелких крестьянских хозяйств. Явным признаками нараставшего кризиса являлись процессы пауперизации деревни, усиления экономического разрыва между малоземельно–батрацкой частью села и зажиточными крестьянами, выделения середняков в отдельную сельскую группу.

Сложившиеся экономические условия существования крестьянских хозяйств накаляли обстановку в черноземной деревне, где крестьянство осознавало неуклонное снижение уровня жизни. Выход из сложившейся ситуации земледельцы видели в «черном переделе» земли, включении в земельную запашку общины имений крупных землевладельцев, наделов «чужаков». В последнюю категорию крестьянство включало всех лиц, которые не проживали постоянно в местной общине или волости.

Довольно тяжело спрогнозировать путь социально-экономического развития деревни, если бы Россия, как было сказано П.А. Столыпиным, в реальности обрела «двадцать лет жизни без потрясений». Но действительное социально–экономическое положение сельского хозяйства с каждым годом все больше приближало глубинные потрясения в деревне. Это находит

[134] Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи. Вып. 1. Пг.,1916. С. 2–113.
[135] Литошенко Л.Н. Указ. соч. С. 103.

подтверждение в том факте, что в губерниях Черноземного центра из общего количества крестьянских хозяйств 75% не имели лошадей и коров или имели по одной лошади или корове при низкой обеспеченности сельскохозяйственными угодьями. Повсеместно наблюдался значительный дефицит земли. Например, в Тамбовской губернии 19,4% крестьянских хозяйств совершенно не имели посевов, у 16,1% хозяйств не было скота. Удельный вес дворов без рабочего скота составлял 35,3%, без всякого скота – 16,1%, без коров – 24,1%[136].

В Воронежской губернии наблюдались аналогичные процессы. При этом 28% земельного фонда, или 5603 тысяч десятин, принадлежало помещикам, купцам и церкви[137]. Накануне Первой мировой войны в Воронежской губернии насчитывалось 1115 землевладельцев, каждый из которых владел не менее чем 200 десятинами лучшей земли. Некоторые из них имели по нескольку тысяч десятин. Графам Орловым–Демидовым принадлежало в Бобровском уезде более 73 тысяч десятин, графине Паниной в Валуйском уезде – около 23 тысяч десятин, помещику Раевскому в Новохоперском уезде – порядка 50 тысяч десятин»[138]. По данным Всероссийской переписи 1916 г., из 475 тысяч крестьянских хозяйств Воронежской губернии 98 тысяч были безлошадными, 200 тысяч – однолошадными и 51 тысяча – бескоровными[139].

К 1917 г. в Курской губернии на долю крестьянского населения приходилось менее 40 % земли, причем сюда входили болота, овраги и прочие неудобные угодья. Захватив в свои руки лучшие пашни, крупные

[136] Подсчитано на основе «Поуездных итогов сельскохозяйственной переписи Тамбовской губернии в 1917 г. (Население, скот, посев, сельскохозяйственный инвентарь)». Секция статистики земледельческого хозяйства. Вып. 1. Тамбов, 1921.
[137] Соболев П. Подготовка социалистической революции и установление Советской власти в Воронежской губернии. Воронеж, 1955. С. 7.
[138] Там же.
[139] Там же. С. 8.

землевладельцы вытеснили крестьян - бедняков и середняков на худшие места к тому же весьма отдаленные от селений[140].

При существенно меньшей урожайности в сравнении с европейскими и американскими производителями сельскохозяйственной продукции именно земельный надел, приблизительно равный одной десятине на едока, был предельно низкой необходимой нормой физического выживания крестьянского двора в условиях фактического натурального хозяйства, т.е. без производства товарного продукта и без выплаты государственных повинностей. Крестьяне знали предел платежеспособности и экономической мощности своих хозяйств, поэтому в кризисные периоды стремилось уклониться от выплаты налогов и выполнения повинностей.

Преобладание мелких и мельчайших, «парцеллярных» хозяйств наложило негативный отпечаток на всю систему российского сельского хозяйства, направляя его на экстенсивный путь развития. Интенсификация аграрного производства требовала перехода от трехполья к многополью, обогащения почв минеральными и органическими удобрениями, использования современных сельскохозяйственных машин и орудий труда. Малоземельное крестьянское хозяйство, существовавшее «от урожая до урожая», фактически было вычеркнуто из процесса аграрной модернизации. Поправку к кризисным явлениям в сельском хозяйстве вносили и природно-климатические условия. Так, в России урожайность зерновых культур с единицы площади даже в относительно благополучном 1913 г. была в три раза ниже, чем в любой из 15 наиболее развитых европейских стран[141]. При этом в среднем на душу в Тамбовской губернии в 1917 г. приходилось 0,5 десятины посевов[142]. В целом, согласно подсчетам Б.Д. Бруцкуса, в черноземной деревне данный показатель составлял 0,67 десятины на человека[143]. По результатам

[140] Бойко Л. Сельское хозяйство Курской области. Курск, 1938. С. 2.
[141] Сборник статистическо-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Пг., 1915. С. 114.
[142] Подсчитано на основе «Поуездных итогов сельскохозяйственной переписи Тамбовской губернии в 1917 г. Вып. 1…»
[143] Бруцкус Б.Д. Аграрный вопрос и аграрная политика. Пг., 1922. С. 102.

переписи 1917 г., средний надел на мужскую душу в Курской губернии был равен 1,7 десятины, в Тамбовской – 1,9 десятины, в Орловской – 1,8 десятины[144]. В Воронежской губернии также наблюдался «острый недостаток земли» в крестьянских хозяйствах[145].

Демографическое давление на землю обуславливалось не только аграрным перенаселением в деревне, но и отсутствием социальной мобильности и социальных лифтов для крестьянства. Как отмечал А.В. Чаянов, «под давлением потребительской нужды малоземельные крестьяне, избегая вынужденной безработицы, платили за аренду земли не только ренту и весь чистый доход, но и значительную часть своей заработной платы», тем самым работая себе в убыток[146].

Безвыходность, беспросветность, нужда, которые преследовали жителей черноземных деревень в течение всей их жизни, были основной причиной острого социального напряжения в крестьянской среде в 1917 г. Это явление было тщательно исследовано и получило должное научное обоснование только в конце XX века. Безвыходность положения, невозможность вырваться из экономических «тисков», несмотря на все старания, трансформировались в «системную бедность». «Системная бедность» черноземного крестьянства в начале XX века была вызвана крайней отсталостью экономики региона: низкими темпами урбанизации и индустриализации.

В пореформенные годы процесс урбанизации в губерниях Черноземного центра шел чрезвычайно медленно. Города оставались, скорее, центрами торговли и ремесел, которые не могли предложить обедневшим и обезземеленным крестьянам постоянную работу и достойный заработок. В этот же период развитие промышленности ограничивала слабая покупательская способность крестьянства, которое вело полунатуральное

[144] Белькова Н.А. Позиции крестьянство Центрального Черноземья в годы гражданской войны // Межвузовские научно-методические чтения памяти К.Д. Калайдовича. Сборник материалов. Выпуск 8. Елец, 2008. С. 92.
[145] Соболев П. Указ. соч. С. 7.
[146] Цит. по: Великий незнакомец. С. 127–128.

хозяйство и приобретало фабричные изделия лишь в ограниченном количестве.

Ни реформы, ни другие действия экономического и политического характера, проводимые правительством России с середины XIX века, не приносили ожидаемых выгод для общества и даже приводили к частичному разорению дворянства и дальнейшей экономической деградации огромной массы крестьянских хозяйств.

Системная бедность, отсутствие перспективы достойной и сытой жизни, фактически беспросветное существование крестьянства, не имевшего земельных наделов, обеспечивающих даже простое поддержание жизни, привели к социальным катаклизмам, которые вылились, в частности, в процесс «черного передела» в крестьянскую революцию.

Черноземная деревня в преддверии революционных событий 1917 г. было готово к «черному переделу» земли. Как уже отмечалось, ключевой причиной социального взрыва послужило тяжелое экономическое положение земледельцев. Так, к началу 1917 г. «наиболее крестьянская из всех губерний России»[147] – Тамбовская – уже не имела резервов экстенсивного роста. Малоземелье возрастало по причине неконтролируемого роста населения деревни (уже в 1910–е гг. свыше 60% сельского населения было «лишним»). Подобные процессы наблюдались и в других губерниях Черноземного центра. Острый недостаток земли ограничивал дальнейшее развитие крестьянских хозяйств, выделявшихся низкой агрикультурой. Высвобождавшиеся из деревни трудовые ресурсы не находили себе применения в ближайших городах, так как в них было слабо развито промышленное производство.

Падение монархии было воспринято деревней как санкция на захват помещичьей земли. Кроме того, как отмечал А.Н. Анцыферов, «крестьянская

[147] Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919–1921 гг. («Антоновщина»): Документы и материалы. Тамбов, 1994. С. 229

масса перестала верить власти, стала припрятывать от нее хлеб»[148]. Сформировались условия для начала аграрного движения.

К лету 1917 г. число крестьянских выступлений стало увеличиваться. Управлявший Министерством внутренних дел И.Г. Церетели, министр продовольствия А.В. Пешехонов и министр земледелия В.М. Чернов в июле опубликовали циркуляры и инструкции, согласно которому крестьяне должны были строго соблюдать все постановления Временного правительства под угрозой репрессий. Однако реальных сил и средств для противодействия крестьянскому движению ни у центральных, ни у местных органов власти не было. В Орловской губернии в телеграмме исполняющего дела губкомиссара Временного правительства в ГУМ от 26 апреля 1917 г. отмечались вооруженное выступление, порубки, снятие рабочих с помещичьих земель, попытки снизить арендную плату за землю, произошедшие в Севском, Орловском, Мценском, Малоархангельском уездах[149].

В ряде случаев сами крупные землевладельцы создавали условия для роста напряжения в деревне. В копии телеграммы на имя Министра земледелия В.М. Чернова и Совета солдатских и рабочих крестьянских депутатов от 7 июня 1917 г. из деревни Торбеева Спасского уезда Тамбовской губернии местными жителями сообщалось, что они в марте 1917 г. купили триста десятин землю у Сатиной с постройками, лесами, лугами, пахотной землей. За это 58 крестьян обязались выплатить триста тысяч, отдав сразу же сто двадцать пять тысяч рублей. Остальную сумму договорились с Сатиной выплачивать в два года в кредит под 6%. Но когда они поехали в Тамбов совершать купчую крепость, старший нотариус не совершил ее, «ссылаясь на телеграмму от 19 мая о приостановлении земельных сделок»[150]. После этого крестьяне получили в июне вторичную телеграмму о запрете земельных сделок. Попытки вернуть деньги, переданные Сатиной, ничего не дали.

[148] Анцыферов А.Н. Указ. соч. С. 189.
[149] Борьба трудящихся Орловской губернии за установление Советской власти в 1917–1918 гг. (Сборник документов). Орел, 1957. С. 34–35.
[150] ГАРФ. Ф. 1796. Оп. 1. Д. 40. Л. 182.

Напротив, от нее поступил документ, согласно которому в случае не заключения до 15 июля 1917 г. купчей, авансовый платеж не подлежал возврату. При этом среди покупателей были «крестьяне очень бедные, они заняли деньги для покупки земли»[151]. Конфликт углублялся тем, что спорные в период тяжбы не использовались сторонами спора, а были разделены и засеяны сторонними крестьянами[152].

Временное правительство вынуждено было пойти на изменение процедуры регулирования владения, пользования и распоряжения земельными ресурсами. 16 июля 1917 г. от имени министра земледелия В.М. Чернова на места была отправлена инструкция, где сообщалось о том, что у продовольственных комитетов функции регулирования земельных отношений изымались, и передавались земельным комитетам или же местным представителям власти. 18 июля 1917 г. аналогичный по содержанию приказ был опубликован министром продовольствия А.В. Пешехоновым. В данных нормативных актах под угрозой уголовной ответственности земельным комитетам запрещалось осуществлять регулирование вопросов посева и сбора урожая. С этого времени уездные и губернские комиссары получали из Петрограда директивы, запрещавшие допускать нарушение прав землевладельцев. Местные органы власти старались выполнить данные распоряжения, но сталкивались с целым рядом трудностей, так как крестьяне начали борьбу за землю.

Новые нормативные акты Временного правительства, ограничивавшие свободное отчуждение земли и права собственности, требовали от местных властей больших усилий, чтобы сдержать рост поземельных конфликтов на местах. В частности уездные земельные комитеты поручали волостным земельным комитетам выяснить настроения крестьян. Например, 23 августа 1917 г. земельный комитет Елатомского уезда Тамбовской губернии поручил Алферовскому волостному земельному комитету, согласно Постановлению

[151] Там же. ГАРФ. Ф. 1796. Оп. 1. Д. 40. Л. 182.
[152] Там же. Л. 182 об.

Временного правительства от 12 июля 1917 года, на губернские земельные комитеты возложить рассмотрение дел по ходатайствам собственников о разрешении отчуждения земли, предоставить следующие сведения по делу Ефима Андреевича Тельнова об отношении местного населения к совершенной земельной сделке, о причинах, побудивших к совершению сделки. Требовалось выяснить «не усматриваются ли в этом желание предупредить разрешение земельного вопроса в Учредительном собрании»[153]. Необходимо было дать ответ на следующие вопросы: не ухудшится ли хозяйство от этой сделки, не вызовет ли эта сделка хищнического отношения к земле, приводящего к обесцениванию земли, не потеряет ли местное крестьянство источники жизни с совершением этой сделки, нет ли претендующих на эту землю других крестьян и обществ, не вызовет ли сделка столкновений крестьян с владельцами, а также и крестьян между собою, не нарушатся ли интересы крестьян этой сделкой, насколько местное крестьянство обеспечено землей. По все пунктам требовались получить полную картину с учетом мнения всех сторон[154].

Несмотря на ужесточение правил землепользования и землевладения, на местах продолжали вполне осознанно обсуждать вопрос о продаже наделов. При этом вопрос мог рассматриваться как на волостном, так и на губернском уровне. Так, Моршанский уездный земельный комитет Тамбовской губернии 4 сентября 1917 г. писал в Черкинский волостной земельный комитет и передавал при этом отношение Тамбовского губернского земельного комитета от 28 августа 1918 г. с прошением братьев Земцовых разрешить им продать участок земли[155].

В протоколе объединенного заседания Черкинского волостного земельного, продовольственного и исполнительного комитета 28 сентября 1917 года сообщалось, что земля Земцовых находилась в центральной части

[153] ГАРФ. Ф. 1796. Оп. 1. Д. 40. Л. 44.
[154] Там же.
[155] Там же. Л. 194.

сельскохозяйственных угодий нескольких населенных пунктов и ее продажа частному лицу могла создать большие трудности для местных крестьян, так как скот, пасшийся на соседних полях, мог оказаться на спорном участке и новый землевладелец мог загнать его к себе. Это привело бы ко «всякого рода трениям»[156]. Ситуацию осложняло то, что крестьяне в волости были малоземельными и считали Земцова хозяином только до Учредительного собрания. Разрешение продажи могло привести к поземельному конфликту. Потому Черкинский волостной земельный, продовольственный и исполнительный комитет единогласно постановили ходатайствовать перед Тамбовским губернским земельным комитетом об отказе братьям Земцовым продавать землю[157]. 3 ноября 1917 г. Тамбовская губернская земельная управа приняла такое решение[158].

Развитие поземельных споров между общинами и помещиками в 1917 г. шло поступательно. Ряд из них был обусловлен бесхозяйственностью, злоупотреблениями своим имущественным положением крупных земельных собственников. Попытки крестьян занять помещичьи земли, в том числе аргументируя необходимостью решения ключевых аспектов выживания, углубляли противоречия в деревне.

Крестьяне, ощущая ослабление экономического влияния крупных землевладельцев, начали прибегать к давлению на них при помощи прошений, жалоб, заявлений в местные и центральные органы власти. Например, 17 июля 1917 г. в юридический отдел канцелярии комитета по землеустроительным делам Министерства земледелия был представлен приговор от 21 июня 1917 года крестьян 3-го Николаевского общества Николаевской волости Щигровского уезда Курской губернии. В документе сообщалось, «о неправильном пользовании землей»[159] местным жителем Дмитрием Дмитриевичем Боевым. Спорными оказались 80 десятин земли. В приговоре

[156] Там же. ГАРФ. Ф. 1796. Оп. 1. Д. 40. Л. 194.
[157] Там же.
[158] Там же. Л. 197.
[159] Там же. Д. 106. Л. 6.

отмечались обстоятельства дела. В 1910 г. землевладелица Евдокия Андреевна Птицына владела 480 десятинами земли. Позже она продала 400 десятин Виктору Андреевичу Щекину, а остальные 80 десятин обещала передать крестьянам 3-го Николаевского общества после своей смерти, с тем условием, чтобы поминали ее. Но вследствие, как отмечается в приговоре, приказчик Дмитрий Боев пришел к крестьянам и указал на то, что за такое «доброе благоволение» они должны были нести землевладелице Евдокие Андреевне Птицыной кур и яйца, несли «кто что мог»[160].

Через три года, как сообщали крестьяне, Дмитрий Боев «сошелся с ней Птициной в интимные отношения и уговорил ее продать ему эту землю»[161]. Дочь Птициной Михайлова Мария Александровна узнав об этом запретила всем нотариусам Курска регистрировать такую сделку по причине «слабохарактерности, безволия и психического расстройства умственных способностей матери»[162]. Для этого были подготовлены справки от врачей. Но Боев отвез Птицину в Орел и там совершил «купчую крепость на всю землю и постройки за 35 тысяч рублей., с тем условием, чтобы он ее содержал на своем иждивении до ее смерти»[163]. При этом он взял 5 тысяч рублей у Птициной и внес через нотариуса в качестве задаточной платы, а остальные деньги обещал выплачивать ей по частям через каждые пять лет по 5 тысяч рублей.

В 1916 г. Птицына умерла и все имение с жилыми и надворными постройками, два больших сада, стоивших более 30 тысяч рублей, отошло Боеву. Он стал сдавать землю в аренду по 35 и 40 рублей за десятину. Крестьяне отмечали, что оказались в тяжелом экономическом положении. У каждого домохозяина был только один надел «дарственный» площадью 2 ½ десятины, полученный в 1861 г. Поэтому крестьяне ходатайствовали перед министром земледелия дать распоряжение Курскому губернскому земельному

[160] Там же. ГАРФ. Ф. 1796. Оп. 1. Д. 106. Л. 6.
[161] Там же.
[162] Там же.
[163] Там же.

комитету создать комиссию по проверке сделки на законность, отобрать спорную землю и передать им «в виду того, что … деды и прадеды наши … своим помещикам цельные века за эту землю платили оброки и выкупы»[164].

В донесении воронежского губернского комиссара Временного правительства министру юстиции о революционных выступлениях крестьян против помещиков в Воронежской губернии 2 июня 1917 г. отмечалось, что случаи различных правонарушений и незаконных действий в Воронежской губернии с каждым днем учащались, особенно в аграрной сфере. Крестьяне массово создавали препятствия для дальнейшего ведения частновладельческих хозяйств. Они захватывали имения полностью или частично, пасли скот на частновладельческих угодьях и производили потравы хлебов, сенокосов и молодых лесных насаждений, удаляли с работ служащих, рабочих и пленных, запрещали помещикам распоряжаться живым и мертвым инвентарем, назначали крайне низкую арендную плату, «часто не окупавшую повинностей и взносов банку… устанавливали несообразно высокие цены рабочим»[165].

Градус протеста в деревне нарастал в течение всего 1917 г. При этом крестьяне все больше укреплялись в мысли о скором «черном переделе». В Курской губернии, как отмечалось в отчете об оказании животноводческой помощи населению Тимского уезда с 1 сентября 1916 по 1 сентября 1917 гг., к показательным полям и участкам в 1917 г. сельское население относилось с безразличием, так как каждый крестьянин предчувствовал приближение скорого «черного передела» земли. Предложения об интенсификации хозяйственной деятельности, поддержания севооборотов, местные земледельцы «добродушно» встречали следующей фразой: «Все устроим, сейчас подождем, вот прибавят земли, и тогда мы сами к вам придем»[166]. Ощущая приближение волны земельного передела, вопрос об интенсификации

[164] Там же. ГАРФ. Ф. 1796. Оп. 1. Д. 106. Л. 7.
[165] Борьба за советскую власть в Воронежской губернии. 1917–1918 гг. (Сборник документов и материалов). Воронеж, 1957. С. 101.
[166] ГАКуО. Ф. Р–685. Оп. 1. Д. 6. Л. 27.

аграрного производства отходил для крестьян на задний план. Экстенсивные методы увеличения урожая за счет прирезки новой земли казались деревне более заманчивой перспективой.

Одним из способов борьбы деревни за землю стал нажим общин на крупных землевладельцев и арендаторов. После падения царского режима крестьянство стало пересматривать арендные отношения. В данных условиях помещики потеряли возможность независимо от общины устанавливать арендные условия, назначать цены и площади сдаваемой земли. Они, по сути, потеряли принадлежавшие им ранее, как земельным собственникам, неограниченные права распоряжаться своими угодьями. В Мценском уезде Орловской губернии, как отмечалось в телеграмме исполняющего дела губкомиссара Временного правительства в ГУМ от 26 апреля 1917 г., во «владениях Офросимова земля не засевается, крестьяне настаивают [на] передаче [в] аренду [по] шесть рублей десятина»[167].

Сокращение сумм арендных платежей также было вызвано существенно завышенными ценами за сдаваемые угодья, которые земельные собственники установили в преддверии революционных событий. В июне 1917 г. землевладельцы обратились с жалобой в продовольственный комитет Моршанского уезда Тамбовской губернии, где сообщали о том, что сданная в аренду паровая земля общей площадью 26 десятин 15 сажень будет вспахана и засеяна жителями села Кулеватова на невыгодных для них условиях. Вместо 20 рублей за десятину крестьяне установили цену в 5 рублей[168]. Отметим, что рента собственниками земли, даже с учетом военной инфляции, существенно завышалась. Еще в начале 1910–х гг. арендные платежи за десятину составляли 2,5–3 руб. Это вызывало сопротивление крестьян. Осознавая несправедливость, местные крестьяне приняли решение самостоятельно назначить более справедливую, по их мнению, арендную плату.

[167] Борьба трудящихся Орловской губернии за установление Советской власти в 1917–1918 гг. (Сборник документов). Орел, 1957. С. 35.
[168] ГАТО. Ф. Р-959. Оп. 1. Д. 109. Л. 22.

Крупные земельные собственники стремились противостоять действиям общин как самостоятельно, так и путем обращения к органам власти. Например, в постановлении Кирсановского уездного земельного комитета Тамбовской губернии от 15–16 июля 1917 г. отражено, что крупные собственники для того, чтобы «столкнуть» общины друг с другом сдавали наделы не малоземельным дворам, а зажиточному крестьянству или же вовсе отказывались сдавать в аренду. Это вызывало выступления крестьян[169]. Также крупные земельные собственники использовали прямые каналы связи с центральными властями. 27 июня (10 июля) 1917 г. в телеграмме Союза землевладельцев председателю Совета министров князю Львову о незаконных постановлениях Дмитриевского уездного земельного комитета Курской губернии выдвигалось требование разорвать все договоры в сфере аренды и возложить на волостные комитеты обязанности по уравнительному распределению пахотной и луговой земли[170].

Нараставшее недоверие деревни к государственным институтам в решении аграрного вопроса и развитие борьбы общин с крупными собственниками за землю вело к сворачиванию рыночных отношений и натурализации экономики. В этих условиях крестьянство стремилось уклониться от соблюдения договорных отношений с арендодателями и банками. Например, в ответ на запросы Тамбовского отделения Крестьянского поземельного банка с требованием исполнить обязательства по кредитам местные крестьяне отвечали, что у них настолько плохая земля, что никакого урожая ожидать не приходится и не будет средств для арендной платы, назначенной банком[171].

В черноземной деревне происходило поступательное перерастание ненасильственных форм борьбы к более острым и решительным: от установления заниженной арендной платы общины переходили к погромам

[169] Там же. ГАТО. Ф. Р-959. Оп. 1. Д. 1. Л. 170 об.
[170] Борьба за установление и упрочение Советской власти в Курской губернии (Сборник документов и материалов). Курск, 1957. С. 49.
[171] ГАТО. Ф. Р-959. Оп. 1. Д. 109. Л. 4.

поместий. 7–9 августа 1917 г. в протоколе заседания земельного комитета Тамбовской губернии отмечалось: «Если проследить аграрное движение по формам аренды, то можно указать на следующие фазы: первое время этот вопрос не возникал, далее были захваты в виде “арендных сделок” под давлением и теперь создание условий аренды, близких к безвозмездному переходу земли к трудящимся»[172].

Большая часть крестьянских выступлений завершалось отчуждением у крупных земельных собственников пахотных и луговых угодий и их включением в запашку общины. Например, 27 мая 1917 г. помещик Н. Харин направил телеграмму комиссару Временного правительства Воронежской губернии. В ней сообщалось, что крестьяне из слободы Морозовка Острогожского уезда Воронежской губернии захватили его угодья. В телеграмме помещик отмечал, что крестьяне самовольно посчитав себя «владельцами имения»[173], отобрали землю и тут же написали арендаторам и другим заинтересованным землепользователям о предложении заключать с ними договоры об аренде сенокосов и паровых наделов.

Поземельные отношения, сформированные в пореформенный период в деревне, претерпели существенные изменения после революции. В частности, весной 1917 г. перестало применяться испольное землепользование, происходит снижение арендных платежей. Например, представители Тамбовского губернского земельного комитета на очередном заседании приняли решение о снижении цен за земельную аренду под посев на 25% по сравнению с уровнем цен 1916 г. и на луга по сравнению с ценами 1914 г. Действительные, а не декларируемые арендные платежи, подвергались более существенным изменениям. В той же Тамбовской губернии они составляли 9-25 рублей за десятину в зависимости от плотности размещения крестьянских хозяйств и общей площади удобной земли[174]. В Воронежской губернии

[172] Там же. ГАТО. Ф. Р-959. Оп. 1. Д. 1. Л. 267.
[173] Борьба за Советскую власть в Воронежской губернии. 1917–1918 гг. (Сборник документов и материалов). Воронеж, 1957. С. 100.
[174] ГАТО. Ф. Р-955. Оп. 1. Д. 3. Л. 3.

арендные платежи за землю также утверждали местные власти. 29 декабря 1917 г. на заседании Березовского волостного земельного комитета Богучарского уезда Воронежской губернии на повестке дня стоял вопрос об утверждении платы за землю И.В. Лисаневича, которую взял в аренду Е.Н. Ширинкин. По итогам совещания земельный комитет принял решение установить арендный платеж за пахотную землю в размере 6 рублей за десятину[175]. В среднем стоимость пользования землей под посев 1918 г. в Воронежской губернии варьировалась от 4 до 10 рублей.

Арендное движение в черноземной деревне продолжалось в течение 1917 г. и развивалось на местах с различной степенью интенсивности. Данный процесс охватил как помещичьи земельные владения, так и земли, которые принадлежали монастырям и церкви. 6 октября 1917 г. крестьяне из Смаглеевской волости Богучарского уезда Воронежской губернии сдали в аренду сорок десятин земли, несмотря на то, что она находилась во владении церкви[176]. Но данная жалоба так и не была удовлетворена. Без удовлетворения осталась жалоба священника Павла Дмитриевича Михайленко из слободы Подгорной. Поземельный конфликт рассматривался 30 октября 1917 г. в Богучарском уездном земельном комитете. Священник пытался опротестовать постановление Подгоренского волостного земельного комитета, которое было принято 20 августа 1917 г. Согласно постановлению, 79 десятин «излишней церковной земли»[177] был взято на учет волостным земельным комитетом для последующего уравнительного распределения между домохозяевами в форме аренды на 1918 г.

Арендное движение было важным шагом крестьянских общин на пути к установлению контроля над земельными ресурсами и вытеснению помещиков и их управляющих из деревни. Зачастую аресты бывших собственников имений и их представителей сопровождались захватами земель или переделом имущества. Например, 12 августа 1917 г. крестьяне из села Пальцево Курского

[175] ГАВО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 99. Л. 44.
[176] Там же. Л. 9.
[177] Там же. Л. 15 об.

уезда Курской губернии подвергли аресту управляющего имением Березицкого, покосили на лугах помещичьего имения люцерну, клевер и другие кормовые травы. А затем поделили их между собой[178].

Самочинные действия крестьянства подтверждали непримиримый характер борьба крестьянства за землю. Подобные устремления уже к концу 1917 г. привели к процессу присвоения значительной части земельной ренты деревней. Так, Е.К. Введенский отмечает, что «курское крестьянство было избавлено от ежегодных арендных платежей помещикам, составлявших 14 млн. рублей в год»[179].

Каждая конкретная община и волость решала вопросы земельных отношений, земельной собственности исходя из собственного разумения. Одно оставалось неизменным – все общины были нацелены на передел сельскохозяйственных угодий, не входившей ранее в их землепользование или землевладение. Если волостное правление стремилось действовать в рамках законодательных норм, то крестьяне, осуществляя аренду земельных угодий, применяли практику выплаты денежных средств не собственнику, а земельным комитетам[180]. Тем самым местные домохозяева стремились ограничить экономический потенциал крупных земельных собственников, вытеснить их из деревни и впоследствии закрепить за собой бывшие частновладельческие имения.

В этот период арендные договоры для общин теряют свое значение. Например, земледельцы из деревни Михайловка Моршанского уезда Тамбовской губернии оформили соглашение с помещицами Акулиной и Альбовой о пользовании лугами. Однако, согласно донесению, поступившему в июне 1917 г. в Моршанский уездно-городской продовольственный комитет,

[178] Солнышко Ю. Октябрь в Курской губернии. Курск, 1947. С. 26.
[179] Колупев А.А. Решение земельного вопроса в Курской губернии накануне и в период революционных событий 1917 года и гражданской войны... С. 183.
[180] ГАТО. Ф. Р-955. Оп. 1. Д. 3. Л. 3.

крестьяне не стали выполнять условия договора. Они покосили луга, увезли сено, но денег так и не заплатили[181].

В тех общинах и волостях, где не было возможности увеличить землепользование за счет крупных земельных владений и «чужаков» крестьяне начинали перераспределять или брать в аренду сельскохозяйственные угодья внутри своей деревни за счет середняцких крестьянских хозяйств и зажиточных односельчан. Например, летом 1917 г. земледельцы деревни Семеновка Тамбовского уезда начали отнимать землю у состоятельных односельчан[182].

Летом 1917 г. в «общинный котел» начало поступать зерно с монастырских земель. 15 августа монахи сообщали в Курский «уездный “народный” совет о том, что крестьяне вооруженным порядком захватывали земли Коренной пустыни и снимают монастырский урожай»[183].

Механика захвата земли у помещиков под видом аренды имела свои особенности. Общины включали в запашку как традиционно сдаваемую им землю, так и угодья, которые по различным причинам оставались без посева. Кроме того, местные общества самочинно брали землю в аренду «столько, сколько требовалось»[184]. Затем крестьяне делили арендованные угодья между собой. Распределение таких земель производилось поэтапно. Сначала наделы предоставлялись тем дворам, которые более всего нуждались в земле, после этого общины утверждали стоимость аренды для остальных односельчан. Достаточно часто установленные цены внутри общины были такими небольшими, что их можно было считать символическими[185].

Не смотря на противоречия, сформировавшиеся в рамках поземельных отношений к лету 1917 г., где крестьянство старалось разными способами занять земли крупных земельных владельцев, а латифундисты любыми

[181] Там же. ГАТО. Ф. Р-955. Оп. 1. Д. 109. Л. 23.
[182] Там же. Ф. Р-950. Оп. 1. Д. 4. Л. 2.
[183] Солнышко Ю. Октябрь в Курской губернии. Курск, 1947. С. 26.
[184] Гинев В.Н. Аграрный вопрос и мелкобуржуазные партии в России в 1917 г. Ленинград, 1977. С. 92.
[185] Там же. С. 92.

средствами их сохранить, спекуляции с сельскохозяйственными угодьями отмечались редко. Например, 7–9 августа 1917 г. в протоколе заседания Тамбовского губернского земельного комитета сообщалось о том, что «спекуляции с арендной землей наблюдались в единичных случаях и относились к первым дням революции, когда земля помещиков спешно передавалась в аренду»[186]. Фактически в данный момент в черноземной деревне стихийно разрешался вопрос о собственности на землю, формировался новый аграрный уклад и закладывались основы поземельных отношений на годы вперед. При этом наблюдался переход от рыночных отношений к традиционным формам ведения сельскохозяйственного производства. Сокращение доли крупных земельных владений, их раздробление на мелкие наделы вело аграрный сектор экономики к его натурализации, что было присуще раннему феодализму.

Наиболее четко экономические настроения крестьянства Елатомского уезда Тамбовской губернии отображает коллективная установка: «Теперь же взять всю пахотную землю и луга в свои руки»[187]. Такие устойчивые убеждения, с одной стороны, постепенно трансформировались в призывы к активной борьбе за землю и политические заявки принять новый аграрный законодательный акт, с другой – у крестьянства перманентно возрастало желание не дожидаясь решений Учредительного собрания занять все крупные имения. Сама же форма землепользования для общины не была принципиальна.

В условиях глубинных социально-экономических и общественно-политических изменений для доведения до власти своей позиции по вопросу о земле деревня вынуждена была искать каналы коммуникации. Одним из них стали ходоки, которые выдвигались на сельских сходах и волостных собраниях. Крестьяне через своих делегатов передавали наказы, которые,

[186] ГАТО. Ф. Р-955. Оп. 1. Д. 1. Л. 267.
[187] Там же.

зачастую, противоречили директивам и инструкциям центральных органов Временного правительства и ЦИКа Советов.

Губернские крестьянские съезды под воздействием массово прибывавших ходоков из деревни проявляли свои более радикальные настроения, чем избранные на них исполнительные комитеты Советов крестьянских депутатов. Они голосовали за резолюции, написанные как «в духе аграрной программы эсеров»[188], так и более радикальные. Как отмечал А.С. Смирнов, среди центральных земледельческих губерний «нет ни одной, где бы съезды крестьян не принимали практических решений о немедленном организованном захвате части или даже всех земель и другого имущества помещиков»[189]. Значимость принятых постановлений крестьянскими съездами определялась тем, что местные органы власти зачастую опирались на них в своей повседневной работе.

Март и апрель 1917 г. стали периодом, когда крестьянские съезды активно обсуждали необходимость проведения земельной реформы. «Большинство губернских съездов принимали резолюции, в которых говорилось об отмене права частной собственности на землю, о передаче всей земли в руки трудового народа без всякого выкупа, о хозяйственном использовании земли с ее недрами и водами и т. д.»[190]. Под давлением делегатов из деревни эсеровское руководство ряда крестьянских съездов включило в резолюцию по земельному вопросу отдельные практические меры, способствовавшие незамедлительному решению наиболее глубоких противоречий.

К лету 1917 г. кризис в черноземной деревне еще более углубился. Уравнительный передел земли поддерживала подавляющая часть крестьянства. Нарастание захватов и погромов в черноземной деревне вынуждало местную власть предпринимать шаги по самостоятельному решению вопроса о земле, не дожидаясь постановлений Временного

[188] Смирнов А.С. Крестьянские съезды в 1917 году. М., 1979. С. 58.
[189] Там же. С. 61.
[190] См.: Октябрь и советское крестьянство: 1917–1927 годы. С. 17.

правительства и аграрного закона Учредительного собрания. Еще 24 июня 1917 г. на сессии Тамбовского губернского земельного комитета предлагалось передать землю в ведение крестьянских организаций до реализации общей аграрной реформы. В августе 1917 г. в Тамбовской губернии переход земли в ведение земельных комитетов поддержал губернский крестьянский съезд.

Аграрное движение нашло отражение в устремлении общины, как и в 1905 г., провести «черный передел» земли. Крестьянство, не дожидаясь ни решения Учредительного собрания, ни каких-либо инструкций от органов исполнительной власти, начало захват земли и погромы усадеб. Так, в Тамбовской губернии количество погромов помещичьих имений росло из месяца в месяц. С марта по сентябрь 1917 г. их число возросло с 17 до 149[191]. В ночь на 9 сентября 1917 г. в Екатерининской и Ярославской волостях Козловского уезда Тамбовской губернии был осуществлен погром, а также были сожжены многие усадьбы. За неделю здесь полностью или частично крестьяне разгромили 57 помещичьих имений, 13 крупных хуторов[192].

11 сентября 1917 г. комиссар Козловского уезда Наумов сообщил в Тамбов о том, что погромное движение носило организованный характер. Крестьянское движение пошло на спад только после утверждения «Распоряжения № 3». В данном нормативном акте, принятом 13 сентября 1917 г., тамбовские губернские органы власти провозгласили передачу имений в ведение земельных комитетов. Однако «Распоряжения № 3» лишь отчасти ослабило радикальные настроения местного крестьянства. Сохранявшиеся помещичьи земли становились объектом захвата общин еще на протяжении нескольких месяцев. В целом с сентября 1917 г. до марта 1918 г. в Тамбовской губернии было разгромлено 241 имение. Аграрное движение, развернувшееся в Козловском уезде, дало импульс к началу крестьянской революции в России.

Погромным действиям по отношению к имениям крупных собственников чаще всего предшествовали столкновения местных крестьян и

[191] См.: Октябрь и советское крестьянство: 1917–1927 годы. С. 39.
[192] Подсчитано по: ГАТО. Ф. Р-956. Оп. 1, Д. 12, Л. 55, 55 об., 56, 56 об., 57.

помещиков по вопросу о межевании паровых земель или об уборке сена. В ходе погромов в частновладельческих имениях местные жители разбирали по дворам или уничтожали сельскохозяйственный инвентарь, постройки и другое имущество. При этом одним из основных этапов погромов было распределение земельных угодий между членами местного общества.

Приведем описание обстановки после погрома в усадьбе П.И. Рогова участковым милиционером Силантьевым, который состоялся 18 сентября 1918 г. в деревне Павловка Ново-Дегтянской волости Козловского уезда Тамбовской губернии. Участковый отметил, что после осмотра было выявлено, что «в амбаре, где находился хлеб, мука и рожь, такового ничего не оказалось. По всему амбару рассыпана мука и рожь, разобраны доски стены. Овес был тоже увезен, закрома разобраны, пороги у амбара разбиты, замки поломаны и валялись возле амбаров. Сельскохозяйственный инвентарь также увезен и поломан. В общем, во всей усадьбе признаки наисильнейшего погрома и разрушения»[193].

Аналогичная картина наблюдалась и в других уездах губерний Черноземного центра. Так, 3–4 октября 1918 г. на совещании уездных заведующих земельными отделами и бухгалтеров Курской губернии было представлено положение в Фатежском уезде. Местные крестьяне, «производя грабежи мелкого инвентаря … коснулись и больших домов, во многих домах вынуты рамы и двери, и чтоб занять какое–нибудь помещение, придется делать ремонт»[194]. В имении Добрынина в деревне Алексеевка Мценского уезда Орловской губернии, как отражено в телеграмме губкомиссара Временного правительства уездному земельному комитету 16 сентября 1917 г., происходили «беспорядки, приказчик выгнан, хлеб, скот, постройки расхищаются»[195]. Тактика «выдавливания», «выкуривания» крупных

[193] ГАТО. Ф. Р-956. Оп. 1. Д. 2. Л. 200.
[194] ГАВО. Ф. Р-19. Оп. 64. Д. 27. Л. 12.
[195] Борьба трудящихся Орловской губернии за установление Советской власти в 1917–1918 гг. (Сборник документов). Орел, 1957. С. 78.

землевладельцев из деревни являлась достаточно эффективной формой борьбы общины с «благородным сословием».

Помещики стремились различными доступными средствами выйти из кризисной ситуации, давая согласие на добровольную передачу общинам ряда земель. Так, в Кочетовской волости Тамбовского уезда Тамбовской губернии частновладельческие усадьбы не подвергались погромам и конфискациям по причине того, что значительная часть местных крупных собственников “жертвовали” наделы площадью от 10 до 1000 десятин общинам[196].

Каждое общество и волость совершало те или иные действия, опираясь на собственные интересы. При этом в зоне экономического интереса крестьянства находилась вся земля, располагавшаяся в территориальной близости от их места жительства. В 1917-1918 гг. община внимательно наблюдала за перераспределением прилегающих к их наделам угодий. Поэтому захваты помещичьих и церковных земель осуществлялись «только близлежащими селами»[197].

Земства, дворянские собрания на охрану собственности крупных частновладельцев в деревне, ход уравнительного передела земли не смогли оказать какого-либо существенного влияния. Напротив, крестьянским сходам и в некоторых случаях волостным правлениям удалось достаточно быстро сорганизоваться и реализовать перераспределение сельскохозяйственных угодий в интересах общины.

К захвату земель присовокуплялись массовые потравы, покосы, незаконные порубки леса и т.д. Власти на местах стремились законными средствами остановить эту волну. Например, в Никольском волостном суде Богучарского уезда Воронежской губернии 20 августа 1917 г. был установлен штраф за потравы и рубку леса[198].

Местные исполнительные органы власти готовилась к проведению аграрных преобразований, но устранялись от реального их осуществления во

[196] ГАТО. Ф. Р-950. Оп. 1. Д. 12. Л. 22.
[197] Литошенко Л.Н. Указ. соч. С. 536.
[198] ГАВО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 99. Л. 17.

избежание открытых столкновений с крестьянами. Деревня такое положение расценивало как наступление «слушного часа», возможность начать открытую более активную борьбу за «землю и волю».

В ряде случаев выступления крестьян стимулировались алкоголем. Согласно данным протокола совещания Борисоглебской уездной земельной управы от 28 декабря 1917 г. на одном из сходов «некоторые крестьяне, которые усердно посыпали руганью уездную земельную управу, были под действием самогона»[199]. Организовывали в толпе недовольство «отдельные личности»[200]. Они делали призывы начать аграрные беспорядки целыми обществами и селами.

Часто инициаторами выступлений и погромов помещичьих имений были местные крестьяне, которые демобилизовались или дезертировали с фронта. Опыт, полученный в действующей армии демобилизованными и дезертировавшими солдатами, становился важным аспектом роста их авторитета в деревне. К тому же они, зачастую, были настроены пробольшевистки и выступали трансляторами идей и программ этой политической силы. Так, например, в Воронежской губернии в декабре 1917 г. демобилизованный солдат Литовского резервного полка, получив удостоверение, прибыв в Отрогожский уезд «начал проводить среди крестьян агитационную работу за организацию Советов»[201]. В Курской губернии, как отмечалось в газете «Курской жизни» от 15 ноября 1917 г., «с фронта являются в деревню солдаты… и несут с собой большевистские лозунги… Каждое слово большевика ловится с жадностью»[202].

Безначалие и анархия, которые быстро распространялись во второй половине 1917 г. в действующей армии, стали негативным, заразительным примером для развития подобных настроений и в черноземной деревне. Даже

[199] ГАТО. Ф. Р-946. Оп. 1. Д. 12. Л. 6.
[200] Там же.
[201] Соболев П. Подготовка социалистической революции и установление Советской власти в Воронежской губернии. Воронеж, 1955 С. 114.
[202] Крестьянство в первое десятилетние Советской власти. 1917–1927 гг. С. 34–35.

ранее миролюбиво настроенные земледельцы начинали воспринимать насильственные методы борьбы за экономические интересы как норму. Крестьяне, подогретые радикальными призывами и лозунгами, начинали активно участвовать в погромах. Например, 11 марта 1917 г. крестьяне из Сергиевской волости Фатежского уезда Курской губернии под руководством 2-х солдат с оружием напали на имение «Александровска»[203]. Вожаками таких действий выступали все те же возвратившиеся с фронта по различным причинам в родные села крестьяне. Но под маской погромщиков могли скрываться как демобилизованные, дезертиры, так и уходившие в отпуск и находившиеся в тыловых частях солдаты. Все они воспринимались деревней как солдаты.

Авторитет и влияние дезертиров в среде местного крестьянства был заметен даже в Усманском уезде Тамбовской губернии, не смотря на то что здесь была высокая землеобеспеченность. В среднем на одну мужскую душу приходилось около девяти десятин земли. Это не остановило захватно–погромное движение, которое здесь развернулось осенью 1917 г.[204]. Зачастую погромы имений в Усманском уезде осуществлялись под анархо–большевистские лозунги.

Появление демобилизованных солдат и дезертиров раскручивало спираль насилия в сельской местности и насыщало деревню оружием. Осенью 1917 г. уездные власти уже не могли своими силами справиться с массовыми крестьянскими выступления. 14 ноября начальник Орловской уездной милиции обращался к губернскому комиссару Временного правительства с просьбой «оказать содействие к посылке роты солдат в… обысках и обезоруживании крестьян»[205] селе Гнидец Никольской волости Орловского уезда Орловской губернии, так как местные жители грабили и жгли имения Малиновской и имели оружие и ручные гранаты.

---

[203] Цит. по: Кострикин В.И. Указ. соч. С. 36.
[204] История Тамбовского края: избранные страницы. Тамбов, 2004. С. 156.
[205] Борьба трудящихся Орловской губернии за установление Советской власти в 1917–1918 гг. (Сборник документов). Орел, 1957. С. 114.

Как отмечено выше, в сентябре 1917 г. тамбовские губернские власти утвердили «Распоряжение № 3»[206]. Это был важный политический акт губернского уровня, который сыграл существенную роль в ослаблении аграрного движения и отразил возможность выхода из нараставшего кризиса путем поиска новых подходов к вопросу о земле. 13 сентября 1917 г. было опубликовано воззвание к населению. В данном нормативном акте отмечалось, что любые погромные действия наносят непоправимый удар по земельной реформе и поэтому необходимо предпринять меры для предупреждения и недопущения подобных явлений[207]. Земельным комитетам волостного уровня отводилась роль регулятора поземельных отношений. Они должны были охранять помещичьи имения, сельскохозяйственный инвентарь, скот, сады и другие сельскохозяйственные угодья, которые «представляли … большую культурную ценность»[208].

«Распоряжение № 3» было подписано всеми тамбовскими губернскими органами власти, в том числе губернским комиссаром, социалист-революционером К.Н. Шатовым. Несмотря на то, что в этом нормативном акте нашли отражение, в целом, призывы декларативного и агитационно–политического характера и лишь в самой общей форме говорилось о ожидающемся взятии в «свое ведение» помещичьих имений продовольственными и земельными комитетами, деятельность тамбовских социалистов-революционеров вызвала энергичные протесты среди местных крупных собственников. Последние имели все основания опасаться того, что крестьяне, опираясь на положение «Распоряжения № 3», продолжат захваты земли.

По поводу утвержденного «Распоряжения № 3» предводитель дворянства Тамбовской губернии Н.Н. Чолокаев отправил жалобу на имя министра земледелия. В ней предводитель дворянства призывал отменить

[206] Крестьянское движение в Тамбовской губернии (1917–1918): Документы и материалы. М., 2003.
[207] ГАТО. Ф. Р-955. Оп. 1. Д. 8. Л. 13–13 об.
[208] Там же. Д. 2. Л. 35.

данный нормативный акт. Кроме того, жалоба содержала консолидированное мнение крупных тамбовских земельных собственников о том, что реализация «Распоряжения № 3» приведет к грабежам и захватам частновладельческой собственности[209]. Аналогичные по содержанию телеграммы отправлялись помещиками в Петроград в различные министерства. Союз земельных собственников Тамбовской губернии тоже направлял свои протесты в адрес центральных органов власти. В частности, они были отосланы в адрес Главного земельного комитета и А.Ф. Керенского.

Конфликт, который возник в тамбовской деревне, инициировал череду судебных разбирательств. Лишь после того как в Тамбов прибыл товарищ министра земледелия Н.И. Ракитников, социально-экономическое и общественно-политическое напряжение стало снижаться. Разобрав ситуацию, товарищ министра земледелия (по своим политическим воззрениям социалист-революционер-левоцентрист) дал позитивную оценку «Распоряжению № 3».

Крупные земельные собственники, оказавшись без поддержки со стороны органов центральной власти, попытались продать свои поместья, хотя это и входило в противоречие с законом. Зачастую получить существенные средства от реализации имущества им не удалось. Помещики попросту выдворялись местным крестьянством из их бывших усадеб. Вместо бывших собственников в усадьбах первое время размещалась охрана, так как было много желавших расхитить инвентарь, скот и другое имущество, еще находившееся в наличии в бывших поместьях.

Охрана формировалась земельными комитетами, милицией, местными крестьянскими обществами. Однако содержать имущество бывших поместий в надлежащем порядке у них получалось лишь отчасти. Так, 21 ноября 1917 г. на заседании Кирсановской продовольственной и земельной управ Тамбовской губернии состоялось обсуждение вопроса о принятии на учет имения Н.А. Сатина. По итогам совещания приняли постановление, согласно

[209] Там же. ГАТО. Ф. Р-955. Оп. 1. Д. 1. Л. 266.

которому, из-за отсутствия кормов в имении, а также вследствие настроя крестьянства, «немедленно распродать с торгов лошадей как неплеменных, заморенных»[210]. Протокол приемной комиссии 13–14 ноября 1917 г. был составлен в чрезвычайных обстоятельствах. Возбужденная толпа из крестьян села Полякова хотела грабить помещичье имение. С большим трудом этого удалось избежать.

Опасения помещиков о радикализации настроений крестьян после публикации «Распоряжения № 3» не были беспочвенными. Местные общества в ряде случаев воспринимали данный нормативный акт как санкцию на «черный передел» земли. Крестьяне из Пересыпкинской и Софьинской волостей Моршанского уезда Тамбовской губернии именно так и поступили. После утверждения «Распоряжение № 3» местные землевладельцы разгромили культурное имение Апушкина, а через неделю после взятия его на учет, погромы продолжились в имении Сатина при селе Гавриловка, имении братьев Сосульниковых и ряде других.

Крестьянские общества, борясь за землю, оказывали давление не только на бывших помещиков, но и на местные земельные и продовольственные комитеты. В сентябре 1917 г. Моршанский уездный земельный комитет Тамбовской губернии выделял, что каждый местный житель сел Гавриловка или Космодемьяновка считает имения своей собственностью, а представители местных органов самоуправления опираются на мнение толпы. Так, член уездной продовольственной управы Голубев дал согласие на то, чтобы земля из бывшего имения Сатина, в том числе тридцать десятин сада, была передана без выкупа Чупятовской и Поляковской общинам. Постройки в усадьбе реквизировались крестьянами под различные общественные нужды, «совершенно не считаясь … “Распоряжением № 3”»[211].

Земельные комитеты под нажимом крестьянских обществ принимали еще более радикальные решения, чем положения «Распоряжения № 3». Они

[210] ГАТО. Ф. Р-955. Оп. 1. Д. 2. Л. 29.
[211] ГАТО. Ф. Р-955. Оп. 1. Д. 3. Л. 17.

позволяли осуществлять реквизицию не только сельскохозяйственного инвентаря, но в некоторых случаях личного имущества помещиков. В ноябре 1917 г. в докладе Кирсановскому уездному земельному комитету Тамбовской губернии о деятельности волостных земельных комитетов отмечалось, что, многие попытки уездной управы объяснить волостным органам власти важность сохранения неприкосновенности личного имущества крупных землевладельцев и их жилищ не давали необходимых результатов. Ряд земельных комитетов не допускал помещиков к «распоряжению их личным имуществом»[212]. Например, Ирский земельный комитет препятствовал перевозке мебели и другого имущества Рейтерн, Горяинова, Москалева и других в город Кирсанов. В селе Хилкове крестьяне, не обращая внимания на протест собственницы Гонецкой, изъяли ее дом под школу[213].

Аналогично тамбовским земельным комитетам действовали земельные органы в других губерниях Черноземного центра. Сам факт передачи имений под контроль земельных комитетов также трактовался крестьянами как санкция на раздел помещичьей собственности. К началу октября 1917 г. в Фатежском уезде Курской губернии все имения были взяты на учет, но крестьяне забрали себе всех племенных лошадей, а также сеялки, плужки, оставив только постройки и тяжелый инвентарь[214]. В Воронежской губернии в октябре 1917 г. Бобровский уездный земельный комитет «захватил и раздал крестьянам землю владелицы Спешневой, получив с них арендную плату»[215].

В целом земельные комитеты старались установить правила землепользования. Но при этом они сталкивались не только с противодействием общин и помещиков, но и с низким уровнем проработки инструкций и норм в сфере регулирования земельных отношений. Так, в сентябре 1917 г. Куровщинский волостной земельный комитет информировал

[212] Там же. ГАТО. Ф. Р-955. Оп. 1. Д. 2. Л. 35.
[213] Там же.
[214] ГАВО. Ф. Р-19. Оп. 64. Д. 27. Л. 12.
[215] Борьба за советскую власть в Воронежской губернии. 1917–1918 гг. (Сборник документов и материалов). Воронеж, 1957. С. 173.

Кирсановский уездный земельный комитет Тамбовской губернии о «запутанности и опасной неопределенности, создавшегося … земельного положения в деревне»[216]. По мнению представителей волостного земельного комитета такое положение создавалось под влиянием общей неустойчивости центральных органов власти и «отсутствия точных последовательных правил и руководящих указаний высших земельных органов»[217]. Без ясных инструкций и положений земельные комитеты не могли «твердо и правильно разрешать земельные вопросы»[218].

Определяя социально-политические результаты от принятия «Распоряжения № 3» и дополнявших его актов необходимо выделить их позитивный регуляторный потенциал для Тамбовской губернии. Под их влиянием был снижен накал аграрного движения. Это демонстрирует динамика крестьянских выступлений. Если в августе 1917 г. было зафиксировано 81 крестьянское выступление, в сентябре – 149, то уже в октябре данный показатель снизился до 44[219]. Кроме того, «Распоряжение № 3» на местном уровне, по сути, создало юридический прецедент о фактической ликвидации помещичьего землевладения.

Формы борьбы за землю имели свои особые оттенки в каждой из губерний Черноземного центра, придавая колорит аграрному движению. В Воронежской губернии пик аграрного движения пришелся на октябрь 1917 г. В этот период произошло 121 выступление[220]. Всего же за 8 месяцев в Воронежской губернии было зафиксировано 722 выступления крестьян. Из них 478 выступлений имели наиболее острый характер. Это были захваты земель и имений, живого и мертвого инвентаря, аресты крупных землевладельцев и погромы. Всего погромов «было сравнительно немного: в

[216] ГАТО. Ф. Р-955. Оп. 1. Д. 3. Л. 17.
[217] Там же.
[218] Там же.
[219] См.: Октябрь и советское крестьянство. С. 39.
[220] Першин П.Н. Аграрная революция в России. Историко-экономическое исследование. В 2-х книгах. К. 1. М., 1966. С. 420.

сентябре 7 и в октябре 19»[221]. В Орловской губернии настоящее крестьянское восстание охватило 9 уездов. В частности, в октябре «уездные комиссары Дмитровского, Ливенского, Трубчевского, Севского и Елецкого уездов требовали срочной присылки воинских отрядов для подавления восстания»[222]. Из Малоархангельского уезда Орловской губернии сообщалось, что погромы принимали широкие масштабы. Местные власти требовали на помощь солдат. Всего в ходе восстания в Орловской губернии было разгромлено 98 имений, 6 винокуренных и 1 сахарный завод[223]. В Курской губернии с марта по октябрь произошло 209 случаев массовых крестьянских выступлений. Их наибольшее число пришлось на июнь и июль, соответственно 44 и 40 случая. В октябре было зафиксировано 38 крестьянских выступлений[224].

Как и в Тамбовской губернии, рост аграрного движения привел к появлению в Курской губернии аналога «Распоряжения № 3». 17 октября 1917 г. губернский комиссар провел совещание совместно с представителями городской думы, губернского земства, представителями прокуратуры. По его итогам было принято постановление, согласно которому для прекращения анархии на аграрной почве было решено немедленно «передать все леса и земли сельскохозяйственного назначения в распоряжение земельных комитетов»[225]. Местные власти для сохранения крупных товарных землевладений стали формировать земельные комитеты. Однако крестьяне стали искать возможности для того, чтобы обойти данное постановление. Например, в селе Гремячки Курской губернии, как отмечалось в газете «Временного Рабочего и Крестьянского правительства» 30 декабря 1917 г., был организован земельный комитет. Он взял на учет помещичьи земли

[221] Там же. Першин П.Н. Аграрная революция в России. Историко-экономическое исследование. В 2-х книгах. К. 1. М., 1966. С. 420.
[222] Там же. С. 421.
[223] Там же.
[224] 1917–1957. Статьи, воспоминания, очерки. Курск, 1957. С. 40.
[225] Малявский А.В. Крестьянское движение в России в 1917 г. март–октябрь. М., 1981. С. 365.

вместе с живым и мертвым инвентарем. Но «крестьяне поставили туда своих управляющих и рабочих»[226].

Земельные комитеты стали выступать в качестве экономических регуляторов. Так, в журнале заседаний Шацкого уездного земельного комитета Тамбовской губернии от 7 августа 1917 г. указывалось, что после Февральской революции луга распределялись волостными комитетами между гражданами тех волостей, в районе которых находились луговые земли. Поэтому крестьяне из других волостей, «уплативших задаточные деньги за снятую ими … луговую землю еще до революции, в действительности ими арендованной земли не получали…»[227]. В результате земельный комитет обязал владельцев возвратить арендаторам задатки, выданные ранее за эти наделы.

К концу 1917 г. в губерниях Черноземного центра значительные площади земельных угодий, ранее не входивших в экономическую орбиту общин, отошли к крестьянству. Уже в августе 1917 г. в Дмитриевском уезде Курской губернии большинство землевладельцев лишились своих земельных угодий[228]. В течение 1917 г. в Кирсановском уезде Тамбовской губернии «площадь экономического посева помещиков сократилась на 80%»[229]. Подобная картина наблюдаюсь и в других уездах исследуемого региона. Но для закрепления имущественных прав крестьянства на землю требовалось сформулировать и утвердить их на законодательном уровне.

Позже идеи и взгляды, которые легли в основу «Распоряжения № 3», нашли отражение в аграрном законопроекте министра земледелия социалиста-революционера С.Л. Маслова. Однако этому проекту так и не удалось приобрести силу закона. Временное правительство, не сумев решить аграрный вопрос, ушло с политической арены. А вместе с Временным правительством от власти были удалены большевиками правые социалисты-революционеры, а

[226] ГАРФ. Ф. А 353. Оп. 2. Д. 181. Л. 84.
[227] ГАТО. Ф. Р-955. Оп. 1. Д. 1. Л. 203.
[228] Малявский А.В. Указ. соч. С. 99.
[229] Там же.

их программы потеряли свою значимость. Одним из первых декретов Советской власти стал «Декрет о земле». Он определил ключевое направление развития сельского хозяйства на ближайшие годы, законодательно утвердил наиболее радикальный способ перехода земли к крестьянам. Правда, к этому времени общины практически уже включили в свое землепользование помещичью, монастырскую, церковную землю. Большевики готовились к дальнейшим аграрным преобразованиям.

§ 2.2. АГРАРНЫЕ ПРОГРАММЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ

В начале XX в. крестьянство, как наиболее крупная социальная группа населения России, оказалась под пристальным вниманием не только власти, но революционных политических партий. Появление у них аграрных программ происходило под влиянием, прежде всего, социально-экономических процессов, происходивших в деревне. В центре всех разрабатываемых аграрных программ находился вопрос земельной собственности, так как изменения правоотношений в данной сфере способны были преобразовать не только социально-экономические и общественно-политические отношения, но и основы государственности. В начале XX в. стремление ряда политических сил провести радикальное поравнение земли, согласно давним чаяниям крестьянской общины, стало реальной альтернативой поступательному аграрному строительству власти, которое долгое время реализовывалось по принципу «не уронить ни одного межевого знака». Популярность в деревне набирала программа социализации земли, позволявшая произвести уравнительный передел.

При подготовке программы социализации земли революционная интеллигенция учитывала взгляды крестьянства. Первыми это сделали социалисты–революционеры. Именно они предложили программу социализации земли. При этом сама идея такой программы появилась гораздо раньше. В качестве первых «глашатаев» воли крестьянства выступили еще

П.И. Пестель, М.А. Бакунин и Н.Е. Жуковский. В частности, о праве землевладельцев на землю писал декабрист П.И. Пестель. Он «признавал за каждой семьею право на надел, обеспечивающий ей продовольствие… фактически не превышающий трудовой нормы»[230]. М.А. Бакунин указывал на всенародное убеждение, что вся земля принадлежит народу, «орошающему ее своим потом и оплодотворяющему ее собственным трудом» [231]. Вторым важнейшим принципом крестьянства Бакунин считал убеждение, согласно которому право пользования землей «принадлежит не лицу, а целой общине, миру, разделяющему ее временно между лицами» [232].

Эволюция идеи социализации земли продолжилась в 1860–е гг. Крестьянское движение, вызванное отменой крепостного права, сформировало общественно-политические условия для развития аграрной мысли в данном направлении. Так, например, в 1861 г. была опубликована прокламация «К молодому поколению». Прокламация представляла собой достаточно полную программу требований, включавших в себя национализацию земли с передачей её в пользование земледельческим общинам. Авторы прокламации Н.В. Шелгунов и М.Л. Михайлов считали, что земля должна принадлежать не лицу, а государству, чтобы у каждой общины был собственный надел, а индивидуальных землевладельцев не существовало. Каждая область должна была состоять из земельных общин, а земля, отведенная каждому члену общины, передавалась ему в пожизненное пользование[233]. Предполагалось, что земля не подлежала продаже, любой гражданин мог стать членом земледельческой общины, приписавшись к ней[234].

Революционное издание «Великорус», также опубликованное в 1861 г., требовало передачи крестьянам «по крайней мере» всех тех земель и угодий, которыми они пользовались при крепостном праве, с возложением выкупа «на

[230] ГАРФ. А 353. Оп. 2. Д. 181. Л. 99.
[231] Там же.
[232] Там же.
[233] Там же.
[234] Там же.

счёт всей нации». Таким образом, в 1860-е гг. аграрная программа, позже получившая название социализации земли, обогатилось положениями о роли государства в процессе наделения землей крестьян, выводе земли из рыночного оборота.

Дальнейшее развитие аграрная мысль в рамках идеи социализации земли получила в пореформенный период, когда волнения в деревне фактически прекратились или были единичным случаем. В этот период Н.Г. Чернышевский предлагал сделать так, «чтобы земля была “ни твоя, ни моя, а общая”»[235]. А в 1880 г. данный принцип землепользования был сформулирован в программе народовольческой партии. Согласно положениям этой программы, вся земля переходила в руки рабочего народа и считалась народной собственностью. Каждая отдельная область отдавала землю в пользование тем, кто самостоятельно занимался ее обработкой. Никто не имел права получать земли больше того количества, которое он сам в силах был обработать.

Через четверть века анархисты–коммунисты стали настаивать на захвате земли и переводе ее в общее достояние, а сторонники “социализации земли” представили свои взгляды на данный вопрос в программе партии эсеров, «приклеив к народному мировоззрению кое–что свое, главным образом, налог на землю, под видом взимания “ренты”»[236]. Таким образом, идейные трансформации программы социализации земли были отражением народных взглядов на землепользование, повторявшихся в нелегальной литературе и впоследствии откристаллизовавшихся в программе эсеров. Последние стали выразителями воли деревни по причине отсутствия других сил, способных положить в основу своей политической платформы эту программу.

С начала XX века разрабатывается целый ряд проектов по социализации земли: К.Р. Кочаровского, представленный в I Государственной Думе, проект, выработанный П.А. Вихляевым, Н.Н. Сухановым, Н.И. Ракитниковым, В.М.

[235] Там же. ГАРФ. А 353. Оп. 2. Д. 181. Л. 99–100.
[236] Там же.

Черновым, Н. Шатерниковым во II Государственной Думе. Позже, к Учредительному собранию было выработано еще два проекта социализации земли П.А. Вихляевым и С.Л. Масловым. Взгляды этих политических деятелей нашли отражение, как в законопроектах, так и в целом ряде их работ.

Так, например, П.А. Вихляев в статье «Социализация земли и прогресс сельского хозяйства», опубликованной в сборнике «Социализация земли» в 1907 г., подробно изложил свои взгляды на развитие агрокультурного прогресса и поднятие производительности сельского хозяйства в России[237]. Он отмечал, что технические улучшения в земледелии наталкиваются на малоземелье, а переход к многопольной системе неизбежно связан с сокращением продовольственных хлебов в структуре посевов. Поэтому выход из сложившегося положения он видел в «экспроприации» частновладельческих земель, площади посевов, «обеспечивающих потребности населения»[238]. Для осуществления данной программы, по мнению П.А. Вихляева, требовалось единодушие крестьянских хозяйств. Тем самым могла быть достигнута разверстка полей на новые клинья в зависимости от требований многопольной системы[239]. Указанное «единодушие», или уравнительность, должно было стать фундаментом нового полеводства.

При наделении землей П.А. Вихляев предлагал использовать «продовольственный принцип, или потребительную норму»[240]. В своей работе он делал специальное дополнение в отношении черноземной полосы. Для нее «социализация земли обеспечивала переход к иным системам полеводства целыми селениями» и допускала «столь же необходимую постепенность перехода к стойловому содержанию скота»[241]. Все это, по мнению П.А. Вихляева, было важной мерой, которая позволяла существенно повысить урожайность озимых культур и уйти от трехпольного севооборота.

---

[237] Вихляев П. Социализация земли и прогресс сельского хозяйства// Социализация земли. Сборник статей. Выпуск первый. Москва, 1907. С. 178.
[238] Там же. С. 178.
[239] Там же. С. 179.
[240] Там же.
[241] Там же.

Кроме того, П.А. Вихляев считал, что социализация земли создает возможность массового перехода к улучшенным системам полеводства целых селений. При социализации земли не потребуется ни массовых расселений по хуторам, ни обширных гидрологических мероприятий, ни огораживания полей[242]. Также он указывал на полное прекращение торговых операций с землей после социализации земли, но отмечал в этом случае необходимость сельскохозяйственной кооперации[243]. И кооперация, и социализация земли могли быть направлены против «борьбы с торговым и ростовщическим капиталом и ростовщической формами капиталистической эксплуатации мелкого земледельца»[244]. Социализация земли, устранив крупный капитал из деревни, вместе с тем открывала возможность к возрождению крупного производства в кооперативно–артельной оболочке[245]. Однако, подводил итог П.А. Вихляев, «социализация земли не разрушает менового характера современного крестьянского хозяйства и не упраздняет частной собственности на орудия земледельческого производства»[246]. Таким образом, в данной аграрной программе рынок сохранялся как важнейший регулятор социально–экономической активности общества. А социализация земли рассматривалась как способ концентрации земельных ресурсов в общине и развития мелких крестьянских хозяйств в условиях ограничения прав на куплю-продажу, арендных отношений, упразднения кредитных отношений.

Вышеупомянутый «Проект основных положений земельного закона» С.Л. Маслова готовился думской группой социалистов–революционеров во II Государственной Думе. Как отмечал депутат Мушенко, он преследовал цель «дать трудовому народу точный и ясный ответ на вопрос – какие земельные

[242] Там же. Вихляев П. Социализация земли и прогресс сельского хозяйства// Социализация земли. Сборник статей. Выпуск первый. Москва, 1907. С. 179.
[243] Там же. С. 183.
[244] Там же. С. 186.
[245] Там же. С. 203.
[246] Там же. С. 204.

порядки наиболее удовлетворяют его потребностям»[247]. Однако во II Государственной Думе данный законопроект так и не был поставлен на обсуждение, наряду с другими земельными законопроектами.

Тем не менее, в проекте С.Л. Маслова предполагалось осуществить реформу, которая состояла из двух частей. Сначала требовалось выработать необходимый закон о справедливом распределении земли и определить формы землепользования, которые обеспечивали бы интересы трудового населения и развитие производительных сил сельского хозяйства. Затем следовало «провести в жизнь новый земельный закон»[248]. В первой части законопроекта излагались общие правила пользования землей на основе принципов социализации земли, провозглашенных программой партии эсеров. Вторая часть данного законопроекта была посвящена переходным мероприятиям, необходимым для приведения в жизнь его основных положений.

В данном законопроекте понятие «социализации земли» определялось тремя основными признаками: уничтожение частной собственности, обращение всех земель в общенародное достояние и уравнительно–трудовое землепользование. В параграфе 1 отмечалось, что в Российском государстве отменялась вся частная земельная собственность[249]. В параграфе 4 указывалось, что верховным распорядителем всех земель с водами и недрами «является Собрание народных представителей; местными распорядителями на тех же основаниях являются органы местного самоуправления…»[250]. Таким образом, в законопроект был введен такой порядок распоряжения землей, при котором в регулирование процесса землепользования были включены как центральные органы власти, так и органы местного самоуправления.

---

[247] Социализация земли. Проект основных положений земельного закона, с предисловием С.Л. Маслова. Петроград, 1917. С. 5.
[248] Там же. С. 8.
[249] Там же. С. 19.
[250] Там же.

В параграфе 8 были указаны нормы частно-трудового землепользования. Максимальной нормой наделения, согласно данному законопроекту, являлась трудовая норма. Таковой нормой наделения «являлась потребительная норма, основанная на определении нормального бюджета рабочей семьи, принимая во внимание гигиенический минимум личных потребностей и основных расходов на поддержание и развитие хозяйства (по расчету на 1 душу населения)»[251]. Установление максимальной и минимальной норм наделения землей были обусловлены различием в землеобеспеченности крестьянских хозяйств. Задачей уравнительно–трудового землепользования являлось «устранение нетрудового владения и распределение земли между хозяйствами трудового типа в определенных рамках, не предрешая вопроса о полном равенстве землепользования трудовых хозяйств»[252].

Согласно данному законопроекту воспрещалась передача земли между отдельными пользователями (лицами, семьями, земельными товариществами и артелями) и допускалась только с согласия общины и при соблюдении общих норм земельного закона[253]. Отдельно устанавливались правила кредитования крестьянских хозяйств для приобретения средств производства.

В данном законопроекте рыночные отношения и возможность имущественных отношений не отменялись. Но в ходе аграрных преобразований должны были прекратить свою деятельность крестьянский и дворянский земельные банки, землеустроительные комиссии и другие органы землеустройства. Предполагалось приостановить и оборот земельной собственности путем ограничения прав купли–продажи и дарения[254]. Для проведения реформы предлагалось сформировать местные земельные комитеты – волостные, уездные, губернские и областные.

---

[251] Там же. Социализация земли. Проект основных положений земельного закона, с предисловием С.Л. Маслова. Петроград, 1917. С. 22.
[252] Там же.
[253] Там же. С. 24–25.
[254] Там же. С. 26.

Изучая проблему эволюции программы социализации земли, необходимо остановиться на работе Г. Новоторжского «Социализация земли». В самом начале своей работы автор утверждал, что установление «того или иного начала для землепользования при национализации земли всегда будет зависеть от соотношения общественных сил в момент проведения ее в жизнь»[255]. В ней проводился водораздел между понятиями «социализация» и «национализация» земли. Термин национализация земли употреблялся в увязке с понятием «фискальная аренда». Новоторжский допускал участие государственной власти в праве распоряжаться землей, но в ограниченной форме. Подобный шаг мог быть оформлен в виде закона, где закреплялось право пользоваться землей только за непосредственными производителями. Поэтому национализация земли могла быть произведена, по мнению Новоторжского, в подворно–наследственных и хуторских хозяйствах. Делая ставку на «товарищеское землепользование», он имел в виду общину с ее стремлением к «черному переделу» и тем самым допускал уравнительное распределение земли.

Также Новоторжский отмечал противоречия в социалистических устремлениях аграрных реформаторов, а также тех, кто собирался произвести «социализацию земли». Он выделял, что «социализация» не являлась социализмом, так как последний выражался в общенародном владении земельными ресурсами и капиталом (орудиями производства), в общественной организации производства, в общественном разделении всей продукции, созданной гражданами. “Социализация” же земли предполагает только переход всей земли в общенародное достояние на трудовом начале. Но, в отличие от социализма, орудий производства, сельскохозяйственные и жилые постройки находятся в собственности у отдельных крестьян; общественного производства и распределения продукта тоже нет»[256].

[255] Новоторжский Г. Социализация земли (издание 2-е, исправленное). С.-Петербург, 1906 г. С. 4.
[256] Там же. С. 6.

Социализацию земли Новоторжский определял как «пользование огосударственной землей свободными общинами земледельцев, не прибегающих в обработке земли к наемному труду и … [распределявших] площадь своего землепользования между собою в зависимости от изменений семейного состава через определенное количество лет»[257]. Автор делает вывод, согласно которому «передельная» община под флагом национализации земли могла провести социализацию земли путем сохранения общинного землепользования при уничтожении общинного землевладения[258].

В годы Первой русской революции водораздел между аграрными программами национализации и социализации было трудно провести не только крестьянству, но и политикам, выступающим в защиту их интересов. Например, еще на съезде партии социалистов–революционеров, состоявшемся в декабре 1905 – январе 1906 гг., большинство делегатов «не могли уяснить разницу» между национализацией и предлагавшейся В.М. Черновым социализацией земли. Чернов разъяснял делегатам, что для понимания социализации надо вырваться из круга понятий римского права и подчеркивал, что «земля становится ни имуществом общины, ни имуществом области, а переводится в разряд современных государственных имуществ, как ничья земля становится общенародным достоянием»[259]. По мере дальнейшей разработки программы социализации земли и знакомству с ней большего количества политических деятелей и обывателей осведомленность о ее сути возрастала. К 1917 г. среди различных слоев населения сложилось достаточно четкое понимание того, какую из аграрных программ необходимо поддерживать.

---

[257] Там же. Новоторжский Г. Социализация земли (издание 2-е, исправленное). С.-Петербург, 1906 г. С. 4.
[258] Там же. С. 6.
[259] Цит. по: Есиков С.А. Российская деревня в годы нэпа: К вопросу об альтернативах сталинской коллективизации (по материалам Центрального Черноземья). М., 2010. С. 38.

Уравнительное землепользование было давней социальной утопией крестьянства, от которой оно не отказалось и в 1917 г.[260]. Именно эта утопическая идея в понимании деревни соответствовала программе социализации земли. В сознании крестьян аграрные программы под общей вывеской «социализации земли» базировались на представлениях о том, что земля «ничья», «божья». По мнению крестьян, земля являлась всеобщим достоянием, полученным людьми «от природы (дар Божий)»[261], которым мог воспользоваться любой труженик, обрабатывающий ее. Крестьяне относились к собственной земле как к источнику средств к существованию, правообладание которой формировалось самим фактом рождения. «Этот естественный по своему происхождению вид присвоения земли и социальная основа получения определенной доли в общем владении коллектива закреплялась традицией и обычным правом, фиксировавшими нераздельность земли и труда»[262].

Сакрализация земельных отношений, инстинктивное стремление деревни к отмене частной собственности подводило мощный фундамент под идею уравнительного распределения земли. Крестьяне были уверены, что после окончания Первой мировой войны разрушатся старый аграрный строй, земельные отношения, и общине никто не будет мешать «исправить историческую несправедливость, в результате которой крестьяне оказались без земли»[263].

Кризис власти, слабость социального контроля только усиливали экономические и политические иллюзии деревни о возможности приобретения «земли и воли». Желание крестьянской общины освободиться от экономической и политической зависимости государства и землевладельцев стали развиваться еще в эпоху крепостничества. Впоследствии это стремление

---

[260] Осипова Т.В. Российское крестьянство в революции и гражданской войне. М., 2001. С. 12.
[261] Данилова Л.В. Природное и социальное в крестьянском хозяйстве // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ежегодник. М., 1996. С. 35.
[262] Там же.
[263] Герасименко Г.А. Указ. соч. С. 93.

менялось и трансформировалось, приспосабливаясь к новым условиям. Постепенно к идеям общин об уравнительном распределении земли и совместном труде, свойственным патриархальному крестьянству, добавлялись тяга к обогащению, уважение к частной собственности, страх перед разорением[264]. Так крестьяне постепенно меняли свои традиционные установки.

Как уже отмечалось, именно интеллигенция внесла значимый вклад в реализацию проекта «социализации земли», выразив давнюю мечту крестьянства о «земле и воле» в развернутых программах. Например, Н.А. Бердяев отмечал, что «… интересы распределения и уравнения в сознании и чувствах русской интеллигенции всегда доминировали над интересами производства и творчества»[265]. При этом «любовь к уравнительной справедливости, к общественному добру, к народному благу парализовала любовь к истине, почти что уничтожила интерес к истине»[266]. Стремление революционных политических сил реализовать утопическую программу социального равенства в деревне без масштабной и поступательной реформационной деятельности формировали новые общественно–политические реалии, способные вызвать крестьянскую революцию.

В 1917 г. органы власти различного уровня старались предупредить захваты земель, погромы усадеб. Для этого требовалось создать в деревне новую систему управления. Однако политические институты, созданные в период революционных событий, не всегда справлялись с этой задачей. Данному вопросу в своем дневнике уделил внимание В.М. Чернов. Он выделял, что земельные комитеты в своей работе не были «чужды промахов и ошибок»[267]. В то же время В.М. Чернов указывал на земельные комитеты как

[264] Жиромская В.Б. Российская постсоциализированная деревня. 1918–1921 // Демографические и экологические проблемы истории России в 20 веке. Москва-Тамбов, 2010. С. 114-115.
[265] Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. Репринтерное воспроизведение издания 1909. М., 1990. С. 3.
[266] Там же. С. 8.
[267] Цит. по: Белоусов Р.А. Экономическая история России. К. 1. М., 1999. С. 48.

на единственный барьер, отгораживавший крупные частновладельческие имения и самих помещиков от погромной волны. Также Виктор Михайлович Чернов не видел экономического смысла в анархических захватах и погромах. Считал, что их результатами в итоге воспользуются кулаки, спекулянты и делал выводу: «…Они надеются, как–нибудь, сорвать земельную реформу»[268].

Под словом «они» В.М. Чернов подразумевал, конечно же, большевиков, которые к 1917 г., по сути, не имели собственной аграрной программы. Резолюция меньшевиков по аграрному вопросу, которая была утверждена на 4-м Объединительным съезде РСДРП в 1906 г., не отвечала задачам большевиков в их политической борьбе и поэтому ими не применялась и не пропагандировалась[269]. Аграрную программу большевики утвердили только в 1917 г. на 7-й (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП (б). «Запутанность положений аграрной жизни может быть распутана только национализацией, - выделял в докладе В.И. Ленин, - Национализация, это значит – все земли пустить под живую разверстку. Мы высказываемся за немедленный переход земли к крестьянам с максимальной организованностью»[270]. Таким образом Ленин склонял крестьян к активным действиям по немедленному земельному переделу.

Большевистские лидеры призывали к незамедлительной отмене частной собственности, а также к конфискации всех государственных, кабинетских, помещичьих, удельных, монастырских и церковных земель. Однако, в свою политическую программу они заложили нормы, сохранявшие верховное право собственности на все земельные ресурсы за государством, не смотря на то что земли должны были перейти в распоряжение общин. Предполагалось, что в дальнейшем должен был произойти переход к коллективным формам ведения сельскохозяйственного производства. В целом большевистские лидеры, провозгласившие себя носителями наиболее прогрессивной экономической

[268] Там же. Цит. по: Белоусов Р.А. Экономическая история России. К. 1. М., 1999. С. 48.
[269] Осипова Т.В. Российское крестьянство в революции и гражданской войне. М., 2001. С. 13.
[270] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. М., 1986. С. 124.

программы, фактически «возвращали» аграрный вопрос во времена феодальных отношений, когда основные земельные угодья принадлежали короне и отдавались крестьянам только во временное пользование или дворянам в «кормление», то есть в длительное безвозмездное пользование.

Большевистские воззвания о немедленном захвате земли были общине понятны и близки. Поэтому они находили в крестьянской среде значительную поддержку и по популярности в деревне их опережала только партия социалистов-революционеров. Н.А. Бердяев вносит некоторое важное уточнение, которое позволяет более емко оценить политические предпочтения деревни: «Крестьяне хотят иметь побольше земли, но это не значит, что крестьяне – социалисты – революционеры»[271].

Несмотря на то, что эсеры позиционировали свою программу и партию как крестьянскую, они не были равноценными и монолитными партнерами. Так, в теории социализации земли крестьянство привлекала лишь возможность уравнительного распределения земли, а последующие стадии развития социализма в государстве их практически не интересовали. Именно поэтому меньшевик П.П. Маслов в работе «Критика аграрных программ и проект программы», опубликованной в 1905 г., называл программу эсеров «реакционно – утопической программой мещанского социализма»[272].

Социалисты-революционеры не принимали марксистскую догму, согласно которой крестьянство к социализму должно было прийти через капитализм, предполагавший социальную дифференциацию внутри деревни на пролетариат и сельскую буржуазию. При этом данный процесс должен был сопровождаться классовой борьбой. Эсеры опирались на мнение, согласно которому общинно-кооперативный сельский мир воспитал в крестьянстве особенное отношение к труду. Подобное правосознание, по мнению социалистов-революционеров, давало возможность усваивать крестьянам идеи

---

[271] Бердяев Н.А. Духовные основы русской революции. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 2006. С. 178.

[272] Цит по: Кузнецов А.А., Давыдова И.В. Аграрные реформы в России XX столетия (на примере Тамбовской области). Мичуринск, 2004. С. 26.

аграрного социализма. Центральным тезисом программы-минимума эсеров стало требование социализации земли. Социализация земли предполагала отмену частной собственности на землю без выкупа, ее переход в общенародное достояние без права купли-продажи, передача всех сельскохозяйственных угодий в заведывание местных и центральных органов самоуправления. Землепользование должно было реализовываться на «уравнительно–трудовых» началах. По сути, «крестьяне видели в эсеровской программе лишь путь к скорейшему переделу помещичьих земель в свою пользу»[273].

Программа эсеров содержала существенные недостатки в отношении функционирования российского государства как института. Удовлетворяя запрос крестьян на уравнительное распределение земли, аграрная программа социалистов-революционеров не давала ответа на важнейший вопрос о том, за счет каких средств в случае реализации программы социализации земли будут обеспечиваться потребности города и армии. Данная аграрная программа включала только требования, которые касались обеспечения потребностей крестьянских хозяйств, но в них не было уделено внимание производству сельскохозяйственной товарной продукции.

Придать силу закона своей аграрной программе эсеры планировали на Учредительном собрании. Однако некоторые ее положения были готовы воплощать не только в рамках легальной законодательной практики, но и явочным порядком. Это, во-первых, относилось к тем положениям, в которых не были затронуты проблемы частной собственности.

Аграрные беспорядки социалисты-революционеры в большинстве случаев не поддерживали. Однако в их партийных недрах функционировала левая фракция «аграрного терроризма». Данная фракция сформировалась в преддверии первой русской революции и имела значительное влияние в среде эсеров. Ее сторонники призывали к захвату земельных владений помещиков, к

[273] Куцеволов А.А. Деятельность партии социалистов-революционеров среди крестьянства Воронежской губернии (90-е гг. XIX в. – 1917 г.) // Воронеж народнический: сборник статей, Воронеж, 2002. С. 157.

погромам частновладельческих имений как вражеских крепостей. Партийная верхушка социалистов-революционеров это политическое течение оценивала как анархическое. По их мнению, фракция «аграрного терроризма» представляла серьезную опасность для практического осуществления социализации земли. Однако, не смотря на подобную угрозу, руководство эсеров против данной внутрипартийной фракции не принимала мер дисциплинарного характера из–за опасений, что такие действия в целом ослабят влияние на крестьянство социалистов-революционеров[274].

Большевики же, напротив, делали ставку на скорейшее решение аграрного вопроса. Они допускали применение любых средств и методов, так как именно радикальные призывы позволяли получить политическую поддержку среди наиболее активной части крестьянства.

Позже, для прихода к власти и ее удержания, большевики пошли на присвоение ключевых положений аграрной программы социалистов-революционеров. Летом 1917 г. Ленин резко поменял тактические подходы большевиков в вопросе о земле, решив перенести острие антиэсеровской пропаганды с обличения утопизма тезиса социализации земли на изобличение измены социалистов-революционеров по отношению к собственной аграрной программе. Но вскоре большевики включили ключевые положения аграрной программатики эсеров в «Декрет о земле».

Конституционные демократы после прихода к власти во время Февральской революции не смогли сформировать внятную аграрную программу для крестьянства и тем самым не сумели воспользоваться возможностью закрепиться как ведущей политической силе в стране. В программатике кадетов говорилось о поступательном решении аграрно–крестьянского вопроса. Конституционные демократы предлагали «ждать Учредительное собрание» для разрешения аграрного вопроса, но это не устраивало деревню. Ощущая недовольство крестьянства, они признавали

[274] Политические партии России конца XIX-первой половины XX века. Энциклопедия. М., 1996. С. 435.

необходимость отчуждения части помещичьих земель с последующим их включением в землепользование общин. Частичное отчуждение земли, по мнению конституционных демократов, могло осуществляться в арендованных имениях в случае недостатка в какой-либо местности необходимого числа сельскохозяйственных угодий для наделения безземельных и малоземельных крестьян[275]. При этом конституционные демократы находили непозволительным передел земли развитых частновладельческих имений. По мнению кадетов отчуждение земли должно было осуществляться только посредством выкупа (как за счет крестьянства, так на средства государства).

Решение по аграрному вопросу, по мнению конституционных демократов, должны были начать готовить комитеты на местах, которые формировались из помещиков, крестьянства и местной администрации на паритетных началах. Данным комитетам нужно было сформировать первичный материал, который далее сводился в единый документ. На следующем этапе главный земельный комитет представлял сводные материалы на обсуждение Государственного совета и Государственной думы. Именно им, по мнению кадетов, и предстояло утвердить единый всероссийский закон о земельной реформе[276]. Однако размеренность в подготовке законопроекта и взвешенность при принятии окончательного решения характерны устойчивым политическим системам. Революционные события, острая политическая борьба и продолжавшаяся Первая мировая война дестабилизировали устойчивую работу государственных и местных органов власти.

Для проведения и реализации аграрной программы конституционных демократов необходима была сильная вертикаль власти. Без нее крестьянство трудно было заставить пойти на уступки в вопросе о земле. П. Маслов считал, что аграрная программа кадетов «была одной из самых утопических

[275] Политические партии России конца XIX – первой половины XX века. Энциклопедия. М., 1996. С. 435.
[276] Там же. Политические партии России конца XIX – первой половины XX века. Энциклопедия. М., 1996. С. 435.

программ, представленных в Государственной думе»[277], так как она не имела существенной поддержки в деревне.

Аграрная программа меньшевиков была малопривлекательна для крестьянства и фактически носила форму парадной риторики. Экономисты А.А. Кузнецов и И.В. Давыдова даже рассматривают взгляды меньшевиков как разновидность национализации земли, но с передачей ее в распоряжение не центральных, а местных властей[278].

Согласно основным тезисам программы муниципализации земли, крестьяне сохраняли у себя в собственности общинные и подворные земли, а помещичьи земли переходили под контроль местных органов самоуправления. Центральный аргумент меньшевиков в пользу этой программатики состоял в том, что крестьянство никогда не примет перехода собственных сельскохозяйственных угодий в руки любого класса, кроме крестьянства[279]. Сами же крестьяне оценивали аграрную программу муниципализации земли как новую форму земства, где предлагавшиеся формы землепользования могли привести к конфликтам. Поэтому деревня не поддержала такую аграрную программу.

П.А. Вихляев подробно останавливался на сопоставлении программ социализации и муниципализации земли. Он отмечал: «Только социализация земли обеспечивает столь же необходимое в этом деле единство хозяйственной организации, подчиняя однородному и общему праву отдельные части земельной территории всякого селения и представляя вместе с тем полноту хозяйственной распорядительной власти земельному сходу общины»[280]. Вихляев отмечает, что «ничего подобного не может дать им муниципализация крупной земельной собственности, ставящая себе целью усиление неравномерности в пользование землей, ни проект аграрной

[277] Маслов П. Аграрный вопрос в России. Кризис крестьянского хозяйства и крестьянское движение. т. II. СПб. 1908. С. 293.
[278] Цит по: Кузнецов А.А., Давыдова И.В. Указ. соч. С. 30.
[279] Там же. С. 416.
[280] Вихляев П. Социализация земли и прогресс сельского хозяйства // Социализация земли. Сборник статей. Выпуск первый. М., 1907. С. 179–180.

реформы к.–д. партии с его регламентацией, убивающей всякую хозяйственную самодеятельность земледельческого населения»[281].

Важной вехой на пути реформирования деревни накануне и в ходе социализации земли в России стали работы представителей Лиги аграрных реформ, созданной по инициативе Вольного экономического общества в 1917 г., куда входили передовые ученые–аграрники. Автор концепции семейно–трудового крестьянского хозяйства и крестьянской кооперации А.В. Чаянов в работе «Что такое аграрный вопрос», опубликованной в 1917 г., выступал за социализацию земли. Он отмечал, что «земледелие должно быть организовано исключительно на трудовых началах, никакой наемный труд не может быть допускаем»[282]. Но при этом Чаянов предостерегал, что «по мере развития земледелия, по мере того как земля становится ценностью, и капиталом, уравнительная община начинает умирать, и идеология частной собственности на землю начинает завоевывать ум земледельца»[283]. Важную роль, по мнению А.В. Чаянова, в ходе аграрного реформирования играли местные условия, а также свободный выбор организационных форм хозяйствования и кооперация.

Другой представитель организационно – производственной школы, Н.Д. Кондратьев, товарищ министра Временного правительства по продовольствию, накануне Октябрьской революции 1917 г., а впоследствии советский служащий, поддерживал социализацию земли, уравнительное трудовое землепользование. В условиях военных и революционных потрясений он выдвигал требование «рыночной проверки» инструментов государственной политики, указывал на важность роста товарности крестьянских хозяйств. В то же время Н.Д. Кондратьев критиковал частые земельные переделы. Они, по мнению ученого, снижали производственную мотивацию крестьянства: «…если мы хотим иметь более высокую производительность труда, если мы хотим более быстрого роста

[281] Там же. Вихляев П. Социализация земли и прогресс сельского хозяйства // Социализация земли. Сборник статей. Выпуск первый. М., 1907. С. 179–180.
[282] Цит. по: Кузнецов А.А., Давыдова И.В. Указ. соч. С. 30.
[283] Там же.

производительных сил в сельском хозяйстве, мы не можем допускать слишком значительное измельчение хозяйства»[284]. Н.Д. Кондратьев считал, что в аграрном секторе имели право осуществлять свою деятельность различные формы трудового землепользования: личная, арендная, общинная.

Экономист–аграрник Б.Д. Бруцкус, автор ряда работ по сельскохозяйственной проблематике, был сторонником индивидуального способа ведения хозяйства, а также кооперативного движения. Он проводил четкую линию водораздела между прагматикой эсеров и марксистским подходом к аграрному вопросу. В программе социалистов-революционеров Б.Д. Бруцкус выделял три основных начала: право на землю, общинное владение ею и мирское управление. То есть эсеры видели в этих положениях человека. «У марксистов же на первый план выдвигалось общество, – писал Б.Д. Бруцкус, – то есть что хорошо государству, обществу, то хорошо и человеку, что в дальнейшей политике Советского государства получит последовательное применение советского крестьянства всегда выполнение планов заготовок зерна и других сельскохозяйственных продуктов государству, а себе потом, по остаточному принципу»[285].

Ключевыми элементами аграрных построений Бруцкуса были следующие элементы: рынок, кооперация, трудовое землепользование и семейное крестьянское хозяйство. Однако социально–экономическое размежевание деревни 1917 г., разрушение производительных сил в ходе войны и революции фактически показали нежизнеспособность либеральных аграрных реформ.

Временное правительство должно было либо разрешить аграрный вопрос, либо уйти с политической арены. Трудность аграрных преобразований определялась существованием в экономике страны укладов различного типа: ранних и зрелых форм капитализма, а также наличием существенных особенностей хозяйственного развития отдельных волостей, уездов и

[284] Кондратьев Н.Д. О крупных крестьянских хозяйствах. Особое мнение. Книга 1. М., 1993. С. 173.
[285] Кузнецов А.А., Давыдова И.В. Указ. соч. С. 40.

губерний. Это порождало широкий набор вариантов преобразований в аграрном секторе страны и как следствие – целый спектр различных правовых инициатив и законопроектов.

В 1917 г. общий отдел министерства земледелия Временного правительства, в рамках «реформы ведомства земледелия» отмечал, что осуществление социализации земли требовало коренной ломки всего административно–технического аппарата и приспособления его к новым формам землепользования. Поэтому в министерстве земледелия разрабатывается проект о коренной реформе ведомства. Для уничтожения двойственности системы управления на местах (т.к. действовали с одной стороны земельные – комитеты, а с другой – органы министерства) предполагалось местные ведомственные учреждения сливать с земельными комитетами и использовать в качестве технического аппарата[286]. Данные преобразования должны были создать единую вертикаль земельных органов, а также упразднить ее сверхштатный состав[287].

Ведущие политические силы России предлагали собственный рецепт решения аграрного вопроса, до максимума насытив информационное поле альтернативными программами. Война идеологических концепций, каждая из которых по – разному определяла решение аграрного вопроса, вносила путаницу в сознание самой крупной социальной страты – крестьянства. Но победителем из революции могли выйти только те политические силы, которые предлагали деревне передел земли.

Но если меньшевики, конституционные демократы, и с отдельными оговорками, социалисты-революционеры ожидали Учредительного собрания для решения вопроса о земле, то большевики выступали за немедленный уравнительный передел. После июльского кризиса 1917 г. власть оказалась в руках конституционных демократов и социалистов-революционеров, однако Временное правительство так и не смогло разрешить вопроса о земле.

[286] ГАРФ. Ф. А 353. Оп. 2. Д. 181. Л. 102.
[287] Там же.

Столкновение интересов различных политических сил по вопросу дальнейшего аграрного реформирования вылилось в различные формы борьбы. В качестве ключевого вопроса в этих конфликтах выступала проблема владения и пользования земельными ресурсами. Запрещение или разрешение купли–продажи земли, ее национализация или социализация, роль государства в регулировании земельных отношений – все эти вопросы стояли в 1917 г. на повестке дня политических партий и вызывали не только острые теоретические дискуссии, но и стимулировали новый подъем революционного движения. Министр земледелия В.М. Чернов отмечал, что «отсутствие новых законов обостряет обстановку в деревне»[288].

Большевики, придя к власти, сумели разрубить этот «гордиев узел» и приняли законы, которые соответствовали представлениям патриархального крестьянства и идее об уравнительном распределении земли. В.Н. Гинев справедливо пишет о том, что «Декрет о земле» и «Положение о земельных комитетах» упразднили помещичье землевладение, передали землю в распоряжение крестьянских комитетов и Советов. Но данные нормативные акты еще не давали детальных правил о пользовании землей[289]. Основной задачей «Декрета о земле» и «Положения о земельных комитетах» стала ликвидация частновладельческих имений. Развитие поземельных отношений большевики намеревались осуществить в последующих законодательных актах.

Альтернативой большевистскому «Декрету о земле» мог бы стать законопроект, готовившийся в недрах Временного правительства. Об этом говорил 28 октября 1917 г. автор закона, эсер, к этому моменту уже бывший министр земледелия, С.Л. Маслов. Однако ряд положений данного проекта, допускавшие передачу аренды земельным комитетам, не устраивали крестьянство. Начавшаяся крестьянская революция отвергала все подобные начинания. Сам масловский законопроект был продуктом аграрного движения

[288] Гинев В.Н. Аграрный вопрос и мелкобуржуазные партии в России в 1917 г. Ленинград, 1977. С. 118.
[289] Там же. С. 241.

– многие его положения были заимствованы из «Распоряжения № 3», написанного эсерами после начала погромов помещичьих имений в Тамбовской губернии в сентябре 1917 г.

Вскоре положение на политической арене изменилась. Если до октября 1917 г. эсеры фактически были руководящей политической силой, то после прихода к власти большевиков они ушли в оппозицию. В условиях новой политической действительности социалисты-революционеры выступали оппонентами не представителям бывших цензовых сословий, а Советской власти. Советская власть была родственной политической силой для эсеров, а также заимствовала у них ряд популярных положений для своей аграрной программы. Социалисты-революционеры оказались в условиях ограниченного политического маневра, так как большевики, стараясь переманить крестьянство, тоже стали декларировать тезис о социализации земли[290]. Данный маневр отчасти большевикам удался и позволил достичь поддержки части деревни. Осенью 1917 г. это показали итоги выборов в Учредительное собрание.

Эсеры, большевики и кадеты были ведущими политическими силами, претендовавшими на победу в ходе предвыборной кампании. Большевики не располагали широкой поддержкой электората и направляли острие пропаганды на агитацию среди солдат из крупных городских гарнизонов. При этом учитывался факт, согласно которому, солдаты, как пропагандисты и агитаторы, воспринимались в деревне как свои.

Например, в Тамбовской губернии эсеры планировали получить все 16 депутатских мандатов. Такой результат, по мнению социалистов-революционеров, должны были обеспечить голоса крестьянства. Согласно материалам, представленным в подготовленной тамбовскими социалистами-революционерами «Инструкции для ведения избирательной борьбы в

[290] Политические партии России. С. 344.

Учредительное собрание», во всех деревнях и селах нужно было сформировать партийные группы[291].

В качестве электората конституционные демократы рассматривали средние и зажиточные социальные слои городского населения и не осуществляли целенаправленной предвыборной агитационной работы среди крестьян. В деревне кадеты планировали получить поддержку, объединив свои голоса с голосами Союза земельных собственников. В целом же конституционные демократы достаточно скептично восприняли предвыборную кампанию в Учредительное собрание и не провели основательной агитации.

В Тамбовской губернии среди общего количества граждан, которые проголосовали, удельный вес горожан составил 3,5%. Этого число голосов с трудом хватало на один из шестнадцати мандатов. Таким образом подавляющее большинство всех членов Учредительного собрания от Тамбовской губернии выбирали крестьяне. И этой политической прерогативой деревня воспользовалась, так как здесь сложилось четкое понимание о том, что выборы определяли дальнейшую судьбу вопроса о земле.

Осознание крестьян о важности голосования развивалось поступательно. Как сообщали с мест, «интерес к выборам в Учредительное собрание туго проникал в народную толщу»[292]. Но сами выборы продемонстрировали высокую явку, в ряде случаев даже опережая активность горожан. Так, в Курском округе явка составила 62 %, в то время как в Курске – 58,4%[293]. В Воронежском округе явка составила 62,7, в Воронеже – 63,6%[294]. Деревня отдавала голоса за те партии, которые, по ее мнению, могли дать ей землю.

Приход большевиков к власти негативно повлиял на работу избирательных комиссий и отчасти на ход самих выборов в Учредительное

[291] Протасов Л.Г. Выборы в Учредительное собрание в Тамбовской губернии // История Тамбовского края: избранные страницы. Тамбов, 2004. С. 149.
[292] Там же. С. 147.
[293] Протасов Л.Г. Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели. М., 1997. С. 198.
[294] Там же.

собрание. Это нашло отражение на ужесточении борьбы за большевистский список № 7, а также в запрещенных методах агитации за этот список. Так, на Ольговском избирательном участке в Усманском уезде Тамбовской губернии солдат-большевик призывал кидать в избирательную урну список № 7. Кроме того, на общественное мнение, особенно на крестьян, влияли слухи о том, что солдаты Козловского гарнизона будут бить тех, кто не проголосует за большевиков. Подобные настроения отмечались и в среде солдат из Орловской губернии. «Гарнизон голосовал за большевиков – Орел вдруг на одну треть предстал перед светом в красной якобинской шапке, – писала местная газета. – Выведите гарнизон из Орла, и Орел окажется определенно кадетским»[295].

Зачастую в селах голосование за одну из партий осуществлялось коллективно в виде согласованного (иногда принудительным образом) решения крестьянского схода. Например, в отчете Тамбовской окружной комиссии отмечалось, что крестьянство на сельских сходах выносили решение в пользу одного из партийных списков. Затем осуществлялось наблюдение, чтобы все без исключения члены общины или жители деревни, имевшие право принимать участие в выборах, голосовали только за данный список[296]. По сути крестьянство делало выбор единым голосом – голосом сельского схода.

Крестьяне черноземной деревни по итогам голосования отдали предпочтение партиям, которые, по их мнению, готовы были предоставить им землю. В Тамбовской губернии основными конкурентами выступили две партии – большевики и эсеры. Они получили соответственно 20 и 75% от общего количества граждан, принимавших участие в выборах[297]. Л.Г. Протасов раскрыл следующую закономерность: если расположить уезды Тамбовской губернии в порядке убывания эсеровского процента полученных

[295] Цит. по: Протасов Л.Г. Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели. М., 1997. С. 223.
[296] Протасов Л.Г. Выборы во Всероссийское Учредительное собрание на Тамбовщине (1917 г.). Тамбов, 2006. С. 7.
[297] Там же. С. 153.

голосов, то данная графа будет практически зеркальна графе «большевики». Таким образом, голоса социалистов-революционеров вытеснялись большевиками и наоборот. Но даже в такой острой политической конкуренции эсеры получили почти четырехкратное превосходство. Общий удельный вес голосов, отданных за большевиков, был несколько выше в тех уездах, где базировались воинские гарнизоны.

В целом же черноземная деревня создавала мощную политическую платформу для эсеров. На выборах в Учредительное собрание в губерниях Черноземного центра они получили 74,6% голосов[298]. В отдельных уездах социалисты-революционеры получили более 90% избирательных списков. Данные процессы можно было наблюдать в Валуйском, Острогожском, Нижнедевицком, Бирючевском уездах Воронежской губернии[299]. Политические предпочтения крестьянства в конце 1918 г. оказались на стороне социалистов-революционеров.

Деревня голосовала за землю и в тех случаях, когда бросали в избирательную урну список эсеров, и когда делала выбор в пользу большевиков. Голоса в пользу одной из программ этих двух партий для крестьянства обозначал выбор уравнительного распределения земли как приоритетного направления аграрных преобразований. Разница заключалась только в том, что для эсеров вопрос о социализации земли играл стратегическое значение, для большевиков он носил тактический характер и расчет «на то, чтобы перехватить крестьян у эсеров»[300].

В тяжелых и напряженных для страны внутриполитических и международных условиях Временное правительство должно было разработать новую аграрную программу, либо принять одну из существующих. На практике оно оказалось неспособным решить агарный вопрос. Законотворческую деятельность Временного правительства выразилась во

[298] Политические партии России. С. 442.
[299] Протасов Л.Г. Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели. С. 229.
[300] Там же. С. 156.

множестве нередко противоречащих друг другу указов, положений, инструкций и распоряжений (таких как закон «Об охране посевов» от 11 апреля 1917 г., инструкция министра земледелия В.М. Чернова от 16 июля 1917 г., закона от 12 июля 1917 г. об ограничении земельных сделок и другие). Данные нормативные акты зачастую на местах не выполнялись, а в ряде случаев были отменены самим Временным правительством. Это свидетельствовало о низкой эффективности аграрной политики данного органа власти. Подобное положение было связано с отсутствием у власти обоснованной концепции и программы аграрных преобразований, что обрекало всю преобразовательную деятельность Временного правительства на провал и как следствие провоцировало нарастание аграрного движения. Перед страной открывались новые альтернативы развития: революционный (большевистский) и ультрареволюционный. Консервативная альтернатива (полуреформистская) перестала существовать с весны 1917 г.

Решение аграрного вопроса находилось в сфере подготовки и реализации программы дальнейшего развития российского сельского хозяйства. Окончательный политический выбор должно было сделать крестьянство на Учредительном собрании. Большевики пришли к власти, не желая ждать начала его открытия и не имея существенного влияния в черноземной деревне. Но применив политическую гибкость и силу, используя лозунг эсеров, они сумели убедить деревню в своих «социализаторских» намерениях по отношению к земельным ресурсам.

§ 2.3. РАЗРАБОТКА И УТВЕРЖДЕНИЕ «ОСНОВНОГО ЗАКОНА О СОЦИАЛИЗАЦИИ ЗЕМЛИ»

«Декрет о земле» создал юридические основания для уничтожения помещичьего землевладения, но зафиксировать дальнейшие пути развития земельных отношений новое правительство намеревалось в последующих нормативных актах. В первую очередь необходимо было подготовить законы

и инструкции для распределения земли весной 1918 г. Кроме того, перед Советской властью вставали задачи по рациональному использованию изъятого у помещиков инвентаря, возникла необходимость формирования и развития первых коллективных хозяйств и т.д.

В ходе конфискации помещичьих имений Советская власть использовала земельные комитеты. Но для продолжения аграрных преобразований последние не подходили, так как они имели иную социально-политическую природу. Новыми советскими административными органами в деревне стали Советы.

На Учредительном собрании политические партии продолжили борьбу вокруг вопроса о земле. Большевики старались провести свою аграрную программу, утвердив «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа». Декларация содержала тезис о том, что в ходе осуществления социализации земли должна быть отменена частная собственность на землю, весь земельный фонд должен был стать общенародным достоянием и перейти без всякого выкупа к трудящимся «на началах уравнительного землепользования»[301]. Наряду с земельными ресурсами к национальному достоянию большевики относили леса, воды государственного значения недра, живой и мёртвый инвентарь, сельскохозяйственные предприятия и поместья.

Но, антибольшевистски настроенные члены Учредительного собрания не дали провести «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа». Эсеры–правоцентристы, имевшие наибольшее количество голосов в этом представительном органе, не позволили включить декларацию в повестку. В ответ большевики и левые эсеры ушли с Учредительного собрания. Оставшиеся в Таврическом дворце правые социалисты-революционеры сделали попытку провести свой закон о земле, который разрабатывался в Главном земельном комитете. Но проголосовать удалось только по первым 10 статьям.

[301] Луцкий Е.А. Закон о социализации земли // Вопросы истории. 1948. № 10. С. 23.

Когда в пятом часу утра председатель Учредительного собрания В.М. Чернов начал зачитывать аграрный законопроект правых эсеров, его достаточно быстро прервал начальник караула анархист-коммунист, матрос А.Г. Железняков. Он приблизился к В.М. Чернову и предложил завершить заседание, объяснив свой поступок поздним временем. Е.А. Луцкий следующим образом передает атмосферу в зале: «Среди страшного шума и криков Чернов предложил закончить заседание, приняв без прений прочитанную часть закона о земле и передав остальную в комиссию. Что, собственно, было принято, так и осталось неизвестным. Правоэсеровская печать утверждала, что Учредительное собрание приняло первые 10 статей законопроекта, т. е. раздел А – "Общее положение", – хотя, как видно из стенограммы заседаний Учредительного собрания, Чернов успел зачитать лишь одну статью законопроекта»[302].

Первая статья законопроекта правых эсеров говорила об отмене в России всякой собственности на землю. Однако ни один из разделов данного нормативного акта не содержал упоминаний о конфискации земли у помещиков. В нем ничего не говорилось о судьбе поместий, сельскохозяйственных предприятий, об инвентаре, хотя большевики в «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа» уделили этим аспектам особое внимание. По сути законопроект правых социалистов-революционеров не включал в себя правовых норм, которые бы дали основания для конфискации имущества у крупных землевладельцев.

Из-за роспуска Учредительного собрания решение вопроса о земле президиум ЦИК Советов крестьянских депутатов передал 3-му Всероссийскому съезду Советов крестьянских депутатов. 13 января 1918 г. произошло открытие данного съезда. Большевики совместно с левыми социалистами-революционерами располагали на нем решающим количеством голосов. Стремление их оппонентов забаллотировать «Основной закон о социализации земли» оказалось безуспешным и он был принят.

[302] Луцкий Е.А. Закон о социализации земли // Вопросы истории. 1948. № 10. С. 23.

О результатах работы 3-го Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов писал член коллеги Наркомюста А.Г. Гойхбарг. Он выделял, что съезд, уже завершая работу, без прений принял общее положение закона о социализации земли, а его основную часть направил для разработки в крестьянскую секцию съезда, «как будто этот вопрос не должен интересовать другие секции съезда, в частности его рабочую секцию»[303]. Но на съезде были скептически настроенные делегаты, которые предполагали, что этот закон мог вызвать конфликт между городом и деревней в ходе его осуществления[304].

Проект закона о социализации земли готовился левоэсеровской коллегией Народного комиссариата земледелия. Большевики, вручив левым социалистам-революционерам портфель Наркома земледелия, в тот же момент предали политическим союзникам возможность подготовить законопроект «Основного закона о социализации земли». В ноябре 1917 г. о компромиссе с левыми эсерами написал В.И. Ленин: «Нам говорят, что мы против социализации земли и что поэтому не сумеем договориться с левыми эсерами. Да, мы против эсеровской социализации земли, но это не помешает нам быть в честном союзе с левыми эсерами. Сегодня или завтра левые эсеры выдвигают своего министра земледелия и, если он проведет закон о социализации земли, мы не будем голосовать против»[305].

Несмотря на союз большевиков и левых эсеров, в правящем блоке продолжалась борьба за программу аграрных преобразований. Левые социалисты-революционеры начали разрабатывать законопроект, желая его противопоставить основным положениям «Декрета о земле». Но накануне 3-го Всероссийского съезда ЦК партии левых социалистов-революционеров проводил переговоры с ЦК большевиков, стараясь получить поддержку для приведения в жизнь закона о социализации земли. Суть этих переговоров, как

[303] Гойхбарг А. К земельному вопросу // Новая жизнь. 19 января 1918 г.
[304] Там же.
[305] Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 100.

отмечала М.А. Спиридонова, состояла в том, чтобы заручиться поддержкой большевиков в вопросе об утверждении на съезде Советов аграрного закона[306].

Первичный текст данного законопроекта подготовила коллегия Народного комиссариата земледелия. В ней доминировали левые социалисты-революционеры, а руководили А.Л. Колегаев и И.А. Майоров. Законопроект о земле не воспроизводил общего мнения даже левоэсеровской части коллегии. При подготовке законодательного акта многие левые социалисты-революционеры, в том числе обладавшие большим партийным весом (С.Ф. Рыбкин, М.А. Спиридонова, А.М. Устинов, В.Е. Трутовский) обнаружили «коллективистские тенденции». Они проявляли двоякое восприятие социализации земли. В узком понимании они высказывались за уравнительное землепользование, в широком – за обобществление земли[307].

Законопроект начали готовить не раньше 14 января 1918 г. Его суть сводилась к развитию условий для формирования в деревне мелких, средних хозяйств и ограничению влияния государства на аграрный сектор.

17-18 января 1918 г. на объединенных заседаниях крестьянской секции съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и Всероссийского съезда земельных комитетов началось (но не завершилось) обсуждение первого раздела законопроекта. Были рассмотрены первые 25 статей. Законопроект необходимо было в спешном порядке представить на утверждение съезда Советов. По этой причине девятнадцать статей были сданы на исправление в ЦК партии левых социалистов-революционеров и ночью 18 января с существенными коррективами вынесены на пленум 3-го Всероссийского съезда Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов. В первый раздел проекта закона о социализации земли Наркома земледелия под влиянием критики большевиков были внесены поправки[308]. Большевики настояли на переработке законопроекта и устранении из его

[306] См.: Октябрь и советское крестьянство. С. 84.
[307] Там же.
[308] Гинев В.Н. Указ. соч. С. 245.

текста «вредных» левоэсеровских «деталей»[309]. Поправки были сделаны и проект закона о земле левых социалистов-революционеров стал советским.

Перед заседанием съезда Советов прошло совещание большевистской фракции, а также состоялись переговоры между фракциями большевиков и левых эсеров. На них был достигнут компромис по восемнадцати статьям законопроекта о социализации земли, но по 13–й статье единого мнения в этот вечер добиться не удалось.

18 января 1918 г. прошел съезд земельных комитетов. На нем обсуждался вопрос об объединении с крестьянской секцией 3-го Всероссийского съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. В ходе длительных прений было принято решение о том, что делегаты от земельных комитетов каждой области (Волжской, Центральной и других) выдвинут по три представителя, которые примут участие в разработке закона о социализации земли совместно с крестьянской секцией. Затем законопроект должен был отдельно рассматриваться крестьянской секцией и съездом земельных комитетов, и лишь после этого планировалось проведение совместного заседания для заключительного обсуждения и принятия закона.

Левые социалисты-революционеры при подготовке данного законопроекта прибегали к «чрезвычайным мерам». Например, М.А. Спиридонова посетила съезд земельных комитетов. Здесь она произнесла речь, в которой отметила, что большевики мешают подготовке «Основного закона о социализации земли». Она призывала съезд земельных комитетов «объединиться с крестьянским съездом, так как при таких условиях препоны большевиков не будут иметь никакого значения»[310].

Ряд участников дискуссии настаивал на редакции первой статьи предполагаемого закона и внесли поправки, касающиеся не только частной собственности, а вообще «всей собственности на землю», уничтожения права

[309] Луцкий Е. Закон о социализации земли… С. 27.
[310] Там же. С. 30.

собственности на леса и недра[311]. В частности, народный комиссар А.Л. Колегаев сказал, что за государством следует оставить право собственности на лесные богатства (в смысле права запрещения их эксплуатации): «Если леса объявить Божьими… то мы не гарантируем их [сохранность] со стороны международных и собственных спекулянтов, а поэтому лесные богатства должны оставаться собственностью Советской России»[312]. Таким образом, после продолжительных прений статья 1 была принята.

Съезд отклонил и предложение социалистов-революционеров, и предложение меньшевиков открыть прения по законопроекту. Первый раздел утвердили в целом без прений. Президиуму было предоставлено право окончательного редактирования проекта закона.

Законопроект дорабатывали в рабочем президиуме и секциях объединенного заседания крестьянской секции и съезда земельных комитетов. В президиум вошли пять большевиков (Иванов, Анохин, Я.Ф. Фабрициус, Рыдров, Выдрин), шесть левых социалистов-революционеров (Спиридонова, Рыбкин, Малкин, Орехин, Иванов и Попов), а также эсер-максималист Рыбаков[313]. Но и здесь обладавшие большим числом голосов правые социалисты-революционеры продолжили борьбу против объединения съезда с крестьянской секцией.

В ходе заседаний обсуждались и вносились коррективы в оставшиеся неутвержденными двенадцать разделов первоначального законопроекта Народного комиссариата земледелия, которые были переданы съездом Советов «на дальнейшую разработку». Для этого крестьянские делегаты разбились на двадцать шесть секций. Тринадцатью секциями были подготовлены соответственно тринадцать разделов законопроекта. Первая секция называлась «Кто имеет право пользоваться землей», вторая – «Порядок предоставления земли в пользование». Также были сформированы другие

[311] ГАРФ. А 353. Оп. 2. Д. 181. Л. 143.
[312] Там же.
[313] См.: Октябрь и советское крестьянство. С. 94.

секции: по реорганизации министерств, «лесная», по снабжению инвентаря, «сметная», по выработке инструкций переходных мер и другие.

24 января 1918 г. по итогам двухдневной секционной работы в Смольном институте под председательством М.А. Спиридоновой состоялось пленарное заседание крестьянской секции Всероссийского съезда советов и представителей земельных комитетов, были заслушаны сообщения секций о принятых изменениях и дополнениях. Съезд после тщательного рассмотрения отдельных разделов статей принял и утвердил 34 статьи. Наиболее существенные поправки были внесены в статью 22, определявшую очередь распределения земли между нуждающимися. Было принято постановление в первую очередь удовлетворить малоземельных и безземельных батраков. Кроме того, вне очереди в особом порядке подлежали наделению землей солдаты, пострадавшие в войне.

В ходе дискуссии значительные разногласия вызвал вопрос о том, по каким признакам целесообразно разделить на пояса земледельческую Россию для установления потребительно-трудовой нормы. Ряд ораторов высказывается за деление России на области в зависимости от климатических, почвенных и иных природных условий. Докладчик коллегии земледелия И.А. Майоров указал на полное отсутствие «разработанных материалов, которые давали хотя бы какую-нибудь практическую возможность разделить земледельческую Россию...» [314]. Далее он развивал мысль и говорил, что в России необходимо провести гигантскую работу, которая будет завершена усилиями будущих поколений, «вот почему для определения размеров потребительно-трудовой нормы приходится считаться с исторически сложившимися формами хозяйств»[315]. Собрание согласилось с докладчиком.

Наиболее острые дискуссии вызвал седьмой раздел законопроекта «Формы землепользования». Воспоминания Г.И. Иващенко, который возглавлял секцию, занимавшуюся разработкой данного вопроса, содержат

[314] Закон о социализации земли // Известия земельных советов, депутатов армейских, крестьянских и рабочих депутатов. № 21. 27 января 1918 г.
[315] Там же.

описание процесса разработки данного раздела: «Когда привлекли представителей деревни к разработке закона о социализации земли, то они, прочитав проект земельной реформы, сказали “Федот, да не тот”, “лохматая социализация”. И, найдя его лохматым, стали причесывать свои мозолистые руки. Отруба и хутора, проходившие красной нитью через весь законопроект, подверглись жесткой критике»[316]. Значительная часть крестьян, работавших в секции, поддержала коллективные формы хозяйствования.

Большинством голосов седьмой раздел отклонили, и было принято положение, предоставлявшее существенные преимущества коллективным формам землепользования над единоличными. При утверждении седьмого раздела «Формы землепользования» от последующей защиты всего закона о социализации земли отказались И.А. Майоров и А.Л. Колегаев. Такую реакцию членов коллегии Народного комиссариата земледелия, левых социалистов-революционеров вызвало положение, согласно которому коллективные хозяйства в Советской республике должны были обладать преимуществами над единоличными хозяйствами.

По результатам работы секций из проекта закона о социализации земли были устранены все упоминания о земельных комитетах и земствах. В текст законопроекта включили основополагающие положения, согласно которым коллективным хозяйствам (артелям, коммунам и товариществам по совместной обработке земли) предоставили преимущественные права в землепользовании.

Отметим, что большевики смогли защитить положения, согласно которым, государство получило право на пользование земельными угодьями наравне с основным источником этого права – личным трудом. Однако потенциал организации государственных хозяйств (например, показательных полей и образцовых ферм) был ограничен. В статье 20 законопроекта о социализации земли содержался тезис, о том, что государство могло

[316] Цит. по: Максимова О.Д. Законотворческая деятельность Всероссийских съездов и ВЦИК в условиях многопартийности (ноябрь 1917 – июль 1918 г.) // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2009. С. 83.

использовать земли сельскохозяйственного назначения только в культурно-просветительских целях. В то же время законопроект сохранял иное направление развития коммун, артелей и товариществ по совместной обработке земли. Статьи 11, 21 и 35 сообщали о готовности Советской власти всячески оказывать поддержку развитию коллективных хозяйств.

К лету-осени 1918 г. проблематика закрепления собственности на землю стала играть большую практическую роль, так как данная норма стала важнейшей правовой составляющей при формировании советских хозяйств. Поэтому статья 17 законопроекта, в которой говорилось о праве государства на дифференциальную земельную ренту, образующуюся на земельных участках с более плодородной почвой или вследствие их более выгодного расположения по отношению к рынку сбыта, возбудила споры между эсерами и большевиками. Но в ходе переговоров эту норму удалось утвердить.

Проблема развития коллективных хозяйств поднимался в I, II, III, IV и VI разделах законопроекта. Первый раздел содержал общие положения. Содержавшаяся в нем статья 11 сообщала, что одной из функций земельных отделов является развитие коллективных форм хозяйствования как наиболее выгодного по сравнению с единоличными крестьянскими хозяйствами. В статьях 20-22 содержались положения, согласно которым земля должны была передаваться, в первую очередь, тем категориям населения, которые имели бы желание работать на ней не для получения личной выгоды, а для общественной пользы. Также были утверждены приоритеты при установлении последовательности получения землепользований среди различных участников сельскохозяйственного производства. В первую очередь, по мнению законотворцев, наделялись землей коммуны, артели и сельскохозяйственные товарищества, а во вторую – общины и отдельные семьи.

Статья 26 законопроекта о социализации земли фиксировала величину землепользования для тех категорий хозяйств, которые занимались садоводством, скотоводством и сельскохозяйственными промыслами. Данная

норма формировалась в соответствии с «общественной необходимостью». Статьи 27 и 34 содержали нормы, согласно которым, коммуны и сельскохозяйственные товарищества подлежали переселению в последнюю очередь. На новых местах государство должно было оказывать им содействие для развития коллективных форм ведения хозяйства. В статье 35 говорилось, что Советская республика для скорого достижения социализма должна была оказывать многообразную поддержку (материальную помощь, в культурной сфере) коллективной обработке земли, отдавая преимущество коммунистическому, артельному и кооперативному хозяйствам перед единоличным.

Мелкие правки затронули 5, 6, 7 и 9 статьи законопроекта. Так, в проекте социалистов-революционеров содержались нормы, согласно которым, инвентарем, постройками и всей землей сельскохозяйственного назначения должны были распоряжаться земства и органы местного самоуправления. В последней редакции земли сельскохозяйственного назначения, инвентарь и постройки в зависимости от их значимости переходили в распоряжение федеральных и местных органов власти[317].

25 января 1918 г. «Основной закон о социализации земли» в целом был доработан и принят. Далее он был направлен во Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет. Параллельно в аппарате ВЦИК шло рассмотрение и редактирование первого раздела. Вечером 25 января или 26 января большевики и левые социалисты-революционеры на паритетных началах организовали комиссию. 26–27 января окончательный текст закона о социализации земли согласовывался в данной комиссии и в президиуме ВЦИК. Там и проходили финальные обсуждения и дебаты между большевиками и левыми эсерами. Вечером 27 января 1918 г. согласованный ими текст «Основного закона о социализации земли» был утвержден на пленарном заседании Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета. В работе ВЦИК участвовало двести двадцать делегатов. Среди них

[317] См.: Октябрь и советское крестьянство. С. 94.

было сто двадцать два большевика, восемьдесят пять левых эсеров, пять эсеров-максималистов, три правых эсера, три представителя объединенных интернационалистов, а также два анархиста – коммуниста[318]. Фактические исход голосования был в руках большевиков и их политических союзников, так как им принадлежало наибольшее количество голосов.

Атмосфера в Таврическом дворце перед окончательным утверждением «Основного закона о социализации земли» отражена в статье «Закон о социализации земли», опубликованной 27 января 1918 г. в «Известиях земельных Советов депутатов армейских, крестьянских и рабочих»: «Настроение крестьян… получить землю – торжественно, хотя оно нарушено недовольством членов земельного комитета, допущенных на… заседание в качестве гостей»[319].

Для лучшего понимания межпартийной борьбы по вопросу принятия закона о социализации земли рассмотрим его обсуждение на пленарном заседании ВЦИК 27 января 1918 г. Открыл заседание ВЦИК его председатель, большевик Я.М. Свердлов. Он проинформировал участников заседания о том, что на последнем заседании 3-го Верховного Съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов «были приняты в основу земельного закона первые его 19 пунктов»[320], а президиуму ВЦИК было поручено «окончательное редактирование этих основных положений»[321].

После оглашения 19 пунктов законопроекта Я.М. Свердлов предложил выступить возглавлявшую крестьянскую секцию М.А. Спиридонову, которая заявила: «Знайте, что если этот законопроект утвердите сейчас, сделаете его законом о земле, то вы сейчас, действительно, творите нашу будущую жизнь. … Если вы сегодня этот законопроект о социализации земли сделаете законом

[318] ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 18. Д. 3. Л. 13.
[319] Там же. Ф. А. 353. Оп. 2. Д. 181. Л. 145.
[320] Там же. Л. 142.
[321] Там же. Ф. 1235. Оп. 18. Д. 3. Л. 13.

о земле, то вы можете сказать тогда: да здравствует не только социализация земли, но да здравствует социализм»[322].

Далее текст законопроекта зачитал А.М. Устинов. Он, видимо, плохо был знаком с его последней версией, так как в самом начале выступления, как отмечено в стенограмме, предупредил, что «дальнейший текст очень плохо читается, так что если я буду задерживаться в некоторых местах, то я прошу извинения»[323].

Вслед за А.М. Устиновым слово взял представитель объединенных интернационалистов А.А. Блюм. В своей речи он обратил внимание на трудности в «усвоении» продукта творчества социалистов–революционеров, примкнувших к ним большевиков, и выразил категорическое несогласие с предложением утвердить данный законопроект, предложив отдать его во фракции на доработку: он обратил внимание на недоработки в законопроекте. Сказал, что в тексте сложно разобраться, так как в нем есть противоречия, неточности и неясности. Имеются статьи, требующие редакционных правок. Ввиду этого Блюм считал, что данный законопроект не может быть утвержден. Особое внимание в своем выступлении он уделил процедуре ознакомления с проектом закона различных партийных групп. А.А. Блюм отметил, что заседание ЦИК было назначено на шесть часов утра, но началось в действительности в одиннадцать дня. Далее он сделал предположение о том, что члены Центрального Исполнительного Комитета, входившие в число правящих партий, могли ознакомиться с текстом законопроекта о земле и обсудить его. Положение других фракций, по мнению А.А. Блюма, было совершенно иное. Далее оратор сделал замечание по процедуре подготовки заседания о том, что «во всяком парламентском учреждении, каковым должен быть Ц.И.К., порядок нужно установить обратный…»[324].

Прозвучавшие в выступлении А.А. Блюма замечания и призывы встретили ожидаемый отпор со стороны председателя ВЦИК, большевика

[322] Там же. ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 18. Д. 3. Л. 14–15.
[323] Там же. Л. 15.
[324] Там же.

Я.М. Свердлова. Он отметил, что крестьянская секция съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов получила поручение разработать принятый в основном законопроект о земле[325] и ввиду этого в настоящее время «никаких общих проектов, никакого общего обсуждения допущено быть не может»[326]. Я.М. Свердлов допускал только возможность рассмотрения поправок, но и они не поступили. Далее председатель ВЦИК предложил приступить к голосованию. Выступление Я.М. Свердлова сопровождалось рукоплесканиями и возгласами «Правильно».

Анализ стенограммы заседания позволяет сделать вывод о том, что в ходе обсуждения законопроекта именно председатель ВЦИК очень активно защищал позицию большевиков. На ход дискуссии оказывала несомненное влияние и пробольшевистски настроенная аудитория. Следует подчеркнуть, что большевики почти не участвовали в обсуждении данного законопроекта, в виду того, что социализация земли являлась важнейшей частью политической программы социалистов-революционеров. Они полагали, что отстаивать этот законопроект должны были представители партии левых эсеров[327].

Вышедший на трибуну правый эсер Н.П. Пумпянский, несмотря на то, что ему дали слово для обсуждения организационных вопросов, отметил безграмотность в составлении законопроекта и предложил передать его в комиссию для «тщательной разработки»[328]. Далее в своем выступлении он отметил чрезвычайную важность данного законопроекта. Назвал его «нашей душой революции, душой, которую мы вложили в это дело за свою деятельность партии»[329]. Его выступление завершалось под шум и крики: «Ложь, долой».

Таким образом, на заседании ВЦИК достаточно четко были обозначены границы между политическими лагерями, предлагавшими три альтернативные

[325] Там же. ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 18. Д. 3. Л. 15-16.
[326] Там же.
[327] Максимова О.Д. Законотворческая деятельность Всероссийских съездов и ВЦИК в условиях многопартийности (ноябрь 1917 – июль 1918 г.)… С. 84.
[328] Там же.
[329] Там же.

программы развития деревни. В одном оказались эсеры, в другом – социал-демократы, анархисты. Большевики с левыми эсерами представляли третью, комбинированную программу развития сельского хозяйства. Оппоненты большевиков и левых эсеров могли лишь обращать внимание на недоработки законопроекта, но не имели реальной возможности повлиять на ход голосования.

После Н.П. Пумпянского к трибуне вышел левый эсер Б.Д. Камков. Он отметил, что левые социалисты-революционеры совместно с большевиками приняли законопроект о земле, включив в него ряд важных корректив, которые были продиктованы крестьянской секцией. Обращаясь к предыдущему оратору, Б.Д. Камков выразил свое несогласие с его мнением. Он подверг сомнению тезис Пумпянского о том, что над социализацией земли работала только партия правых эсеров и предложил ему познакомиться с проектом закона о социализации земли, который выработала фракция социалистов-революционеров, также являвшихся членами Учредительного Собрания[330]. «Я думаю, что не найдется помимо правого сектора никого, кто бы не сказал, что это есть типичный кадетский законопроект..., – продолжал оратор, – достаточно установить такой факт ..., что на счет живого и мертвого инвентаря там очень благоразумно умолчено. Что касается поместий, владений и дворцов, то там прямо указано, что помещики, если пожелают, могут сохранить их…»[331]. В ходе выступления из зала заседания прозвучало предложение еще раз прочитать закон.

Таким образом, вопрос об авторстве программы социализации земли был краеугольным камнем дискуссий эсеров. Политические маневры социалистов-революционеров правого и левого крыла только усиливали их антагонизм, указывали на существенный разлом в их оценках дальнейших альтернатив развития государственности в целом и аграрного сектора в частности. Подобная политическая конъюнктура была выгодна, в первую

[330] ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 18. Д. 3. Л. 16–17.
[331] Там же.

очередь, большевикам. Отметим, что у оппонентов большевиков также были доводы, способные ослабить их позиции в ходе дебатов вокруг законопроекта. Умелое политическое маневрирование, навыки ведения дискуссии, привлечение печати создавали выгодные условия для критики советского закона о социализацию земли, но оппоненты большевиков и левых эсеров не сумели в полной мере реализовать такую возможность.

Выход к трибуне анархиста-коммуниста А.Ю. Ге продемонстрировал непримиримый антагонизм и взаимное недоверие, которые существовали во ВЦИК. Выход Ге сопровождался репликами из правой части зала: «Это нас не касается», «Позовите анафему»[332].

А.Ю. Ге в своем выступлении указал на отсутствие серьезной дискуссии по данному законопроекту, а также на то, что он по своей сущности не являлся социалистическим. Этот тезис он аргументировал тем, что в проекте закона наемный труд не был фактически устранен. Право пользования наемным трудом передавалось государству. Оратор обратил внимание на налоги, сохранявшиеся в скрытом виде в форме пенсий тем категориям граждан, которые не имели своей земли. Ге, обращаясь к § 9, § 21 и § 22 второго раздела, пришел к выводу о том, что капиталистический строй не был устранен «не только в городе, но также и в деревне»[333]. Но, несмотря на целый ряд существенных замечаний к законопроекту, Ге отверг предложение отложить рассмотрение законопроекта до его утверждения в Учредительном Собрании[334].

Далее вновь слово было предоставлено представителю объединенных интернационалистов А.А. Блюму. Он повторно подверг критике основные положения утверждаемого законопроекта. Отметив важность проведения социализации земли, Блюм посчитал, что он ведет к созданию мелких собственников на землю. По мнению оратора, данный шаг был мерой реакционной и обращал внимание на «частности» законопроекта. Выделил,

[332] Там же. ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 18. Д. 3. Л. 17.
[333] Там же.
[334] Там же.

что ряд положений законопроекта являются безграмотными и непонятными. А.А. Блюм процитировал в частности § 1 о числе исторически сложившихся систем земледелия. Далее оратор просил объяснить одну из фраз и отмечал: «Есть системы переложные, трехпольные, хозяйственные, они разны в самых разных местах одной и той же губернии. Возьмите Московскую, там есть целый ряд плодопеременных [систем земледелия], травосеяние и т.д. Для меня это непонятно…»[335]. В завершение своего выступления Блюм высказался против основных положений законопроекта и пообещал воздержаться при голосовании. В этот вечер, как и анархисты, социал-демократы интернационалисты отмечали несоциалистический характер принимавшегося законопроекта[336].

Выступление А.А. Блюма подвело итог прениям по законопроекту. Председатель ВЦИК Я.М. Свердлов предложил перейти к процедуре голосования. В газете «Правда» 28 января 1918 г. отмечено, что законопроект о социализации земли, поставленный на голосование, был принят всеми членами ЦИК при четырех воздержавшихся. А «результаты голосования покрываются бурными, долго не смолкающими аплодисментами»[337]. После оглашения декларации представителя правых эсеров М.Л. Коган–Бернштейна о работе его фракции во ВЦИК заседание было закрыто в 12 часов 15 минут. Таким образом, Утверждение «Основного закона о социализации земли» заняло около одного часа.

«Основной закон о социализации земли» должен был попасть в печать не ранее чем через два дня после утверждения, так как 27 января (9 февраля) 1918 г. было субботой, а воскресенье нерабочим днем[338]. В «Газете Временного Рабочего и Крестьянского правительства» полный текст «Основного закона о социализации земли» напечатан 19 февраля 1918 г.

---

[335] Там же. ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 18. Д. 3. Л. 17.
[336] Максимова О.Д. Законотворческая деятельность Всероссийских съездов и ВЦИК в условиях многопартийности (ноябрь 1917 – июль 1918 г.)... С. 84.
[337] ГАРФ. Ф. А 353. Оп. 2. Д. 181. Л. 142.
[338] Там же.

В «Основном законе о социализации земли» было пятьдесят три статьи. Они включали в себя тринадцать разделов. В первом разделе «Общее положение» содержалось девятнадцать статей. Эти статьи провозглашали отмену собственности на земли, их недра, леса и водные ресурсы. Земля, а также весь инвентарь, постройки «нетрудовых хозяйств» должны были безвозмездно переданы в пользование «трудового народа». Несколько статей из первого раздела закона о социализации земли содержали положения о правах и функциях органов Советской власти.

Во втором разделе, который назывался «Кто имеет право пользоваться землей», отмечались цели землепользования, землепользователей, а также порядок предоставления земель в пользование.

В третьем разделе «Порядок предоставления земли в пользование» отмечалось право первоочередного пользования землей для тех граждан, кто хотел работать на земле «для общественной пользы», и порядок очередности наделения всех остальных граждан, занимавшихся земледелием «в личных интересах».

В четвертом разделе, носившем название «Установление земледельческой потребительно–трудовой нормы», содержалась достаточно подробная инструкция для единоличных хозяйств, которая позволяла определять их нормы наделения землей.

В пятом разделе «Установление норм землепользования при отводе земли под постройки, под сельскохозяйственные промыслы, на культурно–просветительные цели и т. п.» устанавливалась возможность в указанных случаях отводить землю по решению местных Советов, исходя из потребности лиц и учреждений.

Шестой раздел был посвящен проблеме переселения.

В разделе семь «Форма землепользования» провозглашалось содействие общей обработке земли.

В восьмом разделе, носившем название «Приобретение прав на пользование землей», провозглашались основания, которые предоставляли

данное право. А также в данном разделе объяснялась очередность приобретение прав на пользование землей. Другие разделы посвящены осуществлению прав на землепользование, порядку приобретения прав на пользование землей, временное ограничение в правах лиц, пользовавшихся сельскохозяйственными угодьями, в отношении занимавшихся ими участков, переходу прав на пользование участком земли, прекращению прав на пользование землей.

Утвержденный текст «Основного закона о социализации земли» содержал ряд противоречий. Поспешность его подготовки и политические компромиссы авторов – большевиков и левых эсеров – сделали данный нормативный акт средством борьбы за власть и недостаточно эффективным механизмом регулирования поземельных отношений. Внимательный анализ статей этого закона давал политическим оппонентам, критикам большевиков и левых эсеров серьезные преимущества.

Например, меньшевик Ф.И Дан в статье «Закон о социализации земли», опубликованной в газете «Новый луч» в январе 1918 г., обвинил авторов закона в том, что они не поставили цели водворить социализм в деревне. «…“Социализация земли”, приблизительное уравнительное использование его крестьянами, т.е. мелкими сельскими хозяевами, может быть лишь подсобной мерой в переходный период преобразования общества из капиталистического в социалистическое, – писал Ф.И. Дан. – И тогда это приблизительное уравнение вовсе не будет результатом сложных и тщательных разработок “потребительско–трудовых” норм»[339]. Дан делает вывод о том, что авторам закона приходится помнить о том, чтобы мелкий собственник не получил земли больше нормы. Напротив, по его мнению, при глубинном социалистическом преобразовании общества, когда землевладение или землепользование, наряду с другими средствами производства, прекратят выполнять роль средств накопления капитала или перестанут расширять личное потребление, то наступит период осмысления обратных процессов: о

[339] ГАРФ. Ф. А 353. Оп. 2. Д. 181. Л. 131.

том, чтобы мелкие крестьянские хозяйства, пользовавшиеся социально закрепленными потребительскими нормами, «не уклонялись от соответствующих им общественно необходимых норм труда»[340].

Ф.И. Дан указывал на то, что в законе о социализации земли не уделено внимания ее обобществлению: «Речь идет даже не о наделении землею всех граждан, а лишь о дополнительном наделении ею части крестьян и, главным образом, крестьян той самой местности, где имеется “запасной земельный фонд”… если на него имеют право… в первую очередь местные земледельцы, т.е. крестьяне (и притом же с преимуществом для крестьян живущих наиболее близко к местонахождению фонда свободной земли), во вторую – пришлые крестьяне, то ясно, что не только рабочим, которые захотели бы по случаю безработицы осесть на землю и которые попадают в четвертую очередь, но и местным батракам, зачисленным в третью очередь, в громадном большинстве случаев могут достаться от “запасного фонда” лишь рожки да ножки»[341]. Ф. Дан был прав, когда говорил о том, что запасной земельный фонд был ограничен в своих размерах и уже отчасти использовался крестьянами.

Далее автор подчеркивал ключевую роль денежной и испольной аренды в землепользовании казенных, удельных, монастырских и других категорий угодий. «Забыв о “местных батраках” и “неземледельческом населении”… помещенных статьею 22 в 3-ю и 4-ю очередь, до которых очередь никогда не дойдет, в § 8 “Инструкции” проговаривается, что из земельного фонда будут наделяться “малоземельные, как в настоящее время владеющие наделами” ниже потребительно–трудовой нормы, т.е. только крестьяне, и таким образом в ст. 2 надо было прямо говорить о том, что земля становится достоянием крестьян, а все же не “достоянием трудового народа”…»[342].

Дискуссию вызывали и другие статьи «Основного закона о социализации земли». Особенно аргументированная критика исходила от ученых экономистов-аграрников. Так, А.А. Кауфман в статье «Основной закон

[340] Там же. ГАРФ. Ф. А 353. Оп. 2. Д. 181. Л. 131.
[341] Там же.
[342] Там же.

о социализации земли» осудил саму процедуру утверждения закона, обратив внимание на противоречия в нем, и назвал его «несравненным памятником быстроты»[343]. «Грешный человек – отмечал А.А. Кауфман, – мне пришлось бы просидеть, вероятно, немало дней, пока я только разобрался в одной этой инструкции. Да, как увидят читатели, – и не разобрался бы; потому что разобраться в ней нельзя… такой закон иначе не мог пройти как в 12 минут, потому что никакого обсуждения это изумительное произведение советского законодательного искусства не смогло бы выдержать…»[344]. Закон «„состряпали", – по мнению А.А. Кауфмана, – главным образом, работою ножниц и клея, сдобренного неудержимым полетом большевистской законодательной фантазии…»[345].

А.А. Кауфман подробно останавливался на анализе ряде положений данного нормативного акта: «Раздел 4 озаглавлен: "установление потребительной нормы землепользования" – но под этим заголовком мы находим ст. 25, где говорится о количестве земли, отводимой разным лицам и учреждениям для культурно–просветительных целей… какой же статье верить? – задает вопрос ученый, – но, главное, смею уверить наших нынешних законодателей, что под потребительной нормой разумеется нечто совсем, совсем другое»[346]. В завершение он назвал принятый закон о социализации земли не народным творчеством, а «измышлением интеллигентов из Смольного»[347].

Хотя критика А.А. Кауфмана и обнажила реальные правовые недостатки и противоречия в вышеупомянутом законе, но в ряде случаев он оказался неточен при цитировании нормативных актов. В частности, в «Инструкции для установления потребительно–трудовой нормы землепользования на землях сельскохозяйственного значения» вместо цитирования ст. 20 А.А.

[343] Там же. ГАРФ. Ф. А 353. Оп. 2. Д. 181. Л. 131.
[344] Там же.
[345] Там же.
[346] Там же.
[347] Там же.

Кауфманом дается неточный пересказ ст. 19. На наш взгляд, его особый критический настрой при анализе советского аграрного законопроекта во многом был обусловлен политическим антагонизмом меньшевиков и большевиков.

Для понимания заложенных в законе о социализации земли противоречий представляет интерес вышедшая накануне его принятия статья «Весенняя работа». В ней нарком земледелия, левый эсер А.Л. Колегаев поставил следующий вопрос: «Существует ли опасность, что земельные площади при запрещении наемного труда и при существенной коренной ломке земельных отношений останутся необработанными?». И сам же дает на него отрицательный ответ. Далее А.Л. Колегаев сказал корреспонденту о том, что сокращений запашек быть не может и отметил бережное отношение крестьянства к захватываемому у помещиков инвентарю. Нарком не брался предсказывать как будет обрабатываться земля: индивидуально, силами отдельных семей или целыми обществами. Предполагал, что в разных местах данный вопрос будет решаться по–своему.

В отношении наемного труда в семьях с большим количеством едоков и дефицитом работников, как отмечал А.Л. Колегаев, было сделано исключение, и им было разрешено пользоваться наемным трудом. «.. Спиридонова на втором крестьянском съезде заявила, что к весне будет уже осуществлена социализация земли», – уточнил корреспондент у народного комиссара земледелия. «“Это, конечно, только радужная надежда”, – улыбаясь, ответил А.Л. Колегаев, и продолжил: “Иначе к этим заявлениям нельзя относиться. Во всяком случае, никаких принудительных мер по отношению к способу и характеру сельскохозяйственных работ мы применять не будем. Те или иные формы использования земельного фонда, находящегося сегодня в руках земельных комитетов, мы предоставим усмотрению самих земельных комитетов”»[348].

[348] ГАРФ. А 353. Оп. 2. Д. 181. Л. 103.

Данное интервью А.Л. Колегаева демонстрирует не только недостаточный уровень осведомленности реформаторов о настроениях крестьян, но и отсутствие контроля Советской власти над деревней, ее вынужденное ретуширование действительности. Фактически Советская власть делала акцент на «успокоении», а уж затем на проведении эффективных преобразований с последующим укреплением своих позиций на местах. Данные цели контрастировали с планами левых эсеров.

Таким образом, утверждение «Основного закона о социализации земли» было очередной политической победой большевиков и началом обесценивания аграрной программы эсеров. Данный нормативный акт не был принят в той форме, как этого желали социалисты-революционеры. Напротив, большевикам удалось добиться победы в политической борьбе над союзниками по коалиции в ключевом вопросе при подготовке закона о социализации земли: наибольшие преимущества получали среди форм землепользования коллективные хозяйства, а не мелкие крестьянские дворы.

После утверждения «Основного закона о социализации земли» левые эсеры были постепенно отодвинуты большевиками от власти. Решение аграрного вопроса каждая из политических сил видела по-своему и лишь временно они объединили усилия для работы в правительстве. Большевикам не нужны были конкуренты в проведении внутренней и внешней политики, что подтвердил факт заключения Брестского мира. 30 июня 1918 г. на заседании 3-го съезда партии левых социалистов–революционеров М.А. Спиридонова отмечала, что большевики ничего не делали для социализации земли, народному комиссариату «ничего не ассигновали, или давали гроши»[349]. При этом лидер левых эсеров делала оговорку, что «весь комиссариат земледелия полностью должен принадлежать нам»[350].

О противоречиях между союзниками по политической коалиции 1 июля 1918 г. говорил левый социалист-революционер из Елецкого уезда Орловской

[349] Партия левых социалистов-революционеров. Документы и материалы. Том 2, часть 1. Апрель–июль 1918 г. М., 2010. С. 163.
[350] Там же.

губернии Рославцев на том же 3-м съезде партии левых эсеров. Он указывал на то, что большевики забрали у них «социализацию земли, федерализацию, раньше нас признали беднейшее крестьянство»[351]. Рославцев считал, что большевики шли к капитуляции и отмечал неумение левых социалистов-революционеров использовать их ошибки[352]. По сути левые эсеры фактически признали свою политическую беспомощность и близорукость в политической борьбе.

В ноябре 1918 г. М.А. Спиридонова в «Письме Центральному комитету коммунистов большевиков» указала на политическую ловушку, скрывавшуюся за большевистскими аграрными маневрами. Она отметила: «… вместо утвержденной при всеобщем ликовании 3–м съездом Советов социализации земли вы устроили саботаж ее, и сейчас развязав себе руки разрывом с нами, левыми социалистами–революционерами - эсерами, тайно и явно, обманом и насилием подсовываете крестьянству национализацию земли – то же государственное собственничество, что и в промышленности…»[353].

Участие левых эсеров и представителей крестьянства хотя и вынудило большевиков внести в «Основной закон о социализации земли» ряд положений и принципов землепользования, соответствовавших традиционным, обычно–правовым крестьянским нормам и созвучным программе эсеров, но существенно не повлияло на позицию правительства. В 1918 г. большевики взяли процесс социализации земли (а точнее лозунг и некоторые положения из программатики эсеров) в свои руки. Но как только политические позиции большевиков упрочились в деревне и крестьянство признало их, советское правительство скорректировало направление земельной политики, создало преимущества для коммун, артелей, товариществ по совместной обработке земли, советских хозяйств.

---

[351] Там же. Партия левых социалистов-революционеров. Документы и материалы. Том 2, часть 1. Апрель–июль 1918 г. М., 2010. С.168.

[352] Там же.

[353] Цит. по: Лавров В.М. Мария Спиридонова: террористка и жертва террора: повествование в документах. М., 1995. С. 167.

Коллективные и советские хозяйства должны были выступить в качестве альтернативы единоличным крестьянским хозяйствам. Кроме того новые формы землепользования должны были ослабить «общинную революцию», направить деревню на иной путь развития, непохожий на привычный для крестьянства и отличный от традиционного уклада. Об этом в 1918 г. говорил и В.И. Ленин. Большевистской лидер настаивал на том, что в действительности в деревне шла национализация земли: «… левые эсеры отрицают, что проведенная у нас мера есть национализация земли; они теоретически неправы»[354]. «Большевики, прежде всего, помогли наиболее радикальным, наиболее революционным, наиболее близким к пролетариату из буржуазно-демократических идеологов крестьянства, именно левым эсерам, провести то, что фактически явилось национализацией земли»[355], - продолжал он. Разрушая ложные представление о большевиках как «социализаторах» земли, В.И. Ленина заявлял: «… если имеет какой–нибудь смысл “социализация”, стоящая в декрете, то разве лишь смысл “тенденции, пожелания, подготовки перехода к социализму”»[356].

Применяя ясный для крестьянства набор лозунгов и понятий, включив их в новый аграрный закон, большевики получили поддержку в крестьянской среде, где немного смогли потеснить даже эсеров. В действительности, с их стороны была лишь временная юридическая уступка деревне.

Перед тем как «Основной закон о социализации земли» смог вступить в силу, его требовалось утвердить на местах. Для этого в губернских городах, в уездах и волостях созывались съезды с участием представителей Советской власти, крестьянства и представителей других политических сил. На съездах утверждались резолюции и разрабатывались инструкции, постановления об уравнительном распределении земли и инвентаря. Данные решения должны были закрепить победу большевистского аграрного курса, дать ответ на аграрный вопрос.

---

[354] Ленин В.И. Полн. собр. соч. т. 15. С. 519, 521.
[355] Там же.
[356] Там же.

В Тамбовской губернии вопрос о переходе к социализации земли был рассмотрен на 1-м губернском учредительном съезде Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Он проходил 1-15 марта 1918 г. На съезд приехало четыреста восемьдесят семь делегатов с правом голоса. В их числе было двести шестьдесят один делегат из числа большевиков и сочувствующих им, сто шестьдесят шесть левых социалистов-революционеров и сочувствующих им, тридцать два делегата без партийной принадлежности, двадцать четыре правых социалиста-революционера, два анархиста, по одному делегату от эсеров-максималистов и эсер–центристов[357]. Таким образом, на 1-м губернском учредительном съезде Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов наибольшим количеством голосов обладали пробольшевистски настроенные делегаты.

На учредительном съезде была сформирована коллегия земледелия. Она пришла на смену губернской земельной управе. Также 1-й губернский учредительный съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов постановил до реализации общих положений закона о социализации земли во всей Российской республике осуществить временное распределение земли в Тамбовской губернии в 1918 г. на один яровой посев в полях и на один в луговых угодьях. Кроме того приняли решение все пашни и луга распределить поуездно. Уезды, в свою очередь, должны были осуществить распределение земли между волостями пропорционально населению в них по продовольственной норме (то есть по едокам). К едокам причисляли каждого гражданина, родившегося до 1 января 1918 г.

По согласованию с местными советами, солдатам, больным и инвалидам разрешалось нанимать рабочих. Во всех других случаях наем труда для обработки земли считался нарушением закона. Для земельного поравнения на местах предусматривалась прирезка излишков из соседних волостей и общин[358]. В целом же ключевые тезисы резолюции, принятой на 1-м

[357] ГАТО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 12. Л. 1.
[358] Там же. Л. 3.

губернском учредительном съезде Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, воспроизводили положения «Основного закона о социализации земли».

В Орловской губернии 1-й губернский съезд «приветствовал основной закон о социализации земли»[359]. Данное сообщение было опубликовано на страницах «Орловских известий» 15 февраля 1918 г. Это событие означало переход к фактической «социализации земли» в губернии.

15–18 февраля 1918 г. в Воронеже состоялся 2-й губернский съезд крестьянских депутатов для обсуждения, прежде всего, земельного вопроса. Его решения реализовывались уездными исполкомами. В частности, в положении о распределении земельного фонда в Воронежском уезде весной 1918 г., утвержденного уездным исполнительным комитетом, отмечалось: «Все земли частновладельческих хозяйств, повышающие принятую норму, земли казенные, удельные, крестьянского банка, монастырские и церковные Воронежского уезда, а также земли, отведенные в смежных уездах для удовлетворения земельной нужды нашего уезда, составляют фонд для наделения весной 1918 года трудящегося малоземельного и безземельного населения»[360].

3-й Воронежский губернский съезд Советов рабочих и крестьянских депутатов прошел 5–10 апреля 1918 г. Здесь рассматривался вопрос о практической реализации «Основного закона о социализации земли». В ходе работы съезда 7 апреля 1918 г. докладчик Крючков от земельного отдела губернского исполнительного комитета отметил, что «Точное распределение земель среди трудового населения будет производиться постепенно, по отдельным земледельческим поясам по мере выполнения обширной подготовительной работы по установлению потребительно–трудовых

[359] Борьба трудящихся Орловской губернии за установление Советской власти в 1917–1918 гг. Орел, 1957. С. 160.
[360] Борьба за Советскую власть в Воронежской губернии. 1917–1918 гг. (Сборник документов и материалов). Воронеж, 1957. С. 367.

норм…»[361]. До окончательного завершения данной работы регулирование поземельных отношений возлагалось на земотделы местных Советов. В качестве важнейшего условия для успешного достижения данной цели оратор предложил съезду принять резолюцию о безотлагательном распределении земли между крестьянами во временное пользование.

В Курской губернии, согласно указанию отдела Курского губернского революционного Совета уездным земельным комитетам о проведении земельной реформы на местах на началах уравнительного землепользования от 13(26) января 1918 г., был сформулировано руководство по реализации аграрных преобразований[362]. Земли предполагалось передать в ведение земельных комитетов. С 24 февраля по 1 марта 1918 г. проходил 1-й Курский губернский съезд Советов. На съезде были рассмотрены ключевые проблемы уравнительного распределения земли и принято решение распределить к весне «все те участки земли, которые предназначены к яровому посеву, дабы с открытием посевных весенних работ не оставлять ни клина незасеянной земли»[363]. С этой целью следовало в кратчайшие сроки провести учет земли и установить общую численность трудового населения уездов. Инвентарь также предполагалось распределить по принципу уравнительного пользования. Участки земли, имевшие культурную ценность, распределению не подлежали[364].

Исходя из вышеизложенного, можно заключить, что, с одной стороны, утверждение на местах «Основного закона о социализации земли» стало своеобразной эпитафией иллюзиям крестьянства о «земле и воле», а с другой, можно согласиться с оценкой ученого экономиста-аграрника А.Н. Анциферова, который утверждал, что этим законодательным актом были значительно ограничены экономические и социальные свободы деревни, и в

[361] Протокол третьего съезда Советов рабочих и крестьянских депутатов Воронежской губернии (5–10 апреля 1918 г.). Воронеж, 1918. С. 21.
[362] Борьба за установление и упрочение Советской власти в Курской губернии. Сборник документов и материалов. Курск, 1957. С. 148.
[363] Там же.
[364] Там же. С. 178.

создавшиеся земельные отношения, вероятно вполне сознательно, было внесено «столько путаницы и создано столько сложных “юридических казусов”, что они еще на долгие годы дадут почву для споров»[365]. То есть, большевистская земельная политика создавала условия для роста конфликтности и антибольшевистских настроений в деревне.

[365] Анцыферов А.Н. Указ. соч. С. 192.

3. АГРАРНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В 1917–1918 гг.

§ 3.1. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВЛАСТИ И КРЕСТЬЯНСТВА В ВОПРОСАХ ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВА

После утверждения «Основного закона о социализации земли» в России была фактически (но не юридически) закреплена собственность государства на земельные ресурсы и утверждено право пользования землей местным земледельческим населением, сельскохозяйственными рабочими и прибывавшим (пришлым) населением. В деревне стали организовываться коллективные и советские хозяйства. Но советские аграрные реформы начали реализовываться без предварительной подготовки и это приводило к ошибкам и злоупотреблениям на местах. Поэтому важной вехой в проведении большевистской политики в деревне было формирование собственного административного аппарата, способного эффективно реализовывать реформационные идеи власти.

Социализация земли вела к глубинным преобразованиям аграрных отношений. Менялись не только губернские или уездные, но и низовые системы управления. После Октябрьского переворота центральным земельным органом республики стал народный комиссариат земледелия. За проведение реформ на местах отвечали местные Советы, а на начальном этапе волостные земельные комитеты. Волостные земельные комитеты были использованы большевиками для проведения в жизнь «Декрета о земле». Параллельно начали создаваться принципиально новые органы власти в аграрном секторе. Рекрутирование управленцев и социальные лифты стали работать по–новому.

Большевики регулировали земельные отношения на местах, опираясь на положения «Инструкции об организации советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов», которая была опубликована в январе 1918 г. Также в начале 1918 г. практически повсеместно в составе исполкомов волостных

Советов были образованы земельные отделы[366]. Как отмечал Г.А. Герасименко, реализация «Основного закона о социализации земли» потребовала реорганизации всего земельного аппарата: ликвидации земельных комитетов губернского, уездного и волостного уровней и образования вместо них земельных отделов при Советах[367].

В данном нормативном акте отмечалось, что право распоряжения землей передавалось к земельным отделам Советов крестьянских депутатов. Эти меры были направлены на увеличение влияния пробольшевистских сил в деревне. Советская власть стремилась создать такой аппарат управления в деревне, который опирался бы на социальную энергию низших страт сельского социума. Например, Воронежский губернский крестьянский съезд, который был созван 13 января 1918 г. Советом рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, утвердил инструкцию о земельных отделах вместо упраздненных земельных комитетов[368]. Данное решение означало переход руководства земельными отношениями к губземотделу.

Укрепление большевиков в черноземной деревне и развитие на местах системы земельных отделов привели к окончательному упразднению земельных комитетов в 1918 г. Одной из ключевых причин упразднения земельных комитетов стала нейтрализация на местном уровне политического влияния эсеров, выступавших в них в качестве оппонентов Советской власти. Большевики подготовили ряд законодательных актов, изменивших систему исполнительных органов власти, занимавшихся развитием поземельных отношений.

Исследуем структуру земельных органов на примере Тамбовской губернии начиная с февраля 1918 г. Именно в этот период здесь происходит установление Советской власти. Как следствие земельные комитеты

[366] ГАТО. Р-946. Оп. 1. Предисловие. Л. 2.
[367] Герасименко Г.А. Низовые крестьянские организации в 1917 – первой половине 1918 годов. На материалах Нижнего Поволжья. Саратов, 1974. С. 273.
[368] Войнов Е.В. Деятельность земельных органов Воронежской губернии по организации колхозов и совхозов (1918–1919 гг.) // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 4/1 (64/1). С. 41.

реорганизуются в земельные отделы Советов. И местные Советы начинают выступать в качестве ключевых органов, осуществляющих регулирование земельных отношений.

Проблемой развития сельскохозяйственного производства в Тамбовской губернии с февраля 1918 г. по сентябрь 1918 г. занимался Комиссариат земледелия исполнительных комитетов уездных Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. С сентября 1918 г. Комиссариат земледелия реорганизовали. Его функции были переданы земельному отделу исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Тамбовской губернии.

Функционально Комиссариат земледелия и земельный отдела исполнительного комитета Совета имели одинаковый набор задач. Они осуществляли учет и социализацию земли, имений и лесов, оказывали помощь крестьянам, занимались развитием сельскохозяйственного производства хозяйства, сопровождали и организовывали деятельность социалистических форм земледелия, а также координировали вопросы переселения. В 1928 г. в рамках административно–территориальной реформы Тамбовская губерния была упразднена. Также были ликвидированы земельные отделы при упразднённых административно-территориальных единицах.

Земельные отделы разного уровня (от волостного до губернского) располагали схожим набором задач. Задачи были представлены в циркуляре Наркома земледелия, направленного 20 марта 1918 г. земельным отделам губернских Советов и землемерно-технических частей. В циркуляре отмечалось, что на земельные отделы возлагались обязанности по проведению в жизнь основного закона о социализации земли[369]. В качестве ключевого условия для успешного проведения социализации земли отмечалась необходимость безотлагательного и полного распределения земель в деревне во временное пользование.

[369] ГАВО. Ф. Р-19. Оп. 65. Д. 10. Л. 11.

На практике земельные отделы столкнулись с проблемами при взаимодействии с крестьянством и различными административными органами. Например, 7 апреля 1918 г. на вечернем заседании 3-го Воронежского губернского съезда Советов докладчик от земельного отдела Крючков отмечал, что «нельзя вообще не отметить индифферентного, за исключением ответственных членов, отношения членов Исполнительного комитета к земельному отделу»[370]. Далее Крючков сообщал, что земельный отдел пытался найти поддержку у крестьянства, но не во всех случаях это можно было осуществить по причине различий в организации регулирования аграрных отношений на местах. В некоторых случаях на местах еще действовали волостные земства, в других случаях совершенно отсутствовали какие-либо органы. Были зафиксированы случаи, когда в состав земельного отдела входило «несколько старых учреждений, и эти учреждения не только не вступили как другие, т.е. на путь саботажа, но всемерно помогали отделу в его работе»[371].

Постепенно трудности, возникавшие в первые дни работы земельных отделов, преодолевались. Это происходило по мере укрепления их административной структуры за счет работавших в них представителей земств и земельных комитетов, которые и способствовали решению острых социально-экономических задач на местах.

В феврале 1918 г. были созданы уездные исполнительные комитеты. В их состав вошли земельные управления и земельные отделы исполкомов уездных Советов (сентябрь 1918 г. – март 1920 г.). Земельные отделы были созданы, согласно положениям «Инструкции об организации Советов рабочих и солдатских депутатов».

В задачи уездных земельных отделов включалось развитие новых поземельных отношений, организация социалистического сельскохозяйственного производства и землеустройство. Уездные земельные

[370] Протокол третьего съезда Советов рабочих и крестьянских депутатов Воронежской губернии (5-10 апреля 1918 г.). Воронеж, 1918. С. 21.
[371] Там же.

отделы состояли из следующих подразделений: коллегии, общего подотдела, подотдела текущей земельной политики, статистического подотдела, инструкторского отделения, землемерно–технического подотдела, камеры разбора споров о земле, бюро по организации коммун, переселенческого подотдела, сельскохозяйственного подотдела с отделениями животноводства, специальных культур, мелиорации, лесного, агрономического, а также кустарного подотдела.

Структура уездных земельных отделов в целом соответствовала нормам организации деятельности Наркома земледелия. Общим был и принцип коллегиальности.

Общие отделы в составе уездных земельных отделов реализовывали контроль над другими отделами, осуществляли переписку по основным вопросам и распределяли по другим отделам поступавшую корреспонденцию.

Инструкторские отделения создавали волостные земельные отделы, вели их инструктаж, помогали им в сборе статистических материалов в рамках реализации социализации земли.

Подотделы текущей земельной политики контролировали осуществление «Основного закона о социализации земли» и «Инструкции переходных мер…». Наблюдали за реализацией декретов и установок вышестоящих органов власти, которые относились к уравнительному распределению земли. Также данные подотделы устанавливали общественный контроль за деятельностью волземотделов, вели наблюдение за нормами наделения землей крестьянских дворов и формированием коллективных хозяйств, разбирали межволостные земельные конфликты.

Бюро по организации коммун были организованы 15 июня 1918 г. Данные органы занимались созданием коллективных хозяйств, помогали им формировать семенные фонды, покупать сельскохозяйственные машины. Также бюро по организации коммун командировали в деревню инструкторов с целью пропаганды среди крестьян идей коллективизации.

Камеры по разбору споров, которые позже переименовали в конфликтные комиссии, осуществляли помощь в разрешении земельных споров между общинами, крестьянами-единоличниками.

Землемерно–технические подотделы готовили аграрную реформу, осуществляли регулирование земельных отношений, группировали земли и почвы по их плодородию и качеству, координировали межевание земель, реализовывали учет земельного фонда, организовывали работу землемеров, проводили постоянный учет землеустроенных участков. Также землемерно–технические подотделы составляли проекты уездных границ. Для реализации этой задачи в подотделах действовали землемерно–землеустроительное и землемерно–учетное отделения.

Статистические подотделы вели сбор материалов о состоянии поземельных отношений в уездах. Они вели учет площади земельного фонда, состоянии посевов сельскохозяйственных культур, количества скота, а также живого и мертвого инвентаря.

Агрономические отделения оказывали поддержку крестьянству консультациями (для этого на места выезжали участковые агрономы), разрабатывали проекты севооборотов, распространяли сельскохозяйственную литературу, вели агропропаганду в деревне, через прокатные пункты снабжали крестьян орудиями труда и сельскохозяйственными машинами.

Отделения животноводства вели учет скота, создавали племенные фермы, заводы и случные пункты. Также эти отделения координировали развитие пчеловодства, формировали уездные зоотехнические комиссии, вели племенные книги.

Отделения специальных культур организовывали учет садов и питомников, пчеловодческих пасек и огородов. Они оказывали им поддержку крестьянам в различной форме, в том числе снабжая их посадочным материалом.

Ветеринарные отделения координировали деятельность участковых ветеринарных врачей, контролировали исполнение постановлений

губернского ветеринарного отдела, вели профилактическую работу по предотвращению эпизоотий, организовывали лечебно–амбулаторную помощь скоту.

Лесные подотделы занимались охраной и использованием бывших помещичьих и казенных лесов. Они вели учет площадей лесных массивов, отпускали древесину местным жителям. Данные подотделы наблюдали за сохранностью земель и сенокосов в лесах, занимались отведением лугов в лесных массивах.

Позже приведенная структура земельных отделов претерпела изменения и стала более простой. Это преобразование было осуществлено в рамках требования об «удешевлении советского аппарата». К 20 сентября 1918 г. действовали три подотдела вместо существовавших ранее девяти: подотделы текущей земельной политики (в их состав входили бюро коммун), подотделы сельского хозяйства (они включали агрономические отделения, животноводства, ветеринарных и специальных культур), а также лесные подотделы.

Несмотря на разветвленную структуру региональных органов власти, земельные органы были малоэффективными в вопросе социализации земли на местах. Одну из причин такого положения верно объяснил Г.А. Герасименко. Он отмечал, что губернские и уездные органы власти не располагали таким штатом, который мог бы «охватить своим влиянием всю крестьянскую массу и навязать ей свою волю»[372]. К тому же шаги большевиков по устранению политических оппонентов и прежних административных органов интеллектуально и организационно ослабляли местный административный аппарат. Например, 23 марта 1918 г. исполнительный комитет Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Воронежской губернии постановил: «Права пребывания в исполнительных комитетах совета правых социалистов–революционеров, социал-демократов меньшевиков и беспартийных не

[372] Герасименко Г.А. Низовые крестьянские организации в 1917 – начале 1918 годов. На материалах Нижнего Поволжья. Саратов, 1974. С. 124.

давать»[373]. Тем самым политические оппоненты большевиков, имевшие опыт работы в решении земельного вопроса на местах, не могли оказать влияние на реализацию аграрных преобразований.

Сформированные на рубеже 1917-1918 гг. в черноземной деревне сельские советы развивались как нижние ступени аппарата власти в деревне и основные проводники государственной аграрной политики. Но во многих случаях советы транслировали крестьянские взгляды и ценности, лишь формально представляя власть. Истинные позиции Советской власти в деревне формировались, исходя из фактического соотношения сил на местах между зажиточными крестьянами и бедняками.

Для того чтобы показать практические шаги местных органов власти по реализации аграрной реформы, обратимся к деятельности Шуриновского волостного земельного отдела Богучарского уезда Воронежской губернии в апреле 1918 г., когда осуществлялся весенний раздел земли. В его отчете, направленном в земельный отдел Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Воронежской губернии, сообщалось о том, что 7-8 апреля 1918 г. волостным земельным отделом было «принято на учет имущество в имении С.П. Синельникова»[374]. 9 и 10 апреля комиссией земельного отдела была осуществлена продажа и распределение имущества между населением в имении С.П. Синельникова. В последующие два дня осуществлялась продажа имущества в имении помещика Н.А. Тарары. 14 и 15 апреля производился раздел бывшей частновладельческой земли между населением Шуриновской волости и соседними селами[375]. 16 и 17 апреля члены волостного земельного отдела занимались сбором сведений о бывшей частновладельческой земле, которая не была занята под посевы или покос, 18 и 19 апреля готовились «документы по бывшим имениям С.П. Синельникова и Е.Н. Ямпольской»[376].

[373] ГАВО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 95. Л. 18.
[374] Там же. Д. 20. Л. 10.
[375] Там же.
[376] Там же. Л. 11.

20 и 21 апреля членами волостного земельного отдела производился сбор сведений об общем количестве земли в волости.

Весной 1918 г. большевики преследовали две цели: поднятие уровня производства в крестьянских хозяйствах и «советизацию», огосударствление деревни. Для этого, наряду с агрономически–организационной и материально–экономической помощью населению, производилось уравнительное распределение земли среди единоличных хозяйств и отведение сельскохозяйственных угодий под коллективные и советские хозяйства и т.д. В процессе подготовки и проведения мероприятий по уравнительному распределению земли, как отмечал Л.Н. Литошенко, «покупалось доверие крестьян… здесь государство давало самые широкие обещания»[377].

Советские аграрные реформы рождали новых агентов власти в деревне. Это были землемеры, техники, инструкторы и другие советские работники местного масштаба.

В ходе социализации земли предполагалось силами государственных органов произвести межевание всего земельного фонда страны с таким расчетом, чтобы осуществить наиболее рациональную организацию территории. Выполнить эту задачу должны были землемеры. Для этих целей правительством создавался специальный аппарат. В «Газете Временного рабочего и крестьянского правительства» 12 января 1918 г. был опубликован Приказ по комиссариату земледелия № 1, где сообщалось об упразднении Комиссариатом земледелия управления межевой части. Также в Приказе сообщалось, что с целью объединения работы межевых установлений на местах, образовывались «в составе комиссариатов земледелия землемерно–технические отделы по штату, определяемому коллегией земледелия»[378].

Межевание земель началось весной 1918 г., когда с полей сошел снег. Как отмечал В.Р. Герасимюк, «с середины апреля землемеры направились в деревню для временного распределения земельного фонда между

[377] Литошенко Л.Н. Социализация земли в России. Новосибирск. 2001. С. 259.
[378] ГАРФ. Ф. А 353. Оп. 2. Д. 181. Л. 108.

крестьянством “в тесном деловом контакте с земельными отделами волостных Советов”»[379].

При организации территорий землеустроители в 1918-1919 гг. встретили целый ряд трудностей. Во-первых, они ощутили нехватку нужного для организации измерительных работ оборудования и инвентаря. Во-вторых, землеустроители периодически сталкивались с сопротивлением крестьян землеустроительным работам. В-третьих, недостаток в черноземной деревне специалистов, способных осуществить измерительные работы, формировал у землеустроителей напряжённый режим труда. Так, в выписке из протокола заседания орловского губернского земельного съезда землеустроительной коллегии от 27–30 июня 1919 г. сообщалось, что работы по землеустройству, к которым приступили с начала уравнительного распределения земли по временным и дополнительным правилам 1918 г., проводились в уездах в различных, «чисто местных условиях, [которые зависели – В.Н.] от наличия того или иного состава и количества землемерно–технических сил»[380].

В целом характер деятельности землемеров на местах определялся местными особенностями каждого конкретного уезда, волости, населённого пункта, где были свои традиции переделов, нормы взаимоотношений с представителями власти, а также четкое понимание о количестве земельных ресурсов и справедливости их распределения.

Инструкторы и землемеры оказывались определяющей силой в ходе проведения социализации земли, так как на местах не было других ресурсов, способных заполнить нормативно–правовой и отчасти административный вакуум. Данное положение было обусловлено отсутствием подробных инструкций о распределении земли кроме общих положений в «Основном законе о социализации земли» и нормативных актов, дополнявших его. Так, 8 августа 1918 г. Новохоперский земельный отдел Совета рабочих и крестьянских депутатов сообщал в письме в Воронежский губернский

[379] Герасимюк В.Р. Уравнительное распределение земель в Европейской части Российской Федерации в 1918 г. // История СССР. 1965. № 1. С. 95.
[380] ГАОО. Ф. Р-476. Оп. 1. Д. 94. Л. 132.

земельный отдел, что существенного прогресса к правильному и рациональному распределению земли между местным населением не осуществлено из-за отсутствия инструкций от центральных властей, «а между тем временное распределение представляет очень много крупных неудобств, в результате которых много земли остается невозделанной и незасеянной»[381].

Ситуацию на местах осложняло тяжелое социально–экономическое положение черноземной деревни, связанное с малоземельем, застарелыми противоречиями и конфликтами, как между общинами и помещиками, так и между хуторянами, отрубщиками, волостями и отдельными единоличными хозяйствами. Землемеры и техники выполняли на местах роль регуляторов земельных отношений, выполняя важные и ответственные задачи, связанные с учетом, оценкой земель и их распределению. Выполняя данные функции, они разрешали конфликтные ситуации в деревне и осуществляли их профилактику, подготавливали условия для создания советских и коллективных хозяйств. В ходе измерительных работ землемерам и техникам нужно было установить деловые взаимоотношения с крестьянами.

Землемеры оказались одними из первых, кто вступил в диалог с жителями деревни от лица Советской власти. От того, насколько лояльными оказывались крестьяне к землемерам, зависел результат уравнительного распределения земли. Как отмечено в выписке из постановления очередного заседания земельного отдела Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Воронежской губернии от 30 (17) марта 1918 г., по приезду на место измерений каждый землемер обязан был ознакомиться со всеми положениями в сфере аграрных отношений местного уездного земельного отдела и связанными «с ними техническими исполнителями»[382]. Также землемеры должны были осуществить своевременный сбор статистических данных,

[381] ГАВО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 98. Л. 2.
[382] Там же. Д. 106. Л. 51 об.

«представить соображения, в случае необходимости, образовывать землемерно–технические части при уездных советах»[383].

Численный состав землемеров и техников в губерниях Черноземного центра не соответствовал тем масштабным задачам, которые выдвигались в рамках реализации «Основного закона о социализации земли». Согласно данным протокола № 7 частного соединенного заседания представителей земельного отдела Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Воронежской губернии и членов Союза губернской землеустроительной «Чертежни» от 23 января 1918 г., технический состав Чертежни состоял из 88 человек, из которых 22 были откомандированы для работы в уездах. Как отмечали авторы протокола, «этого состава даже в обычное время далеко недостаточно для производства землемерных работ»[384].

Подобная картина наблюдалась и в других губерниях. В марте 1918 г. в Бобровском уезде Воронежской губернии работало четыре землемера[385], в Алексеевском уезде той же губернии - шестнадцать. В Суджанском уезде Курской губернии технический руководитель землемерных работ Абталаков в докладе от 6 декабря 1918 г. отмечал необходимость «увеличения землемеров хотя бы до 12 человек»[386]. В докладе Ф.Ю. Мельдера, сделанном 12 августа 1918 г. на заседании инструкторов с коллегий землемерно–технической части Воронежской губернии сообщалось, что в Задонском уезде наблюдался недостаток в два-три землемера[387]. 13 мая 1918 г. Калачевский волостной земельный отдел Богучарского уезда сообщал в Воронежский губернский земельный отдел о том, что «… отделу крайне необходим землемер, которого по близости не имеется»[388]. Таким образом, в черноземной деревне в изучаемый период ощущался острый дефицит землемеров. Прямым следствием данного процесса стало усиление роли общины в ходе

[383] Там же. ГАВО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 106. Л. 51 об.
[384] Там же. Л. 7.
[385] Там же. Л. 51.
[386] ГАКуО. Ф. Р- 1339. Оп. 1. Д. 3. Л. 1 об.
[387] ГАЛО. Ф. Р-93. Оп. 1. Д. 26. Л. 90 об.
[388] ГАВО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 20. Л. 7.

социализации земли, подменявшей установленные законом механизмы перераспределения «черным переделом».

На кадровом обеспечении землеустроительных подотделов земельных отделов негативно отразилась Первая мировая война. Согласно протоколу № 7 частного соединенного заседания членов земельного отдела Воронежского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и представителей Союза губернской Чертежни, местные органы власти с сожалением отмечали, что не ожидают «возвращения с фронта 58 землемеров, забранных в период войны»[389]. В целом же нехватка техников и землемеров в черноземной деревне способствовала росту поземельных конфликтов, а также вела к организации низкоэффективной организации территории. Нерациональная структура землепользования с чересполосицей, дальноземельем, узкополосицей впоследствии негативно отражалось на валовых сборах сельскохозяйственной продукции.

Другой проблемой, наряду с дефицитом техников и землемеров, для местных органов власти стал низкий уровень социального обеспечения ряда категорий служащих. Заработная плата землемеров в размере 55 рублей оказывалась «далеко не достаточной»[390] в условиях высокого уровня инфляции. Отметим, что жалованье инструкторов в тот же период составляло 150 рублей[391].

Весь весенне-осенний цикл аграрного производства 1918 г. прошел в условиях недостаточного кадрового обеспечения техниками и землемерами. На каждого служащего приходился значительный объем работы и ограниченное количество времени для ее выполнения. Величина технических работ, необходимых для подготовки к озимому посеву на 1919 г. представлен в журнале заседания Богучарского уездного земельного отдела при участии волостных земельных отделов. 9 июня 1918 г. инструктор – землемер И.М. Скворцов отмечал, что до начала сева оставалось только полтора месяца, но

[389] Там же. ГАВО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 106. Л. 7.
[390] Там же.
[391] Там же. Д. 20. Л. 6.

точных сведений о земельных угодьях нет. Но для выполнения работ «необходим больший технический состав, которому придется производить съемочные работы и определить количество удобной и неудобной земли в каждом селении»[392].

Деятельность землемеров была ограничена во времени и производилась под пристальным вниманием общины, которая следила за тем, чтобы ее земли не были сокращены. Как отражено 23 июля 1918 г. в протоколе съезда Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Кирсановского уезда Тамбовской губернии, весь состав землемеров, находившийся в распоряжении комиссариата был командирован по уезду для осуществления измерений, определения площадей сенокосов. Данная работа была завершена 4–5 июля 1918 г., после чего производился «перечет сена в пудах по качеству лугов, установленный съездом 26 июня, на 6–е июля»[393].

После завершения технических работ был созван съезд представителей волостей, который на основании данных, собранных землемерным отделом, произвел распределение лугов. Позже землемерным отделом производилась съемка и нанесение на карту уезда бывших частновладельческих земель и разметка неудобных и малоценных земель, а также собирались данные о запашке пара вследствие засух, приостановлении пахоты, о количестве пара, который мог остаться незапаханным. В ходе измерительных работ, как отражено в протоколе уездного Кирсановского съезда Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, произошло несколько конфликтов между населением по причине «захвата или сокрытия земли в разных местах уезда, но столь обостренных, чтобы требовалось вмешательство реальной силы, до сих по не было»[394].

Проведение землеустроительных работ и уравнительное распределение земли регламентировалось рядом инструкций и положений. Они разрабатывались в соответствии с ключевыми положениями, статьями и

[392] ГАВО. Ф. Р-19 Оп. 1. Д. 99. Л. 59 об.
[393] ГАСПИТО. Ф. П-837. Оп. 1. Д. 23. Ф. Л. 56.
[394] Там же.

параграфами «Основного закона о социализации земли», «Инструкцией переходных мер по проведению в жизнь закона о социализации земли» и рядом других нормативных актов. Так, в 1918 г. в технической инструкции в приложении к правилам временного распределения земель сельскохозяйственного назначения в Орловской губернии отмечается, что в летний период необходимо формировать «плановые материалы, необходимые для распределения, составлять схематические чертежи, сверять списки населения»[395]. Выполнять данные работы должны были землемеры, а также волостные и уездные комиссии. В процессе землемерно-технических работ устанавливалось количество земли, выяснялась ее площадь.

Тамбовский губернский Совет рабочих и крестьянских депутатов рекомендовал землемерам в ходе измерений определять количество и качество земли. Для этого они должны были собирать и квалифицировать все имеющиеся у них данные[396]. На основе полученных материалов готовились рекомендации для формирования волостных и районных карт. Это требовалось для создания наглядных изображений и характеристик наличного земельного фонда, необходимых для подготовки аграрной реформы[397].

После подготовки всех необходимых материалов землемерами составлялся проект. Например, всем техникам Орловской губернии при распределении земли предписывалось избегать чересполосицы, дальноземелья и разбросанных участков[398]. Составленный проект обсуждался на собраниях, и если он находил поддержку членов общины, то начиналось уравнительное распределение земли.

В ряде случаев прирезка земли могла производиться самим населением, но в этом случае землемеры должны были произвести регистрацию распределенного посева[399]. После обсуждения и доработки проекта землемер

[395] ГАЛО. Ф. Р-150. Оп. 1. Д. 31. Л. 4 об.
[396] ГАТО. Ф. Р-959. Оп. 1. Д. 20. Л. 51.
[397] Там же.
[398] ГАЛО. Ф. Р-150. Оп. 1. Д. 31. Л. 4 об.
[399] Там же. Л. 2.

устанавливал границу волости межевыми знаками. На границах выделенных наделов забивались колья, копались ямы.

Одновременно с первоочередными задачами по оценке земли и ее распределению, земельные органы на местах осуществляли выделение участков под коллективные и советские хозяйства. Они также определяли те категории сельскохозяйственных угодий, которые не подлежали уравнительному распределению. К осени 1918 – весне 1919 гг. число советских и коллективных хозяйств стало возрастать. Это привело к расширению объема деятельности землемеров.

При временном уравнительном распределении земли землеустроительные работы осуществлялись по следующему принципу: уезды делили на районы, которые включали волости, где излишки и недостатки земли могли быть примерно взаимно уравновешены. Например, тамбовский губернский комиссариат земледелия обозначал потребность выполнить уравнительное распределение всех земель по принципу равенства чистого дохода от земледелия, и с этой целью предлагалось разделить Тамбовскую губернию на ряд районов, учитывая в них разницу в доходности земли. В частности, «Инструкция по распределению земли по Тамбовской губернии во временное пользование» содержала положение, согласно которому качество пашни оценивалось по строению и глубине слоя пахоты, урожайности, влажности, рельефу местности, наклону к горизонту относительно сторон света[400].

Отчетными днями для землемеров в Орловской губернии были 15-е числа каждого месяца, когда они предоставляли отчет о проделанной работе за месяц в землемерно–технический подотдел уездного земельного отдела. Крайним сроком сдачи отчета было 20-е число. В отчетах содержалось общее описание и характеристика произведенных работ, объективные данные о проведенных работах, характеристика и сведения о протяженности границ исследованных участков, протяженность границ, количество работ

[400] ГАТО. Ф. Р-946. Оп. 1. Д. 1057. Л. 14 об.

согласительного, исследовательского и камерального характера. 5-го числа каждого месяца уездные земельные отделы предоставляли отчеты в губернский комиссариат земледелия. Они содержали объективные данные о спроектированных и отведенных площадях земли, протяжении спроектированных, установленных в натуре или снятых инструментально границ, а также число и название установленных объектов. Отчет составлялся полно и подробно.

Планы землеустройства и отчеты техников готовились в течение периода полевых работ. Так, в Воронежской губернии они составлялись с 1 мая по 15 ноября[401], во время работы землемеров в районах и волостях. Однако в различных уездах черноземных губерний этот период различался как в силу природных и климатических условий, так и по ряду экономических и политических причин.

На низкие показатели объема выполненных работ землемерами влияли не только погодные условия и производительность труда, но и конфликтные ситуации, которые возникали при проведении измерений и ходе военных действий. В ряде случаев на работу землемеров оказывали воздействие крестьянские настроения, близость фронта.

Появление землемера в волости для каждой конкретной крестьянской общины означало неизбежный передел земли. Зачастую результаты уравнительного распределения земли для каждой конкретной общины находились в зависимости от количества земли, каким владели и пользовались крестьяне до 1917 г., было ли данное общество малоземельным или обладало достаточным количеством земли, имелось ли поблизости частновладельческое имение. Именно на основе таких критериев формировалось землепользование местных крестьян и определялось их отношение к землемерам: прирезка новой земли к общине означала более теплый прием, сокращение – конфликты.

[401] ГАЛО. Ф. Р-93. Оп. 1. Д. 27. Л. 76.

Малоземельные общины стремились прирезать себе новые наделы, многоземельные стремились сохранить то, что покупалось, арендовалось до Октябрьской революции. Многоземельные общины и волости готовы были силой препятствовать сокращению своих земель. Так, 29 ноября 1918 г. представители 1-й Поповской артели в заявлении, адресованному Елецкому уездному комиссариату земледелия Орловской губернии, сообщали, что пока в члены коллективного хозяйства ждали приезда землемера «Колосовское общество открыто … грозило … разогнать»[402] их.

Негативное отношение к землемерам крестьяне демонстрировали в случае их некомпетентности или нежелания выполнять свои обязанности. Так, 17 мая 1918 г. докладчик Рагулин, представлявший на заседании Второго губернского земельного съезда Курской губернии Афонасьево–Похонскую волость Тимского уезда, отмечал, что при уравнительном распределении земли «работали землемеры только словами, а измерение производил народ проволокой в 80 саж.»[403].

Но в большинстве уездов и волостей губерний Черноземного центра землемеры не встречали препятствий в проведении измерений и распределения земли со стороны крестьянских общин, так как реализовывали давние мечты земледельцев по переделу ряда частновладельческих, монастырских, удельных и других категорий земель. В 1918 г. в Алексеевском уезде Воронежской губернии, например, землемеры участвовали в коллегиях по разверстке наделов и в составлении проектов. В большинстве случаев проекты принимались. «Население относилось к землемерам хорошо, но в прифронтовых волостях были случаи ареста землемеров для выяснения личности»[404]. Более того, крестьяне сами обращались в землемерно–технические отделы с просьбой командировать к ним землемера.

[402] ГАЛО. Ф. Р-150. Оп. 1. Д. 60. Л. 32 об.
[403] ГАКуО. Ф. Р-313. Оп. 1. Д. 5. Л. 8 об.
[404] ГАЛО. Ф. Р-93. Оп. 1. Д. 26. Л. 90.

В большинстве случаев проекты землеустройства, подготовленные землемерами, утверждались общинами. В соответствии с ними, как отмечалось выше, и происходило уравнительное распределение земли.

В процессе проведения реформы землемерам приходилось сталкиваться с отсутствием точных статистических данных в районах. В ряде случаев они производили измерение и размежевание в короткие сроки, используя самые общие сведения, чаще предоставляемые крестьянами. Достаточно часто землемеры вынуждены были принимать оперативные решения при возникновении конфликтов между общинами и волостями. Они выезжали по требованию уездных земельных комиссариатов и отделов в качестве экспертов и посредников. Например, 16 июня 1918 г. землемер И.С. Козлов Задонского комиссариата земледелия землемерно–технической части Воронежской губернии должен был приехать в село Горожанку Сенновской волости с представителем Ксизовского волостного земельного отдела для улаживания поземельного конфликта о пользовании луговыми угодьями с крестьянами Землянского уезда Воронежской губернии[405]. 16 сентября 1918 г. землемер Задонского комиссариата земледелия В.И. Ленков должен был выехать для улаживания конфликта между селами Хлевным и Елецкой Лазовкой[406]. В срочном порядке 14 мая 1918 г. должен был прибыть землемер на границу Сергиевской и Миленской волостей Фатежского уезда Курской губернии «для установления межевых границ»[407].

В 1918 г. землемеры черноземной деревни выполняли важную цивилизационную функцию, ослабляя стихию «черного передела», выступая медиаторами и экспертами при разрешении земельных конфликтов, которые регулярно возникали при уравнительном распределении земли. Кроме того, они ослабляли социальную напряженность, упорядочивая землеустройство, проводя оценку земель, вычисления, обобщая полученные данные в отчетах и проводя межевание. Однако недостаток землемеров в деревне и отсутствие у

[405] Там же. ГАЛО. Ф. Р-93. Оп. 1. Д. 13. Л. 16.
[406] Там же. Л. 49.
[407] ГАКуО. Ф. Р-571. Оп. 1. Д. 3. Л. 110.

некоторых специалистов инициативы отразилось на процессе земельного устройства черноземной деревни.

В 1918 г. в каждой волости черноземных губерний оставались члены общин, оказавшиеся без наделов как под яровые, так и под озимые зерновые. Впрочем, причины ошибок при уравнительном распределении земли, лишь отчасти были обусловлены недостаточной активностью землемеров. Их деятельность, прежде всего, ограничивалась неполными статистическими данными, которые они сами не могли восполнить за короткий временной период, а также произволом местных властей и противоречивым характером инструкций, постановлений и предписаний губернских и общегосударственных комиссариатов и ряда других органов.

Государство в лице землеустроителей осуществляло «компенсационное воздействие» на недостатки, заложенные в «Основном законе о социализации земли», путем рациональной организации территории на местах. Тем самым, в рамках аграрного производства, снижались издержки, связанные как с процессом эффективной организации территории, так и с проблемами урегулирования земельных споров.

Основным направлением большевистской аграрной реформы 1918 г. было возвращение в сферу государственного контроля всех крестьянских надельных земель, а также церковных, помещичьих и других категорий угодий. Перед «социализаторами» земли возникал комплекс проблем. Во–первых, необходимо было уравнительно распределить землю, разрешая, по возможности бесконфликтно, земельные споры. Во–вторых, требовалось эффективно выстроить работу по организации коллективных и советских хозяйств. В-третьих, давать разъяснения на местах по наиболее острым вопросам в сфере поземельных отношений. Представитель 1-го подотдела Воронежского губернского земельного отдела Желтухин, делая доклад в апреле 1918 г. на 3-м съезде Советов рабочих и крестьянских депутатов Воронежской губернии, отметил, что они отправляли письменные разъяснения на запросы с мест, ежедневно давали объяснения многим посетителям. При

этом «большинство из них обращалось в губернский земельный отдел непосредственно, минуя уездные и волостные Советы»[408].

Для реализации «Основного закона о социализации земли» необходимо было преодолеть административные преграды, возникавшие из–за дефицита квалифицированных кадров и проблем в сфере организации документооборота. Важно было дать четкие инструкции по тем вопросам и положениям, которые либо не были представлены в утвержденных нормативных актах, либо трактовались двояко.

Для проведения советского аграрного курса требовалось повысить эффективность работы административного аппарата. Подобные шаги требовали укрепления исполнительской дисциплины, а также единообразной интерпретации и трактовки нормативных актов. Для этого в губерниях были сформированы инструкторские отделения в подотделах текущей земельной политики. Инструкторы призваны были восполнить данный пробел и повысить авторитет земельных отделов. В Воронежской губернии представитель 5–го инструкторского подотдела земельного отдела Косяков, выступая на 3-м съезде Советов рабочих и крестьянских депутатов Воронежской губернии, отметил: «Кадр инструкторов земельного отдела является тем звеном в крепкой цепи, которая должна связать губернский земельный отдел с местными уездными и волостными отделами в целях живой и плодотворной работы на местах и правильного руководства проведением в жизнь новых начал…»[409].

Роль инструкторов в качестве «связующего звена» местной пирамиды власти и крестьянской общины отмечалась и в других губерниях Черноземного центра. В докладной записке Елецкого комиссариата земледелия Орловскому губернскому комиссариату земледелия от 14 сентября

[408] Протокол третьего съезда Советов рабочих и крестьянских депутатов Воронежской губернии (5–10 апреля 1918 г.). Воронеж, 1918. С. 22.
[409] Там же. С. 39.

1918 г. отражено, что для «планомерной работы по волостям безотлучно находились инструкторы…»[410].

В январе 1918 г. в Тамбовской губернии в периодической печати отмечалась важность введения института инструкторов. Подобные предложения обосновывались, прежде всего, отсутствием четкой исполнительской дисциплины в сфере реализации положений «Основного закона о социализации земли». В статье «Аграрная реформа» отмечалось, что «многие волостные комитеты вопрос о земельной реформе в духе передела земли трудовым народом на началах уравнительного землепользования понимают не в общегосударственном масштабе, а часто [в] местнических, полагая, что помещичьи земли, удельные земли, лежащие близ какой–либо деревни или села, должны принадлежать именно тому селу или деревне, близ которого она находится»[411]. Для борьбы с местным сепаратизмом при комиссариате земледелия образовывались инструкторские отделы и специальные курсы. На такие курсы предполагалось привлечь представителей всех земельных комитетов Тамбовской губернии.

Необходимость ужесточения исполнительской дисциплины в сфере аграрного строительства осознавали и центральные власти. Вопросу повышения юридической грамотности советских работников, инструкторов, отводилась центральная роль. Так, 16 мая 1918 г. в телеграмме наркома А.Л. Колегаева Тамбовскому губсовдепу предписывалось немедленно совместно с губернским комитетом партии левых эсеров организовать областные курсы по социализации земли. Для их организации инструкторам высылались программы и деньги[412].

Набор инструкторов зачастую осуществлялся из крестьян. Например, в докладе заведующего земельным отделом Канаревского о создании единой

[410] ГАЛО. Ф. Р-150. Оп. 1. Д. 95. Л. 17.
[411] Аграрная реформа // Известия Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. 17 января 1918.
[412] Крестьянское движение в Тамбовской губернии (1917–1918). Документы и материалы. М., 2003. С. 342.

трудовой коммуны в г. Ельце и Елецком уезде Орловской губернии от 26 декабря 1918 г. сказано, что требуется провести двухмесячные агрономические курсы, «на которые почти всех селений уезда взять по 1 коммунисту – крестьянину, выработав из них инструкторов – коммунистов … »[413]. В комплексе с агрономическими курсами, по мысли Канаревского, обучение жителей деревни на курсах должно было повысить производительность земли почти на 50%.

На практике низкий уровень образования крестьян существенно снижал эффект от курсов. В сообщении газеты «Голос Трудового Крестьянства» от 12 октября 1918 г. отмечалось, что в Тамбовской губернии уездные инструкторы имеют «образование ниже среднего»[414], а «подготовка инструкторов исключительно практическая»[415]. По сути, специализированные курсы для инструкторов, набранных из крестьянской среды, становились фундаментом в формировании ключевых знаний и навыков по проблемам осуществления аграрных преобразований.

Инструкторские подотделы формировались в структуре земельных отделов Советов. Так, в Воронежской губернии 5 инструкторский подотдел земельного отдела начал функционировать с 18 марта 1918 г.[416] Он выполнял функции контроля за командировками инструкторов, направляемых земельным отделом для получения различных сведений на местах и для разъяснения положений в разрешении тех вопросов, где местное учреждение земельного отдела не находило себя достаточно компетентным. Как отмечалось на 3-м съезде Советов рабочих и крестьянских депутатов Воронежской губернии, в ходе осуществления «Основного закона о социализации земли» на местах возникала масса конфликтов как между крестьянами и бывшими помещиками, так и между целыми общинами.

[413] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 4. Д. 56. Л. 151.
[414] Аграрная политика Советской власти (1917–1918 гг.). Документы и материалы. М., 1954. С. 299.
[415] Там же. С. 299.
[416] Протокол третьего съезда Советов рабочих и крестьянских депутатов Воронежской губернии… С. 38.

Воронежским губернским земельным отделом, куда для разрешения поземельных конфликтов, в большинстве случаев, обращались с мест, командировались инструкторы. Последние, возвращаясь в Советы, делали доклады о своих поездках командировавшим их подотделам земельного отдела. В докладах они сообщали «все те причины и поводы, которые на местах порождают бесчисленные конфликты»[417].

Зачастую, инструкторы в деревне являлись единственными официальными представителями власти. Они вынуждены были играть в крестьянской среде роль толкователей советского аграрного законодательства. Противоречивость и неполнота «Основного закона о социализации земли», а также нормативных документов губернских и уездных властей, отсутствие точно сформулированных прав и обязанностей сторон поземельных отношений, становились одной из причин возрастания роли института инструкторов.

На 3-м съезде Советов рабочих и крестьянских депутатов Воронежской губернии сообщалось, что советское законодательство затрагивало и порождало массу вопросов, тесно связанных с основными положениями законов, в которых население часто не в состоянии было разобраться и найти правильный выход[418]. Инструкторы оказывали значимую помощь в разъяснении сложных юридических конструкций для крестьянства. Представитель 5-го инструкторского подотдела Воронежской губернии Косяков на 3-м съезде Советов рабочих и крестьянских депутатов отметил, что за свой короткий период деятельности инструкторский подотдел в значительной степени осветил положение на местах и ускорил разрешение многих запросов и просьб за короткий промежуток времени[419].

---

[417] Там же. Протокол третьего съезда Советов рабочих и крестьянских депутатов Воронежской губернии… С. 38.
[418] Там же.
[419] Там же. С. 39.

Инструкторы привлекались к составлению сводных статистических данных и материалов о ходе аграрной реформы[420]. Например, 22 ноября 1918 г. в докладе Курского губернского земельного отдела Центральному комиссариату сообщалось о том, что «в сентябре месяце инструкторами было проведено обследование по Фатежскому и Щигровскому уездам, которое дало богатый материал»[421]. На 3-м съезде Советов рабочих и крестьянских депутатов Воронежской губернии представитель 1-го подотдела земельного отдела Желтухин отмечал, что, не получая длительное время сведений о деятельности уездных земельных отделов и не имея статистических данных 1-м подотделом, были отправлены в уезды инструкторы[422]. Работа инструкторов и созванный по инициативе 1-го подотдела съезд председателей уездных земельных отделов позволили подготовить необходимые статистические материалы.

Отмечая центральную роль инструкторов в процессе реализации большевистского аграрного курса, необходимо подчеркнуть их существенный дефицит. Например, в уездах Рязанской губернии, прилегавшей к губерниям Черноземного центра, работали всего по два представителя от инструкторской службы[423]. Подобная картина наблюдалась и в черноземных губерниях. В сообщении газеты «Голос Трудового Крестьянства» от 12 октября 1918 г. отмечалось, что в Тамбовской губернии «губземотдел имеет своих инструкторов. Они находятся в уездных комиссариатах и инструктируют последние. Всего их 21 человек»[424]. В Воронежской губернии в 1918 г. численность губернских инструкторов составляла 9 человек, в уездных – 28, в 1919 г. их численность составила, соответственно, 12 и 35 человек[425].

---

[420] Там же. Протокол третьего съезда Советов рабочих и крестьянских депутатов Воронежской губернии… С. 38.
[421] РГАЭ. Ф. 478. Оп. 5. Д. 35. Л. 1.
[422] Протокол третьего съезда Советов рабочих и крестьянских депутатов Воронежской губернии… С. 23.
[423] ГАЛО. Ф. Р-93. Оп. 1. Д. 27. Л. 77.
[424] Аграрная политика Советской власти. С. 299.
[425] ГАВО. Ф. Р-19. Оп. 34. Д. 107. Л. 9 об.

Проблема обеспеченности инструкторскими кадрами в сфере животноводства и птицеводства стояла еще острее. Как отражено в объяснительной записке к смете Курского отдела Всероссийского общества сельскохозяйственного птицеводства и мелкого животноводства, в Курской губернии был только один инструктор по птицеводству[426].

Положение инструкторов в деревне было еще более противоречивым, чем у землемеров и техников. Большевистский реформационный курс не предполагал взаимовыгодного диалога между властью и деревней. Напротив, решение конфликтных ситуаций и проблем земельных отношений, агрономической помощи было завязано на пропаганде и насаждении советских ценностей. В протоколе заседания 5-го Кирсановского уездного съезда волостных советов от 13 декабря 1918 г. отмечалось, что «первоначально крестьяне хотели поделить рожь между собой, но инструктор 1–го района предложил устроить трудовую артель»[427]. Подобные предложения негативно влияли на восприятие деревней представителей Советской власти, в том числе и инструкторов. Но важность толкования советского аграрного законодательства для крестьян делали их центральными фигурами в системе взаимодействия деревни и власти.

Проблема обеспеченности специалистами в сфере агрономической помощи населению стояла еще более остро. Зона их ответственности представляла собой целый уезд. В докладе агрономического подотдела Тимского уездного земельного отдела Курской губернии за 1918 г. сообщалось, что инструктор «ведал» всем уездом. При инструкторе садоводства работало еще три садовых техника, которые также входили в состав агрономической организации[428]. Отметим, что инструкторы–садоводы, инструкторы–животноводы большую часть своего времени уделяли организации консультативных услуг населению и лишь опосредованно влияли на сам ход социализации земли.

[426] РГАЭ. Ф. 478. Оп. 2. Д. 82. Л. 52.
[427] ГАСПИТО. Ф. П-837. Оп. 1. Д. 23. Л. 4 об.
[428] ГАКуО. Ф. Р-685. Оп. 1. Д. 6. Л. 34.

Еще одной категорией специалистов в социализируемой деревне были агрономы. Но их влияние на ход уравнительного распределения земли имело, скорее, цивилизаторскую, чем административную форму. Агрономы также редко участвовали в разрешении земельных конфликтов, но в сферу их компетенций ложился целый комплекс задач по переходу от традиционных форм обработки земли к более интенсивным и продуктивным технологиям.

Агрономическая помощь населению осуществлялась непосредственно агрономами и их помощниками. Например, в Тимском уезде Курской губернии работало 5 агрономов, 5 помощников и инструкторов по садоводству, пчеловодству и маслоделию. Весь уезд был поделен на 5 агрономических пунктов по 2 волости на один участок[429]. Как отмечалось в докладе Тимского агрономического подотдела, «размещение агрономического персонала таково, что агроном живет при одной волости, а помощник его при другой, но деятельность помощника находится под непосредственным контролем и руководством агронома»[430]. Агрономические пункты и их отделения с помощниками агрономов располагались «в усадьбах бывших частных владельцев»[431]. При каждом агрономическом пункте и их отделениях размещался прокатный и зерноочистительный пункты, а также инвентарь, случные пункты с племенными животными, жеребцами, быками и хряками[432].

Кадровое обеспечение агрономического персонала в черноземной деревне было ограниченным. Так, 17 мая 1918 г. на заседании 2-го губернского земельного съезда Курской губернии в Льговском уезде Курской губернии член уездного земельного комиссариата Смирнов сообщал, что агрономов в распоряжении уездного земельного комиссариата не было[433]. Сабельников, представитель Щигровского уезда Курской губернии напротив,

[429] Там же. ГАКуО. Ф. Р-685. Оп. 1. Д. 6. Л. 34.
[430] Там же.
[431] Там же.
[432] Там же.
[433] Там же. Ф. Р-313. Оп. 1. Д. 5. Л. 8 об.

отмечал то, что «агрономическое дело поставлено хорошо и отведенные 6 агрономических участков засеваются»[434].

Наиболее емко проблемы деятельности агрономического отдела в 1918 г., в том числе и кадрового характера, демонстрирует доклад о положении дел агрономического отдела Сасовского [Елатомского - В.Н.] уездного комиссариата земледелия Тамбовской губернии. С одной стороны трудности были связаны с отсутствием четких указаний, с другой – с изменениям в личном составе, как в комиссариате, так и в агрономическом отделе. Если ранее весь уезд в 28 волостей обслуживался лишь тремя участковыми агрономами при трех помощниках, то с конца июля и-за отсутствия средств и специалистов заведывание вновь образованными участками было возложено на помощников агрономов. Фактически вместо трех участков в их зоне обслуживания стало шесть. Как сообщалось в докладе, после отъезда Елатомского агронома Щеголевой, в уезде осталось только два агронома, из которых один выполнял обязанности заведующего агрономическим отделом и подотделом животноводства. Имелось еще три помощника[435]. Такой состав агрономов и их помощников не мог обеспечить качественное обслуживание населения в отведенной им зоне ответственности.

В ряде случаев агрономы командировались в коллективные хозяйства в качестве ответственных лиц и участвовали в передаче коммунарам и членам артелей имущества бывших частновладельческих имений[436], а также в качестве заведующих культурными имениями. Например, агроном Полищук Тимского уездного земельного отдела Курской губернии в январе 1918 г. был командирован на три месяца с окладом в 250 рублей в одно из бывших поместий[437]. Также агрономы составляли предложения по модернизации

[434] Там же. ГАКуО. Ф. Р-685. Оп. 1. Д. 6. Л. 6–7 об.
[435] ГАСПИТО. П-840. Оп. 44. Л. 33.
[436] ГАВО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 18. Л. 24.
[437] ГАКуО. Ф. Р-685. Оп. 1. Д. 1. Л. 44.

местного хозяйства[438], вели агропропаганду современных знаний, осуществляли борьбу с сельскохозяйственными болезнями и вредителями, агитировали за организацию коллективных хозяйств. Агрономический персонал следил «за показательными полями и семенными плантациями, находящимися при агрономических участках»[439].

Агрономы организовывали различные выставки, проводили лекции. Так, агрономическим отделом в Тимском уезде Курской губернии в сентябре 1918 г. была проведена однодневная выставка огородничества[440]. В этом же уезде был организован ряд лекций на следующие темы: «О подготовке земли под озимые и яровые хлеба, корнеплоды и травы, об орудиях для обработки почвы», «О семенах и посевах с посевом кормовых трав и корнеплодов», «О сорных травах и борьбе ними», «Уход за растениями во время их роста и уборки урожаев. Боронование озими весной. Уборка ручная и машинами». Также проводились консультации по животноводству и садоводству.

Всего же, согласно отчету произведенных по сельскому хозяйству чтений и бесед в первом агрономическом участке Тимского уезда с 1 ноября 1917 г. по 1 февраля 1918 г., лекции прослушало 1574 человека[441]. Чтение лекций и беседы сопровождались демонстративными картами. После чтений давались ответы на вопросы граждан по сельскохозяйственной тематике[442].

Мобилизации лошадей, а также сокращение кормовой базы перед местными властями ставили задачи по сохранению производственной сельскохозяйственной тягловой силы. Поэтому агрономы вынуждены были осуществлять контроль за данным вопросом. Как отмечается в журнале Нижнедевицкого уездного земельного отдела Воронежской губернии, 4 ноября 1918 г. агроном Г.С. Афанасьев был отправлен в командировку для регистрации лошадей «на предмет освобождения… от поставки в войска»[443].

[438] ГАВО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 18. Л. 80.
[439] ГАКуО. Ф. Р-685. Оп. 1. Д. 6. Л. 34.
[440] Там же. Ф. Р-313. Оп. 1. Д. 187. Л. 23.
[441] Там же. Ф. Р-685. Оп. 1. Д. 6. Л. 2 об.
[442] Там же.
[443] ГАВО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 65. Л. 61.

Агроном Алексеевского уездного земельного отдела М.И. Бафтелевский сообщал на экономическо–агрономическом совещании 15 августа 1918 г. о том, что численность волов постоянно уменьшалась из-за чего «приходится снимать со случных пунктов и продавать с торгов за неимением корма»[444].

Проблема развития производительности сельского хозяйства была увязана и с сохранением инвентаря, количество которого в бывших помещичьих имениях убывало под влиянием различных причин, в том числе из-за расхищений. Поэтому Курский губернский Совет рабочих и крестьянских депутатов предлагал «освидетельствование годности инвентаря передать уездному и участковому агрономам»[445].

С приходом агрономов в бывшие усадьбы инвентарь передавался им на учет. Отказ принимать на учет средства производства оценивался как грубое нарушение должностных обязанностей. Один из таких фактов был зафиксирован в Рогозецкой волости. 5 октября 1918 г. в предписании Тимского уездного агрономического отдела Курской области помощнику агрономического 2-го участка Г.К. Кравченко указывалось на то, что с некоторых имений Рагозецкой волости не были привезены на прокатные пункты сельскохозяйственный инвентарь, в том числе такой мелкий инвентарь как ручные средства прополки, сепараторы и другие орудия труда, «не касаясь уже крупного инвентаря, как сложные молотилки и пр., что является уже крайним упущением, как агронома, так и помощника его…»[446]. Поэтому агроному предписывалось немедленно «озаботиться» сбором сельскохозяйственного инвентаря. Этот инвентарь должен был использоваться в показательных хозяйствах, а также отдаваться в аренду населению. Например, жатка на 2-м агрономическом участке Тимского уезда предоставлялась крестьянству за плату в размере 8 рублей с десятины[447].

[444] Там же. ГАВО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 19. Л. 27.
[445] ГАКуО. Ф. Р-1339. Оп. 1. Д. 3. Л. 4.
[446] Там же. Ф. Р-685. Оп. 1. Д. 8. Л. 63.
[447] Там же. Д. 6. Л. 34 об.

Чаще всего агрономы привлекались к работе в качестве экспертов. В протоколе обследования поля гражданина Трофима Петровича Гридина деревни Вышней Гридиной от 31 июня 1918 г. агроном Василий Иванович Сергеев описывал процесс оценки отрубного участка на предмет его передачи в качестве показательного хозяйства. В Комиссию, наряду с агрономом, вошли член Сужданского уездного земельного комиссариата П.Г. Костин, член исполнительного комитета крестьянской секции Советов солдатских и крестьянских депутатов Иван Григорьевич Горох, в качестве специалиста был привлечен агроном Василий Николаевич Сергеев.

Надел отрубщика имел площадь в 12 десятин, что превышало среднедушевую норму в расчете на число душ в его семье. Как отмечал в протоколе агроном, на данном участке пар был не вспахан. Хозяин объяснял это тем, что «граждане д. В. Гридиной не разрешают пахать 1/3 часть пара, т.к. готовились к зеленому удобрению гречихой» [448]. Ранее на данном наделе велся четырехпольный севооборот. Ввиду этого отрубщик просил сохранить за ним данный надел. Но община уже перевела его на трехполье и данный участок, наряду с другими полями, изымался. Агроном В.С. Сергеев записал в докладе, что такое положение крайне не нормально и необходимо «обратить на это внимание, так как на будущий год очень многим гражданам в д. В. Гридиной не дается пара, а придется производить посевы озими»[449]. В ответ член Сужданского уездного земельного комиссариата П.Г. Костин заявил, что по постановлению уездного земельного съезда, все отруба уничтожаются и переходят к общинному землепользованию с трехпольным севооборотом. «Член Московского Ц.И.К. С.Р.С. и К.Д. И.Г. Горохов заявил, что он ничего показательного в данном поле не находит, а посему не видит также причин к охранению и оставлению в целостности»[450].

[448] ГАКуО. Ф. Р-1339. Оп. 1. Д. 3. Л. 101 а.
[449] Там же.
[450] Там же.

В данном случае в интересах общины было сокращено более продуктивное, чем трехполье, четырехпольное земельное угодье, которому не дали статус образцового агрономического участка.

Представители исполнительной власти, действуя согласно основным положениям закона о социализации земли, вынуждены были расформировывать наиболее прогрессивные хозяйства. Вместо опытного поля или показательного хозяйства было решено произвести уравнительный передел спорной земли. Мнение агронома, который выступал в качестве специалиста по интенсификации сельскохозяйственного производства, не было учтено из-за их низкого влияния в системе местных советских органов. Данная ситуация рельефно отображает низкий уровень влияния специалистов–агрономов на ход социализации земли.

Агрономы находились в постоянном взаимодействии с агрономическими подотделами и волостными земельными отделами, где и решались вопросы об организации показательных полей, их переходе на четырехпольный севооборот, вопросы посева пропашных культур и т.д. Однако в 1918 г. подобные решения приводились в жизнь с запозданием, несмотря на то, что под каждое показательное поле выделялось уездными властями по 12 десятин из ярового клина. Обстоятельства «черного передела» земли не позволили весной 1918 г. агрономам полностью выполнить задуманное. Например, в Тимском уезде Курской губернии яровыми посевами было засеяно только одно показательное поле[451].

Проблемы реализации «Основного закона о социализации земли» возобновились в полном объеме, во всей своей сложности и многоаспектности, как только с полей начал сходить снег. Правительство, которое должно было регулировать процессы уравнительного распределения земли, столкнулось с реалиями, о которых шли дискуссии до и после утверждения «Основного закона о социализации земли»: с неточностями, противоречиями в его тексте и.т.д. Для разрешения конфликтных ситуаций на

[451] ГАКуО. Ф. Р-685. Оп. 1. Д. 6. Л. 34 об.

местах представители власти должны были вновь включиться в процесс уравнительного распределения земли.

Важной задачей светских служащих в черноземной деревне была реализация хозяйственно-мобилизационных мероприятий. Например, посевных кампаний. Для этого служащим приходилось разъяснять, убеждать крестьян засевать пустующие земельные участки, а в ряде случаев и предупреждать о возможном наказании за неподчинение. Заведующий Липецкого уездного земельного отдела Н.М. Кобляков, выступая 3 октября 1918 г. на заседании Липецкого уездного земельного отдела и его подотделов по вопросу о проведении в жизнь постановления 3-го уездного земельного съезда об обработке парной земли под зябь, предложил принять самые энергичные меры для того, чтобы необработанную землю вспахать путем привлечения к данной работе всего населения уезда. В качестве мер он предлагал привлечь к работе с населением инструкторов и агрономов. Они должны были провести разъяснительную работу о важности вспашки земли для получения большого урожая в будущем году. Н.М. Кобляков выделял, что «в крайних случаях [могли быть – В.Н.] приняты против неподчинившихся распоряжениям власти … репрессивные меры вплоть до оружия»[452].

В целом, как землемеры, так инструкторы и агрономы в 1918 г. выполняли функции проводников советской аграрной политики. Они выполняли ряд важных функций, направленных на развитие производительных сил в деревне. Но эффект от деятельности советских служащих ограничивался их численностью, а также традиционным подходом крестьян к ведению сельского хозяйства. В целом участие землемеров, инструкторов и агрономов в реализации аграрной реформы сглаживало социальное напряжение в крестьянской среде. Подобные настроения были разрушены последующими действиями Советской власти: деятельностью

[452] ГАЛО. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 13. Л. 2.

продотрядов, военной мобилизацией, отчасти работой коммун, советских хозяйств и комитетов бедноты.

§ 3.2. ОСОБЕННОСТИ СОВЕТСКИХ АГРАРНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В ГУБЕРНИЯХ ЧЕРНОЗЕМНОГО ЦЕНТРА

Декреты и законы, принятые в начальный период становления Советской власти, заложили основные направления развития аграрной политики на последующие годы. Наряду с принципами уравнительного распределения земли в сельскохозяйственном производстве вводился для подавляющего большинства крестьянства фактический запрет на использование наемного труда и арендные отношения. Представители советской власти намеренно ломали прежние аграрные устои, стараясь как можно быстрее реализовать преобразование в производственных отношениях в деревне.

«Декрет о земле» сформировал нормативную базу для последующих изменений земельного права. Он выделил ключевые векторы большевистской аграрной политики. Глубинная реорганизация поземельных отношений началась через несколько месяцев. Так, с началом полевых работ в 1918 году «государство отказалось от политики стихийной “советизации” деревни и начало апробировать чрезвычайные методы управления крестьянскими массами»[453]. Предвестником данной аграрной политики стало утверждение «Основного закона о социализации земли». Вступление в силу данного нормативного акта провозглашало фактическое прекращение существования рынка земли. 1 июня 1918 г. Комиссариат земледелия сообщал всем губернским земельным отделам о том, что сделки, заключенные с бывшими земельными собственниками, срок которых еще не истек, должны были

[453] Шатковская Т.В. Место обычного права в регулировании земельных отношений в первый годы Советской власти // Юристъ – Правоведъ. 2008. № 3. С. 88.

считаться расторгнутыми с момента издания «Основного закона о социализации земли»[454].

С весны 1918 г. крестьяне начали активно включаться в борьбу за землю. Фактическое уравнительное распределение земли началось в апреле с яровых посевах. Так, в Елецком уезде Орловской губернии распределение земельных ресурсов шло повсеместно и приобретало радикальные формы. 18 апреля 1918 г. в дневнике М.М. Пришвин следующим образом отражал процесс уравнительного распределения земли: «Вот земля... я еду... Делят. – Земля, а чья? – Богова! – А сторонники чьи? Драка...»[455]. Однако для создания видимости законности подобных переделов общины и волости стремились проводить сходы и съезды, на которых утверждались решения удобные и выгодные деревне. Часто распределение земли осуществлялось бесконфликтно. В целом к маю–июню 1918 г. практически все земли и сенокосы в черноземной деревни были распределены[456].

Натиск крестьянства превратил большинство сельскохозяйственных угодий в единообразные наделы. Как отмечал А.Н. Анцыферов, «при дележе… были случаи “сваливания в один общий котел” отнятой земли вместе с надельной землей 2–3 соседних общин и последующей разверстки по душам»[457]. Данный механизм внутриобщинного распределения земли увеличивал землепользование одних крестьян, но сокращал запашку других, зачастую ломая устоявшееся землеустройство, расширяя длинноземелье, узкополосицу, чересполосицу и т.д. Распределение по едокам было наиболее выгодно батракам и безземельным крестьянам и невыгодно зажиточной части деревни. Такие перераспределительные процессы повышали роль общины в деревне, снижали влияние на экономическую жизнь села зажиточных дворов.

---

[454] ГАВО. Ф. Р-19. Оп. 65. Д. 10. Л. 63.
[455] Пришвин М.М. Указ. соч. С. 167.
[456] Подлесных С.Н. Реализация первых советских законов о земле в Воронежской губернии (по материалам Новокурлакской волости Бобровского уезда Воронежской губернии: общие положения) // Юридическая наука. 2013. № 4. С. 32.
[457] Анцыферов А.Н. Указ. соч. С. 191.

Важнейшую проблему, которая возникла при подготовке уравнительного распределения земли, поднял 7 апреля 1918 г. на вечернем заседании 3-го съезда Воронежского губернского Совета рабочих и крестьянских депутатов агроном Сеславинский. Он поставил под сомнение осуществление полной социализация земли. В своем выступлении Сеславинский указал на характерную черту данной реформы: «Чтобы правильно распределить земли, мы, прежде всего, должны знать весь земельный фонд в уездах, а для этого необходимо учесть не только частновладельческие, монастырские, казенные и т.д. земли, но и крестьянские»[458]. Только получив подробный перечень всех земель, местные органы власти могли приступить к подробному подсчету всех душ населения, а затем по средней норме наделения распределить землю.

Таким образом, ключевой проблемой аграрной реформы в черноземной деревне стало отсутствие точных статистических данных о количестве земли. Например, в Задонском уезде Воронежской губернии важные для реализации уравнительного распределения земли материалы вырабатывались из данных опроса крестьян. На следующем этапе итоговые данные дополнялись материалами землемеров, плановыми данными и количественными показателями из инвентарных книг. Также при межевании Задонского уезда использовалась книга земельных имуществ 1907 г.[459]

В целом по Воронежской губернии, как сообщалось 7 апреля 1918 г. на заседании 3-го Воронежского губернского Совета рабочих и крестьянских депутатов представителем 1-го подотдела Воронежского губернского земельного отдела Желтухиным, в оценочно–статистическом бюро губернского земства имелись «в сыром виде» материалы переписи 1910 и 1917 гг., но из-за их несовершенства губернский земельный отдел счел

[458] Протокол третьего съезда Советов рабочих и крестьянских депутатов Воронежской губернии (5–10 апреля 1918 г.). Воронеж, 1918. С. 24.
[459] ГАЛО. Ф. Р-93. Оп. 1. Д. 13. Л. 59.

необходимым сбор статистических данных на местах. Для этого 1–м подотделом были выработаны правила учета и распределения земель[460].

Дефицит точных статистических данных, как записано в «Инструкции Алексеевского уездного земельного отдела Воронежской губернии волостным сельским и хуторским советам о распределении земли на 1918 г. на уравнительных началах», оказывал влияние на время проведения реформы. В инструкции отмечалось, что из-за отсутствия данных о количестве земли и населения, а также из-за «отсутствия налаженного технического аппарата… проведение в жизнь закона о социализации земли является возможным… только после соответствующей подготовки»[461]. Поэтому с начала весенних работ земли Алексеевского уезда распределялись между населением лишь на один год во временное пользование.

Летом 1918 г. в губерниях Черноземного центра сохранялся дефицит точных статистических данных, что способствовало росту земельных конфликтов при временном распределении земли и лугов. Местные власти стремились разрешить данный вопрос путем директив и предписаний. Так, согласно протоколу заседания Алексеевского уездного земельного отдела Воронежской губернии от 17 июля 1918 г., было сделано постановление. В нем предписывалось для устранения ошибок при распределения земель и лугов собрать точные сведения о числе населения, о площади угодий во всем уезде, а затем выяснить норму наделения на одну душу. Для этого предполагалось проведение заседания с землемером. Также планировалось «выработать директивы, каким способом добыть точные сведения в непродолжительном времени»[462].

Запутанность земельных отношений, дефицит квалифицированных землемеров и инструкторов, а также малоэффективная и трудоемкая система подсчета величины наделов не позволяли осуществить полную и

[460] Протокол третьего съезда Советов рабочих и крестьянских депутатов Воронежской губернии... С. 17.
[461] ГАВО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 47. Л. 6.
[462] Там же. Оп. 64. Д. 27. Л. 4.

окончательную социализацию земли. Крестьяне в данном случае поступали прагматично, выбирая не сложные и хитроумные вычисления, предлагавшиеся властью, а радикальное поравнение земли внутри общины. Как отмечал Г.А. Герасименко, крестьяне устанавливали общую земельную площадь, распределяли ее на общую численность наличных душ волости и затем определили итоговое количество земли в наделе, которая «давала возможность, по мнению бедноты, провести самый справедливый передел земли»[463]. Тем самым наделы в деревне формировались как по трудовой и потребительной норме, так и способами, противоречившими положениям «Основного закона о социализации земли», но являвшимися традиционными и справедливыми в понимании крестьянства.

В ходе социализации земли сформировались три основные модели уравнительном распределении земли: по едокам (или по душам), которая была ориентирована на интересы бедняцких слоев деревни, но также встречавшая сочувствие у большей части среднего крестьянства; по трудовой норме (или по работникам), которая отвечала интересам, прежде всего, зажиточных слоев крестьянства; а также компромиссная модель, сочетавшая в себе черты двух первых моделей. Однако их применение в каждой конкретной общине зависело от целого комплекса причин: местных традиций, соотношения бедняков и зажиточных дворов, наличия рядом крупных имений, возможность отходничества и других факторов.

Некоторые волости распределяли землю, опираясь на гендерные признаки. Например, весной 1918 г. в селе Гавриловка Кармановской волости Тамбовского уезда землю уравнительно распределяли только по мужским душам[464].

В большинстве случаев земельные угодья распределялась то по «работникам», то по «едокам», а иногда обеим принципам одновременно, без какого-либо понимания об отличии потребительской и трудовой площади

[463] Герасименко Г.А. Низовые крестьянские организации в 1917 – первой половине 1918 годов. На материалах Нижнего Поволжья. Саратов, 1974. С. 275.
[464] ГАТО. Ф. Р-950. Оп. 1. Д. 25. Л. 51.

хозяйства. Так, в Фатежском уезде Курской губернии уравнительное распределение земли, согласно телефонограмме, должно было производиться «между крестьянами всей волости на каждую душу поровну»[465]. В Калачевской волости Богучарского уезда, как отмечалось в сообщении местного земельного отдела в земельный отдел Воронежский губернии от 12 апреля 1918 г., пахотные земли под посев яровых зерновых на 1918 г. распределялись «по установленной норме»[466], т.е. по «работникам». А в Новохоперском и Алексеевском уездах Воронежской губернии, как и в большинстве уездов и волостей губерний Черноземного центра, уравнительное распределение земли шло по едокам[467].

По нашему мнению, подобные метаморфозы с потребительно–трудовой нормой наделения землей происходили, как из–за особенностей представлений каждой конкретной крестьянской общины о справедливости, так и из-за тех противоречий, которые были заложены в новых законодательных актах, инструкциях и распоряжениях, изданных на местах.

Юридические противоречия находили отображение даже в нормативных актах и инструкциях, которые утверждало Советское правительство. Если статьи об уравнительном распределении земли, нашедшие отражение в «Декрете о земле» и «Основном законе о социализации земли», были ориентированы на учет трудового потенциала крестьянского двора и на его потребности, то во «Временной инструкции переходных мер по проведению в жизнь закона о социализации земли» требовался учет едоков, а при отводе земли прочим категориям граждан – «полносильных работников».

Отметим, что понимание крестьянами политических и экономических реалий ограничивалось коммуникационными барьерами. Например, в Бондарской, Мироновской, Дмитрищевской, Татарщинской, Солокинской волостях при уравнительном распределении земли весной 1918 г., как сообщал 5 октября того же года инструктор земельного отдела Тамбовского уезда

[465] ГАКуО. Ф. Р-571. Оп. 1. Д. 3. Л. 35.
[466] ГАВО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 20. Л. 5 об.
[467] Там же. Д. 98. Л. 2, Там же. Д. 47. Л. 6.

Велихов, местные жители не были знакомы с новым аграрным законодательством. Для того, чтобы сообщить крестьянам о том, что был утвержден «Основной закон о социализации земли» потребовалось приблизительно две недели[468]. Данные обстоятельства вносили беспорядок и дезорганизацию в советские аграрные преобразования.

Общеуездная норма наделения землей на едока в черноземной деревне исчислялась путем арифметического деления общего количества удобных земель на число едоков. Этот принцип являлся весьма примитивным и вызывал справедливое нарекание, так как земля по своему качеству была разная, а это не везде учитывалось, особенно в период весенне-летней кампании. Вот как охарактеризовал данный принцип подотдел землеустройства Орловского губернского исполнительного комитета на совещании 8 октября 1918 г.: «Получалась норма самая грубая и приблизительная, и ею можно было руководствоваться, только имея в виду темп революционного времени и исходя из принципа временного, на одно лето, распределения земли»[469].

Но в некоторых уездах Орловской губернии при уравнительном распределении земли крестьянами все-таки учитывались «почвенные качества земли»[470], «состоятельность хозяйства»[471]. Об аналогичном подходе наделения землей говорилось в «Инструкции Алексеевского уездного земельного отдела Воронежской губернии волостным сельским и хуторским советам о распределении земли на 1918 г.».

В ходе уравнительного распределения земли отмечались случаи наделения землей крестьян поэтапно, по мере введения в фонд распределения новых категорий угодий. Например, в Воробьевской волости Богучарского уезда, как отмечалось в рапорте от 29 апреля 1918 г., направленном в

[468] ГАТО. Ф. Р-950. Оп. 1. Д. 19. Л. 98.
[469] Герасимюк В.Р. Уравнительное распределение земель в Европейской части Российской Федерации в 1918 г. // История СССР. 1965. № 1. С. 98.
[470] ГАВО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 47. Л. 6.
[471] Там же.

Воронежский губернский земельный отдел, в фонд распределения сначала переделу подлежала земля всех церковных причт, помещиков и крупных частных землевладельцев. Она отводилась безземельным и малоземельным «по числу душ и едоков»[472]. Во вторую очередь распределения вошли излишки земли, которые не в состоянии были обработать крестьяне личным трудом. Землю, оставшуюся после уравнительного распределения, местные власти решили сдать в аренду. В нарушение основных положений закона о социализации земли они указывали на механизм арендных отношений: «По личному заявлению дается за плату по 10 руб. за каждый надел»[473].

Для осуществления уравнительного распределения земли в каждом обществе формировалась комиссия, которая работала совместно с представителями волостной администрации. С помощью специально организованных комиссий распределялись земли различного хозяйственного значения. Как сообщается 15 июня 1918 г. в выписке из журнала очередного заседания земельного отдела Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Воронежской губернии, формировалась особая комиссия для наделения землей Боринского сахарного завода. Этой комиссии предоставлялись самые широкие полномочия в области взаимодействия с общиной[474]. В протоколе заседания Крестьянского съезда городских и волостных земельных отделов, представителей от сельских обществ Алексеевского уезда и членов Алексеевского уездного земельного отдела Воронежской губернии, проходившего 12–13 июля 1918 г., указывалось на необходимость «образовать при волостях комиссию»[475]. Количество членов избиралось по усмотрению Советов. В комиссию двух волостей должен был входить один землемер. Комиссия должна была готовить проект, где отмечались отрезки с учетом качества земли. За самовольные захваты земли предписывалось производить аресты.

[472] Там же. ГАВО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 20. Л. 3.
[473] Там же.
[474] Там же. Д. 106. Л. 214.
[475] Там же. Д. 19. Л. 20.

Уравнительному распределению подлежали все категории сельскохозяйственных угодий: пашни, паровые земли, луга, усадебные участки, выгоны для скотины. Общая площадь паровых земель для каждой конкретной общины исчислялась вместе с наделами под озимые и яровые хлеба, а также с учетом других категорий угодий. В случае, когда земли в одной из групп указанных угодий превышал утвержденную норму, то сокращению подлежали земли другой категории.

В целом выравнивался массив всего земельного фонда общин. В Положении Воронежского уездного земельного отдела о распределении парового клина в 1918 г. сообщено, что площади паровой земли каждой общины определялись в совокупности с наделами в озимом и яровом клиньях, а также с учетом выгонов, огородов и сенокосных угодий. Таким образом составлялся общий земельный фонд общин[476] и ограничивались земельные аппетиты общин: если они получали в пользование больше одних категорий земель, то теряли в площади других. Видимо, исходя из трехпольной системы земледелия, которая была характерна традиционному крестьянскому хозяйству, воронежские уездные власти предполагали, что потребуется не менее 3 лет для установления правильного севооборота[477].

Местные социально–экономические особенности, природно–климатический фактор, общественно–политические реалии оказывали влияние на сроки и характер аграрных преобразований на местах, придавали колорит уравнительному распределению земли в каждой конкретной волости и уезде.

Губернские и уездные власти при выделении земель в фонд распределения вносили свои коррективы, выходившие за законодательные рамки, «вписывая» в собственные постановления понятия и термины, традиционно применявшиеся не в только в научно–практической и административной, но и в крестьянской среде. Например, в протоколе заседания Крестьянского съезда городских и волостных земельных отделов,

[476] Там же. ГАВО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 106. Л. 160.
[477] Там же. Л. 161.

представителей от сельских обществ Алексеевского уезда и членов Алексеевского уездного земельного отдела Воронежской губернии, проходившего 12–13 июля 1918 г., предписывалось немедленно произвести распределение всех земель, «исключая только толочную, которую распределить на 1919 год»[478]. Так, за рамками распределяемого фонда оказалась «толочная земля» (от слова «толока», что обозначало общественную запашку). Подобным образом традиционализм выступал барьером на пути официальной статистики и установления государственного контроля над сельскохозяйственными угодьями.

Дополнительными решениями местных властей разрешалась проблема распределения луговых угодий. Данный вопрос наиболее остро встал в начале лета 1918 г., когда пахотные земли под яровые посевы были распределены и крестьянскими хозяйствами были выполнены основные агротехнические мероприятия на полях.

Порядок распределения лугов вызывал в сельских обществах острые споры. Наличие луговых угодий, выпаса для скота особенно важно было для средних и крупных хозяйств, владевших значительной тягловой силой и скотиной. Например, данный вопрос стал предметом спора в Ниновском сельском обществе Новооскольского уезда Курской губернии. Он рассматривался миром 7 июня 1918 г. Постановление о распределении лугов сроком на один год практически не вызвало противоречий. Воздержалось только два делегата. Предложение же делить луговые угодья на дворы и на души привело к острому противостоянию внутри общины. 91 член общины предлагал делить данные категории земель по душам, 22 по дворам и 6 человек воздержалось[479]. Таким образом, большинством голосов решено было делить луга по душам на один урожай. Аналогичное решение было принято в Богучарском уезде Воронежской губернии. Согласно постановлению, принятому местным земельным отделом при участии волостных земельных

[478] ГАВО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 19. Л. 20.
[479] ГАКуО. Ф. Р-313. Оп. 1. Д. 31 а. Л. 20.

отделов 9 июня 1918 г., «луга распределялись на наличные души обоего пола»[480]. При этом в норму наделения включались луга, ранее принадлежавшие крупным землевладельцам.

Особое внимание общины уделяли праву на покос травы. На Крестьянском съезде городских и волостных земельных отделов, представителей от сельских обществ Алексеевского уезда и членов Алексеевского уездного земельного отдела Воронежской губернии, проходившем 12–13 июля 1918 г., рассматривался вопрос распределения лугов. Предметом обсуждения стала проблема сроков покоса луговых угодий. В протоколе съезда отмечалось, что «все травы, которые некоторыми обществами уже скошены… должны быть убраны немедленно теми же обществами»[481]. Траву, которая была скошена со спорных территорий, предписывалось не убирать до разрешения конфликта[482].

Луга, согласно положениям «Инструкции Алексеевского уездного земельного отдела волостным сельским и хуторским советам о распределении земли на 1918 г.», не подлежали распашке. В данном нормативном документе отмечалось, что луга и площади, покрытые травой, предлагалось «передавать в распоряжение уездных земельных отделов, каковые и [должны были] распределять их между нуждающимся земледельческим населением уезда»[483]. Тем самым создавались условия для сохранения животноводческой отрасли и развития многопольного севооборота. «Земельный голод» и не в полной мере оправдавшиеся ожидания крестьян о значительной прирезке земли в ходе аграрной реформы способны были окончательно разрушить организационно–производственную структуру деревни.

Община стремилась свести в единый массив как можно большее количество земли. Поэтому местные власти вынуждены были регламентировать права крестьянских хозяйств, засеявших или вкладывавших

[480] ГАВО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 99. Л. 59.
[481] Там же. Д. 19. Л. 20.
[482] Там же.
[483] Там же. Д. 47. Л. 6.

в землю собственный труд. В «Инструкции Алексеевского уездного земельного отдела волостным сельским и хуторским советам о распределении земли на 1918 г.» говорилось, что засеянные озимые поля и земли, приготовленные к весеннему посеву, не считая огородных и усадебных, запрещалось перераспределять. Данные категории земель предписывалось оставить на 1918 г. в пользовании тех, «кто их обсеменил и приготовил, но на уравнительных началах»[484].

Практическая реализация «Основного закона о социализации земли» требовала внесения существенных корректировок на местах в процесс землеустроительных работ. Так уравнительное распределение земли формировало появление целого ряда нормативных актов и инструкций, которые дополняли и расширяли правотворчество центральных властей. В Положении Воронежского уездного земельного отдела о распределении парового клина в 1918 г. давались практические рекомендации по наиболее рациональной организации территории: «При распределении паровой земли между общинами следует всемерно уничтожать чересполосицу, причем отводимая земля, а также прочие земли обязательно должны, где это возможно, быть включены в одну межу»[485]. Также в данном Положении отмечалось, что при разверстке парового клина между домохозяйствами не следовало дробить земельный надел в паровом клину на множество мелких полос. Землеустроителям предписывалось стремиться к тому, чтобы надел в паровом клину на каждый двор отводился в одном или нескольких местах[486]. Данный шаг должен был облегчить ведение полевого хозяйства, позволял лучше обработать землю, сеять и удобрить урожай.

Специальными решениями и инструкциями на местах регулировалось землепользование неудобных угодий. Данные категории земель должны были, по мысли местных властей, отводиться под пастбища. Так, весной 1918 г. в резолюции Воробьевского земельного отдела Богучарского уезда

[484] ГАВО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 47. Л. 6.
[485] Там же. Д. 106. Л. 160.
[486] Там же. Л. 161.

Воронежской губернии предписывалось всю неудобную землю и находящуюся под оврагами отводить под скотоводство, для дойных коров и овец должны отводить выгоны рядом с населенными пунктами, разбить всю землю на квадраты исходя из ее «количества и качества» и т.д.[487] Подобные формы рационализации землеустройства зачастую нивелировались под давлением общины.

С началом сельскохозяйственных работ социальная напряженность в деревне возросла. Объектом крестьянского интереса стали спорные земли. Согласно закону выделенные, но незасеянные земельные угодья, должны были переходить в распоряжение уездного комиссариата земледелия. В действительности с этой категории земель крестьянство самовольно вывозило зерно, дерево, сено. Так, в июле 1918 г. крестьяне из деревни Поповка Дрезгаловской волости мешали сбору урожая жителей села Суворовка Суворовской волости Елецкого уезда Орловской губернии, несмотря на то, что последние арендовали данный надел у соседей[488].

Эта же община из села Суворовки собрала хлеб с полей, которое засевали граждане села Талица Дрезгаловской волости. Позже, как сообщается 9 октября 1918 г. в протоколе конфликтной комиссии, жители села Суворовка признали свою вину и согласились вернуть 24 копны хлеба, 15 возов картофеля и 10 копен проса[489]. 25 сентября 1918 г. в Нижнедевицком уездном земельном отделе Воронежской губернии рассматривалось ходатайство Грошеченского сельского исполнительного комитета о предоставлении им права на уборку 37 десятин ярового клина, посеянного крестьянами Ясеневской волости на земле бывших частновладельцев Мазаловых, Казьмина и Антонова. Уездный земельный отдел принял решение отклонить ходатайство, так как посев производила другая община[490].

[487] Там же. ГАВО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 19. Л. 4.
[488] ГАЛО. Ф. Р-150. Оп. 1. Д. 94. Л. 39.
[489] Там же. Л. 118
[490] ГАВО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 65. Л. 42.

Итоги социализации земли в действительности не могли удовлетворить «земельного голода» всего черноземного крестьянства. В.М. Чернов справедливо указывал на недостижимость всеобщей удовлетворенности результатами уравнительного передела земли: «Когда … в пределах волости удавалось достигнуть удовлетворившего всех “равнения”, скоро оказывалось, что есть целые волости, обделенные судьбой: в их пределах поживиться было нечем или почти нечем»[491]. В таких случаях «земельная жажда» выступала как конфликтоген для всего окружения неудовлетворённых переделом крестьян, которые начинали бороться с соседними обществами и волостями.

При наличии поблизости помещичьих имений, монастырских и церковных земель, земледельцы старались занять именно эти категории земель. В 1918 г. крестьяне из Задонского уезда Воронежской губернии не стали уничтожать местного «устоявшегося порядка землепользования», начали увеличивать запашку за счет включения в общинные наделы бывших помещичьих земель. В августе 1918 г. жители села Вербицкое Грязновской волости Задонского уезда Воронежской губернии самовольно заняли угодья, которые раньше принадлежали помещику Завойскому[492]. В целом захваты в крупных имениях во второй половине 1918 г. позволяли компенсировать дефицитные земельные ресурсы. Это давало возможность увеличить наделы крестьянских дворов, не вступая в конфликт с сопредельными обществами.

В течение всего 1918 г. внутриобщинные переделы с изменением границ землепользований в Задонском уезде Воронежской губернии практически не производились. Процесс усреднения наделов у местных жителей приобрел массовый характер с конца 1919 г. по причине проведения обязательного государственного землеустройства, согласно «Положению о социалистическом землеустройстве»[493]. Поэтому «устоявшийся порядок» землепользования в общинах Задонского уезда оказался крепче эгоистичного

[491] Чернов В.М. Указ. соч. С. 427, 428.
[492] ГАЛО. Ф. Р-93. Оп. 1. Д. 12. Л. 51.
[493] Кочетков И.В. Институты крестьянского землепользования в 1918-1919 гг. // Власть, общество и реформы в России (XVI – начало XX в.). 2004. С. 522.

земельного стяжательства. Под влиянием данного процесса сократилось количество земельных захватов. В. Келлер и И. Романенко, изучавшие развитие крестьянских общин в Задонском уезде, выделяли, что в 1918–1919 гг. в ходе временного распределения, перемещения земли были не такими резкими и не такими значительными, как при последующем землеустройстве[494]. Кроме того, данные исследователи отмечали, что «во всех селениях уезда надельная земля, находившаяся в дореволюционном пользовании, при временном распределении была сохранена за прежними пользователями в прежних границах и площадях; распределению подлежали только земли вненадельные» [495].

Крестьяне черноземной деревни восприняли «Основной закон о социализации земли» как возможность осуществить долгожданный «черный передел». В.М. Чернов выделял, что Октябрьский переворот «решил весь вопрос одним взмахом в пользу не желающей ничего ждать бесформенной стихии… Крестьянам было объявлено, что вся земля отныне – их достояние, им было предоставлено делить ее, как они сами знают и умеют»[496]. Поэтому общины начали долгожданный уравнительный передел земли. Захват земельных угодий осуществлялся в двух основных направлениях: в ходе аренды, а также «старинным мужицким методом общинного наделения – прирезкой “по душам”, причем на этот раз в “души” попал и женский пол по принципу равенства»[497].

Стихия передела началась в 1917 г. и продолжалась в течение всего 1918 г. Например, 26 апреля в Новодевицкий уездный земельный отдел Воронежской губернии из губернского земельного отдела поступили материалы, содержавшие заявление крестьянина Е.И. Рыбалкина о том, что у него крестьянами села Солдатского отбирается «усадебная земля площадью в

[494] Цит. по: Кочетков И.В. Институты крестьянского землепользования в 1918-1919 гг. // Власть, общество и реформы в России (XVI – начало XX в.). 2004. С. 522.
[495] Там же.
[496] Чернов В.М. Указ. соч. С. 426.
[497] Анцыферов А.Н. Указ. соч. С. 191.

одну десятину с находящимися на ней постройками»[498]. 30 октября 1918 г. в Острогожский лесной подотдел Воронежской губернии сообщал лесничий Коротоякского лесничества, что крестьянами хутора Гончароки Дмитриевской волости захвачены и поделены все земельные наделы в казенной Острогожской даче[499].

В большинстве случаев крестьяне стремились ввести процесс «черного передела» земли в законное русло. Юридическое оформление уравнительного распределения земли на местах производилось сначала на уездных съездах, а затем в волостях и селах. Так, в Богородицкой волости Новооскольского уезда Курской губернии 8 января 1918 г. сельский сход из 170 человек обсуждал вопрос о «дележе земли, все единогласно постановили разделить землю на каждую живую душу, приступить к разделу ярового посева…»[500].

Долгожданные итоги борьбы за землю для деревни оказались иными, чем их представляла крестьяне. Положительно экономические итоги социализации земли могли оценить лишь низшие страты черноземной деревни, так как среднедушевые наделы оказались меньше ожидавшихся показателей. Средние нормы по губерниям Черноземного центра выглядят следующим образом: в Воронежской губернии от 0,8–0,9 до 1,5 десятины на едока, в Курской губернии – от 1,5 до 2 десятины на едока, в Орловской губернии – от 1 до 2 десятин на едока, в Тамбовской губернии – от 1,0 до 1,4 десятины на едока[501].

Официальная среднеуездная душевая норма наделения землей редко совпадала с реальным показателем на местах. В официальных материалах показатели разнились. Так, по итогам распределения земли в Елецком уезде Орловской губернии, на одного едока приходилось 0,97 десятины[502], в

[498] ГАВО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 1. Л. 12.
[499] Там же. Ф. Р-549. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.
[500] ГАКуО. Ф. Р-331. Оп. 1. Д. 31 а. Л. 1.
[501] Белькова Н.А. Позиции крестьянства Центрального Черноземья в годы гражданской войны // Межвузовские научно-методические чтения памяти К.Д. Калайдовича. Сборник материалов. Выпуск 8. Елец, 2008. С. 92.
[502] ГАЛО. Ф. Р-150. Оп. 1. Д. 95. Л. 17.

Кромском уезде той же губернии на каждую душу пришлось 1 десятина и 4 сажени «удобной земли во всех урочищах и угодьях при распределении земли под яровой посев»[503], в деревне Денисовой Чернавской волости Елецкого уезда на едока было отведено 2252 квадратных сажени или 0,21 десятины[504]. Такая разница в нормах наделения землей возникала по ряду причин: от просчетов и недоработок местных властей при осуществлении уравнительного распределения земли до борьбы внутри деревни.

1 июня 1918 г. М.М. Пришвин в дневнике привел следующие оценки итогов распределения земли в Елецком уезде Орловской губернии крестьянством: «Кто выгадал? Многосемейный, бездельник, кто шатался по городам и земли не понимает, получил сразу на всю семью, шелюган последний – много ли таких? Человек десять на все общество...»[505]. В реальности, после социализации земли состоятельные жители деревни начали уменьшать площади посевов. Наделы середняков, если и возрастали, то несущественно.

Значительную прирезку к наделу получили лишь малоземельное и безземельное крестьянство. Так, при уравнительном распределении земли в Задонском уезде Воронежской губернии все угодья, которые подлежали разверстке, учитывались и передавались в пользование. Несмотря на то, что по общеуездной норме на едока приходилась одна десятина и 131,6 сажени[506], крестьянские дворы в ряде случаев обладали значительно большим земельным наделом, так как сохраняли за собой право убирать урожай с полей, которые были засеяны в 1917 г.[507]. Земледельцы, вновь получавшие наделы, обязаны были возмещать бывшим владельцам или арендаторам участка затраченные средства на обработку посевов[508].

[503] РГАЭ. Ф. 478. Оп. 4. Д. 36. Л. 13.
[504] ГАЛО. Ф. Р-150. Оп. 1. Д. 54. Л. 31.
[505] Пришвин М.М. Указ. соч. С. 204.
[506] ГАЛО. Ф. Р-93. Оп. 1. Д. 12. Л. 22.
[507] Там же. Д. 26. Л. 13.
[508] Так же. Л. 15.

В Бобровском уезде Воронежской губернии после уравнительного распределения земли на едока приходилось по полторы десятины[509]. Такие наделы не могли способствовать не только расширенному, но и простому воспроизводству в крестьянском хозяйстве, учитывая рост числа возвращавшихся с фронта солдат и «повышение числа рождений в 1918 г.»[510]. Только на территории Ростошевского сельского совета Щученской волости Бобровского уезда земли не хватило 350 крестьянам[511]. Аналогичные процессы наблюдались и в других волостях и уездах губерний Черноземного центра. Дефицит земли привел к тому, что крестьяне ходатайствовали перед губернским земельным отделом о решении данного вопроса. 1 июля 1918 г. губернские власти обратились в Бобровский уездный земельный отдел с требованием немедленно сообщить о возможности разрешить данную проблему[512].

Механизм расчета нормы наделения землей имел свои особенности в каждом конкретном уезде и волости. Так, в Нижнедевицком уезде Воронежской губернии по сообщению губземотдела, «общеуездная норма, хотя и определялась, однако каждая волость вырабатывала свою волостную норму путем арифметического деления всей удобной земли на число едоков»[513]. В Старооскольском уезде Курской губернии уравнительное распределение земли под яровой посев зерновых осуществлялось на уровне волостей. Но такая локализация все равно приводила к «неравномерности,

[509] Подлесных С.Н. Реализация первых советских законов о земле в Воронежской губернии (по материалам Новокурлакской волости Бобровского уезда Воронежской губернии: общие положения) // Юридическая наука. 2013. № 4. С. 33.
[510] Жирнов Н.А. Демографические процессы в среде орловского крестьянства в годы Первой мировой войны // Российское крестьянство в условиях военных, социально-экономические и политических потрясений. Материалы III Международной научно-практической конференции 16–18 мая 2016 г. Мичуринск, С. 37.
[511] ГАВО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 98. Л. 10.
[512] Подлесных С.Н. Реализация первых советских законов о земле в Воронежской губернии … С. 33.
[513] Герасимюк В.Р. Уравнительное распределение земель в Европейской части Российской Федерации в 1918 г. // История СССР. № 1. 1965. С. 98.

ввиду неточности статистических данных»[514]. В норму наделения, исходя из трехпольного севооборота, включались различные категории земельных угодий. Так, в Новохоперском уезде Воронежской губернии в предварительную норму расчета на едока вошло «пахотной земли 30 саж. (или 1 дес.), сенокоса 3 саж. (0,1 дес.), выпас 3 саж. (0,1 дес.), неудобной земли 2 саж…»[515].

Трехпольная система севооборота, под которую выкраивались крестьянские наделы в ходе уравнительного распределения земли, была архаичной. Она не создавала условий для развития эффективного землепользования. Существовал и ряд других негативных последствий от нерациональной организации территории, например, чрезмерная уравнительность и узкополосица. Как отмечалось в письме комиссара по земельным делам Фатежского уезда в адрес Курской губернской комиссии 4 июня 1918 г., уездный земельный съезд выработал усадебную норму в 2 десятины при максимальной ширине в 20 саж. Такую норму съезд утвердил для того, чтобы соблюсти требуемые экономические, санитарные, противопожарные и прочие условия.

Местные власти осознавали, что из-за «скученности построек в селах и деревнях жители несут огромные убытки от пожаров и всевозможных болезней скота и домашней птицы»[516]. По целому ряду причин назревала необходимость дальнейшего реформирования аграрного сектора с последующим переустройством патриархальных норм и архаичных традиций общины.

Как уже отмечалось, наделение землей производилось в соответствии с местными социально – экономическими условиями, но опиралось на общинно–передельный опыт. Каждая община имел свое собственное представление о справедливых и наиболее эффективных принципах

[514] Там же. Герасимюк В.Р. Уравнительное распределение земель в Европейской части Российской Федерации в 1918 г. // История СССР. № 1. 1965. С. 98.
[515] ГАВО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 98. Л. 15.
[516] ГАКуО. Ф. Р-571. Оп. 1. Д. 2. Л. 37 об.

землеустройства и землепользования. Так, в Курской губернии из доклада о переделе земли под яровые хлеба выяснилось, что местные жители намеренно завышали количество душ, чтобы получить как можно больше земли. За счет этого сокращалось землепользование смежных общин, волостей и уездов. Например, в Троицкой волости Курского уезда размер среднедушевого надела составил 0,5 десятины, а в ряде соседних волостей данный показатель колебался от 0,25 десятин до 700 - 800 квадратные сажени на душу[517].

На ход переделов оказывал воздействие и такой фактор, как партийная принадлежность местных советских чиновников. Так, в Курской губернии, как отмечалось в докладе земельного отдела Курской губернии в Центральный комиссариат земледелия, до 18 июля 1918 г. производилось «систематическое дробление культурных хозяйств – бывших частновладельцев» [518]. Причинами данного процесса являлось как «засилье кулацких элементов на местах» [519] и их стремление самовольно занять крупные землевладения, так и изменение политики, проводимой местными органами власти.

До 18 июля 1918 г. Курский губернский земельный отдел находился под влиянием левых эсеров, которые поддерживали уравнительные процессы в деревне[520]. После 18 июля, когда коллегия левоэсеровского состава была сменена большевиками, данная экономическая установка изменилась. На базе крупных хозяйств стали создаваться советские и коллективные хозяйства. В Воронежской губернии с декабря 1917 г. влияние правых эсеров стало постепенно снижаться в связи с их нерешительностью в деле радикального решения аграрного вопроса и реализации программы социализации земли[521]. Тем самым создавались условия для роста авторитета большевиков в деревне.

---

[517] Цит. по: Кочетков И.В. Институты крестьянского землепользования в 1918–1919 гг… С. 513.
[518] РГАЭ. Ф. 478. Оп. 5. Д. 35. Л. 1.
[519] Там же.
[520] Там же.
[521] Куцеволов А.А. Деятельность партии социалистов-революционеров среди крестьян Воронежской губернии (90-е гг. XIX в. – 1917 г.) // Воронеж народнический: сборник статей. Под ред. Г.Н. Мокшина. Воронеж, 2012. С. 156, 157.

Крестьянство стремилось к радикальному переделу земельных угодий, ранее не входивших в их экономическую орбиту. Однако сам процесс внутриобщинного распределения земли мог идти достаточно консервативно. Так, земледельцы Задонского уезда Воронежской губернии в ходе уравнительного распределения земли стремились сберечь внутриобщинные границы, а также собственные наделы. В резолюции о земле съезда Советов Задонского уезда Воронежской губернии сообщалось, что землю нужно разделить в границах волостей между селами к весеннему севу.

Не только крестьяне могли претендовать на земельный надел, но и другие категории граждан. Но они чаще всего получали небольшие наделы, а также рисковали вообще остаться без угодий. В Калачевской волости Богучарского уезда Воронежской губернии, согласно данным протокола общего собрания земельного отдела Совета солдатских, рабочих и крестьянских депутатов от 19 февраля 1918 г., на каждого владельца и арендатора выделялось по пять десятин земли. При этом предписывалось у вновь наделяемых отобрать землю «вспаханную, подготовленную под яровые посевы и прочую считаемую пахотной и сенокосной … и раздать в пользование под посев весною сего года»[522].

В случае превышения среднеуездной нормы у бывших владельцев и арендаторов излишки земли изымались. В селе Кузьмина-Гать Тамбовского уезда Тамбовской губернии наделение арендаторов также осуществлялось исходя из общеуездной нормы. Как отмечается в протоколе съезда комитетов деревенской бедноты на Тамбовском пороховом заводе от 19 августа 1918 г. отмечалось, что “Поповская земля” была приобретена Бокинскими арендаторами (1-й купил 14 десятин, 2-й – 16 десятин, 3-й – 16 и 4-й – 16 десятин). Эту землю комитет бедноты отнял. При этом два арендатора получили наделы, выделенные по уравнительной норме, а остальные ничего не получили, так как имели угодья в «запасе»[523].

[522] ГАВО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 99. Л. 73 об.
[523] ГАСПИТО. Ф. П-840. Оп. 1. Д. 60. Л. 6 об.

Традиции поземельных отношений, согласно которым размеры землепользования основывались на структуре хозяйств и численности работников, закладывались в нормах общинных переделов[524]. Но данным переделам были характерны значительные отличия от практики распределения земли весной–летом 1918 г., так как последним были характерны перемещение и разрушение «ядра» наделов. Функционировавший на протяжении веков земельно–передельный механизм общины регулировал соответствие размера семьи и земельных ресурсов каждого конкретного двора, между которыми «существовала значительная корреляционная связь… говоря иначе, крестьянин обзаводился семьей сообразно размерам своего материального обеспечения»[525]. Но нестабильность норм формирования земельных наделов повышали производственные риски и кризисы в крестьянских хозяйствах.

Глубинные, «коренные» внутриобщинные переделы должны были соответствовать интересам всего села и могли осуществляться только по коллективному согласованию и исходя из традиций в каждой конкретной общине. Значительное количество крестьян хотело только частичных внутридеревенских переделов, а также перераспределения частновладельческих, монастырских и других категорий земель, которые раньше общине не принадлежали. Массовая смена земельных собственников вела как к расколу социальной структуры государства в целом, так и крестьянского общества в частности.

По мере нарастания аграрного движения, усиления партийной активности возможность социализации земли стала казаться более реальной. Но даже после публикации первых декретов и законов Советской власти, декларировавших изменения аграрных отношений, сохранялись барьеры на пути практического осуществления данной программы. Заведующий инструкторским отделом комиссариата земледелия Тамбовской губернии В.Н. Брызгалов считал, что

[524] См.: Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство. Избранные труды. М., 1989. С. 208.
[525] Там же. См.: Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство. Избранные труды. М., 1989. С. 224, 225.

временное уравнительное распределение земли в полной мере невозможно было реализовать по причине отсутствия существенной подготовительной работы. 19 мая 1918 г. в докладной записке коллегии губкомзема о способах претворения в жизнь «Закона о социализации земли» в губернии он сообщал: «Несмотря на кажущийся простой способ распределения земель, все–таки постановление это [резолюция Тамбовского съезда Советов о временном распределении земли] застало лица и учреждения врасплох. Не было статистических данных о количестве земель и населения в уездах, не были установлены ликвидационные нормы и для сахарных заводов и других предприятий, не были подготовлены нормы для полукапиталистических хозяйств, не было установлено ни уездных, ни волостных норм»[526]. 22 ноября 1918 г. в докладе земельного отдела Курской губернии в центральный комиссариат земледелия отмечался ряд других причин, затруднявших уравнительное распределение земли: во–первых, неравномерность распределения населенных пунктов, во–вторых, «обычное рассмотрение спорных вопросов, для чего отвлекались специалисты землемеры»[527].

При выделении земли крестьянским дворам в рамках аграрных преобразований 1918 г. применялись самые разные материалы. Это и данные, подготовленные представителями комиссариата земледелия, и сведения крестьянского земельного банка, и другая информация.

Основные данные заимствовались из Всероссийской сельскохозяйственной материалов переписи 1917 г. И это приводило к периодическим ошибкам при определении норм наделения землей. Но отсутствие материалов сельскохозяйственной переписи вносило еще большую путаницу в процесс уравнительного распределения земли. Так, в Моршанском уезде Тамбовской губернии не удалось применить при проведении разверстки статистические сведения за 1917 г., по причине того, что здесь к 1918 г. увеличилась численность жителей на 422 человека. А в Перкинской волости

[526] Крестьянское движение в Тамбовской губернии (1917–1918): Документы и материалы. М., 2003. С. 343.
[527] РГАЭ. Ф. 478. Оп. 5. Д. 35. Л. 1 об.

земли, в сравнении с показателями переписи, стало меньше на 380 десятин[528]. В результате съезд волостных земельных отделов Моршанского уезда принял решение осуществить вторичное межволостное распределение земли.

При определении нормы наделения землей жителей Кромского уезда Орловской губернии применялись наряду с данными сельскохозяйственной переписи материалы уездного земства[529]. В Острогожском уезде Воронежской губернии[530] и Елецком уезде Орловской губернии также использовалась поземельная статистика 1917 г., которая была очень запутана. За 1917 г. «было мало подготовлено материалов, вследствие чего земельная реформа как одногодичная, не могла удовлетворить население»[531].

В Козловском уезде Тамбовской губернии советские работники так и не смогли точно оценить количество местного населения и площадь отводимых земель. На собрании председателей волостных земельных отделов данного уезда, состоявшемся 20-22 мая 1918 г., сообщалось, что из-за отсутствия точных показателей в ходе социализации земли претворялось в жизнь «приблизительное»[532] межволостное распределение земли. При этом норма наделения на едока составила полторы десятины. В Козловском уезде не получилось осуществить полномасштабную разверстку, в силу того, что плотность населения на местах существенно колебалась[533]. Так, неполные и устаревшие статистические материалы, которые служили основой при подготовке советскими работниками решений по нормам наделения землей, не могли послужить серьезной базой для расчетов.

В Задонском уезде Воронежской губернии общее количество земли на местах выяснялось при помощи опроса населения. Землемеры к этой работе не привлекались. Далее полученные материалы дополнялись техниками из

[528] ГАТО. Ф. Р-959. Оп. 1. Д. 139. Л. 8.
[529] ГАОО. Ф. Р-223.Оп. 1. Д. 19. Л. 179.
[530] ГАЛО. Ф. Р-93. Оп. 1. Д. 26. Л. 93 об.
[531] Там же. Ф. Р-150. Оп. 1. Д. 95. Л. 17.
[532] ГАТО. Ф. Р-946. Оп. 1. Д. 365. Л. 3.
[533] Там же. Д. 368. Л. 9.

инвентарных книг и плановых показателей[534]. Приведенные подходы по выявлению наличных земельных наделов вели к грубым ошибкам в ходе уравнительного распределения земли.

2 июля 1918 г. при обсуждении норм наделения земельными угодьями крестьянских дворов руководитель научного совета Тамбовского губземотсовхоза Ананьин сосредоточил внимание на том, что при их подготовке использовались отдельные, неполные данные сельскохозяйственной переписи 1917 г. Эти материалы позволяли определить лишь приблизительные средние размеры типичных крестьянских хозяйств, которые были характерны дореволюционному периоду. И к весне 1918 г. эти данные стали терять актуальность. По мнению руководителя научного совета Тамбовского губземотсовхоза, полученные советскими работниками нормы, хотя и соответствовали истинным потребностям земледельцев, но после осуществления «черного передела» в Тамбовской губернии, должны были «носить характер предварительных норм, необходимых для прикидки при распределении земельного фонда»[535]. Подобные «прикидки» и приблизительные статистические «построения» применялись достаточно часто в ходе социализации земли. Это негативно отражалось на землеустройстве хозяйств. В деревне стали развиваться дальноземелье, чересполосица, длинноземелье. Кроме того, по-прежнему отмечался дефицит земли.

Уже к началу лета 1918 г. неточные статистические сведения сформировали условия для осуществления периодических внутриобщинных переделов. 2 июня 1918 г. Степановский волостной совет информировал земельный отдел Задонского уезда Воронежской губернии о том, что в предоставленных 26 мая материалах, содержащих данные о количестве земельных угодий и численности населения, имелись существенные отклонения. Итоговое количество душ, проживавших уезде, составляло не

[534] Там же. ГАТО. Ф. Р-946. Оп. 1. Ф. Р-93. Оп. 1. Д. 26. Л. 90.
[535] ГАТО. Ф. Р-956. Оп. 1. Д. 8. Л. 31.

12438, а 12844[536]. Таким образом, разница составила 406 человек. В Казинской волости к 6 июня 1918 г. число жителей возросло на 150 душ (среди них 65 родилось, а 85 вновь приехало).[537]. В волости требовалось вновь произвести разверстку земли. В Богучарском уезде Воронежской губернии землемеры карту сенокосных угодий с распределением их по волостям уезда составляли по сведениям 1907 и 1917 гг. И, выступая 9 июня 1918 г. на заседании уездного земельного отдела, признавали, что карта «составлена не точно и частично не соответствует действительности… не может быть принята при распределении всей земли»[538]. Статистические неточности и ошибки приводили к росту материальных издержек и развитию конфликтности в деревне, к дестабилизации общественно-политической ситуации на местах. В ходе социализации земли неточные показатели ложились в основу статистических сводок, которые служили базой расчета норм наделения землей.

Рассмотрим механику распределения земельного фонда на примере Моршанского уезда Тамбовской губернии. 30 марта 1918 г. Чрезвычайный съезд волостных земельных комитетов и Советов совместно с представителями сельских обществ Моршанского уезда отметил неравномерность в обеспечении земельными угодьями разных волостей и ввиду этого счел нужным поделить уезд на 10 округов с целью создания окружных земельных комитетов[539]. При этом в округ входило 4-5 волости. Волостные земельные органы определяли земельную площадь всех видов угодий. Затем эти данные объединялись по районам. На завершающей стадии распределения земельного фона производился учет «неудобной» и «удобной» земли, общая земельная площадь делилась на численность душ, которые проживали в районе и имели право на надел. Эти способом определялась подушевая норма наделения землей в районах. После этого данный показатель усреднялся до уездного

[536] ГАЛО. Ф. Р-93. Оп. 1. Д. 12. Л. 11.
[537] Там же. Л. 12.
[538] ГАВО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 99. Л. 59 об.
[539] ГАТО. Ф. Р-959. Оп. 1. Д. 136. Л. 2.

показателя. Описанный процесс распределения угодий сопровождала передача недостающей земли из одной волости, с излишками, в другую, где имелся ее дефицит.

Внутри волости, как отмечалось в 1918 г. в докладной записке Елецкого комиссариата земледелия Орловскому губернскому комиссариату земледелия, землю распределяли следующим способом: надельную землю в каждой общине оставляли исходя из нормы наделения и традиционно обрабатываемых каждой конкретной общиной полей; излишки сверх нормы отрезали соседнему обществу, недостающее количество земли до нормы к надельной земле прирезалось от частновладельческих имений. Отрезки земли для других волостей производились из частных землевладений[540].

Составление волостных и уездных карт, необходимых для уравнительного распределения земли, осуществлялось со значительными трудозатратами. Согласно данным протокола № 7 частного соединенного заседания членов земельного отдела Воронежского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и представителей Союза губернской Чертежни от 23 января 1918 г., устаревшие карты землеустройства, составлявшиеся десять лет назад, из-за частой смены собственников были «не точны и не могли удовлетворять тем требованиям, которые необходимо [было] соблюдать…»[541] в новых реалиях.

В таблице 1 представлены сведения об уравнительном распределении земли в волостях Козловского уезда Тамбовской губернии, помимо запасного земельного фонда в 3434 десятины.

[540] ГАЛО. Ф. Р-150. Оп. 1. Д. 95. Л. 17.
[541] ГАВО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 106. Л. 7.

Таблица 1

Распределение земли в волостях Козловского уезда Тамбовской губернии (в дес.)[542]

Волости	Едоков	Всего земли	Норма	Излишек	Земли на едока до разверстки	Земли на едока после разверстки
Старо–Юрьевская	45936	57672	57420	+252	1,25	1,25
Сеславинская	81675	80780	102094	–21314	0,99	1,25
Вишневская	40385	58135	50481	+7654	1,44	1,25
Екатерининская	52008	60204	65010	–4806	1,16	1,25
Градо–Стрелецкая	63611	74537	79514	–4977	1,17	1,25
Богоявленско–Суренская	44728	61324	55914	+5418	1,37	1,25
Волчковская	33372	59575	41715	+17860	1,79	1,25
Павловская	36053	43315	45066	–1751	1,2	1,25
Нижне–Дегтянская	40941	56280	51174	+5106	1,37	1,25
Итого	438709	551822	548388	–	1,26	1,25

Изучив данные, представленные в таблице 1, можно сделать вывод о том, что волости Козловского уезда Тамбовской губернии были разделены на территории с излишками земли и её недостатком. К малоземельным волостям необходимо было прирезать недостающие участки. Например, от Волчковской, Старо–Юрьевской, Богоявленско–Суренской, Вишневской, Нижне–Дегтянской волостей, где после уравнительного распределения земли средний размер земли на едока составлял 1,25 - 1,79 десятины, отрезались и передавались в другие волости наделы. На практике в Тамбовской губернии отмечались случаи, когда малоземельные волости не имели пахотных угодий поблизости от своих усадеб. Из-за этого их наделяли лугами вместо пахотных земель.

[542]ГАТО. Ф. Р-946. Оп. 1. Д. 368. Л. 11.

Механика распределения земли между волостями и уездами других губерний была аналогичной. Так, малоземельным Грязновской и Тешевской волостям Задонского уезда Воронежской губернии компенсировали дефицит земли, который составлял, соответственно, 5249,3 и 4591,1 десятин[543] из земель соседних волостей.

Механика внутриуездного уравнения наделов оставалась не единственной проблемой, которая возникала в ходе социализации земли. Внутри общин, получивших необходимую поуездную норму, также возникали диспропорции в количестве и качестве наделов. В таблице 2 представлена выборка из 42 крестьянских хозяйств Печинского общества Фатежского уезда Курской губернии с населением в 286 душ, которая демонстрирует неравномерность распределения земли в различных крестьянских хозяйствах.

Таблица 2

Наделы земли ряда крестьянских хозяйств Печинского сельского общества Фатежского уезда Курской губернии[544]

Фамилия, имя отчество главы крестьянского хозяйства	Число душ в хозяйстве	Усадьба	Под яровой Сев	Под озимый посев	Под пар	Всего
Иван Александрович Кондратов	4	1200 саж	800 саж	1 дес.	960 саж	2 дес. 160 саж.
Александр Васильевич Кондратов	11	2 дес. 1200 саж.	1 дес.	1 дес. 200 саж.	1 дес.	6 дес.
Дмитрий Планович Кондратов	5	1 дес.	1 дес. 1800 саж.	1 дес. 2080 саж.	1 дес. 2000 саж.	6 дес. 80 саж.
Елена Федоровна Стегачева	3	1 дес.	480 саж.	360 саж.	360 саж.	1 дес. 200 саж.
Василий	8	1 дес.	480 саж.	1840 саж.	1360 саж.	2 дес

[543] ГАЛО. Ф. Р-93. Оп. 1. Д. 25. Л. 80 об.
[544] ГАКуО. Ф. Р-571. Оп. 1. Д. 3. Л. 177 об.

Федорович Кондратов						1280 саж.
Яков Ермолаев Кондратов	8	1600 саж.	1 дес.	1 дес 1200 саж.	1 дес. 1360 саж.	4 дес 1760 саж.
Марфа Ермолаева Кондратова	4	1600 саж.	480 саж.	–	2240 саж.	1 дес 1920 саж.
Георгий Тимофеев Кондратов	10	1600 саж.	1 дес.1380 саж.	1 дес 1360 саж.	1 дес. 1360 саж.	5 дес. 880 саж.
Михаил Ермолаев Кондратов	9	2 дес. 1200 саж.	2 дес.	2 дес 1200 саж.	800 саж.	7 дес. 80 саж.
Василий Максимович Кондратов	1	1200 саж.	–	1200 саж.	1200 саж.	1 дес 1200 саж.
Иван Яковлевич Кондратов	4	–	–	–	–	–
Петр Миронович Рюмин	22	1	1 дес. 800 саж.	2 дес 1200 саж.	2 дес.	6 дес 2000 саж.
Акулина Антоновна Алутина	2	1200 саж.	2000 саж.	2000 саж.	2000 саж.	3 дес.
Василий Михайлович Алутин	6	1 дес. 400 саж.	–	1 дес. 600 саж.	760 саж	2 дес 1320 саж.
Яков Васильевич Алутин	6	1600 саж.	1600 саж.	1 дес.	160 саж.	3 дес.
Николай Васильевич Алутин	6	1600 саж.	2240 саж.	1 дес. 200 саж.	1 дес. 480 саж.	4 дес 1520 саж.

Данные, приведенные в таблице 2, иллюстрируют процесс распределения земли по едокам в Печинском сельском обществе Фатежского уезда Курской губернии. Главами крестьянских хозяйств в данной общине выступали как мужчины, так и на женщины. Нормы наделения в различных категориях угодий, по–видимому, определялись целым комплексом факторов, так как количество выделенной земли на едока имеет достаточно большой

разброс в различных крестьянских дворах. Например, норма наделения землей Василия Федоровича Кондратова при 8 членах семьи составляет 2 десятины 1280 саженей, а у Якова Ермолаевича Кондратова при таком же количестве людей – 4 десятины 1766 саженей. Вероятно, в данном случае члены семей были взрослыми, полносильными работниками. Следовательно, учет велся не по «по едокам», а по «работникам». Так, Петр Миронович Рюмин при 22 членах семьи получил только 6 десятин 2000 сажен, и Дмитрий Платонович Кондратов при 5 едоках получил 6 десятин 80 сажен. А Александр Васильевич Кондратов при 11 душах в семье оказался еще менее обеспечен землей, получив в качестве надела всего 6 десятин. Вероятно, на процесс наделения оказывало влияние качество земельных угодий.

Приведенные данные демонстрируют не стихийность проводимой реформы и бессистемный «дележ» земли в деревне, а продуманное распределение наделов с учетом местных реалий. Вероятно, крестьяне опирались на свой авторитет в общине, а также учитывали при наделении землей факторы плодородия почв в различных категориях угодий, наличие выгонов или пастбищ, обеспеченность хозяйств скотом в каждом конкретном случае. В любом случае оставались крестьяне, которые были недовольны результатами распределения земли, поэтому уровень конфликтности в изучаемой общине, по-видимому, был достаточно высок.

Крестьянская «жажда земли» недостаточно удовлетворялась в процессе перераспределения наделов, что и стало источником конфликтов в черноземной деревне в 1918 г. Поземельные споры шли на нескольких уровнях. Начинаясь внутри общины, конфликты могли выходить за ее пределы. Например, в мае в Фатежском уезде Курской губернии «в некоторых обществах происходят споры включительно до раздоров граждан между собою, а также с волостными и сельскими властями»[545].

Конфликты и открытые столкновения между крестьянами, зачастую, начинались при разделе пара, так как они подлежали переделу первыми.

[545] ГАКуО. Ф. Р-571. Оп. 1. Д. 2. Л. 32.

Позже споры происходили при распределении земли на яровых и озимых полях, а так же при наделении луговыми угодьями. Для снижения уровня конфликтности выделенный надел вспахивался в присутствии землемера или другого уполномоченного лица. Это несколько смягчало ситуацию, давая землепользователю в глазах общины законные права на отмежеванный участок.

Острый земельный дефицит вынуждал крестьян идти на захват различных категорий угодий. Единственным ограничением для них становилась их пригодность для ведения сельского хозяйства. В исследуемый период общины включали в собственную запашку даже зоны железнодорожного отчуждения. 24 сентября 1918 г. руководство Юго–Восточной железной дороги сообщало в комиссариат земледелия Елецкого уезда Орловской губернии о том, что крестьяне из села Товолжанин самочинно завладели землями на 288 версте Орлово–Грязинской линии[546]. 26 июня 1918 г. в переписке Воронежского губернского земельного отдела Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и иногородне–информационного отдела сообщалось о росте числа самовольных захватов земель на Юго–Восточной железной дороге[547]. В апреле 1918 г. на Рязано–Уральской железной дороге крестьяне также пытались занять полосу отчуждения дороги до самого полотна[548]. 15 августа 1918 г. крестьяне с. Бокино Тамбовского уезда Тамбовской губернии заняли полосу отчуждения железной дороги и для восстановления законного порядка был привлечен исполком Тамбовского Совета[549].

Массовые явления захвата зон отчуждения железных дорог встречали противодействие не только со стороны местных властей. 11 (24) марта 1918 г. собрание Калачевского земельного отдела Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Богучарского уезда Воронежской губернии

[546] ГАЛО. Ф. Р-150. Оп. 1. Д. 117. Л. 109.
[547] ГАВО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 95. Л. 69.
[548] ГАТО. Ф. Р-950. Оп. 1. Д. 12. Л. 85 об.
[549] Там же. Д. 1. Л. 147.

большинством голосов 42, против 4 при 6 воздержавшихся постановило: «всех самовольно захвативших близ железнодорожной станции земли, выселить до Петрова дня 29 июня»[550]. Наличие противоположных мнений при голосовании свидетельствует о существовавших противоречиях в волостном земельном отделе. Но принятое большинством решение отражало взвешенный подход к решению проблемы возвращения зоны отчуждения в распоряжение железной дороги.

Спорными оказывались земли, прилегавшие к границам городов. Подобные явления наблюдались в Воронежской, Тамбовской губерниях. Например, 9 августа 1918 г. произошло распределение земли между городом Алексеевкой и слободами Дмитриевка и Николаева Воронежской губернии[551], 6 сентября был выработан проект по уравнительному распределению земли между городом Бирючем и пятью волостями.

В 1918 г. уровни поземельных конфликтов формировались по мере развития аграрного движения и революционных событий. Начинаясь как спор за ключевой производственный ресурс на уровне общин и волостей, поземельные конфликты постепенно перемещались на более высокий административный уровень. Эти противоречия имели чисто экономический характер и проходили на межобщинном или внутриволостном, межволостном, межуездном и межгубернском уровнях. В Борисоглебском уезде Тамбовской губернии возник острый земельный спор между Карай–Отдельской и Козловской волостями. Объектом конфликта стали невспаханные участки паровой земли. В марте 1918 г. в протоколе земельного отдела Борисоглебского уезда отмечалось, что на спорных полосах сеять рожь намеревались крестьяне обеих волостей[552]. Из-за бывших помещичьих земель Порфирьева и Шелина в Тамбовской губернии развернулся межуездный поземельный конфликт. С одной стороны выступили Шатиловское и Сатинское общества Тамбовского уезда, с другой – Нащекинское из

[550] ГАВО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 99. Л. 82.
[551] Там же. Д. 19. Л. 40.
[552] ГАТО. Ф. Р-946. Оп. 1. Д. 12. Л. 35 об.

Кирсановского уезда. Эти общины не дожидаясь решения местных властей, самовольно распахали 90 из 95 десятин спорной земли[553].

В наиболее трудных ситуациях к решению поземельных конфликтов подключались даже губернские власти. Это происходило в тех случаях, когда спорные участки располагались на границах губерний и уравнительный передел, по сути, вел к изменению их конфигураций. В июле 1918 г. возник конфликт между Махровской волостью Балашовского уезда Саратовской губернии и Губаревской волостью Борисоглебского уезда Тамбовской губернии. Губаревская волость была наделена землей по норме, а в Махровской волости наблюдался дефицит земли под озимый посев зерновых. Сам же надел земли, вокруг которого разгорелся спор, несколькими годами ранее был приобретен губаревскими крестьянами у махровцев). Конфликт обострялся тем, что уравнительный передел вел к ломке границ Тамбовской губернии, что противоречило положениям «Временной инструкции переходных мер по проведению в жизнь закона о социализации земли».

Для разрешения поземельного спора в с. Большой Карай Балашовского уезда Саратовской губернии прибыла комиссия. На месте было принято решение. В силу того, что уравнять спорный участок между сторонами конфликта не было возможности без нарушения границ одной их губерний, он был передан в пользование крестьян Махровской волости под пар 1919 г. с денежной компенсацией гражданам Губаревской волости за уже произведенную обработку земли под пар (из расчета 75 рублей за десятину). «В случае неуплаты денег до 1 августа 1918 г. право на посев оставалось за губаревцами»[554]. Таким образом, земля фактически оказалась в пользовании Саратовской губернии, хотя юридически по-прежнему относилась к Тамбовской губернии.

В черноземной деревне в числе одних из наиболее масштабных земельных конфликтов стало противостояние между Задонским уездом

[553] Там же. ГАТО. Ф. Р-950. Оп. 1. Д. 31. Л. 3.
[554] Там же. Ф. Р-946. Оп. 1. Д. 12. Л. 24, 25.

Воронежской губернии и Елецким уездом Орловской губернии. Объектом спора стали три тысячи десятин. В докладе инспектора земельного отдела Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Воронежской губернии А.М. Коровкина отмечалось, что на место прибыли землемеры от Орловского губернского земельного отдела и Воронежской Чертежни. Спорные земли были прирезаны селу Нижний Студенец Нижнестуденецкой волости Задонского уезда[555]. Как отмечал инструктор, таким решением представители Елецкого уезда «остались недовольны»[556].

При уравнительном распределении земли межобщинные противоречия приобрели массовый характер. Так, 10 января 1918 г., отмечается в протоколе собрания Верхне–Быковского общество Калачевской волости Богучарского уезда Воронежской губернии, 250 крестьян ходатайствовали перед Советом рабочих, солдатских и крестьянских депутатов «о расследовании конфликта с соседней деревней Богоявленского поселка Успенской волости Хоперского округа области Войска Донского»[557]. В апреле 1918 г. граждане села Скороварово Лебедянского уезда Тамбовской губернии обратились в Елецкий земельный комиссариат Орловской губернии с требованием передать им часть земли из фонда соседнего уезда. Но елецкий комиссариат ответил отказом, предложив адресовать свой запрос к органам советской власти Лебедянского уезда[558].

Межуездные споры вокруг земель бывших помещиков разрешались коллективно. Трудности возникали в случаях, когда засеянные наделы нужно было вернуть законным пользователям, а затраты компенсировать другой стороне поземельного конфликта. Согласно протоколу заседания представителей Козловского и Липецкого уездов с участием губернского комиссара земледелия от 28 июля 1918 г., состоявшегося в здании Тамбовского губернского комиссариата земледелия, итоговые документы

[555] ГАВО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 18. Л. 7.
[556] Там же.
[557] Там же. Д. 99. Л. 6.
[558] ГАЛО. Ф. Р-150. Оп. 1. Д. 27. Л. 8 об.

были направлены в Липецк местному комиссару земледелия. В документе сообщалось о необходимости, «яровой посев спорной земли бывших помещиков Назаревского, Тимченко, бр[атьев] Пономаревых убрать крестьянам … которые засевали и будут убирать без наемного труда»[559]. Земля, засеянная с привлечением наемного труда и экономические посевы, должны была перейти в ведение уездных продовольственных комиссариатов. Средства, потраченные на посев другой стороной конфликта, возвращались семенами и наличными.

Приближался срок сбора урожая 1918 г., что формировало новый объект для противостояния в черноземной деревне. Летом крестьянство готово было бороться уже не только землю, но и за зерно. Снизить уровень конфликтности в деревне могла только вмешательство местных властей. Поэтому, согласно выписке из протокола заседания исполнительного комитета Моршанского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Тамбовской губернии от 31 июля 1918 г., местные органы власти обращались с требованием к Совету народного хозяйства направить отряд из Москвы или Петрограда в количестве до 300 человек. А также признать необходимым организовать в Моршанске продовольственный отряд численностью до 400 человек для организации уборки урожая с бывших экономических полей[560]. Представители Советской власти предполагали, что урожай, убранный с бывших помещичьих имений, будет расхищен, и поэтому предпринимали меры, создавая отряды, предназначенные для охраны государственных хлебозаготовок.

Летом 1918 г. поземельные конфликты расширились от общинного до межгубернского масштаба. Для их разрешения в структуре уездных земельных отделов Советов были сформированы конфликтные комиссии. Они входили в состав подотделов текущей земельной политики и стали выполнять роль посредников в деле разрешения земельных споров.

[559] ГАТО. Ф. Р-946. Оп. 1. Д. 421. Л. 1.
[560] ГАСПИТО. Ф. П-997. Оп. 1. Д. 9. Л. 7.

Так, в Тамбовской губернии конфликтные комиссии по земельным спорам были созданы, согласно решению местного комиссариата земледелия от 30 августа 1918 г. Они занимались разбором споров между обществами и частными лицами. В ряде случаев в качестве посредников выступали представители губернских, уездных и волостных Советов крестьянских депутатов, а также суды.

Согласно постановлениям уездных съездов волостных земельных отделов в Тамбовской губернии, общины для наделения землей обязаны были обращаться к представителям других волостей и общин, минуя земельные отделы. Такой подход формировал дополнительные конфликтогены в деревне. В данном случае расчет на самоорганизующие силы крестьянства имел под собой мало оснований. Общества, теряя наделы, старались если уж не сберечь, то хотя бы передать другим общинам малопригодные для возделывания угодья, от которых те со временем могли отказаться. 17 июля 1918 г. представители села Право-Ламок на съезде волостных земельных отделов 5-го округа Моршанского уезда Тамбовской губернии заявляли, что отчужденные у них Перкинской и Кулеватовской волостями земельные угодья до сих пор не запаханы. В ответ, перкинские крестьяне жаловались на то, что им бывшие землепользователи не указали на земли, где нужно было трудиться[561].

Развитие поземельных конфликтов в черноземной деревне требовало от органов советской власти подготовки инструкций, постановлений, нормативных актов, регулирующих данные противоречия. Так, на 2-м Тамбовском губернском съезде, который проходил с 16 по 21 октября 1918 г., был утвержден перечень работ на сельскохозяйственный год. Одним из центральных вопросов на съезде стало обсуждение проблемы регулирования поземельных споров. В частности в параграфе 23 отмечалось, что «все недоразумения, возникающие между коммунами, артелями и товариществами на почве распределения земли землепользования подаются в волостные

[561] ГАТО. Ф. Р-959. Оп. 1. Д. 139. Л. 24.

земельные отделы»[562]. В параграфе 25 указывалось, что возникавшие конфликты в ходе распределения земли между «коллективами [должны были] разрешаться межволостными согласительными комиссиями, а за отсутствием соглашения - уездными земельными отделами»[563]. Их постановления считались окончательными. Но в параграфе 26 говорилось о том, что «постановление уездного земельного отдела в двухнедельный срок могло быть обжаловано в губернском земельном отделе»[564]. Здесь также отмечалось, что постановление губземотдела являлось окончательным.

В параграфе 27 выделялось, что «споры и конфликты, возникавшие между уездами, [должны были] разрешаться междууездными согласительными комиссиями, а за отсутствием соглашения – губернским земельным отделом»[565]. Согласно положениям параграфа 28, поземельные споры и конфликты между губерниями должны были разрешаться «в соединенных из заинтересованных сторон конфликтных комиссиях и за отсутствием соглашения передаваться в коллегию Народного комиссариата земледелия»[566].

Конфликтные комиссии, прежде чем вынести свое решение, выявляли суть противоречий, особенности хозяйственных отношений и уклада конфликтующих сторон. Они выясняли, в чьем пользовании в действительности находился спорный участок (у обрабатывавших личным трудом крестьян или сдававших землю в аренду), количество вложенного в надел труда. Также, комиссии учитывали нужды спорящих сторон в земле с учетом норм наделения в ходе социализации земли, удобство ее использования в зависимости от расстояния и возможности возникновения чересполосицы после раздела, изучалась возможность наделения конфликтующих сторон угодьями в прилегающих волостях и уездах[567].

---

[562] ГАТО. Ф. Р-946. Оп. 1. Д. 419а. Л. 37.
[563] Там же.
[564] Там же.
[565] Там же.
[566] Там же.
[567] Там же. Ф. Р-950. Оп. 1. Д. 12. Л. 153.

Поземельные конфликты на межуездном и межгубернском уровне требовали участия не только сторон конфликта, не только представителей уездных и губернских органов власти, но и представителей более высокого уровня. Так, 25 мая 1918 г. в отдел текущей земельной политики Комиссариата земледелия Тамбовской губернии сообщалось, что для повторного рассмотрения земельного спора между сельскими обществами села Губарей Новохоперского уезда Воронежской губернии и села Махровки Борисоглебского уезда Московский областной комиссариат «командировал для совместного рассмотрения с заинтересованными уездными земельными отделами областного инструктора»[568].

Наиболее острые формы земельные конфликты приобретали в тех случаях, когда каждая из общин находила поддержку у представителей власти. Подобный инцидент произошел летом 1918 г. на границе Алексеевского и Острогожского уездов Воронежской губернии из–за луга Чеботарева. Острогожским уездным земельным отделом, по мнению Алексеевского уездного земельного отдела, было принято решение в «одностороннем» порядке оставить землю Репенскому обществу на 1918 г. Ввиду этого Алексеевский земельный отдел решил отослать оппонентам копию постановления о сохранении земли в пользовании Тростянского общества. В противном случае для улаживания данного конфликта предлагалось вызвать представителя Воронежского губернского земельного отдела[569].

Во избежание конфронтации местные органы должны были работать на перспективу, предупреждать возникавшие земельные споры. Подобную профилактическую работу провел Очинский волостной земельный отдел, стремясь предотвратить конфликт на границе Орловской и Курской губерний. 11 (26) марта 1918 г. Очинский волостной Совет крестьянских депутатов направил заявление в Орловскую уездную земельную управу. В нем волостной совет просил уездную земельную управу связаться с Фатежской

[568] ГАТО. Ф. Р-946. ОП. 1. Д. 423. Л. 5.
[569] ГАВО. Ф. Р-19. Оп. 64. Д. 27. Л. 4 об. – 5.

уездной земельной управой Курской губернии, чтобы она предупредила о спорной земле крестьян Поныровского товарищества, купившее 400 десятин землю у граждан Дружининых и второе товарищество, купившее землю у владельца Држевецкого, «куда входило население с. Понырей и приезжие малороссы из Харьковской губернии»[570].

В ряде губерний Черноземного центра существовали особые процедуры разрешения конфликтов. Например, в Воронежской губернии, для получения вердикта местных властей по земельному спору, как выделялось в постановлении совещания волостных и уездных земельных отделов от 25–27 мая 1918 г., нужно было написать заявление в волостной или уездный земельный отдел. Далее оно рассматривалось комиссией. Решение, вынесенное конфликтной комиссией, могло быть обжаловано в течение тридцати дней[571]. 27 (14) и 28 (15) марта 1918 г. съезд представителей земельных отделов совместно с главным воронежским губернским отделом постановил, что для разрешения межуездных конфликтов в каждом отдельном случае необходимо организовывать комиссии из членов земельных отделов заинтересованных уездов с участием представителей губернского земельного отдела[572]. Конфликтная комиссия должна была работать при губернском земельном отделе.

Весной 1918 г. земельные споры шли как на фоне яровой посевной кампании внутри уездов[573], так и на межуездном уровне. В Воронежской губернии для снижения накала земельных споров местные власти предприняли ряд административных мер. В выписке из протокола № 29 постановления экстренного заседания земельного отдела Воронежского губернского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов от 18 (5) апреля 1918 г. отмечалось: «… в будущем в связи с разделами паровых полей,

[570] ГАКуО. Ф. Р-571. Оп. 1. Д. 3. Л. 220.
[571] ГАЛО. Ф. Р-93. Оп. 1. Д. 26. Л. 37.
[572] Там же. Л. 6.
[573] ГАВО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 106. Л. 90.

озимых посевов, образовать межуездные комиссии в целях исправления допущенных несправедливостей…»[574].

В Воронежской губернии на ход социализации земли накладывались административно–территориальные преобразования. В частности, образовывались новые волости и уезд, произошло переименование административной единицы. 1 апреля 1918 г. Бирюченский уезд был переименован в Алексеевский уезд. Также в 1918 г. из 22 волостей Богучарского уезда был образован Калачеевский уезд. Был и ряд других изменений.

В целом перенесение внутригубернских или уездных границ, а также переименование уезда крестьянство восприняло бесконфликтно. Но так происходило только в тех случаях, если не затрагивались экономические интересы общины. 20 января 1918 г. в Острогожский земельный отдел Воронежской губернии направил письмо подотдел делопроизводства, где отмечалось, что географическое положение вновь выделившейся Дмитриевской волости создавало условия «для функционирования ее, как самостоятельной единицы»[575]. Однако имеющаяся в этой волости часть земель площадью около 600 десятин была предметом спора со стороны Тросняской волости, что впоследствии могло негативно отразиться на хозяйственной деятельности местных хозяйств[576].

В целом крестьянский мир с его патриархальными взглядами не мог принять административные перестроения внутри уездов без какой–либо четкой аргументации, так как появление новых волостей приводило к очередному перераспределению земельных угодий. В апреле 1918 г. Михайловский волостной совет Богучарского уезда сообщал в Воронежский губернский земельный отдел, что земельный отдел Митрофановского волостного совдепа не может следить за состоянием бывшего имения княгини

[574] Там же. ГАВО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 106. Л. 90.
[575] Там же. Ф. Р-549. Оп. 1. Д. 1. Л. 7.
[576] Там же.

Кудашевой из-за крестьян Митрофановки[577]. Кроме того к риску местных крестьян оказаться без соседней помещичьей земли присовокуплялись и новые опасения об открытии на ближайшей железнодорожной станции отдела кооперативного союза, что также сокращало землепользование Михайловской волости. Согласно проставлению общего собрания Митрофановского волостного совета было намечено 10 десятин земли передать «на все материальные поддержки для этой цели»[578].

Весной 1918 г. из-за роста числа поземельных конфликтов проблема формирования третейских судебных органов в черноземной деревне встала во всем своем масштабе. 11 мая 1918 г. заведующий 1–м подотделом губернского земельного отдела Желтухин на очередном заседании земельного отдела Воронежского губернского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов сообщал, что для реализации правильного распределения земли нужно вызвать по одному представителю от каждой волости для подачи сведений о взятом на учет имуществе[579].

В Воронежской губернии развивалась практика привлечения заинтересованных сторон при разрешении земельных конфликтов. Например, в ходе спора между слободами Пушкарской и Солдатской Землянского уезда конфликтной комиссией были вызваны представители обеих сторон. При их участии было произведено «отграничение в натуре с нанесением на план означенной усадебной оседлости»[580]. Аналогичным способом был разрешен спор из–за 14 десятин Третьего Воробьевского товарищества при хуторе Пирогова между Иващенковской и Матреногезевской волостями Алексеевского уезда Воронежской губернии. На заседании уездного земельного отдела 17 июля 1918 г. было вынесено постановление, согласно которому спорные земли должны были остаться в пользовании

[577] ГАВО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 20. Л. 12–12 об.
[578] Там же. Л. 14.
[579] Там же. Д. 106. Л. 119.
[580] Там же. Д. 20. Л. 191.

Иващенковской волости, а на вместо «таковых, т.е. 14 дес., Матреногезевская волость должна прирезать 23 дес. из дачи Кайзера»[581].

Третейские коллегии формировались для решения земельных споров. 26 июня 1918 г. в Елецком уезде Орловской губернии для улаживания земельных конфликтов была сформирована конфликтная комиссия в составе 6 человек: трех большевиков (Масленников, Заягин, Алексеев) и трех левых эсеров (Богатиков, Слезев, Киреев). Данная комиссия выезжала на места, где возникали противоречия вокруг вопроса о пользовании землей[582]. Но для того чтобы данный третейский орган начал рассматривать спорное дело необходимо было для оформления прошения или заявления оплатить три рубля марочным сбором в местный совет. По всей видимости, таким образом советские органы стремились ограничить число жалобщиков.

Специальные третейские комиссии создавались и для разрешения споров вокруг выделения луговых угодий. В Положении Воронежского уездного земельного отдела о распределении парового клина в 1918 г. отмечалось, что для разрешения конфликтов межволостного характера, возникавших по поводу отдельных участков, «недовольная сторона» должна была подать заявление в уездный земельный отдел. Затем уездный земотдел вызывал стороны конфликта для рассмотрения вопроса в специальной комиссии с участием специалистов. После этого комиссия уездного земельного отдела выносила постановление, которое было обязательно для исполнения обеим сторонам»[583].

В протоколе Крестьянского съезда городских и волостных земельных отделов, представителей от сельских обществ Алексеевского уезда и членов Алексеевского уездного земельного отдела, проходившего 12, 13 июля 1918 г., также рассматривался вопрос распределения лугов. В документе отражено постановление, согласно которому все споры о гражданских землях лугов с другими соседними уездами должны были разрешаться заинтересованными

[581] ГАВО. Ф. Р-19. Оп. 64. Д. 27. Л. 4 об.
[582] ГАЛО. Ф. Р-150. Оп. 1. Д. 55. Л. 1.
[583] ГАВО Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 106. Л. 160.

уездными отделами с участием землемера и члена губернского земельного отдела, а «споры о волостных гражданах разрешаться председателем с членами уездного земельного отдела и землемером»[584].

В Курской губернии в качестве третейских органов выступали местные земельные органы. В Тимском уезде Курской губернии споры улаживались уездным комиссариатом земледелия[585]. Согласно удостоверению Фатежского уездного земельного отдела, в состав межуездной комиссии входил инструктор земледелия С.М. Шпинев, землемер–руководитель В.Т. Бушуев совместно с волостным землемером и представителями волостной комиссии. Данная комиссия должна была прибыть на место 11 июля 1918 г. для того, чтобы уладить назревавший конфликт между крестьянами Фатежского и Кромского уездов[586]. Результатом ее работы стало установление границы землепользования между Курской и Орловской губерниями. В ряде уездов Курской губернии к разрешению земельных споров привлекалось местное население.

Впоследствии конфликтные комиссии были заменены камерами по разбору споров о земле. 13 ноября 1918 г. Наркомюст в специальном циркуляре разъяснял уездным и губернским Советам, что поземельные конфликты должны разрешаться в судах. В тех случаях, когда в ходе спорных ситуаций вокруг земли велись действия, подпадающие под квалификацию уголовных преступлений, то такие дела уже с весны 1918 г. передавались в местный земельный отдел.

В черноземной деревне в ходе уравнительного передела земли наибольшую остроту приобретала борьба за землю общин с «чужаками» – отрубщиками, хуторянами, с бывшими помещиками. Служители церкви и монахи чаще всего также оказывались в числе «чужаков». Крестьяне старались вытеснить вчерашних земельных собственников за пределы зоны своего экономического интереса, занять более плодородные угодья. Так, в

[584] ГАВО Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 19. Л. 23.
[585] ГАКуО. Ф. Р-313. Оп. 1. Д. 5. Л. 8.
[586] Там же. Ф. Р-571. Оп. 1. Д. 1. Л. 56.

июне 1918 г. жители Сергиевской волости захватили земли на хуторе Суры Феоклиста Федоровича Волобуева, оставив ему взамен свою необработанную и менее плодородную землю[587].

Экономические притязания крестьянства зачастую распространялись на прилегавшие к деревенским усадьбам сельскохозяйственные угодья. Наделы, удаленные от местожительства более чем на 7–10 верст, оказывались вне зоны интереса общины. Большие расстояния, или дальноземелье, вели к большим временным и материальным затратам при обработке наделов, отнимали много сил у крестьян.

В ходе уравнительного распределения земли местным органам власти нужно было достаточно жестко регулировать поземельные отношения. Это было обусловлено тем, что новое советское аграрное законодательство не давало ответы на все прецеденты, а по ряду направлений входило в противоречие с традиционными установками деревни. Местным властям нужно было одобрять, либо отказывать крестьянским дворам в прирезке земли в случае отсутствия в селе члена семьи, при отсутствии у них живого и мертвого инвентаря. Также необходимо было регулировать проблемы выделения земли крестьянам, находившимся на службе в Красной армии или на обучении. Особое внимание уделялось вопросам выделения из общинной запашки наделов бывшим батракам, служителям церкви, бывшим помещикам. Не менее острой для местного крестьянства была проблема выделения сельскохозяйственных угодий беженцам.

Для регулирования запутанных аграрных отношений, сложившихся в деревне в 1918 г., было сформировано три очереди отвода земли. К первой очереди относились угодья, выделявшиеся крестьянам, постоянно проживавшим в селе. Во вторую очередь включались священники, бывшие помещики и военнослужащие. В третью группу входили батраки и беженцы.

Однако в ходе практического осуществления уравнительного распределения земли в черноземной деревне общины, зачастую, поступали по

[587] ГАЛО. Ф. Р-150. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.

собственному разумению. Например, в большинстве волостей Тамбовской губернии беженцам выделялись небольшие наделы под озимые зерновые культуры наравне с беднейшими гражданами и по 5 саженей паровой землей в расчете на едока (и это при условии, если они не получали денежных пособий от государства). Иногда батраки вообще оказывались без наделов. В Березовской волости Богучарского уезда Воронежской губернии землей под посев 1919 г. наделению подлежали «все проживающие в селениях граждане без различия пола, кроме беженцев и военнопленных, для пользования личным трудом»[588]. В целом данную проблему власти старались решать путем административного воздействия на общины.

В Тимском уезде Курской губернии проблема наделения беженцев землей стала темой заметки местного агронома Полищука в газете «Тимская жизнь». Он писал: «Пункт 9 раздела IV инструкции народных комиссаров об урегулировании земельными комитетами земельных и с–х. отношений, вызывает на местах массу своеобразных толкований… по смыслу инструкции пришлое население может быть наделено землею из земельного фонда только с разрешения волостных земельных комитетов. Во вторую очередь, т.е. по удовлетворению землею местного населения на местах…»[589].

Далее Полищук обращается к проблеме выделения «пришлого населения» из общей массы жителей деревни. Он отмечает, что включение в данную категорию всех граждан, проживавших в районе конкретного поселения и не приписавшихся к общине, вело к еще большей путанице на местах, так как большое количество крестьян Тимского уезда также проживало не на месте своей приписки, а в других сельских обществах и пользовались там землей. Им бы также пришлось оформлять приписки на новом месте жительства[590]. Автор заметки делал вывод, что подобное положение на местах вызывало массу недоразумений. Многие сельские общества не желали приписывать к себе десятки новых лиц и надеялись выселить их, отняв землю.

[588] ГАВО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 99. Л. 60 об.
[589] ГАКуО. Ф. Р-685. Оп. 1. Д. 4. Л. 4.
[590] Там же.

Некоторые общины за приписку к себе новых членов требовали вознаграждения, которое доходило до 300 рублей. Другие общины отказывали приписывать к своему обществу беженцев и граждан из других губерний[591].

Подобное отношение местных крестьян к «чужакам» объяснялось тем, что в Тимском уезде жило приблизительно три тысячи беженцев[592], а сформировать отдельный переселенческий фонд земли в обстоятельствах острого «земельного голода» на практике было невозможно. Свою заметку агроном завершал предупреждением о том, что «дележка на пришлое и местное население противоречит принципам уравнительного трудового пользования»[593]. Кроме того он отмечал, что подобные действия могут сформировать класс, по какой-либо причине оторвавшийся от сельского хозяйства и уже не способный работать на земле.

Малоземелье остро ощущалось на территории Воронежской и Орловской губерний по причине концентрации на их территории большого количества беженцев. Для исправления положения необходимо было создать эффективный механизм обеспечения беженцев средствами для жизни. Путь был один – наделить их землей. 2 августа 1918 г. в письме, направленном коллегией по делам беженцев комиссариата по военным делам Воронежской губернии в земельный отдел Воронежской губернии, сообщалось, что многие беженцы через свои организации обращаются за разъяснением собственных прав. Беженцы стремились определить свои права на земельные наделы и материальную помощь для ведения хозяйства[594]. 9 августа 1918 г. Воронежский губернский земельный отдел ответил, что на основании распоряжения правительства все беженцы, которые не пожелали возвратиться на прежнее место проживания должны принять подданство Социалистической

[591] Там же. ГАКуО. Ф. Р-685. Оп. 1. Д. 4. Л. 4 об.
[592] Там же.
[593] Там же. Л. 7.
[594] ГАВО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 95. Л. 137.

России, и уже после этого смогут воспользоваться правами граждан Республики[595].

Позиция власти по удовлетворению прошений беженцев о наделении землей встречала недовольство в среде местного сельского населения. Основной причиной подобных настроений становилось не только малоземелье коренных жителей черноземной деревни, но и иждивенческие настроения, которые зачастую демонстрировали беженцы, а также повышенные расценки за их работу в поле, нежелание участвовать в тяжелых работах.

Достаточно сложно складывалось отношение общин и с безземельными односельчанами и батраками. Сущность данного конфликта представлена в тексте доклада инструктора Егора Ивановича Гурова земельному отделу Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Воронежской губернии от 17 мая 1918 г. Инструктор был командирован в село Подклетное Подгорнинского Совета для улаживания спора, который возник по причине отказа местных жителей выделять наделы безземельным крестьянам. Гуров созвал общее собрание крестьян и выступил с предложением наделить безземельных крестьян по душам. Однако сельский сход ответил: «Мы не дадим земли тем гражданам, которые не пользовались землей. Если нам прирежут землю… то мы дадим землю тем гражданам, которые проживают у нас…»[596]. Следовательно, большинство батраков не были членами общины, а приходили и нанимались на работу из других селений.

Бывшие дворовые по-прежнему оставались для деревни «чужаками». Земельный комиссариат Фатежского уезда 9 апреля 1918 г. писал в Смородинский волостной революционный Совет о положении Никифора Петровича Степанова. Н.П. Степанов, который прожил в селе Н. Смородинное 40 лет, требовал выделить ему надел. Он «заявил уездному земельному

[595] Там же. ГАВО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 95. Л. 138.
[596] Там же. Д. 18. Л. 5.

комиссару, что граждане… означенного села не дают ему земли под яровой посев, ссылаясь на то, что он приписан к другой волости»[597].

В.М. Чернов так характеризовал взаимоотношения внутри деревни между местными жителями и «чужаками»: «Не всем “старожилам” нравилась … перспектива вторжения пришлых, “чужаков”. И вот, произведя организованный захват земли, явочным порядком, не дожидаясь никаких законов и воплощающих их в жизнь “аппаратов”, местное земледельческое население прибрало бы к рукам всю землю, поделив ее полюбовно между “ближними”, ничего не оставив для “дальних”»[598].

Поземельный конфликт внутри общины в больших или меньших масштабах происходил во всей черноземной деревне. Так, в Ивовской волости Задонского уезда Воронежской губернии произошел ряд подобных споров из-за значительного количества претендентов, не включенных в списки IV уездного крестьянского съезда на 1 июня 1918 г., на наделение землей[599]. В данную категорию лиц включались недавно приехавшие «чужаки», вновь родившиеся, а также давно уехавшие односельчане и беженцы. Конфликт внутри общины возникал, когда требовалось очередное перераспределение земли по каждой из категории перечисленных поселенцев.

Завершение Первой мировой войны, выход из нее России увеличивало количество претендентов на получение новых наделов, так как в деревню стали массово возвращаться солдаты. В таблице 3 представлены данные о количестве крестьян, отсутствующих в селах Поныровской волости Фатежского уезда Курской губернии из–за военных действий.

[597] ГАКуО. Ф. Р-571. Оп. 1. Д. 3. Л. 34.
[598] Чернов В.М. Указ. соч. С. 425.
[599] ГАЛО. Ф. Р-93. Оп. 1. Д. 12. Л. 27.

Таблица 3

Данные о количестве граждан Поныровской волости Фатежского уезда Курской губернии в 1918 г. и числе отсутствующих из–за военных действий[600].

Наименование сел	Число наличных душ в селении		Удельный вес, %
	Всего наличных душ	Количество лиц, находящихся в плену, пропавших без вести и на военной службе	
Поныри	9162	148	1,62
Березовец	3608	26	0,72
Никольское	2231	32	1,43
Всего	15001	206	1,37

Согласно данным, представленным в таблице 3, число отсутствовавших в Поныровской волости пленных, военнослужащих и без вести пропавших колебалось в рамках от 0,72 до 1,62% общего количества населения сел. Несмотря на относительно небольшую среднюю величину в 1,37 % отсутствующих крестьян из–за военных действий по исследуемой волости, проблема бесконфликтного наделения землей членов их семей стояла достаточно остро. Для того чтобы нивелировать спорные ситуации, Поныровское общество постановило распределить яровые земли на один посев пропорционально между всеми гражданами и гражданками, которые проживали на его территории[601]. Согласно данному постановлению, при наделении землей учитывалась оседлость, факты нахождения в плену, смерти и т.д.

«Чужаки» вызывали наибольшее недовольство общин. Для борьбы с подобными настроениями губернские власти предпринимали административные меры. Так, комиссариат земледелия Воронежской губернии вынес предупреждение земельному отделу Задонского уезда,

[600] Составлено по: ГАКуО. Ф. Р-571. Оп. 1. Д. 1. Л. 12.
[601] ГАКуО. Ф. Р-571. Оп. 1. Д. 3. Л. 3.

согласно которому все хозяйства хуторян трудового типа не подлежали «насильственному разрушению»[602].

Община, стараясь уклониться от прямого противостояния с властью, применяла скрытые методы вытеснения «чужаков» из деревни. Во-первых, общины старались сократить наделы чуждого им населения, во-вторых – стремились вынудить их к выселению. 13 сентября 1918 г. в протоколе конфликтной комиссии Елецкого уезда говорилось о споре, возникшем мужду братьями Пашиниными с крестьянами из деревни Лысовка Дрезгаловской волости. Вначале община выделила бывшим помещикам землю по уравнительной норме, но затем поменяла свое решение и отобрала у них две десятины[603]. Таким образом, местные земледельцы расширили площадь своего землепользования, нарушив принципы нового аграрного права. Крестьянские сходы обычно принимали подобные решения, если чувствовали слабость местных властей. Попытки власти путем диалога разрешить земельный конфликт в пользу «чужаков» зачастую завершались решительным ответом местных крестьян, что «таких много найдется»[604].

Наиболее напряженно шли уравнительные переделы земли в уездах, где скапливалось наибольшее количество «чужаков», либо отсутствующих долгое время членов общины. Местное крестьянство старалось оставить нетронутой землю в «общинном котле» и не допустить к ней вновь пришлое население. Местные органы власти искали способы разрешения подобных ситуаций. Так, 30 мая 1918 г. в Елецком уезде Орловской губернии была утверждена специальная инструкция. В этом документе сообщалось, что правом на наделение земельными угодьями пользовались и «присутствующие», и «отсутствующие» члены общины. Земельные угодья «отсутствующих» крестьян передавались в запасной фонд. Из этого фонда временно наделялись семьи с маленьким количеством едоков. Те крестьяне, которые возвращались на прежнее место жительства, могли получать наделы только после

[602] ГАЛО. Ф. Р-93. Оп. 1. Д. 26. Л. 31.
[603] Там же. Ф. Р-150. Оп. 1. Д. 117. Л. 81.
[604] ГАКуО. Ф. Р-571. Оп. 1. Д. 3. Л. 38.

компенсации средств, которые были вложены в ее обработку. Выплаченные средства передавались тем крестьянам, которые возделывали надел до его передачи вернувшимся односельчанам[605].

Сама возможность получить право на землепользование в рамках реализации советского аграрного законодательства санкционировала обширный поток в село ранее «отсутствовавших» по каким-либо причинам граждан. Так, за период весны и лета 1918 г. население в волостях Елецкого уезда Орловской губернии возросло на 1650 человек[606]. Количество прибывших граждан Казинской волости Задонского уезда Воронежской губернии с весны к 6 июня 1918 г. составило 85[607]. Конечно, сюда следует отнести не только безземельных крестьян, но и вновь родившихся, дезертиров, демобилизованных солдат и другие категории населения.

Прибывавшие в деревню «отсутствовавшие» земледельцы, несмотря на законодательные нормы, редко без вмешательства власти получали наделы. Община упорно боролась с наделением землей «чужаков». Комиссариат земледелия Елецкого уезда 23 мая 1918 г. отдал распоряжение Чернавскому земотделу наделить землей Михаила Никитьевича Пашкова. Община деревни Курдюков отказывалась предоставлять ему надел, хотя он ранее тут проживал [608].

Коренные жители деревни относились к переселенцам из города с недоверием, понимали их слабую пригодность к сельскохозяйственному труду и видели в них нахлебников. Но вчерашние односельчане, «летуны», также были нежеланны для деревни. Во-первых, возвращавшиеся в родные места крестьяне претендовали на часть общинной земли и могли остаться здесь надолго. Во-вторых, их пребывание вне пределов родного мира существенно изменяло их ценности, манеры, потребительские запросы. «Летуны» выделялись на общем фоне, но уходили от традиционных норм, привнося

[605] ГАЛО. Ф. Р-150. Оп. 1. Д. 31. Л. 29.
[606] Там же. Д. 27. Л. 42.
[607] Там же. Ф. Р-93. Оп. 1. Д. 12. Л. 12.
[608] Там же. Ф. Р-150. Оп. 1. Д. 120. Л. 8.

раскол в ментальные установки общины. Все это, зачастую, их отдаляло от подавляющей части односельчан и делало бесполезными в рутинном сельскохозяйственном труде.

В 1918 г. борьба за землю шла на различных уровнях сельского мира. Не только общины вели борьбу за собственную запашку, но и крестьяне-единоличники искали способы расширения землепользования. Например, в деревне Малой Лазовке Задонского уезда Воронежской губернии конфликт возник между бывшими хуторянами. 5 октября 1918 г. в прошении Спиридона Прохорова, Власа Яковлева, М.Г. Бояринцева Задонскому уездному земельному отделу отмечалось, что А.А. Болотов по распоряжению уездного суда отрезал прямую межу и этим стеснил соседей, так как их земли располагались в конце его усадьбы[609].

Динамика событий, развернувшихся в черноземной деревне в 1917-1918 гг. привела к тому, что крестьяне проявляли недоверие не только в отношении к соседним общинам и волостям, но и к односельчанам. Такие конфликты также были распространены в черноземной деревне по ряду причин. Во–первых, это было обусловлено подходами и нормами уравнительного распределения земли, принятыми в различных общинах, волостях и уездах. Так землю распределяли и по «едокам», и по «трудовой норме», и по «едокам и работникам», и т.д. Во–вторых, споры вызывали земли, подлежавшие распределению. Так, съезд земельных отделов Орловской губернии в марте 1918 г. сделал постановление оставить в неприкосновенности купчие, надельные, отрубные и хуторские сельскохозяйственные угодья[610]. В-третьих, земельные споры в среде односельчан возникали при определении права крестьян на получение надела. Многие из односельчан, которые на протяжении ряда лет не приезжали в родную деревню и успели отвыкнуть от труда на земле, возвращались и заявляли свои права на обещанный по закону земельный надел.

[609] ГАЛО. Ф. Р-93. Оп. 1. Д. 25. Л. 2.
[610] Осипова Т.В. Развитие социалистической революции в деревне в первый год диктатуры пролетариата // Октябрь и Советское крестьянство. 1917–1927 гг. М.: Наука, 1977. С. 52.

В первой половине 1918 г. при работе в деревне власть не шла даже на временные уступки, как это было в случае со 2–м Анненским обществом Сергиевской волости Фатежского уезда Курской губернии, которое не хотело в апреле выделять землю Николаю Тимофеевичу Солареву. Только фактический ультиматум о неподчинении со стороны уездных властей и угроза «оставить за собою право считать граждан 2–го Анненского общества не желающими признавать Советскую власть»[611] вынудило деревню отступить перед подобным своеобразным ультиматумом. Однако любой удобный случай крестьянство, затаив свой прагматичный интерес, использовало для приобретения большего надела земли. Выделим, что в 1918 г. переделы без поземельных конфликтов в общинах, с сохранением «ядра» крестьянского хозяйства, содействовали эффективному землеустройству. Напротив, в тех общинах и волостях, где было много поземельных споров более интенсивно развивались дальноземелье, чересполосица, длинноземелье, узкополосица, межполосица.

Небольшие внутриобщинные разделы сельскохозяйственных угодий, а также переделы помещичьих владений, церковных и ряда других категорий земель, раньше не входивших в сферу землепользования общин, создавали неэффективную структуры землеустройства. Некоторые общины, захватив себе неудобные земли, вынуждены их были впоследствии оставить необработанными. 8 августа 1918 г. Ксизовский волостной Совет сообщал в Задонский уездный земельный отдел Воронежской губернии, что крестьяне не обрабатывали отведенные земли, так как их «земли слишком далеко отстояли»[612]. Чересполосица возникала из-за находившихся рядом с общинами земель, которые не подлежали распределению. В Задонском уезде под сахарный завод было отведено 1000 десятин рядом с ним и «3000 десятин в

[611] ГАКуО. Ф. Р-571. Оп. 1. Д. 3. Л. 212.
[612] ГАЛО. Ф. Р-93. Оп. 1. Д. 12. Л. 53.

других местах»[613]. Это формировало после уравнительного распределения у соседних крестьянских обществ межволостную чересполосицу.

Ожидания крестьянства по преобразованию деревни после революции в территорию без представителей власти не оправдались. Несостоятельными оказались предположения разработчиков ряда аграрных законопроектов о самоорганизующей силе общины в сфере уравнительного распределения сельскохозяйственных угодий. Крестьяне, оказавшиеся обделенными в ходе передела земли, не полагаясь на решение общины, напрямую обращались в органы власти. Так, земельный отдел Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Коротоякского уезда Воронежской губернии в переписке с Коротоякским волостным земельным отделом предписывал удовлетворить прошение граждан слободы Петропавловки Ильи Ивановича Зимникова о наделении его и его семьи землею в размере пяти душевых наделов[614].

Аграрные преобразования в 1918 г. сопровождались целым комплексом проблем, связанных с организацией на местах процесса практической реализации социализации земли, отсутствием необходимых для этого ресурсов. В материалах Моршанского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Тамбовской губернии рельефно отражены трудности, с которыми столкнулись местные власти при проведении уравнительного распределения земли. 13 мая 1918 г. в протоколе заседания Моршанского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов сообщалось, что «руководящих бумаг» кроме «Основного закона о социализации земли» не было. Поэтому «руководствоваться было совершенно нечем, приходилось, все дела разрешать по совести и на основании постановлений съезда земельных [комитетов]…»[615]. Далее в протоколе отмечалось, что комиссия делала предписания, объявления с целью сохранения имущества, концентрировавшегося в имениях бывших помещиков. Однако скот в имении

[613] Там же. ГАЛО. Ф. Р-93. Оп. 1. Д. 26. Л. 90.
[614] ГАВО. Ф. Р-656. Оп. 1. Д. 13. Л. 47.
[615] ГАСПИТО. Ф. П-997. Оп. 1. Д. 33. Л. 9.

и часть построек с инвентарем были проданы. Оставшийся инвентарь был сгруппирован на прокатных пунктах для снабжения неимущих граждан[616].

Местные власти трезво оценивали возможные последствия уравнительного распределения земли. Представители Моршанского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Тамбовской губернии отмечали отсутствие точных инструкций, как в центре, так и на местах по уравнительному распределению земли, указывали на «ломку» севооборота в ходе бессистемной распашки полей[617].

На 3-м съезде Советов рабочих и крестьянских депутатов Воронежской губернии, проходившего 5–10 апреля 1918 г., рассматривались проблемы реализации положений «Основного закона о социализации земли». В качестве одной из ключевых проблем, выявленной в ходе проведения реформы, было выделено отсутствие устойчивого финансового обеспечения местных органов власти. 7 апреля на вечернем заседании 3-го Воронежского губернского съезда Советов докладчик от земельного отдела Крючков отметил, что земотделом подготовлены поуездные планы и можно приступать к размежеванию земель по уездам и волостям. Для этого требуется отправить на места 80 землемеров и израсходовать 13 тысяч рублей, «но денег нет, и работа тормозится»[618].

Как «земля» без «воли», так и «воля» без «земли» не удовлетворяли потребности черноземного крестьянства. Но в первой половине 1918 г. общины в целом поддерживали Советскую власть. Это объяснялось вполне прагматичным расчетом. 29 июня 1918 г. на утреннем заседании 3-го съезда партии левых эсеров Е.Ф. Муравьев остановился на проблеме взаимоотношений Советской власти и деревни: «Хотя крестьянство Воронежской губернии не больше обеспечено, чем крестьянство др. губерний, но сейчас оно прикреплено к революции проведением в жизнь Закона о социализации земли, Земель у крестьянства Воронежской губернии немало, и

[616] Там же. ГАСПИТО. Ф. П-997. Оп. 1. Д. 33. Л. 9.
[617] Там же. Л. 9 об.
[618] Протокол третьего съезда Советов рабочих и крестьянских депутатов Воронежской губернии... С. 21.

крестьянство чувствует себя обязанным революции тем, что она дала ему землю»[619]. «Поэтому оно, конечно, стоит за советскую власть, но к большевикам относится недоверчиво»[620]. Завражин, представлявший Орловскую губернию на съезде и выступавший утром 29 июня, сказал, что «крестьяне связывают с Советской властью свой собственный шкурный вопрос»[621]. Напротив, курские крестьяне, как отметил В.К. Сапрыгин, «разочаровались во фракции большевиков и отношение к ней крестьян отрицательное»[622]. Фактически в ходе политических дебатов на съезде левые эсеры выдавали желаемое за действительное. Крестьянство в целом перестало серьезно интересоваться политикой в тот же момент, когда правительство позволило перейти к уравнительному переделу земли, и не возвращалось на политическую арену, пока в ходе продразверстки и строительства нового аграрного курса не были затронуты глубинные экономические интересы общины.

На данном фоне телефонограмма от 9 апреля 1918 г. Фатежского земельного комиссариата Курской губернии всем волостным Советам о слухах, согласно которым «некоторые граждане или… контрреволюционеры делают попытки на подстрекательство против распределения земли между обществами всей волости»[623], выглядит как экономическая акция зажиточных крестьян, а не политическая агитация антибольшевистских сил. Сохранение за собой наибольшего количество земли укладывалось в экономические интересы всех без исключения общин и крестьянских дворов. По очень точной формулировке М.М. Пришвина, «деревня сидела на чужих наделах». Агитация, направленная на нивелирование результатов передела земли и уступки «прирезок» соседним обществам или «чужакам», входили в противоречие с интересами деревни.

---

619 Партия левых социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 2, часть 1. Апрель–июль 1918 г. М., 2010. С. 213.
620 Там же.
621 Там же. С. 276.
622 Там же. С. 237.
623 ГАКуО. Ф. Р-571. Оп. 1. Д. 3. Л. 35.

Большинство жителей черноземной деревни восприняли аграрную реформу в той ее части, которая соответствовала их традиционным установкам и экономическим интересам. Уже летом 1918 г. общинники производили только частичные переделы, подвергая дележу оставшиеся «нетрудовые» земли. Большевики вынуждены были более активно включиться в процесс аграрного строительства. В ходе последовавшего обязательного государственного землеустройства землепользование крестьян претерпело значительные изменения. Стремление общин внести в новые аграрные законы свою «корректировку» при помощи «оружия слабых» не давали существенных эффектов и только замедляло процессы усреднения земельных наделов крестьянских дворов, приводили к падению агрикультуры, снижению валовых сборов сельскохозяйственной продукции.

§ 3.3. ВЛИЯНИЕ АГРАРНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ НА СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ДЕРЕВНЕ

В 1918 г. под давлением общины облик и социальная структура деревни претерпевали существенные изменения. Крупные и средние землевладельцы постепенно вытеснялись из деревни, либо уравнивались в правах с другими членами крестьянского общества. Среди «победителей» оказались представители Советской власти, крестьяне–бедняки и середняки. Остальные категории сельских жителей остались в роли «проигравших» (помещики, «столыпинские» крестьяне, священники и др.).

Наиболее мощный ущерб был нанесен помещикам и другим крупным земельным собственникам, которые в большинстве случаев были вытеснены из деревни. Например, крестьяне Чернавской волости Елецкого уезда Орловской губернии прогнали бывшего помещика Сидельникова из имения[624]. Вытесненные из деревни землевладельцы, в том числе после погромов их имений, пытались найти для себя место проживания. Многие помещики в

[624] ГАЛО. Ф. Р-150. Оп. 1. Д. 120. Л. 26.

конце 1917-начале 1918 гг. вынуждены были выехать в города и за пределы губерний, где находились их имения. М.М. Пришвин 22 апреля 1918 г. в своем дневнике описывает реалии Орловской губернии: «В городе живут теперь почти все помещики»[625]. В Курской губернии уже в конце 1917 г. наблюдалась аналогичная картина. Летом 1918 г., в «Известиях Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов» сообщалось, что здесь в ряде уездов к 5 ноября 1917 г. все земли помещиков, а также живой и мертвый инвентарь передали в ведение земельных комитетов, культурные хозяйства тщательно охраняют. Однако «несмотря на это, почти все помещики выехали на жительство в город»[626].

Однако к лету 1918 г. оставались и те крупные земельные собственники, которые продолжали жить в деревне. Некоторые из них в новых экономических и политических реалиях сохраняли прежний образ жизни. 8 августа 1918 г. в «Известиях Тамбовского губернского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов» отмечалось, что в Тамбовской губернии продолжались погромы культурных поместий. Многие собственники жили в своих имениях, чем и была частично вызвана волна «погромов имений бывших помещиков»[627]. Общины стремились как можно быстрее прирезать новые земельные наделы от бывших крупных имений, поэтому уничтожали и разграбляли помещичьи «гнезда». Крестьяне считали такой способ наиболее действенным, гарантировавшим, что бывшие собственники не вернутся обратно.

Даже при отсутствии помещика в имении крестьяне в ряде случаев совершали погромы. Причины били те же - «земельная жажда» и деятельность оставшихся в имении служащих, мешавших осуществиться давней мечте по включению в «общинный котел» бывших барских угодий. В докладной записке агронома А.С. Хренникова в Тамбовскую губернскую земельную

[625] Пришвин М.М. Указ. соч. С. 107.
[626] ГАРФ. Ф. А 353. Оп. 2. Д. 181. Л. 141 об.
[627] Известия Тамбовского губернского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов 8 августа 1918 г.

управу о настроениях населения в Шацком уезде, о состоянии имений Аладьинской. Ново-Тромниковской и Петровской волостей, захваченных крестьянами от 12 января 1918 г., об имении Кугушевой отмечалось, что причиной погрома и отчасти самочинной распродажи материальных ценностей стало «недоверие к заведующему имением, сочувственное отношение последнего к помещику, неуверенность, что им будет сохранено имущество»[628]. И опасения крестьян в преднамеренном усложнении и затягивания вопроса передачи бывших частновладельческих земель в их владение были вполне оправданными. В той же докладной записке агронома А.С. Хренникова в Тамбовскую губернскую земельную управу о настроениях населения в Шацком уезде от 12 января 1918 г. отмечалось, что управление имениями было передано преданным помещикам служащим, которые не пользовались доверием у крестьянства. Управляющие признавали имущественные права за помещиками и не признавали никаких прав за крестьянством «на “помещичье” добро»[629].

Хотя давление крестьян на «благородное сословие» в ряде случаев сопровождалось насилием, но нередко были и факты проявления гуманности по отношению к выселенным помещикам. Как отмечал М.М. Пришвин 29 января 1919 г. в дневнике, бывшая помещица Красовская, «вся истерзанная, голодная, с озлобленным лицом явилась в деревню, откуда ее выгнали, и мужики ее не то, что накормили, а завалили пищей, и теперь уже, несмотря на все прежние распоряжения о выселении помещицы, – поселили ее в своей деревне»[630].

В черноземной деревне были случаи, когда вчерашние крупные землевладельцы включались в рутинный труд на земле. В этом случае им выделяли надел на общих основаниях. Как отмечает А.Н. Анцыферов, в

---

[628] Жизнь тамбовской провинции в эпоху революций (февраль 1917 г. – февраль 1918 г.). Сборник документов и материалов. Тамбов, 2018. С. 373.
[629] Там же. Жизнь тамбовской провинции в эпоху революций (февраль 1917 г. – февраль 1918 г.). Сборник документов и материалов. Тамбов, 2018. С. 374-375.
[630] Пришвин М.М. Указ. соч. С. 151.

деревне «удержались и некоторые бывшие помещики, либо на мужицком душевом наделе, либо превратились в “советских служащих” и сев управляющими в своих бывших имениях, либо организовав “земледельческие коммуны”»[631].

В губерниях Черноземного центра в 1918 г. наблюдались случаи, когда крупные земельные собственники продолжали вести прежний образ жизни в своих имениях. И местные власти лишь к концу весны - началу лета находили возможность повлиять на антисоветски настроенных помещиков и их окружение, выселить их. Так, 16 мая 1918 года в протоколе экстренного заседания исполнительного комитета Каргашинского волостного совета Елатомского уезда Тамбовской губернии сообщалось, что в Каргашинской волости умышленно распространялись слухи. Предполагалось, что источником этих слухов являлись Мария фон дер Лауниц, полковник Лермонтов, их управляющий Юрин и прислуга[632]. Местный Совет подверг данных лиц негласному надзору. Поэтому местным просоветски настроенным жителям удалось ночью на 28 мая 1918 г. услышать их разговор. В нем полковник Лермонтов обратился к собеседникам со словами о том, что будто бы «“через два-три дня рухнет Советская власть в связи с событиями в Саратове” и в заключение добавил, что: “Жаль что у власти сидят ни порядочные люди, а свинопасы”»[633]. Мария фон дер Лауниц согласилась с данным высказыванием и отметила, что желает его исполнения. В результате бывшие землевладельцы оказались по решению Советских властей под угрозой ареста. Им было предложено в кратчайший срок покинуть волость.

Совет солдатских, рабочих и крестьянских депутатов вынес решение Лермонтову в двухдневный срок выехать из пределов Каргашинской волости, и в случае неподчинения постановил ходатайствовать перед местным комиссаром юстиции о назначении по данному делу строгого

[631] Анцыферов А.Н. Указ соч. С. 191.
[632] ГАСПИТО. Ф. П-840. Оп. 1. Д. 43. Л. 1.
[633] Там же.

расследования. С Лермонтовым должен был выехать и его сын. В июле 1918 г. бывшую помещицу Марию фон дер Лауниц местная комиссия по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией постановила выселить из пределов Елатомского уезда Тамбовской губернии в трёхдневный срок[634]. Но данное решение так и не было исполнено. Видимо, до декабря она продолжала жить в волости. И уже зимой было вынесено более жесткое решение. В выписке из протокола объединенного комитета Берестенского лазарета Всероссийского земского союза отмечалось, что 2 декабря 1917 г. было принято решение об аресте бывшей помещицы Марии Владимировны Лауниц как уличенной в контрреволюционности[635].

В рамках данного процесса над бывшими землевладельцами было осуществлено дознание по поводу их обеспечения продовольствием. В акте от 17/30 мая 1918 г. следственная комиссия в составе председателя волостного совета Петрунина, комиссаров Солянкина и Сидорова производила следствие над управляющим конноплеменного рассадника при имении бывшей помещицы фон дер Лауниц. Было выяснено, что в данном имении по-прежнему состояли на продовольственном обеспечении бывшая владелица М.В. фон дер Лауниц, полковник Лермонтов, его пятнадцатилетний сын, три человека прислуги, прачка и экономка. Всего восемь человек. Продукты управляющим Юриным отпускались не по норме продовольственного отдела, а исходя из личной потребности бывших помещиков. В день отпускалось 29 фунтов мяса, по 1 пуду пшеничный муки и другой продукции бесплатно.

Также следственная комиссия проверяя принадлежавшие ранее земли М.В. фон дер Лауниц, засеянные яровым посевом, выяснили, что она «превышает определенную норму и обрабатывается эта земля не личным трудом»[636]. Бывшие землевладельцы неоднократно нанимали сторонних людей для обработки земли, что противоречило советскому аграрному

634 Там же. ГАСПИТО. Ф. П-840. Оп. 1. Д. 43. Л. 3.
635 Там же. Л. 8.
636 Там же. Л. 4.

законодательству. Лошади, прислуга содержались и оплачивались из средств племенного рассадника. «Петруниным и Степановым неоднократно замечалось вмешательство Лауниц и Лермонтова в хозяйственные дела всей экономии»[637]. Таким образом, М.В. фон дер Лауниц сохранила до весны 1918 г. практически в неизменном виде свое хозяйство и образ жизни.

Динамика политических событий, давление общин, постепенное усиление позиций Советской власти в деревне к лету 1918 г. вынуждало бывших помещиков и других крупных землевладельцев, землепользователей искать свое место в деревне, так как у них за редким исключением иссяк источник основных доходов в виде ренты от их бывших землевладений. Однако материальные трудности, неопределенность своего положения в ряде случаев вынуждала их возвращаться в свои имения с надеждой восстановиться каким-либо образом в правах владения, найти спрятанные ранее ценности и даже просто найти себе пропитание.

В протоколе от 21 августа 1918 г. члена Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией при Елатомском уездном совдепе Тамбовской губернии Андрей Игоревич Тараскин сообщал, что 20 августа он был командирован в Котелинскую волость. И, проезжая через Поляковский майдан, остановился у центральной телефонной станции, где услышал разговор бывшего землевладельца купца Ивана Максимовича Иванова. Теперь на месте крупного землевладения действовало товарищество трудовой артели Котелинского химического завода. И.М. Иванов, как отмечал член Чрезвычайной комиссии, в разговоре с незнакомцем сообщил о том, «что он выехал из трудовой артели ввиду падающего на него подозрения в контрреволюционном выступлении»[638]. Тараскин принял решение выяснить причины отъезда бывшего купца и отправился в трудовую артель Котелинского химического завода. Он выяснил, что Иванов являлся членом данного коллективного хозяйства. Его

[637] Там же. ГАСПИТО. Ф. П-840. Оп. 1. Д. 43. Л. 4.
[638] Там же. Л. 17.

пригласили сами члены артели и утвердили его статус протоколом. Иванов приехал в коллективное хозяйство 15 августа. И до 21 августа в трудовой артели прошло два общих собрания членов артели, где в повестке дня стоял вопрос об определении отношения бывшего землевладельца Иванова к заводу и усадьбе с садом, которые перешли из его владения к трудовой артели. Также члены коллективного хозяйства стремились выяснить у Иванова даст ли он согласие на сдачу Кателинской артели в аренду своего бывшего землевладения. Члены коллективного хозяйства предполагали для выплаты арендных платежей получить субсидии Центрального кооперативного банка[639].

Иванов вел себя достаточно уверенно, несмотря на то, что шел на нарушение советского аграрного законодательства и давал согласие на сдачу своих владений в аренду и даже оговаривал размер арендной платы. Имелись даже протоколы заседания о приглашении и включении в число членов артели братьев Ивановых. Кроме того, поведение бывшего землевладельца, не смотря на то, что летом 1918 г. большевики начали укреплять свои позиции в деревне, представляло собой картину возвращения помещика в собственную усадьбу после длительного отсутствия. Это достаточно ярко описывает в протоколе от 21 августа 1918 г. член Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией при Елатомском уездном совдепе Тамбовской губернии Андрей Игоревич Тараскин. После приезда Иванова в свое бывшее имение он достал велосипеды и охотничьи ружья, которые ранее находились на учете трудовой артели и хранились в отдельном помещении. Члены коллективного хозяйства их не использовали. По сути Иванов, пусть и на непродолжительный срок, стал «властным хозяином»[640]. Он начал делать выговоры.

Замечания бывшего землевладельца поступали даже в адрес красноармейцев, которые после разговора по телефону проходили через

[639] Там же. ГАСПИТО. Ф. П-840. Оп. 1. Д. 43. Л. 17.
[640] Там же. Л. 17 об.

контору, а не дом, как это ранее было заведено. Также сам Иванов подтвердил, что он совершал прогулки на велосипеде, объезжая свои бывшие имения и лес с ружьем и собаками. При этом документов на право владения огнестрельным оружием у него не было[641]. 21 августа члену Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией при Елатомском уездном совдепе Андрею Игоревичу Тараскину, который находился в трудовой артели, пришлось обедать в доме Иванова, на котором присутствовали и сам бывший землевладелец. Здесь представителю ЧК удалось узнать отношение бывшего землевладельца к новым аграрным отношениям и политическим реалиям. За обедом Иванов говорил, что «его ограбили, отобрав у него землю, живой и мертвый инвентарь и вообще Иванов к современной политике относится с недоверием и полным презрением»[642].

А.Ю. Тараскин делает вывод, что «с приездом Иванова в усадьбу он чувствовал себя как это было при монархическом строе»[643]. Подробное описание возвращения бывшего землевладельца в усадьбу, которой уже коснулось советское агарное строительство, позволяет рельефно отобразить общественно-политические и социальные трансформации в черноземной деревне, более четко проследить судьбу бывших крупных землевладельцев, их моральное состояние и отношение к большевистским аграрным преобразованиям. Также можно ясно определить тяжелый поиск бывших крупных земельных собственников своего места в новом советском мире.

Помещики, их доверенные, управляющие и «нетрудовые» арендаторы должны были выселяться из своих имений согласно пункту 1 «Временной инструкции переходных мер по проведению в жизнь закона о социализации земли». Крупные частновладельческие имения должны были браться на учет местными органами власти, однако их бывшие владельцы продолжили борьбу за свое имущество. Например, лесная дача, принадлежавшая купцу

[641] Там же. ГАСПИТО. Ф. П-840. Оп. 1. Д. 43. Л. 17 об.
[642] Там же.
[643] Там же.

Саяпину, весной 1918 г. была отдана в ведение Моршанского комитета земледелия. Однако бывший владелец Саяпин продолжал оставаться в усадьбе. Он выехал из имения только после вмешательства милиции[644].

Среди бывших крупных земельных собственников, арендаторов встречались и те, кто соглашался самостоятельно вести хозяйство, исходя из положений советских аграрных законов. В 1918 г. в Воронежской губернии ряд землевладельцев изъявили желание самостоятельно обрабатывать личным трудом выделенные им наделы после социализации земли. Так, В.Ф. Ярцев обратился в Нижнедевицкий уездный земельный отдел воронежского губернского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов с просьбой выдать ему корову и лошадь для ведения хозяйства[645]. Данное прошение было удовлетворено.

Также бывший арендатор хутора «Тыртова» Петр Алексеевич Овсянников, оказавшийся без надела, 29 июля 1918 г. просил Нижнедевицкий уездный земельный отдел наделить его «озимым посевом из земли, засеянной им в количестве двадцать десятин»[646]. Не имея иных возможностей для пропитания в послереволюционном государстве и не обладая большим запасом финансовых средств, помещики вынуждены были просить наделить их землей по уравнительной норме. Только массовые погромы и давление местных властей способствовали окончательному вытеснению помещиков из деревни.

Вплоть до 1917–1918 гг., когда крестьянство начало реализовывать давнюю мечту о «земле и воле» в ходе «черного передела», часть жителей деревни, оказавшаяся на отрубах и хуторах, фактически не принимали участия в решении хозяйственных вопросов общины. «Столыпинские дети» находились в стороне от общественно–политических процессов, но в период революции под давлением общины вернулись в ее состав. Это произошло

644 Известия Тамбовского губернского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. 1918. 27 августа.
645 ГАВО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 65. Л. 10.
646 Там же. Л. 24.

после того как помещики были вытеснены из аграрно–производственной структуры деревни и их имения уже вошли в состав земельного надела общин. Тогда крестьяне решили искать новые резервы для расширения запашки на хуторах и отрубах.

Хутора и отруба, подобно землям бывших помещиков и крупных арендаторов, зачастую рассматривались крестьянством как законная собственность общины. Данная проблема стала темой периодических запросов, поступавших в инструкторский подотдел Воронежского губернского земельного отдела. Одним из наиболее частых вопросов был: «Как быть с мелкими собственниками, столыпинцами, отрубщиками?». 7 апреля 1918 г. на вечернем заседании губернского Совета рабочих и крестьянских депутатов представитель инструкторского подотдела Косяков ответил на данный вопрос так: «Если у них есть дом в деревне, то они должны получить землю, так как и все собственники, а о том, как распределять землю, – это как угодно будет большинству граждан каждого общества, т.е. по постановлению большинства общего собрания, если у них нет домов в селе, они живут на отрубном участке, тогда если они пожелают перейти в село, то им общество отводит селитбенные усадьбы, где в данное время имеются таковые, а если они не пожелают переходить в село, то им оставит там, где у них имеется дом, крестьянскую селитбенную усадьбу»[647]. Вся остальная земля должна распределяться по общим правилам. Осложняло ситуацию то, что в борьбу за землю поступательно включались не только крестьяне–общинники и целые волости, но и беженцы, выходцы из города, хуторяне, отрубщики, демобилизованные солдаты и т.д.

Наиболее конфликтно производились переделы земли в тех местностях, куда прибывало наибольшее число «чужаков». Так, в Тамбовском уезде Тамбовской губернии вблизи от земель Платоновской общины располагались озимые зерновые посевы, занимавшие площадь около двадцати пяти десятин.

[647] Протокол третьего съезда Советов рабочих и крестьянских депутатов Воронежской губернии… С. 39.

Данные наделы арендовали крестьяне из сел Саюкино и Дмитриевщина. Согласно советским нормативным актам и инструкциям спорные земли составляли «излишек» посевной площади для данных сел, поэтому за их пользование платоновские крестьяне начали борьбу[648]. Летом 1918 г. в земельный отдел Тамбовского уезда сообщалось, что Платоновская община хочет самочинно разделить эти сельскохозяйственные угодья.

Зажиточные крестьяне той же Платоновки Ждановы препятствовали распределению луговых и паровых угодий. Они не допускали односельчан к ранее принадлежавшему им участку. После социализации земли Ждановы начали опускать своих лошадей на спорные луга и косить на них траву. На предупреждения караульных о недопустимости подобных действий они отвечали: «Луга не ваши, а наши»[649].

Степень «земельной жажды» крестьянских общин определила социальный облик деревни первой половины 1918 г. В ходе уравнительного передела земли на местах формировались новые социальные институты и разрушались прежние общественные структуры. В этих условиях рвались прежние социальные и экономические связи, корректировке подверглись даже, казалось бы, монолитные системы, например, взаимоотношения общины с церковью.

Отношение, в целом, к церкви, как институту, включенному в состав государственной системы дореволюционной России, создавало негативное предубеждение в крестьянской среде и находило отражение даже в восприятии деревенских священников. Но наиболее существенный ущерб оценкам крестьянства церкви наносили местные пороки представителей культа.

Атеизм и просто антицерковная деятельность на местах формировалась не только под влиянием целенаправленной пропаганды большевиков, но и в ходе повседневного взаимоотношения крестьянства с местными

[648] ГАТО. Ф. Р-950. Оп. 1. Д. 6. Л. 24.
[649] Там же. Д. 8. Л. 44.

священниками, углубленного революционными процессами. В деревне в 1917 – 1918 гг. основными инициаторами антирелигиозной пропаганды выступали лица с высокой социальной мобильностью (отходники, демобилизованные солдаты и т.д.).

Уровень давления на местных священников повышался и под влиянием активизации борьбы между Советской властью и церковью. Например, в Алексеевской волости Бирючевского уезда Воронежской губернии в начале 1918 г. «во всех церквях духовенство призывало прихожан не повиноваться Советской власти и бороться с ней»[650].

Служители церкви не всегда были заняты трудом на земле и тем самым выглядели в глазах общины если не кулаками и бездельниками, то собственниками и сборщиками средств за проведение служб. При этом религиозные чувства и сам образ церковного служащего терял свой авторитет под влиянием их стяжательства. Поэтому крестьяне не находили важным наделять землей священнослужителей в ходе ее уравнительного распределения. Даже в резолюции о земле съезда Советов Задонского уезда Воронежской губернии в апреле 1918 г., на территории, где чувства верующих были особенно сильными из–за находившихся в этих местах известного по всей России монастыря, отмечалось, что наделению землей по уравнительной норме подлежали члены общин, отрубщики, хуторяне, бывшие крупные землевладельцы. Для священнослужителей община, считавшая присутствие духовенства в деревне нужным, должна было изыскать средства на содержание самостоятельно[651].

В решениях волостных земельных комитетов Тамбовской губернии в ряде случаев признавалось право на наделение землей служителей культа, при условии, что они обрабатывают ее личным трудом. Но к концу лета 1918 г. позиция Советской власти по отношению к правам священнослужителей и ряда других социальных слоев деревни на получение земельного надела

[650] Соболев П. Подготовка социалистической революции и установление советской власти в Воронежской губернии. Воронеж, 1955. С. 126.
[651] ГАЛО. Ф. Р-93. Оп. 1. Д. 12. Л. 9 об.

поменялась. Теперь земельным органам запрещалось отводить наделы для «лиц, служивших и работавших в других отраслях, кроме земледелия, получавших в достаточной степени обязательно безбедное существование»[652]. Таким образом священники, по сути, потеряли права даже на небольшие наделы по нормативам, установленным в рамках советского аграрного законодательства. Достаточно низкий уровень доверия крестьянства и власти к священнослужителям закрывал их доступ к индивидуальному пользованию землей.

Иногда крестьяне использовали процесс уравнительного распределения земли для того, чтобы вытеснить из деревни целые семьи, имевшие отношение к духовному сословию. Иллюстрирует данную ситуацию заявление Василия Федоровича Афанасьева из деревни Малой Анненковой Миленинской волости в адрес председателя народных комиссаров Фатежского уезда Курской губернии от 15 апреля 1918 г. В.Ф. Афанасьев проживал в деревне десять лет. Однако Мало–Анненское общество отказало его семье в наделении землей, предложив получить надел во 2-м Анненском обществе. Во 2-м Анненском обществе ему также было отказано, так как он был «из духовных»[653]. Местные власти вынуждены были требовать от крестьян наделения Афанасьева землей на яровой сев под угрозой привлечения Красной армии[654]. Община села Мало-Анненское, как отмечается в очередном заявлении в Фатежский уездный комиссариат земледелия от 2 мая 1918 г., выделила ему землю на 7 душ, «оставшуюся от дележа»[655]. Однако после посева Совет постановил отобрать эту землю и выдворил его на основании того, что он имел «духовное звание»[656].

В складывающихся условиях священнослужители искали возможности сохранения своих позиций в деревне. И во многих случаях им это удавалось.

[652] ГАТО. Ф. Р-959. Оп. 1. Д. 136. Л. 2.
[653] ГАКуО. Ф. Р-571. Оп. 1. Д. 3. Л. 49.
[654] Там же. Л. 51.
[655] Там же. Д. 2. Л. 39.
[656] Там же. Л. 39 – 40 об.

Так, в селе Суране Лысогорской волости Тамбовского уезда уже в 1921 г. председатель сельревкома и одновременно председатель церковного совета Околелов, оказывая помощь местному священнику, устроил его сына на временную работу в ревком для переписи населения. Далее, как сообщается в «Известиях Тамбовского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов», «как бы за ревностное отношение к делу … Околелов мобилизует работников из беднейших крестьян для обмолота ржи у попа»[657].

В 1917–1918 гг. в черноземной деревне уравнительный передел затронул и монастырские земли. Так, в Воронежской губернии крестьяне села Сомовки Нижнедевицкого уезда, отобрали и поделили между собой земли Варвинского монастыря. Крестьяне села Силявного Коротоякского уезда, отобрали луг и лес у Дивногорьевского монастыря. Крестьяне села Лобного Землянского уезда, отобрали церковную землю[658]. Имущество монастырей одним их первых в 1917–1918 гг. попадало в зону общинных притязаний. Иногда имущество монастырей подвергалось разграблению подобно помещичьему имению. Так, 18 сентября 1917 г. от имени управления Козловского Троицкого монастыря обратился в Тамбовское епархиальное управление с рапортом заведующий монастырским Хоботовецким хутором Иловай–Рождественской волости монах Илиодор. В рапорте он отмечал, что вечером 11 сентября на хутор пришла толпа жителей из села Степанищева. Толпа сбила замок у амбара, выгрузила из него рожь общей массой до 120 пудов, положила ее на 5–6 монастырских телег и увезла[659]. Ночью монастырские лошади вернули на хутор с пустой телегой. В грабеже монастырского имущества принимали участие и мужчины и женщины.

---

[657] Известия Тамбовского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. 1921. 28 августа.
[658] Соболев П. Подготовка социалистической революции и установление Советской власти в Воронежской губернии. Воронеж, 1955. С. 75.
[659] ГАСПИТО. Ф. П-832. Оп. 1. Д. 82. Л. 45.

Зачастую церковные и монастырские земли становились предметом борьбы нескольких общин. Деревня демонстрировала отсутствие каких–либо религиозных предубеждений при переделе земельных угодий. Как отмечалось в протоколе Черкасского волостного земельного комитета Кромского уезда Орловской губернии, 1 апреля 1918 г. Первый Черкасский волостной земельный комитет, рассмотрев заявление Голубицкого сельского комитета о захвате земли у церковных причтов села Шахова Николаевской и Троицкой церквей гражданами Голубицкого общества, постановил забрать у причтов села Шахова Николаевской и Троицкой церкви излишки земли, оставив только такое количество, которого бы «хватило … для [их] … годового обихода»[660]. А крестьяне Голубицкого общества получили прирезку земли из бывших церковных земель.

В ходе аграрных преобразований 1917–1918 гг. Советская власть проводила секуляризацию церковного имущества в деревне. Например, в постановлении уездного собрания земельных отделов Землянского уезда Воронежской губернии о разделе частновладельческих земель заявлялось, что «распределению подлежат все частновладельческие, церковные, монастырские, а также купчие земли, если они превышают потребительскую норму, установленную для уезда»[661].

«Декрет о земле» и «Основной закон о социализации земли» упразднили помещичьи имения, сократили запашки крупных крестьянских хозяйств, которые были основными нанимателями батраков, и дали им законные права на земельный надел по уравнительной норме. В данных условиях бывшие батраки, длительное время трудившиеся в качестве наемных работников на земле, в животноводческой отрасли, в лесоводстве и других сферах, либо начали работу на собственных наделах, либо были вынуждены искать себе новые области приложения труда.

[660] ГАОО. Ф. Р-223. Оп. 1. Д. 19. Л. 543.
[661] Соболев П. Указ. соч. С. 135.

Количество крестьян-батраков, работавших по найму, после реформы 1861 г. постоянно росло и к 1917 г. в производящей полосе России по 12 губерниям (исключая Воронежскую, Астраханскую и Казанскую губернии) составило 295,2 тыс. чел.[662]. Более точные данные достаточно сложно привести, так как ни сельскохозяйственные переписи, ни другие статистические данные не фиксируют числа представителей этого слоя жителей деревни.

Зачастую путь бывших наемных работников, решивших остаться в деревне, особенно в случае отказа общин выделить им землю, лежал в коллективные и советские хозяйства. Статьи 11, 21, 35 «Основного закона о социализации земли» подтверждали готовность Советской власти оказывать поддержку коммунам, артелям, товарищеским хозяйствам. В особых случаях наемным трудом могли воспользоваться только сироты, нетрудоспособные и семьи погибших красноармейцев. Однако коллективные хозяйства были не способны задействовать такое количество рабочей силы. Например, к началу 1919 г. в Орловской губернии имелось только 185 артелей с 13862 членами и 77 коммун с 4996 членами[663]. Аналогичные процессы наблюдались и в других губерниях.

Еще до революции 1917 г. в деревне был переизбыток рабочих сил. Советские аграрные преобразования изменили систему распределения излишних трудовых ресурсов в деревне. Закон о социализации земли значительно ограничил сферы использования наемного труда в сельском хозяйстве. Но при этом численность жителей деревни не сокращалось, а увеличивалось в силу экономического кризиса российской городской экономики, военных действий. В черноземную деревню шел постоянный приток как отсутствовавших долгое время членов общин, так и «чужаков». При этом местное крестьянство не желало с кем–либо делить приписанные к ним земли.

---

[662] Струмилин С.Г. Проблемы экономики труда. М., 1982. С. 278.

[663] См.: Долгополов А.Г. Организация и деятельность коллективных хозяйств в первые годы Советской власти // История СССР. 1959. № 5. С. 83.

Возвращавшиеся в родные деревни члены общины имели больше возможностей, чем «чужаки», получить надел. Иногда после тяжб, иногда бесконфликтно по решению сельских сходов батраки получала земельные наделы. В автобиографии Ф.П. Николашина, впоследствии первого секретаря Мичуринского райкома ВКП(б) в 1941–1952 гг., содержатся данные о том, что до лета 1918 г. он вместе с родителями барачил в имении Аплечина в Петровском уезде Саратовской губернии. Затем они вернулись в родное село Соколово Кирсановского уезда Тамбовской губернии, где получили усадьбу и небольшой надел[664].

В целом батраки после уравнительного распределения земли оказались в более трудном положении в сравнении другими категориями коренных представителей деревни. Например, в селе Коршуновка Моршанского уезда Тамбовской губернии жило 57 семей бывших батраков с 228 едоками. 18 февраля 1919 г. делегат земельного съезда Моршанского уезда К. Макаров в своем выступлении сообщил, что в ходе уравнительного распределения земли данные батраки надела не получили. Это обрекло их на полуголодное существование. «Положение их становится критическим, так как временная продажа мозолистых рук прекратилась, и большинство сидят дома» - указывал К. Макаров[665].

Отметим, что в Тамбовской губернии, в отличие от Орловской, Курской и Воронежской губерний, находившихся недалеко от линии фронта, вопрос получения земли батраками стоял чуть менее остро, как и проблема обеспечения наделами беженцев.

Масштабные аграрные преобразования в совокупности с условиями снижения спроса на рабочие руки, создавали благоприятные условия для миграции безземельных крестьян. Так, например, 8 апреля 1918 г. в протоколе заседания членов комиссии Коротоякского земельного отдела Воронежской губернии отмечалось, что после обсуждения вопроса о наделении

[664] ГАСПИТО. Ф. Р-1045. Оп. 4. Д. 10727. Л. 12.
[665] ГАТО. Ф. Р-959. Оп. 1. Д. 14. Л. 23.

безземельных граждан землей собрание постановило, в первую очередь, наделить проживающих на хуторе Ивановка, а также тех, кто «дал прошения в Коротоякский волостной земельный отдел»[666]. Решено было в 1918 г. наделить каждого безземельного члена по 10 сажен земли под яровой посев, а остальную землю передать крестьянским обществам. В итоге из земельного фонда хутора Ивановка было выделено под яровой посев безземельным крестьянам 50 десятин 20 сажен земли. 52 безземельных гражданина получили землю других участков[667]. Также в протоколе отмечалось, что безземельных крестьян, которые не успели своевременно подать прошение в Коротоякский волостной земельный отдел, должны были наделить участками из земель, где они проживали[668].

Местные органы власти, следуя инструкциям и постановлениям, восстанавливали права на наделение по уравнительной норме вновь прибывшим членам общин по их требованиям. Так, 23 мая 1918 г. Елецкий комиссариат Орловской губернии земледелия предписывал Чернавскому земельному отделу подготовить распоряжение для того чтобы община деревни Курдюков наделила землей Михаила Никитьевича Пашкова как ранее здесь проживавшего[669].

С аналогичным предписанием 31 мая 1918 г. комиссариат Елецкого уезда обратился к тому же Чернавскому земельному отделу с требованием выделить землю гражданам деревни Ослановой А.С. Ененкову и его дочери «без всякого препятствования»[670]. Но, несмотря на усилия властей, крестьянские общества старались ограничить «чужакам» права пользования землей. Подобные случаи были отмечены в Никольской, Дмитриевской, Пушкарской, Никитовской и других волостях Елецкого уезда Орловской губернии.

---

666 ГАВО. Ф. Р- 656. Оп. 1. Д. 13. Л. 36 об.
667 Там же. Л. 37.
668 Там же.
669 ГАЛО. Ф. Р-150. Оп. 1. Д. 120. Л. 8.
670 Там же. Л. 13.

Согласно положениям «Основного закона о социализации земли» конфискованные земли поступали в распоряжение земельных органов и из них формировался государственный запасной земельный фонд. Из этого фонда выделялись угодья для безземельных и малоземельных хозяйств, переселенцев и для расселения крестьянских дворов. Также эти земли должны были стать основной для развития крупного землепользования[671].

Наделение малоземельных и безземельных граждан, в том числе и бывших батраков, как правило, производилось за счет частновладельческих земель, а общинные запашки «коренной дележке» не подлежали. В тех волостях, где было мало имений и церковных землевладений, подлежащих переделу и конфискации, проблема батраков, беженцев и иных «чужаков» стояла наиболее остро. Поэтому, как и до 1917 г., основные общественно–производственные вопросы разрешались на сельском сходе.

В условиях первых аграрных преобразований Советской власти бывшие батраки имели различные возможности для приложения труда. Они могли получить собственный надел, вступить в коллективное хозяйство, работать по найму в советском хозяйстве или в городе. Однако большинство из них, несмотря на сопротивление общин, выбирало земледельческий труд на собственном наделе. Именно поэтому общее количество наемных работников в России к 1920 г. сократилась более чем на треть[672].

Новым явлением в советской деревне в рассматриваемый период был феномен «советского батрака». Речь шла о крестьянах, вступавших в коммуны, артели или советские хозяйства. Дисциплина и условия труда в крупных советских и коллективных хозяйствах существенно отличались от работы в помещичьих имениях. Поэтому «советские батраки» демонстрировали крайне низкую производительность труда и вели себя как иждивенцы и нахлебники. Например, в коммуну «Никольская» Орловского уезда Орловской губернии «большинство лиц … пришло на готовый хлеб, для

[671] Литошенко Л.Н. Указ. соч. С. 194.
[672] Струмилин С.Г. Указ. соч. С. 280.

того чтобы иметь коров на зиму»[673]. В результате данная коммуна в своей хозяйственной деятельности отличалась полным отсутствием организованности и дисциплины.

Усредненные крестьянские хозяйства и низкоэффективные коммуны, артели и советские хозяйства сформировали в 1918 г. многоукладную, еще не устоявшуюся производственно–хозяйственную среду. Начавшаяся гражданская война потребовала от Советской власти укрепить продовольственную безопасность на подконтрольной ей территории. Для этого большевикам нужно было усилить свое положение в деревне. Ресурсы, сконцентрированные в селе, стали использоваться Советской властью в качестве экономической базы в противостоянии с политическими врагами. Именно в этот момент начали расходится позиции Советской власти и крестьянства, так как интересы общины были направлены на сохранение собственных ресурсов, выживании в условиях политики «военного коммунизма».

Летом 1918 г. большевики стали формировать в деревне комбеды. Они организовывались с целью укрепления влияния Советской власти в деревне. Проблема формирования комитетов бедноты прорабатывалась на V Всероссийском съезде Советов. 5 июля 1918 г. в резолюции о деятельности ВЦИК и СНК в решении продовольственного вопроса сообщалось, что «продовольственный вопрос в данный момент является главным вопросом нашей внутренней жизни … Вырвать хлеб у кулаков можно только организовав деревенскую бедноту и оказывая этой бедноте самую горячую моральную и материальную поддержку из городских очагов рабочей и крестьянской революции»[674]. 11 июня 1918 г. был опубликован «Декрет об организации и снабжении деревенской бедноты (Комбеды)». В первом параграфе этого декрета отмечалось, что волостные и сельские комитеты

[673] См.: Долгополов А.Г. Организация и деятельность коллективных хозяйств в первые годы Советской власти // История СССР. 1959. № 5. С. 85.
[674] Советы Тамбовской губернии в годы гражданской войны. 1918–1921 гг. Сборник документов и материалов. Воронеж, 1989. С. 72.

деревенской бедноты учреждались повсеместно. Они организовывались местными Советами при непосредственном участии продовольственных органов и под общим руководством Наркома продовольствия и ЦИК[675].

Для развития и формирования на местах комитетов бедноты готовились воззвания. Так, 24 июля 1918 г. Комиссариат земледелия при Кирсановском Совете крестьянских и рабочих депутатов Тамбовской губернии в воззвании «Всем волостным Советам Кирсановского уезда» предписывал прекратить распределять урожай ржи из бывших частновладельческих имений среди населения. Вместе с Продовольственным комиссариатом предлагалось неотлагательно начать организацию комбедов, которые и должны были убрать урожай. После сбора урожая собранная рожь должна была по установленной норме распределяться среди бедноты. В воззвании выделялось, что за «самочинные разделы виновные … [должны были] предаваться суду»[676].

Появление в деревне комитетов бедноты привело к эскалация внутриобщинного конфликта. Делая ставку на беднейшие слои деревни, большевики через комбеды укрепляли свои позиции, ослабляли влияние зажиточных дворов в частности и общины в целом. Необходимо согласиться с мнением В.В. Кондрашина, который пишет «о докомбедовском и комбедовском периодах гражданской войны в 1918 г., подчеркивая, что если на первом этапе конфликты общин с властью сосуществовали с межобщинными и внутриобщинными конфликтами, то сутью второго этапа стало противостояние государства и крестьянства, борьба крестьян против государственной политики»[677].

Формирование комитетов бедноты заняло несколько месяцев, в силу того, что задачи, поставленные перед ними Советской властью, противоречили экономическим интересам крестьянства. Комитеты бедноты осуществляли регулирование распределения зерна, орудий труда в

[675] ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 19. Д. 22. Л. 37.
[676] ГАСПИТО. Ф. П-840. Оп. 1. Д. 47. Л. 1.
[677] Цит. по: Бабашкин В.В. Россия в 1902–1935 гг. как аграрное общество: закономерности и особенности отечественной модернизации… С. 28.

сельскохозяйственном производстве, а также распределяли в деревне предметы первой необходимости. Также комбеды содействовали продовольственным органам при изъятии у крестьян излишков хлеба. Комитеты бедноты, наряду с Советами крестьянских депутатов, принимали участие в уравнительном распределении земли, в формировании коллективных хозяйств. Фактически же комитеты бедноты превратились в органы политического контроля в деревне.

Организация комбедов в черноземной деревне шла неоднородно и была растянута во времени. Например, в Беломестно–Двойневской волости Тамбовского уезда Тамбовской губернии формирование комбеда тянулось до августа 1918 г. Несмотря на пик сельскохозяйственных работ, местные крестьяне организовали 6 августа сельский сход, на котором обсуждался этот вопрос. На сходе присутствовало около двухсот крестьян. Как отмечается в протоколе, беднота была «воодушевлена»[678] созданием комбеда и около сорока из них записалось в состав нового органа. Зажиточные крестьяне, осознав угрозу от создания комитета бедноты, прежде всего, как нового фискального органа, постарались при помощи традиционных общинных инструментов заблокировать данный процесс. Однако опасность применения репрессий советскими служащими сдержала их намерения. Поэтому на собрании антикомбедовские настроения выражались только выкриками из толпы: «Для чего и к чему разбивать крестьянство на два лагеря? Мы все бедные» [679].

Организация и деятельность комбедов осложнялась недостатком у экономически беднейших слоев деревни опыта организационной работы. В ряде случаев он компенсировался привлечением кадров из соседних, более крупных населенных пунктов. В деревенский комитет бедноты Нара-Тамбовка, как отмечалось в протоколе съезда комитетов деревенской бедноты на Тамбовском пороховом заводе от 19 августа 1918 г., где присутствовали

[678] Крестьянское движение в Тамбовской губернии (1917–1918). Документы и материалы. М., 2003. С. 353–354.
[679] Там же.

представители 17 комбедов, был решено отправить 4 человека на неделю из деревень Царевка и Дворики[680].

Появление комитетов бедноты создавало на местах новый центр власти в противовес сельским Советам. Тем самым формировалась новая область для приложения сил во внутридеревенском противостоянии. В с. Гудовке Ендовищенской волости Воронежской губернии из состава сельского совета вышли крестьяне–бедняки. В корреспонденции газеты «Воронежский Красный листок» от 10 июля 1918 г. отмечается, что беднейшие крестьяне не желали работать вместе с кулаками в сельском Совете и сложили свои полномочия. Это положение использовали зажиточные крестьяне. Они установили прежний порядок и вместо Совета, как органа местного управления, поставили во главе местной администрации старшину и писаря[681]. На общем собрании бедняки вынесли просоветскую резолюцию, решили провести перевыборы 5 июля с выдвижением кандидатов от коммунистов. А также в корреспонденции газеты ходатайствовали о присылке вооруженного отряда для борьбы с представителями зажиточного крестьянства.

В черноземной деревне случаи противостояния местных Советов и комбедов становились реальностью. Функциональное дублирование, а также зачастую разная социальная опора в каждом конкретном крестьянском обществе у данных институтов власти приводили к нарушению законов и открытому противостоянию. Так, на заседании 1-го Кирсановского съезда комитетов бедноты Тамбовской губернии Демякин из села Бабикова говорил, что в начале своей работы вел борьбу с кулаком. Он 16 августа 1918 г. сделал перепись имущества зажиточных жителей деревни. После этого Демякин отмечал, что «председатель совета пошел против меня, но сделать он ничего не мог… теперь в совете одна беднота»[682].

[680] ГАСПИТО. Ф. П-840. Оп. 1. Д. 60. Л. 7 об., 8.
[681] Борьба за Советскую власть в Воронежской губернии 1917–1918 гг. (сборник документов и материалов). Воронеж, 1957. С. 358.
[682] ГАСПИТО. Ф. П-837. Оп. 1. Д. 23. Л. 33.

В условиях нараставшего противостояния Советов и комбедов местные власти вынуждены были подготовить специальные нормативные акты по разграничению полномочий сельсоветов и комбедов. Ливенская исполнительная комиссия по образованию волостных исполкомов и волостных комбедов Орловской губернии 19 ноября 1918 г. по причине большой дезорганизации в деятельности волостных исполкома и комбеда предлагала уездному исполкому предоставить инструкцию для всех волостных органов власти, «где были бы строго разграничены права и обязанности тех и других»[683].

Картину деревенского антагонизма 1918 г. рельефно отображает борьба, разворачивавшаяся вокруг образования и деятельности комбедов Кирсановском уезде Тамбовской губернии. В выступлении представителя села Ломовки Арбеньевской волости Зайцева, представленном в протоколе № 1 заседания 1-го Кирсановского съезда комитетов бедноты, сообщалось, что комбед был сформирован в июле. Однако когда комбед стал брать власть в деревне, то «из волостного Совета приехал помощник милиции и арестовал председателя комитета бедноты»[684].

Следует отметить, что в ходе земельных переделов, несмотря на их «уравнительный» характер, углублялась социальная дифференциация деревни. Более мощные крестьянские хозяйства, используя лошадей, сконцентрировали у себя значительные материальные ресурсы. Низшие слои деревни получили меньшее количество инвентаря, скотины. Данный конфликт приобретал новое оттенки после введения комбедов. В протоколе № 1 заседания 1-го Кирсановского съезда комитетов бедноты отражено, что комбед «принуждал к уборке ржи всех кулаков, а также и к запашке земель бедняков» [685]. Во-первых, таким способом решались две задачи: распахивались пустующие земли, и обеспечивалась хлебом беднота. Во-вторых, формируя

[683] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 4. Д. 56. Л. 135.
[684] ГАСПИТО. Ф. П-837. Оп. 1. Д. 23. Л. 32 об.
[685] Там же.

благоприятные условия для низших страт деревни, Советская власть укрепляла свои позиции в общине.

Маятник распределения имущества под давлением комбедов качнулся в сторону беднейших слоев населения деревни. 7 октября 1918 г. в выписке из протокола Александровского сельского комбеда Моршанского уезда Тамбовской губернии говорится о решении утвердить «реквизиции по твердым ценам рогатого скота и лошадей для распределения между неимущими…»[686]. Ритм аграрных преобразований поступательно усиливал социальное напряжение в деревне. По выражению П.Ф. Алешкина, «пролетарская революция в деревне породила новую уравнительную волну, связанную с переделом зажиточных мужиков»[687].

Осенью 1918 г. нараставший антагонизм членов комбедов и зажиточной части деревни приобрел самые крайние формы. В деревне начались убийства членов комитетов бедноты. Так, 30 октября 1918 г. председатель Тамбовского уездного комитета бедноты сообщал уисполкому, что в селе Донская слобода Горельской волости 30 октября в 10 часов вечера двумя выстрелами из револьвера был убит председатель селькомбеда Дмитрий Тимофеевич Гаврилов[688].

В другом случае убийство представителя комитета бедноты было совершено на собрании и имело ярко выраженный политический протест. В с. Нижняя Матренка Усманского уезда Тамбовской губернии 16 ноября, как сообщал в докладе инструктор губпродкома Желаднов 23 ноября 1918 г., во время выступления председатель комбеда был убит зажиточными крестьянами. Другой член комбеда «подвергся жестокому истязанию, ему выкололи глаза»[689].

---

[686] Там же. Ф. П-997. Оп. 1. Д. 33. Л. 44.

[687] Алешкин П.Ф. Крестьянское восстание в России в 1918–1922 гг. От махновщины до антоновщины. М., 2012. С. 67.

[688] Советы Тамбовской губернии в годы гражданской войны. 1918–1921 гг. Сборник документов и материалов. Воронеж, 1989. С. 116–117.

[689] Крестьянское движение в Тамбовской губернии (1917–1918). Документы и материалы. М., 2003. С. 282.

Советское правительство, ощущая рост социального напряжения в деревне, постаралось снизать градус конфликтности, вернувшись к Советам как форме организации власти на селе.

Таким образом, социальные отношения в черноземной деревне в рассматриваемый период характеризовались динамичностью и ростом напряженности, сформированных под воздействием советских аграрных преобразований. Прежде всего, под влиянием реформ изменилась социальная структура деревни. Ушли в небытие помещики, «столыпинские крестьяне», священнослужители и монастыри с собственной землей. Осуществился в полном объеме «черный передел» сельскохозяйственных угодий.

Политика комбедов внесла раскол во внутридеревенскую жизнь и обострила сформировавшиеся там социальные отношения. В то же время она была проявлением сути установившегося в стране политического режима, нацеленного на углубление аграрных преобразований по «социалистическому пути» и удержании контроля государства над ресурсами деревни в условиях разгоравшейся Гражданской войны. В ходе масштабных политических и экономических трансформаций были разрушены социальные перегородки, которые в дореволюционный период были жестко увязаны с имущественными отношениями и собственностью на землю. Рельефно и многогранно данный процесс нашел отражение в развитии общественно–политических отношений в деревне 1918 г. Перманентное размежевание сил внутри общины и в сельской среде, опиравшееся на ломку земельных отношений, высвобождало мощную социальную энергию, направив которую власть могла сконструировать новую общественную конфигурацию.

§ 3.4 АГРАРНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

В начале 1918 г., с разницей в месяц, произошло утверждение «Основного закона о социализации земли» и подписание Брестского мира. Данные события подвели логическую черту под первым этапом большевистской политики. Весной 1918 г. наступил новый период аграрных преобразований, связанный с началом активной фазы фронтовой Гражданской войны, в котором черноземная деревня, как и вся советская деревня в целом, выступила основным ресурсом Советской власти в этой войне. Гражданская война стала продолжением военных тягот Первой мировой войны для российского крестьянства, включая сельское население Черноземного центра.

В ходе Первой мировой войны из деревни были мобилизовано значительное число трудоспособного мужского населения. Так, в 1917 г. «в деревне в диковинку было встретить молодого мужчину, все мужские работы стали исполнять женщины, – рассказывалось в газете о селах Беловской волости Грайворонского уезда [Курской губернии]. – В поле пестрелось много опустевших полос надельной крестьянской земли, незасеянной за неимением рабочих рук. Семейства, не имеющие рабочих рук, и солдатки стали сдавать свои земли за бесценок в аренду…»[690]. Сокращение производительных сил деревни и увеличение числа военно-мобилизационных мероприятий вели к нарастанию социальной напряженности.

Однако пагубное влияние мобилизаций на сельскохозяйственное производство, как писал Л.Н. Литошенко, оказывало смягчающее воздействие на кризис аграрного перенаселения в черноземной деревне, который тяготел над Россией в довоенный период[691]. Этот процесс был обусловлен тем, что избыточные трудовые ресурсы под влиянием мобилизаций были изъяты из деревни.

---

[690] Цит. по: Солнышко Ю. Октябрь в Курской области. Курск, 1947. С. 10.
[691] Литошенко Л.Н. Указ. соч. С. 149–150.

Некоторое смягчение кризиса аграрного перенаселение обернулись в последующий период более глубокими потрясениями. А.Н. Анцыферов отмечал, что Первая мировая война оказала влияние на сельское хозяйство в двух направлениях. Во-первых, существенно снизился вывоз зерна. Во-вторых, из-за мобилизации на фронт значительной части рабочей силы и глав крестьянских дворов «появился зловещий призрак сокращения посевной площади»[692]. Кроме того, из армии крестьяне возвращались домой с набором революционных взглядов. Трансляция этих мыслей вела к росту радикализации настроений общин.

Вопрос эскалации насилия в черноземной деревне под воздействием факторов военного времени остро встал уже в 1917 г. Углубляли данный процесс пробольшевистски настроенные солдаты, призывавшие к самым радикальным мерам в борьбе за землю. И. Фомин, который до Первой мировой войны жил в Никольско-Мезинецкой волости Козловского уезда Тамбовской губернии, оставил воспоминания. В них он описывает май 1917 г., когда он прибыл из армии в свою волость. В это время местные земледельцы думали о том «как быть с теми, у кого нет земли, откуда наделить их»[693]. Далее И. Фомин отмечает: «Я, как зараженный уже в армии большевистским духом, выступал против эсеров, настаивая на том, что нам надо готовить свою власть»[694].

В конце 1917 г. началось массовое возвращение солдат в деревню. Это способствовало повышению уровня конфликтности деревни и подогревало погромные настроения. Фактически, как отмечал Г.А. Герасименко, солдат был выходцем из деревни, земляком. По мению сельчан он «представлялся “генералом от революции”, бывалым человеком, знающим политическую жизнь и обстановку страны»[695]. Поэтому к нему прислушивались и тянулись

[692] Анцыферов А.Н. Указ. соч. С. 186.
[693] Фомин И. Воспоминания участника Октябрьской революции И.Фомина Борьба за Советы в 1917 г. (Козловский уезд) // Коммунист. Журнал Тамбовского губкома ВКП(б). 1927. № 20–21. С. 36.
[694] Там же.
[695] Герасименко Г.А. Указ. соч. С. 233.

крестьяне, ждали ответа на острые политические и экономические вопросы. Уверенность в собственных силах, идеологический заряд и оружие, доставленное с фронта, являлись важнейшими причинами утверждения авторитета солдат в деревне как вожаков в массовых выступлениях, захватах имений и погромах. Так, в докладной записке агронома А.С. Хренникова в Тамбовскую губернскую земельную управу о настроениях населения в Шацком уезде, о состоянии имений Аладьинской Ново-Тромниковской и Петровской волостей, захваченных крестьянами от 12 января 1918 г. сообщалось, что имение Воронцова-Дашкова было сохранено (за исключением хутора), но «возвращавшиеся за последнее время солдаты остались недовольны учетом, и теперь производится второй учет имения»[696]. В результате соседние села решили взять управление имением «в свои руки».

Бывшие солдаты и дезертиры, вернувшиеся из армии, привезли с собой оружие. Это становилось одной из причин увеличения их авторитета в деревне. Кроме того, довольно часто оружие попадало к зажиточным или наиболее активным крестьянам. Эта категория крестьянства приобретала оружие с целью борьбы со своими экономическими оппонентами и для давления на местные органы власти. Так, 18 июля 1918 г. Токаревский волостной Совет рабочих и крестьянских депутатов Тамбовского уезда Тамбовской губернии выслал телеграмму губернском комиссару внутренних дел с просьбой в срочном порядке прислать отряд из ста пятидесяти человек, так как без вооруженной силы работать было «невозможно … [в волости имелись] вооруженные кулаки»[697].

Милитаризация местного крестьянского общества ослабляло на местах ход аграрных и административных преобразований Советской власти, в первую очередь, в период организации комбедов. Так, в августе 1918 г. в докладе о деятельности центрального бюро по организации комбедов при

[696] Жизнь тамбовской провинции в эпоху революций (февраль 1917 г. – февраль 1918 г.). Сборник документов и материалов. Тамбов, 2018. С. 374.
[697] Советы Тамбовской губернии в годы гражданской войны. 1918–1921 гг. Сборник документов и материалов. Воронеж, 1989. С. 76.

Орловском губернском совете депутатов отмечалось, что в Севском уезде было засилье хорошо вооруженных кулаков, терроризирующих бедноту. Поэтому организация комбеда шла «медленно и с большими трудностями»[698].

К концу Первой мировой войны существенно снизилась мобилизационная емкость ресурсов черноземной деревни. Например, в Кирсановском уезде Тамбовской губернии в феврале 1917 г. значительная часть овса была направлена на нужды армии, и крестьянство стало ощущать недостаток в корме для скота[699]. Поставки для фронта вели к значительному оскудению зерновых запасов крестьянских хозяйств.

В ходе Первой Мировой войны из деревни было мобилизовано на фронт значительное количество лошадей, как основной тягловой силы, необходимой для ведения боевых действий и ее материального обеспечения. С завершением войны предполагалось их возвратить обратно. Так, в конце 1917 г. в Демобилизационном отделе особой армии и штабе Московского военного округа стали готовить к демобилизации и размещению в ряде губерний Черноземного центра лошадей[700]. 6 января 1918 г. Наркомом по военным делам было принято решение только в одну Воронежскую губернию направить 25000 лошадей. Однако с 6 марта 1918 г. до начала апреля 1918 г. в эту губернию прибыло всего 1890 лошадей[701].

Вскоре демобилизация лошадей совсем приостановилась по причине начала наступления войск Германии. Кроме того, 7 апреля 1918 г. в протоколе 3-го съезда Советов рабочих и крестьянских депутатов Воронежской губернии содержится доклад представителя 4-го подотдела по распределению демобилизованных лошадей земельного отдела Воронежской губернии Гаврилова. В нем отмелось, что лошадей не давали вывозить из Минской, Волынской, Бессарабской и Подольской губерний местные жители. Они

[698] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 4. Д. 56. Л. 112.
[699] ГАТО. Ф. Р-207. Оп. 1. Д. 240. Л. 27.
[700] Журнал Воронежского губернского земского собрания. Чрезвычайной сессии 16 января 1918 г. Воронеж, 1918.
[701] Протокол Третьего съезда Советов рабочих и крестьянских депутатов Воронежской губернии... С. 36

имели численное превосходство над войсками и опирались на постановления местных органов власти[702].

Выделим, что после демобилизации лошадей местные власти должны были в основной своей массе распределить их по крестьянским дворам. В Воронежской губернии планировали осуществить такое распределение по наиболее низким ценам в безлошадные хозяйства и солдатские семьи. Но оскудевшие от перманентных мобилизаций крестьянские дворы и, в первую очередь, беднейшие слои деревни вместе с семьями военных, не имели материальных ресурсов, чтобы содержать массу конного состава, возвращаемого с фронта. Деревня ощущала недостаток тягловой силы. Но этот дефицит требовал его поступательного восполнения, по мере наращивания экономических мощностей крестьянских дворов. В противном случае в конце 1917 – начале 1918 гг. в деревне могли начаться массовая гибель и убой лошадей.

Другой гранью демобилизации лошадей с фронта стал рост заболевания скота. Например, в Тамбовской губернии по этой причине началась эпизоотия. 23 июля 1918 г. в протоколе съезда Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Кирсановского уезда сообщалось, что из-за прибытия с фронта большого количества лошадей скотина стала массово болеть сапом и чесоткой[703].

Военно-мобилизационные мероприятия негативно отражались на экономическом потенциале сельского хозяйства черноземной деревни. Существенно падала производительность аграрного производства под влиянием вывоза живого и мертвого инвентаря. Одним из ярких примеров является эвакуация из граничащих с Украиной уездов Воронежской губернии скота и конских заводов в сентябре 1918 г.[704]. Именно из-за этого эвакуационные процессы в обзоре деятельности Воронежского губернского

[702] Там же. Протокол Третьего съезда Советов рабочих и крестьянских депутатов Воронежской губернии... С. 35–36.
[703] ГАСПИТО. Ф. П-837. Оп. 1. Д. 23. Л. 57.
[704] ГАВО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 95. Л. 118.

земельного отдела за 1918–1919 г. назывались «основным злом переживаемого периода»[705].

Наиболее сильному ущербу подвергались губернии Черноземного центра, находившие в зоне боевых действий. Движение линии фронта приводило к разорению местного сельского хозяйства. Так, в протоколе заседания 2-го Курского губернского земельного съезда, состоявшегося 17 мая 1918 г., отмечалось, что в Суджанском уезде крестьяне и солдаты Красной гвардии «захватили и угнали скот, в том числе и племенной»[706]. Поэтому после прекращения активных наступательных операций на территории черноземных губерний ощущался дефицит тягловой силы. В частности, после Первой мировая войны в Курской губернии сохранилось не более 60 % всего конского состава[707] по сравнению с показателями довоенного времени.

Крестьянские хозяйства, оказавшись в зоне военных действий, подвергались периодическим экспроприациям. И это не останавливало деревню в борьбе за землю. Напротив, напряженная военная обстановка только усиливала настроения уверенности и безнаказанности в реализации «черного передела».

Местные крестьяне, пользуясь нестабильной обстановкой на линии фронта, прикрывались угрозой наступления противника и осуществляли разграбление крупных хозяйств. Опасность прорыва фронта могла быть обусловлена реальной угрозой и слухами. Например, 9 апреля 1918 г. в Тимском уезде Курской губернии возникла паника среди крестьян из-за мнимого наступления немецких войск. На этой волне крестьяне забирали часть скота из бывшего имения Степанова[708]. Разорение этого хозяйства местные жители осуществляли поэтапно. Первый раз крестьяне увели одну лошадь, обосновывая свое решение Никольскому волостному комиссару

[705] Войнов Е.В. Деятельность земельных органов Воронежской губернии по организации колхозов и совхозов (1918–1919 гг.) // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 4/1 (64/1). С. 43.
[706] ГАКуО. Ф. Р-313. Оп. 1. Д. 5. Л. 5.
[707] Там же. Оп. 1. Д. 187. Л. 4.
[708] Там же. Ф. Р-685. Оп. 1. Д. 14. Л. 24 об.

земледелия необходимостью присоединения к боевому отряду. В следующий раз граждане деревни Меренянской приступили к массовому выводу скота из бывшего имения Степанова. Поддавшись настроениям крестьян, сотрудник местного комиссариата Перепейченко, призывал комиссара земледелия не останавливать местных жителей и обещал в противном случае самостоятельно открыть ворота и отпустить коров[709]. В итоге двадцать шесть голов скота было уведено из бывшего имения.

Приграничная полоса с неустойчивой общественно – политической обстановкой была малопригодной зоной для ведения эффективного аграрного производства из-за роста числа правонарушений. Например, в Орловской губернии появилось «много мародерствующих шаек»[710] из-за близости прифронтовой полосы. Рост преступности формировался под влиянием целого ряда причин: военных действий, отсутствия устойчивых управленческих структур, бушевавшей стихии «черного передела» в деревне.

В ходе боевых действий на территории губерний Черноземного центра, целый ряд районов оказалось в зоне оккупации. Так, с марта по ноябрь 1918 г. целый ряд уездов Курской губернии (Грайворонский, Корочанский, Белгородский, частично Путивльский, Новооскольский, Обоянский, Рыльский, Суджанский, Льговский) был оккупирован немецкими войсками. Противник захватил часть территории в Воронежской губернии. Украинская Республика выдвигала свои претензии на Богучарский, Острогожский, Валуйский и Бирючевский уезды[711]. При этом крестьяне черноземной деревни не желали оказаться в оккупированной зоне. Основной причиной такой позиции послужила жесткая военно-мобилизационная политика немецких войск. Исключения составляли крестьяне зажиточных дворов. Так, на 3-м съезде Советов рабочих и крестьянских депутатов Воронежской губернии сообщалось о том, что «кроме кулаков никто не желает присоединения

[709] Там же. ГАКуО. Ф. Р-685. Оп. 1. Д. 14. Л. 24 об.
[710] РГАЭ. Ф. 472. Оп. 5. Д. 8. Л. 5 об.
[711] Протокол Третьего съезда Советов рабочих и крестьянских депутатов Воронежской губернии... С. 39.

Острогожского уезда к Украине»[712]. Патриотические настроения наблюдались и в Орловской губернии. По данным на 25 июня 1918 г. отношение населения к вопросу о присоединении к Украине было «резко отрицательное». Эта позиция нашла отображение в большинстве решений сельских сходов, постановлении волостей и уездов Орловской губернии[713].

Крестьяне черноземной деревни, делая выбор между жизнью под протекторатом Германии и аграрными преобразованиями и мобилизациями большевиков, все же отдавали предпочтение в пользу последних. Крестьяне ожидали со стороны войск Германии масштабное насилие, мародерство, реквизиции, а также попытки насильственной украинизации. Последний факт, видимо, играл важную роль в политическом выборе черноземной деревни. Так, в информационном листке Всероссийского бюро военных комиссаров от 5 июня 1918 г. сообщалось, что из Красноярской волости Обоянского уезда Курской губернии оккупанты угнали много скота, забрали весь хлеб, расстреляли жителей, а также помощника комиссара, произвели реквизиции, требовали выдачи денег, отбирали продукты, грабили под угрозой расстрела и т.д. В нейтральной зоне по отношению к местному населению издавались распоряжения о незамедлительном повиновении и признании себя украинцами[714].

К концу 1918 г. проблема военно-политического натиска германских войск на прифронтовые губернии Черноземного центра была ликвидирована[715]. За этот период экономический потенциал уездов, оказавшихся в оккупации, оказался ослабленным.

Однако нанесенный военными действиями ущерб еще долго ощущался. Некоторые территории подвергались двойному экономическому давлению: вслед за российской эвакуацией в крестьянских хозяйствах осуществлялись

---

[712] Там же. Протокол Третьего съезда Советов рабочих и крестьянских депутатов Воронежской губернии... С. 39.
[713] Советская деревня глазами ВЧК–ОГОУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. В 4-х т. / Т. 1. 1918–1922 гг. М., 2000. С. 71.
[714] Там же. С. 69
[715] Солнышко Ю. Октябрь в Курской области... С. 50

реквизиции немецких войск. В частности, в ходе наступления германских войск в Суджанском уезде Курской губернии разграбили экономии, в Обоянском уезде Курской губернии была изъята часть инвентаря[716]. Острая потребность в основных средствах производства и семенном материале в приграничных уездах с Украиной обесценивали все аграрные реформы, проводившиеся Советской властью. Недостаток финансовых средств не позволял в кратчайший срок возместить утраченные производственные ресурсы.

Территорией, наиболее пострадавшей от иностранной оккупации в губерниях Черноземного центра, оказался Белгородский уезд Курской губернии. Этот уезд выполнял роль оперативной базы для сильного гарнизона, откуда немецкие хлебное бюро вывезло много хлеба. Оккупанты косили даже еще не дозревшие зерновые, прессовали их и отправляли в Германию. Все немецкие солдаты в обязательном порядке должны были отсылать домой по две посылки в неделю. Поэтому множество различных военных отрядов опустошали никем не охраняемые экономические посевы[717]. Вслед за тем, как немецкие войска отступили, урожай в Белгородском уезде составил всего «10000 пудов всех хлебных продуктов»[718].

Масштабы собранного оккупационными войсками зерна не позволяли даже создать семенной фонд для следующего сезона. Подобная картина наблюдалась и во многих пограничных уездах губерний Черноземного центра. Например, на 3-м Курском губернском земельном съезде, сообщалось, что в Рыльском уезде после ухода оккупационных войск на сахарных заводах не сохранилось семенного материала и сельскохозяйственного инвентаря. По этой причине в 1919 г. не было возможности осуществить посевы на

[716] ГАВО. Ф. Р-19. Оп. 64. Д. 27. Л. 11об.
[717] Курская губерния в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны 1918–1920. Воронеж, 1967. С. 83.
[718] Там же. С. 83.

заводских землях[719]. Для восстановления сельскохозяйственного производства требовалась крупная поставка семян и оборудования в освобожденные уезды.

Мобилизации, интервенция негативно отразились на ходе советских аграрных преобразований, практически нивелировав все ранее сделанные шаги. Наибольший ущерб в деревне был нанесен коллективным хозяйствам. Например, 22 ноября 1918 г. в докладе земельного отдела Курской губернии в Центральный комиссариат земледелия сообщалось о том, что всего было создано двадцать коммун и одна артель. Объяснялось такое положение тем, губерния располагалась «на границе с Украиной, [что] препятствало их развитию»[720].

Военные действия привносили свои поправки в процесс уравнительного распределения земли и инвентаря. Так, Алексеевским уездным земельным отделом Воронежской губернии была подготовлена инструкция волостным сельским и хуторским советам о распределении земли на 1918 г. В ней сообщалось о некоторых дополнениях в общепринятые правила. В частности, семьи и лица без земли, не имевшие живого и мертвого инвентаря, и в особенности те, кто пострадал в ходе военных действий, должны были получить отрезки земли от крупных земельных владений. Прежде всего в данную категорию граждан включались вдовы. Им давалось исключительное право отдавать землю в аренду для испольной обработки[721]. Из фонда культурных земель (частновладельческих, церковных, монастырских и других), подготовленных к весеннему севу и озимых полей, наделялись с разрешения уездного земельного отдела солдаты, которые наиболее пострадали в ходе военных действий, не имели земли, либо являлись малоземельными[722].

Вдовы, возвращавшиеся с фронта солдаты, как и прочие отсутствовавшие односельчане, нередко встречали противодействие общин

[719] Мигущенко О.Н. Военный коммунизм в Курской губернии. Орел, 1997. С. 12.
[720] РГАЭ. Ф. 478. Оп. 5. Д. 35. Л. 1 об.
[721] ГАВО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 47. Л. 6.
[722] Там же.

при наделении землей. Ярким примером подобного отношения местного крестьянского сообщества к бывшему односельчанину является судьба Евсея Федоровича Севастьянова. В письме народному комиссару г. Фатеж Курской губернии Севастьянов сообщал, что до 1914 г. он жил в Киеве. После начала Первой мировой войны он уехать в Вышнебартеневское общество Большежировской волости Курской губернии. Еще до начала уравнительного распределения земли Е.Ф. Севастьянов был мобилизован в армию. После возвращения в деревню он попытался добиться наделения землей в Вышнебартеневском обществе. Но местные жители не удовлетворили просьбы Севастьянова, обосновывая такое решение тем, что он не являлся «однообщественником»[723]. В разрешение этого спора включились уездные власти. И 9 (22) апреля 1918 г. они потребовали от низовых органов наделить Е.Ф. Севастьянова землей по числу живых душ в семье[724].

Ход военных действий стимулировал рост количества беженцев в деревне. Это углубляло социальный и экономический кризис в губерниях Черноземного центра. Беженцы массово обращались в местные органы власти за помощью. 2 августа 1918 г. коллегия по делам беженцев комиссариата по военным делам Воронежской губернии просила Воронежский губернский земельный отдел дать ответ на вопрос будет ли оказана материальная помощь беженцам, которые не желали уезжать в родные места[725]. Для стабилизации обстановки стали реализовываться меры по наделению беженцев земельными наделами. 9 августа 1918 г. Воронежский губернский земельный отдел уточнял, что для получения земли беженцам нужно было стать российскими подданными[726].

Наиболее остро кризис вокруг проблемы с обеспечением землей беженцев возник на границе с Украиной. Конфликты возникали на внутри- и межобщинном уровнях. Так, агроном Полищук в газете «Тимская жизнь»

[723] ГАКуО. Ф. Р-571. Оп. 1. Д. 3. Л. 62.
[724] Там же. Л. 63.
[725] ГАВО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 95. Л. 137.
[726] Там же. Л. 138.

(Курской губернии) опубликовал заметку, посвященную данной теме. В Тимском уезде жило около трех тысяч беженцев[727]. Обеспечить такое количество приезжих было невозможно. Агроном выделял, что большинство сельских обществ не желали приписывать к себе беженцев. Общины стремились сохранить землю у себя, либо включить ранее выделенные чужакам наделы в собственную запашку.

Пребывание в деревне большого количества беженцев сокращало землепользование коренных жителей местных сообществ, что отражалось на экономическом положении последних. Ввиду этого даже на официальных собраниях отъезд беженцев из деревни именовался «разгрузкой». Такое определение встречается в протоколе съезда комбедов, который прошел 19 августа 1918 г. на Тамбовском пороховом заводе. Токарев, представитель комитета бедноты села Кузьмина-Гать сказал: «От беженцев разгрузились – осталось 275 чел., было 550 человек»[728].

Для осуществления уравнительного распределения земли в деревне требовались землемеры. Недостаток специалистов данного направления усиливался постоянными мобилизациями. Сама деятельность землемеров в прифронтовых уездах была сложна и, зачастую, результаты их труда оказывались нивелированными после наступления немецких войск, либо действий крестьян, почувствовавших свою безнаказанность. 12 августа 1918 г. М.М. Скворцов на совещании инструкторов с землемерно-технической части сообщал о событиях в Богучарском уезде Воронежской губернии: «По приезду землемеров было выяснено, что распределение частновладельческих земель было произведено населением далеко неравномерно, вследствие чего была предпринята новая разверстка, чему помешало наступление германо-гайдамацких отрядов»[729]. Наступление противника вынудило землемеров приостановить свою работу. Но после четырехнедельного перерыва они вновь приступили к измерительным работам.

[727] ГАКуО. Ф. Р-685. Оп. 1. Д. 4. Л. 4 об.
[728] ГАСПИТО. Ф. П-840. Оп. 1. Д. 60. Л. 6 об.
[729] ГАЛО. Ф. Р-93. Оп. 1. Д. 26. Л. 91.

Формирование коллективных хозяйств являлось одним из ключевых положений советских аграрных преобразований. Военные действия также оказывали влияние на организацию и развитие коммун и артелей. В черноземной деревне начали возникать коммуны «под флагом анархизма»[730]. Например, в Орловской губернии такие «“анархические” коммуны были недурно вооружены и имели свои партизанские отряды»[731]. Близость фронта, слабость местных органов власти, реалии военного времени создавали условия для развития подобных антигосударственных объединений крестьян.

Разделы крестьянских дворов – постоянный спутник аграрных реформ в традиционных обществах. Как уже ранее выделялось, социализации земли также сопутствовали массовые разделы внутри общины и выделы внутри крестьянских дворов. Такие разделы были отягощены событиями Гражданской войны. Происходило размывание временных рамок традиционного цикла аграрного производства.

В черноземной деревне наблюдались случаи выделов дворов без учета мнения тех членов семей, кто находился в армии. Это создавало конфликтные ситуации внутри семей после возвращения домой вчерашних солдат. Они оказывались ущемленными в правах на землю и выдвигали требования о новом, более справедливом переделе имущества. 22 июля 1920 г. в Орловском губернском земельном отделе из Чахинской волости Мценского уезда рассматривалось дело о разделе усадьбы Евдокимовых из Будаговского общества. В 1919 г. глава семьи Максим Евдокимов выделил сыну Матвею часть имущества, в которую входил надел земли. Но вернувшийся позже из плена другой сын, Борис, остался недоволен совершенным разделом имущества. Он обратился в уездный земельный отдел. Местные органы власти, рассмотрев дело, указали волостному земельному отделу на недопустимость раздела усадьбы согласно статьи VI «Временной инструкции

[730] Биценко А.А. К вопросам теории и истории коллективизации сельского хозяйства СССР. М., 1929. С. 25.
[731] Там же.

переходных мер по проведению в жизнь закона о социализации земли»[732]. Поэтому одной из сторон предписывалось выделиться на новое место. Приведенный пример ярко отражает трудности реализации советских аграрных преобразований, которые усиливались факторами военного времени.

В 1918 г. военные действия расширяли кризис в сельскохозяйственном производстве. Их результатом стал целый ряд негативных социально-экономических процессов. В деревне возник дефицит мужской рабочей силы, с рынка исчезли сельскохозяйственные машины, усилилась социальная дифференциация, а наплыв беженцев привел к росту поземельных конфликтов. Кризис углубляли советские аграрные преобразования. Под влиянием совокупности этих факторов начали разрушаться традиционные ценности и нормы существования общины, которые очень ценило крестьянство. «Земля» без «воли» деревню не устраивала, что, в частности, и показала череда крестьянских восстаний в черноземной деревне.

[732] ГАОО. Ф. 314. Оп. 1. Д. 44. Л. 266.

4. НОВЫЕ ФОРМЫ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ КАК РЕЗУЛЬТАТ СОЦИАЛИЗАЦИИ ЗЕМЛИ

§ 4.1. СОЗДАНИЕ КОММУН И АРТЕЛЕЙ

Преобразование структуры сельскохозяйственного производства путем развития коллективных и советских хозяйств стало основополагающей идеей аграрной политики большевиков, которую они воплощали в жизнь с конца 1917 г. – начала 1918 гг. Создание коммун и советских хозяйств стало главным содержанием этой политики[733]. Нарком земледелия С.П. Середа, являвшийся одним из идеологов развития советских хозяйств и коммун, на 1-м Всероссийском съезде земельных отделов, комитетов бедноты и коммун указывал: «Задача организации коммун… это задача пропаганды в крестьянстве идеи коллективизма»[734]. Коллективные хозяйства и коммуны создавались как «могучий способ подвинуть аграрное производство в сторону коллективизации»[735]. В «Основном законе о социализации земли» обеспечивалось привилегированное экономическое положение коллективным формам хозяйствования перед мелкими единоличными производителями.

Как известно, ключевые отличия между коллективными формами сельскохозяйственного производства заключались в уровне обобществления средств производства и установленном порядке распределения доходов. Так, в советских хозяйствах и коммунах производилось обобществление средства производства и труда. В артелях и кооперативных товариществах скот, инвентарь, постройки, машины находились у крестьян в собственности. Доходы в данных категориях хозяйств распределялись по количеству приложенного труда и в зависимости от размеров паевых взносов, стоимости средств производства, которые предоставил каждый член товарищества.

Уровень обобществления средств производства в различных формах ведения аграрного производства становился одним из определяющих

[733] Литошенко Л.Н. Указ. соч. С. 215.
[734] Цит. по: Гришаев В.В. Сельские коммуны Советской России. 1917–1929. М., 1976. С. 61.
[735] Там же.

факторов их жизнеспособности. Так, в 1918 г. в Елецком уезде Орловской губернии артели были преобладающей формой производства среди коллективных хозяйств. Коммуны здесь учреждались реже. Подобные явления были характерны и другим губерниям Черноземного центра. Это объяснялось тем, что в отличие от коммун артели позволяли совмещать личные интересы их членов и общественные, государственные задачи. Несмотря на то, что в коммунах и советских хозяйствах, как позже – в колхозах, обобществлялись землепользование, труд и основные средства производства – рабочий скот, техника, оборудование, продуктивный скот, хозяйственные постройки и т.д., в личной собственности колхозника оставались жилой дом и подсобное хозяйство (в том числе продуктивный скот), размеры которого регулировались уставом. Доходы распределялись по количеству и качеству труда (по трудодням).

Одним из первых коллективных хозяйств в губерниях Черноземного центра Черноземной деревне стала коммуна III Коминтерн. Она была образована в январе–феврале 1918 г. в Орловской губернии. Чуть позже, в марте, начали свою работу коммуны Курской губернии имени Бакунина и Ламоновская. Они были созданы бывшими ссыльными анархокоммунистами[736].

По замыслу большевиков общественная собственность на средства производства и на землю должны были обеспечить непосредственную возможность приступить к строительству государственных советских хозяйств и иных коллективных объединений для общественной обработки земли[737]. Власть создавала коммунам, артелям, советским хозяйствам, товариществам по совместной обработке земли наилучшие условия в сравнении с другими формами хозяйствования. На местах принимались активные меры по развитию данных форм хозяйствования, выделению им

[736] Мигущенко О.Н. Социальные изменения в курской деревне 1918 –1920 годов // Методика и опыт изучения сельских поседений Центрального Черноземья. М., 1990. С. 50.
[737] Першин П.Н. Аграрная революция в России. Кн. 2. Аграрные преобразования Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1966. С. 526.

земли. В частности, 27 июня 1918 г. в село Старо–Животинское Березовской волости Воронежского уезда для «передачи в ведение сельскохозяйственной трудовой коммуны “Добрый путь” имения бывшего удельного ведомства» был командирован агроном А.А. Селавинский[738].

В ходе организации коллективных хозяйств возник целый ряд политических, экономических и социальных проблем: влияние местных низовых органах власти на формирование небольшевистских сил, сопротивлявшихся обобществлению, волна «черного передела», охватившая черноземную деревню и др. Например, уже инспектор по обзору и организации коммун Народного комиссариата земледелия Иван Чипенов в докладе Народному Комиссару земледелия Середе от 13 ноября 1918 г. о положение в Орловской губернии отмечал, что из-за «засилья левых эсеров» в прежних составах комиссариатов власть до самого августа месяца работ по организации коммун совершенно не вела.

Организовавшиеся коммуны не регистрировались, им не оказывалось никакой помощи. Из-за этого значительное количество коллективных хозяйств распалось. Остальные функционировали независимо от губернских властей и Народного комиссариата земледелия. В докладе указывалось, что деятельность левоэсеровских земельных отделов вела к ликвидации бывших имений. Из-за отсутствия четких указаний на местах губземкомов и уземкомов эти имения разграблялись местным населением [739].

Практические цели, которые ставились перед коммунами, отражены в докладе заведующего земельным отделом Кенаревского о создании единой трудовой коммуны г. Ельца и Елецкого уезда Орловской губернии, сделанного на заседании местного комитета партии 26 декабря 1918 г. В нем ставилась задача за зиму сформировать из крестьян коллективное хозяйство и весной в обязательном порядке организовать общественную обработку полей, которая бы уничтожила по Елецком уезде чересполосицу. Для этого ставились задачи

[738] ГАВО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 18. Л. 24.
[739] РГАЭ. Ф. 478. Оп. 5. Д. 8. Л. 4.

по осуществлению в зимний период полного учета живого и мертвого инвентаря. Весной данный инвентарь планировалось перераспределить «согласно общественным потребностям»[740].

Бывшие частновладельческие земли становились тем фундаментом, на котором возникала основная масса коллективных хозяйств. Так, все девятнадцать коммун Курской губернии, которые действовали к ноябрю 1918 г., были сформированы на бывших землях помещичьих имений[741]. В мае 1918 г. земельный съезд Орловской губернии постановил в первоочередном порядке отвести сельскохозяйственные угодья артелям и коммунам. В дополнительных правилах Орловской губернии о временном распределении земли сельскохозяйственного назначения, утвержденных 15 (28) мая 1918 г., выделялось, что волостные земельные отделы обязаны были содействовать артелям в наделении землей[742]. 3–4 октября 1918 г. на Курском губернском совещании уездных заведующих земельными отделами и бухгалтеров звучали предложения от садовода Гипценберга «бывшие помещичьи сады, как сельскохозяйственные угодья высокой культуры, как народное достояние, сохранить и обработать…»[743]. На их базе планировалось сформировать садовые коммуны.

Следует подчеркнуть, что, несмотря на активную поддержку Советской власти, производственные ресурсы коллективных хозяйств были ограничены. Прежде всего, их размеры сократились в результате волны погромов помещичьих усадеб, самовольных потрав, порубок частновладельческих лугов и лесов. В докладной записке на эту тему инструктор воронежского губернского земельного отдела Сергей Иванович Попарев 17 мая 1918 г., посвященной результатам обследования ряда бывших помещичьих землевладений в Бобровском уезде Воронежской губернии, указывал, что в имении Звегинцева, которую приняла на учет Мартыновская волость,

[740] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 4. Д. 56. Л. 151.
[741] Мигущенко О.Н. Социальные изменения в Курской деревне 1918–1920 годов… С. 50.
[742] ГАЛО. Ф. Р-150. Оп. 1. Д. 31. Л. 6 об.
[743] ГАВО. Ф. Р-19. Оп. 64. Д. 27. Л. 15.

племенного скота не было, лошади и коровы были в основном распределены между населением Бобровского уезда. В целости сохранился только мертвый инвентарь за исключением кузницы, которая была расхищена жителями Хреновских выселок Воронежского уезда[744]. Аналогичная картина наблюдалась в имении Кабановых, где инвентарь был сохранен, а скот в значительном количестве разобран крестьянами[745]. В 1918 г. разоренные имения – это повсеместное явление в черноземной деревне.

В этой ситуации ресурсная база коммун, артелей и товариществ формировалась, в основном, из того имущества, что оставалось неразобранным местными крестьянами. Наиболее активные коммунары и артельщики добивались некоторой поддержки по этой части из губернских и центральных правительственных фондов. Например, в Ивановской волости Тамбовского уезда образованной из рабочих железнодорожных мастерских сельскохозяйственной коммуне была оказана поддержка со стороны комиссариата земледелия. 4 августа 1918 г. в «Известиях Тамбовского губернского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов» сообщалось, что «коммуна будет снабжена сельхозорудием и инструментом из бывших частновладельческих хозяйств»[746].

В целом в рамках проводимой большевиками аграрной политики артели и коммуны имели преимущество перед индивидуальными хозяйствами. Артелям, коммунам, товариществам по совместной обработке земли бесплатно передавались постройки бывших помещичьих усадеб, машины, инструмент, скот. Примером этому является ситуация, сложившаяся в Льговском уезде Курской губернии, где коммунам предоставляли бесплатно сельскохозяйственный инвентарь (молотилки, жатки и т.п.)[747]. Те же процессы

[744] Там же. ГАВО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 18. Л. 6.
[745] Там же.
[746] Известия Тамбовского губернского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. 1918. 4 августа.
[747] ГАВО. Ф. Р-19. Оп. 64. Д. 27. Л. 11 об.

наблюдались в Новооскольском уезде Курской губернии, где коммунам «выдавалось что нужно»[748].

Коллективные хозяйства получили преимущества в сфере землеустройства. Земля выделялась им, как правило, вблизи селений и в одном месте. В результате на их посевных площадях исключались чересполосица, длинополосица, межполосица, дальноземелье, что отличало их землепользование в лучшую сторону, по сравнению с единоличными хозяйствами. Для повышения уровня знаний в сфере ведения сельского хозяйства в распоряжение коллективных хозяйств периодически командировались агрономы. Подобная ситуация сеяла недоверие между членами коллективных хозяйств и основной массой крестьянства.

Проживавшие рядом с советскими и коллективными хозяйствами крестьяне давали им различные оценки. Были лояльны и даже относились дружелюбно, когда они оказывались им полезными (например, имели кузницу или оказывали помощь семенами). Напротив, крестьяне вели себя агрессивно, когда коллективные и советские хозяйства претендовали на земли, находившиеся в сфере интереса общин. Приведем пример Стрелецкой коммуны в Елецком уезде, которой из землепользования ближайшей общины было выделено 766 десятин[749]. Некоторые деревни, напротив, претендовали на земли коммун. 21 ноября 1918 г. Колосовское общество Дрезгаловской волости просило Комиссариат земледелия прирезать надел от сельскохозяйственных угодий соседнего коммунального хозяйства по причине многополосицы. Полученная раньше крестьянами земля состояла из семнадцати разбросанных участков[750]. Ходатайство не было поддержано, что могло способствовать росту напряженности во взаимоотношениях общины и соседнего коллективного хозяйства.

[748] Там же. ГАВО. Ф. Р-19. Оп. 64. Д. 27. Л. 11 об.
[749] См.: А.Г. Долгополов. Организация и деятельность коллективных хозяйств в первые годы Советской власти // История СССР. 1959. № 5. С. 82.
[750] ГАЛО. Ф. Р-150. Оп. 1. Д. 60. Л. 24.

Соседнее коллективное или советское хозяйство негативно воспринималось крестьянами, если оно, опираясь на местный управленческий аппарат, для обработки своих полей требовало от крестьян-общинников лошадей или инвентарь, а также поднимало вопрос о трудовой повинности. На данную тему процитируем следующую запись из дневника М.М. Пришвина. Она датирована 13 декабря 1918 г. и содержит оценочные суждения крестьян о коммунах Елецкого уезда Орловской губернии: «Коммуна, я так понимаю, есть армия против врага – голода, но почему же в коммуне еще голоднее стало и нет ситцу и всего прочего? — Потому что воры...»[751]. Такое определение коммуны вполне справедливо, так как существенное количество безземельных и малоземельных крестьян вступало в коллективные хозяйства с иждивенческими настроениями.

Членами коммун и артелей в основном были крестьяне. Основными побудительными мотивами для вступления в коллективные хозяйства, было малоземелье и хозяйственная разруха, произошедшая в годы Первой мировой войны. А.А. Биценко выделял три причины, которые побуждали крестьян вступать в коллективные хозяйства. К ним исследователь относил организацию коллективов с целью использования артельного труда для общей запашки на арендованной земле, объединение для общей аренды земли, а также организацию коллективов как средства самозащиты от эксплуатации и способ оказания помощи беднейшему крестьянству[752]. Инспектор по обзору и организации коммун Наркомзема Иван Чипенов в докладе в Народный комиссариат земледелия от 13 ноября 1918 г. назвал в качестве причин вступления крестьян в коммуны Орловской губернии фактическую отмену собственности на продукты труда земледельцев, невозможность вести производительное аграрное производство после уравнительного распределения земли на «полосках», невозможность прокормить достаточное

[751] Пришвин М.М. Указ. соч. С. 56.
[752] Биценко А.А. К вопросам теории и истории коллективизации сельского хозяйства в России. М., 1929. С. 154.

количество скота, а также отсутствие возможности расширения хозяйства за счет аренды и покупки земли[753].

Крестьяне Елецкого уезда Орловской губернии вступали в коммуны, как отражено в анкетах, из-за малоземелья и «разрухи», произведенной войной[754]. Кроме того, некоторые анкеты содержат утверждение, что мотивом вступления в коллективное хозяйство становилось стремление «достигнуть полного коммунизма»[755].

Основной причиной вступления в коллективные хозяйства являлась материальная заинтересованность. В докладной записке «Коллективное сельское хозяйство и область его применения в районе губернии» агроном Б. Бруа, отмечал, что «среди заявлений, поступающих с мест о желании организоваться в коммуны, есть большой процент таких, которые вызваны стремлением получить инвентарь и помощь»[756].

Как уже отмечалось, в «Основном законе о социализации земли» перед местными органами власти была поставлена задача всемерно развивать коллективные формы хозяйствования. Им обеспечивались привилегированное экономическое положение перед мелкими единоличными производителями. Однако даже с такими условиями население неохотно шло в коммуны и артели. Поэтому для расширения коллективного сектора в сельском хозяйстве местные власти применяли самые различные подходы. На ходатайство в губернский земельный отдел жителей села Росташевки Щученской волости Бобровского уезда Воронежской губернии о наделении 350 душ землей по уездной норме, местные власти предложили организовать из безземельных и малоземельных крестьян коммуну или артель. Предварительно крестьянам предлагали ответить на следующий вопрос: «Желаете ли Вы организовать коммуну или артель, а также имеете ли инвентарь…?»[757]. В ходе опроса

[753] РГАЭ. Ф. 478. Оп. 5. Д. 8. Л. 7 об.
[754] ГАЛО. Ф. Р-150. Оп. 1. Д. 60. Л. 91.
[755] Там же.
[756] ГАВО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 18. Л. 80.
[757] Там же. Д. 98. Л. 15.

необходимо было подробно узнать о количестве и качестве материальных ресурсов, инструментов, имевшихся в крестьянских хозяйствах. Власть, развивая коллективные хозяйства, на первый план выдвигала административные методы построения, и только затем учитывало мнение деревни.

Большая или меньшая включенность местных властей в данный процесс оказывала существенное влияние на динамику числа коллективных хозяйств и их видов в каждом конкретном уезде. Наличие поддержки со стороны власти оказывалось наиболее действенным механизмом формирования коммун и артелей. Согласно докладу инспектора Наркомзема И. Чипенова, в Орловской губернии «благодаря распорядительности уездных властей» наилучшие показатели по созданию коммун демонстрировал Елецкий уезд[758]. Здесь к 13 ноября 1918 г. действовало 19 коммун. Для сравнения в Малоархангельском уезде было всего 2 коммуны и 25 артелей[759]. Преобладание артелей в Малоархангельском уезде объяснялось «отсутствием организаторов коммун»[760]. Большевики же стремились увеличить число коммун, как идеологически и организационно более близких для Советской власти форм аграрного производства.

И коллективные и советские хозяйства, пользуясь своим приоритетным положением, стремились расширять собственную ресурсную базу. Однако представители местных органов власти в каждом конкретном уезде имели свои взгляды и оценки в отношении развития конкретных форм аграрного производства. Так, на 1-м съезде коммун Козловского уезда Тамбовской губернии, проходившем 2 декабря 1918 г., представитель коммуны Попов указывал на создание препятствий со стороны отдельных советских работников к использованию коммуной культурного имения «Мановицы» Хмелевской волости[761]. Напряженные отношения между членами коммун и

[758] РГАЭ. Ф. 478. Оп. 5. Д. 8. Л. 4 об.
[759] Там же. Л. 6.
[760] Там же.
[761] Там же. Л. 87.

советскими работниками в Козловском уезде сохранялись и в дальнейшем. Например, при обмолоте проса коммунары обнаружили спрятанными советскими работниками 10 пудов проса. В свою очередь совработники сосредоточили внимание на том, что в коммуне был зарезан большой бык без соответствующего оформления. Это вызвало пересуды о том, что коммунары перерезали весь скот[762].

Охарактеризуем социальный состав коллективных хозяйств. Они были представлены, в основном, из малоземельных, безземельных крестьян и солдат, вернувшихся с фронта. Однако не только жители деревни, но и выходцы их города вступали в коллективные хозяйства. Например, в 1-й Поповской артели Дрезгаловской волости Елецкого уезда Орловской губернии из девяноста членов, включая детей и стриков, только семнадцать по роду деятельности были земледельцами. Остальные были представлены профессиями несельскохозяйственной сферы. Вероятно, ряд из них ранее проживали в городе. Это были два сапожника, один слесарь, один портной, четыре каменщика[763]. Социальный и профессиональный состав других коллективных хозяйств зависел от расстояния до ближайшего города, степени развития отходничества среди жителей местной общины.

Сохранившиеся уставы артелей и коммун являются важным источником по изучению целого комплекса вопросов, связанных с их организацией и деятельностью. Их анализ позволяет лучше понять причины образования конкретных артелей и коммун. В уставе Пальцевской трудовой артели Елецкого уезда Орловской губернии сообщается, что она была образована с целью предотвращения чересполосицы, приобретения инвентаря и удобрений, а также большего удобства совместной обработки земли.

Уставы коллективных хозяйств, как источник, содержат данные, позволяющие охарактеризовать специфику экономической деятельности артелей и коммун, особенности вступления в них и выхода членов. Проведем

[762] Там же. РГАЭ. Ф. 478. Оп. 5. Д. 8. Л. 88.
[763] ГАЛО. Ф. Р-150. Оп. 1. Д. 60. Л. 1.

анализ устава артели хутор Пажен Васильевка Казацкой волости Елецкого уезда Орловской губернии. 14 октября 1918 г. данный свод правил, который регулировал порядок деятельности коллективного хозяйства, был принят общим собранием членов артели. В уставе отмечается, что собранный урожай необходимо было отвозить на гумно и затем распределять по едокам в виде пайков. Вслед за выдачей пайков, излишки подлежали распределению между теми, кто трудился на земле. Оставшаяся часть излишков передавалась продовольственному комитету. Для вступления в артель каждому новому члену необходимо было сдать живой и мертвый инвентарь в общий фонд коллективного хозяйства. Для выхода из артели требовалось подать заявление об этом не менее, чем за месяц[764].

Исключение из коллективного хозяйства осуществлялось за грубые нарушения в сфере производственных отношений и общественного порядка. К категории подобных нарушений относились: карточные игры, злоупотребление алкоголем, а также невыполнение или ненадлежащее осуществление трудовых обязанностей, спекуляция.

В большинстве случаев те, кто вступал в коллективные хозяйства, оставались в них продолжительное время. Однако наблюдались ситуации, когда к членам коллективных хозяйств применялись дисциплинарные взыскания, в том числе грозившие исключением. Например, в январе 1919 г. член 1-й Казацкой артели Казацкой волости Елецкого уезда Орловской губернии В.Е. Чернигов был исключен и оштрафован за то, что во время работы в данном коллективном хозяйстве продал двадцать четыре пуда хлеба, свинью и двадцать гусей[765].

Покидали коллективные хозяйства и по политическим причинам. Так, один из членов коммуны «Искра» Козловского уезда Тамбовской губернии,

[764] Там же. ГАЛО. Ф. Р-150. Оп. 1. Д. 61. Л. 16.
[765] Там же. Л. 135.

как сообщалось 2 декабря 1918 г. в протоколе 1-го съезда коммун того же уезда, вышел из коллективного хозяйства по «мелкобуржуазным» мотивам[766].

В большинстве случаев в коллективные хозяйства вступали семьями. Работоспособными в коммунах и артелях, согласно уставным документам, признавались лица в возрасте 12-60 лет.

Численный и возрастной состав коллективных хозяйств не лимитировался. Так, число членов 1-й Поповской артели Дрезгаловской волости Елецкого уезда Орловской губернии осенью 1918 г. составляло девяносто человек, среди которых двадцать шесть были детьми в возрасте до двенадцати лет[767]. В коллективном хозяйстве на хуторе Пажен Васильевка Казацкой волости Елецкого уезда той же губернии к 29 сентября 1918 г. членами являлось пятьдесят три человека, из которых пятеро были детьми в возрасте до пяти лет[768]. В Курской губернии в 1918 г. превалировали коммуны с общим числом членов в 30-80 человек[769]. При этом в черноземной деревне среди коллективных хозяйств имелись и подлинные гиганты. Так, в Стрелецкой коммуне Елецкого узда было 1605 членов[770].

Как правило, количество земли, отводимое коллективным хозяйствам, определялось наличными ресурсами местных властей и производственными возможностями самих коммунаров и артельщиков. Например, сформированная 23 декабря 1918 г. коммуна Авангард в селе Панькове Паньковской волости Новосильского уезда Орловской губернии на базе бывшего имения Шатилова насчитывала 128 членов при 175,36 десятинах земли[771]. Артель Заря, образованная 19 декабря 1918 г. гражданами деревни Сапуновки из Косатовской волости Новосильского уезда Орловской губернии,

[766] РГАЭ. Ф. 478. Оп. 5. Л. 8. Л. 86.
[767] ГАЛО. Ф. Р-150. Оп. 1 Д. 60. Л. 28.
[768] Там же. Л. 16.
[769] Гришаев В.В. Указ. соч. С. 21.
[770] См.: Долгополов А.Г. Организация и деятельность коллективных хозяйств в первые годы Советской власти… С. 82.
[771] ГАОО. Ф. Р-80. Оп. 1. Д. 101. Л. 10.

насчитывала 408 членов при общей площади надельной земли 505,92 десятин[772].

В различных губерниях Черноземного центра наделение землей коллективных хозяйств находилось в зависимости от наличия бывших помещичьих имений и церковных наделов, а также от желания местного руководства действовать в этом направлении. Так, в Тамбовской губернии большинство артелей и коммун было образовано на бывших помещичьих землях, и состояли в них, в основном, местные крестьяне, имевшие до вступления в коллектив собственный надел. В Воронежской губернии преобладающая часть коллективных хозяйств была организована на бывшей надельной земле[773].

Значительная доля основных средств производства в коллективных хозяйствах формировалась за счет средств, вносившихся их членами при вступлении. Например, в ноябре 1918 г. в распоряжении первой Поповской артели Дрезгаловской волости Елецкого уезда Орловской губернии всего имелось шесть лошадей, три коровы, два теленка, одна свинья, одна соха, три телеги, две бороны[774]. Приведенные данные позволяют сделать предположение, что артель образовали наиболее бедные слои деревни (однолошадные, однокоровные, а также безлошадные и бескоровные крестьяне).

Среди артельщиков отмечалась неравномерность распределения оборотных и основных средств при создании коллективных хозяйств. «У одних был мертвый инвентарь, но не было живого, а у других – наоборот», – отвечала одна артель Курской губернии на вопрос о причинах ее возникновения[775]. Предполагалось, что объединение разрозненных материальных ресурсов позволит экономически слабым крестьянским

[772] Там же. ГАОО. Ф. Р-80. Оп. 1. Д. 101. Л. 10.
[773] Конюков И.А. Очерки о первых этапах развития коллективного земледелия. 1917–1925 гг. М., 1949. С. 24.
[774] ГАЛО. Ф. Р-150. Оп. 1. Д. 60. Л. 209.
[775] Конюков И.А. Указ. соч. С. 29.

хозяйствам вести более эффективное производство. Так называемая «супряга», или крестьянская взаимопомощь, несмотря на свою архаичность, выступала одной из причин, которая создавала условия для формирования будущих «фабрик зерна».

В 1918 г. в черноземной деревне функционировали коллективные хозяйства, которые в действительности демонстрировали экономические преимущества перед единоличными крестьянскими дворами. 8 декабря 1918 г. в публикации газеты «Беднота» был приведен один такой пример. В ней рассказывалось о деятельности коммуны в селе Александровка Елецкого уезда Орловской губернии. Это коллективное хозяйство образовалось весной 1918 г. из двадцати трех бедняцких дворов. Инициатором образования коммуны стал крестьянин–бедняк, большевик Степан Дмитриевич Лавров. При местных властей коммуна засеяла двести пятьдесят десятин земли. В коллективном хозяйстве были созданы кустарные мастерские, которые изготавливали мебель и игрушки. Был возведен народный дом. В коммуне имелось тридцать восемь свиней, двадцать пять коров, семнадцать рабочих лошадей. Для сельскохозяйственного производства были приобретены две жнейки, трактор, семнадцать кос. В коммуне имелась молочная ферма и маслобойня. Работа в коллективном хозяйстве велась образцово[776].

Отсутствие мотивации к производительному труду у большинства коммунаров и членов артелей приводило к серьезным экономическим проблемам в коллективных хозяйствах. В протоколе заседания 5-го Кирсановского уездного съезда волостных советов Тамбовской губернии от 13 декабря 1918 г. сообщалось, что сначала инструктор 1-го района Клычников предлагал крестьянам убрать 545 десятин ржи в Богословской волости и поделить ее. Но затем стал призывать устроить трудовую артель. В результате уборка была произведена очень плохо. Когда была получена телеграмма о том, что экономические посевы составляют государственную собственность,

[776] См.: Долгополов А.Г. Организация и деятельность коллективных хозяйств в первые годы Советской власти … С. 85.

крестьяне поспешили убрать свою рожь, а потом и экономическую. Поэтому была введена трудовая повинность, и лишь благодаря этому удалось несколько продвинуть работу[777]. Трудовые повинности и мобилизации обостряли социальное напряжение в деревне. Принуждение к совместному труду в коллективных хозяйствах вызывало пассивные и активные формы сопротивления общины.

На протяжении всей Гражданской войны Советская власть продолжала оказывать финансовую поддержку даже экономически неэффективным коллективным хозяйствам. Среди них наибольшие экономические преференции получили коммуны. Согласно протоколам Казанского, Костромского, Курского, Московского, Тамбовского, Тверского и Тульского губернских “миллиардных комитетов”, общая сумма полученных коммунами кредитов превосходила сумму, ассигнованную артелям и товариществам, вместе взятых, хотя их число в 1917–1920 гг. значительно возросло. В среднем на одну коммуну кредитов было выделено больше, чем на артель или товарищество по совместной обработке земли[778]. При этом результаты их хозяйственной деятельности не учитывались, хотя уже в полной мере были осознаны факты нерационального использования коммунами материальных ресурсов и низкая производительности труда в них.

Социально–экономическое положение коллективных хозяйств в большинстве случаев определялось местными условиями. Приведем наиболее характерные примеры на данную тему.

Так, например, как отмечал инспектор наркомзема И. Чипенов в докладе от 13 ноября 1918 г., опираясь на материалы Орловского губернского съезда коммун и артелей от 1–2 ноября 1918 , что в Болховском уезде действовали «кое–где коммуны… не связанные с уездом»[779]. Такое положение объяснялось отсутствием работников по организации коллективных хозяйств в местном земельном отделе. Аналогичная картина складывалась в Ливенском и

[777] ГАСПИТО. Ф. П-837. Оп. 1. Д. 23. Л. 4 об.
[778] Гришаев В.В. Указ. соч. С. 63–64.
[779] РГАЭ. Ф. 478. Оп. 5. Д. 8. Л. 6.

Кромском уездах Орловской губернии. В Дмитровском уезде было организовано две коммуны, две артели и два коллективных поселка. Здесь ключевой проблемой также оставался кадровый дефицит инструкторов в бюро коммун[780].

В Козловском уезде Тамбовской губернии в коммуне «Пробуждение», как отмечается в протоколе 1-го съезда коммун Козловского уезда от 2 декабря 1918 г., проживал 81 едок, и имелась 101 десятина земли. На едока приходилось 1,25 десятины земли, что иллюстрирует низкий уровень обеспеченности коммунаров земельными ресурсами. Ввиду этого перед работниками данной коммуны вставали проблемы по эффективному ведению аграрного производства. Коллективное хозяйство располагалось в бывшем имении Юстова Изосимовской волости, но не обладало достаточными ресурсами для производства. За время своей деятельности коммуна «употребила все усилия к приобретению инвентаря, окопке и уходу за садом, запашке земли плужками и ремонт зданий…»[781], но долгое время не могла добыть рабочий скот. Коммунары объяснили свою низкую материальную обеспеченность слабой поддержкой уездного земельного отдела.

Представитель коммуны Бородкин, выступая на 1-м съезде коммун Козловского уезда, просил «предоставить скота, и разные предметы домашнего обихода и инструменты» [782]. В частности, он ходатайствовал перед советом народного хозяйства о передаче коммунарам реквизированных кроватей, мебели, так как коммунарам приходилось спать на полу[783].

Сходные проблемы в сфере сельскохозяйственного производства отмечались в коммуне «Искра» Козловского уезда. Здесь также наблюдалась низкая обеспеченность землей. Она составляла 1,26 десятины на члена коммуны. Малоземелье отчасти компенсировала высокая обеспеченность

[780] Там же. РГАЭ. Ф. 478. Оп. 5. Д. 8. Л. 6.
[781] Там же. Л. 86.
[782] Там же.
[783] Там же.

хозяйства инвентарем[784]. Однако большой удельный вес детей в возрастной структуре коммуны привел к тому, что уборку картофеля удалось завершить только с использованием наемного труда[785]. Кроме того, на хозяйственной деятельности данного коллективного хозяйства сказалась эпидемия гриппа – испанка.

В коммуне «Луч» Козловского уезда Тамбовской губернии, располагавшейся в Челнавской волости, была зафиксирована достаточно высокая обеспеченность землей. На одного коммунара приходилось 5,7 десятин земли, что позволяло вести эффективное аграрное производство. Коммуна «Луч» демонстрировала высокие экономические результаты. Здесь вовремя обмолотили все зерно, убрали свеклу, капусту. Скот был поставлен на требуемую норму обеспечения фуражом. Коммуна снабжала молоком городскую больницу и другие советские учреждения. Однако коллективное хозяйство нуждалось в тягловой силе, инструментах и семенном материале. Их дефицит снижал производственные показатели коммуны. «Поля вспахали [на] 2/3 вследствие недостатка живого инвентаря. Сад был окопан не весь, но весь защищен»[786].

Общие для коммун Козловского уезда трудности в сфере решения как бытовых, так и хозяйственных задач ограничивали приток в их ряды новых членов. Даже наличие материальных и трудовых ресурсов в коллективных хозяйствах не гарантировало их экономического процветания. Отсутствие необходимых организационно–управленческих навыков у артельщиков и коммунаров ограничивало возможности их производственной деятельности. Важным препятствием на пути развития коммун выступали этические, социально-бытовые и психологические аспекты коллективного проживания и питания, а также распределения продуктов труда.

В 1918 г. коллективные хозяйства только начинали развиваться в черноземной деревне, накапливая опыт совместного труда. Всего в данный

[784] Там же. РГАЭ. Ф. 478. Оп. 5. Д. 8. Л. 86.
[785] Там же.
[786] Там же. Л. 88.

период в Воронежской губернии действовало 16 коммун, в Курской губернии – 64 коммуны, в Тамбовской губернии – 33, в Орловской губернии действовала 81 коммуна[787]. Эти показатели иллюстрирует и степень включенности губернских и уездных властей в процесс организации коллективных хозяйств, уровень их давления на местные общества в этом вопросе. Так, Орловская губерния, оказавшись в 1918 г. под особым вниманием наркома земледелия С.П. Середы, демонстрировала достаточно высокие показатели в деле организации коммун, опередив по данному показателю другие губернии Черноземного центра.

Осенью 1918 г. местные руководители все больше стали обращать внимание не только на количество образованных коммун, но и на наличие иждивенческих настроений среди их членов. 3–4 октября 1918 г. председатель губернского земельного отдела Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Курской губернии Сергеев на совещании уездных заведующих земельными отделами и бухгалтеров говорил, что коммуны необходимо разделять по результатам труда: «Те, которые достойны, субсидировать и давать им отдельные участки, те же коммуны, которые стремятся к личной выгоде, те, безусловно, мы не можем субсидировать, так как получив средства, они распродаются и затраты наши бесполезны»[788]. Данный подход впоследствии был применен на практике. К концу 1918 – началу 1919 гг. учет соотношения издержек и результатов деятельности коллективных хозяйств внес существенные коррективы в динамику их образования

Эффект от попыток большевиков развивать коллективные хозяйства в черноземной деревне снижал целый ряд причин: высокая конфликтность крестьянства, военно-мобилизационные акции, прагматизм и иждивенческие настроения. Многое зависело от политической воли местного руководства, экономического положения каждого конкретного уезда и настроений крестьянства. Статистические данные по Новосильскому уезду Орловской

[787] См.: Гришаев. В.В. Сельские коммуны Советской России. 1917–1929. М., 1976. С. 35, 66.
[788] ГАВО. Ф. Р-19. Оп. 64. Д. 27. Л. 14.

губернии позволяют отметить, что из двадцати трех действовавших здесь артелей и коммун, созданных 13 ноября 1918 г., шесть коллективных хозяйств ликвидировалось уже к 21 февраля 1919 г.[789]. К 1920 г. черноземное крестьянство все чаще стало отдавать предпочтение артелям и все реже вступало в коммуны. Например, в Воронежской губернии на 1 августа 1919 г. действовало 40 коммун и 54 артели[790], а к 1 января 1920 г. только 10 коммун и 33 артели[791]. Данная ситуация была обусловлена в том числе и тем фактором, что черноземный крестьянин – прагматик отдавал предпочтение артели, а не коммуне как экономически более близкой к общине форме организации труда. 26 января 1921 г. представитель губколхоза Федоров, выступая на 1-м Воронежском губернском съезде Советов уколхоза сельского хозяйства коллективов (коммун, артелей) и работников по коллективизации сельского хозяйства отмечал, что «к артельным формам объединений (товарищества) крестьянство относится доброжелательно, что было весьма ярко отмечено представителями с мест… »[792].

В 1918 г. в деревне еще не было знаний и опыта о совместной жизни в коммуне. Крестьянская масса не понимала особенностей трудовой деятельности в коллективных хозяйствах, и тем более не проводила четкой границы между вступлением в коммуну или в артель. Повседневная жизнь общины существенно отличалась от общественно-производственных и бытовых норм коллективных хозяйств. Для выработки этики труда и поведения в новых реалиях коммунарам и артельщикам потребовалось от нескольких месяцев до несколько лет. Но, столкнувшись с материальными, хозяйственными и морально-психологическими трудностями, крестьянство не захотело мириться с новыми порядками. Община начала уклоняться от коллективизации различными способами. Появились случаи массового уклонения крестьян от вступления в коммуны и артели. В докладе земельного

[789] Подсчитано по: ГАОО. Ф. Р-80. Оп. 1. Д. 101. Л. 10–10 об.
[790] ГАВО. Ф. Р-19. Оп. 34. Д. 107. Л. 6 об.
[791] Там же. Л. 5 об.
[792] ГАВО. Ф. Р-19. Оп. 34. Д. 107. Л. 6.

отдела Козловского уезда о ходе землемерных работ в марте 1920 г. сообщалось, что не удалось создать коллективы «Просвещение крестьянства» и «Крестьянский труд» из-за «сопротивления обществ»[793].

В целом коллективные хозяйства черноземной деревни в 1918–1919 гг. продемонстрировали низкую экономическую эффективность и жизнеспособность. Иждивенческие настроения, слабые трудовая дисциплина и организация работы углублялись низкой степенью материального благосостояния, недостатком опыта у управленцев и организаторов, уравнительностью при распределении доходов по итогам трудовой деятельности. В совокупности все эти факторы приводили к низкой производительности и убыточности коллективных хозяйств.

Достаточно точные оценки деятельности коллективных хозяйств давали местные советские работники. Так, 26 января 1921 г. на 1-м Воронежском губернском съезде Совета уездного союза сельскохозяйственных коллективов (коммун, артелей) и работников по коллективизации сельского хозяйства представитель губколхоза Федоров говорил, что «опыт жизни, сейчас же, показал всю несостоятельность “насаждения” коммун, крестьяне не могли превратиться в подлинных коммунаров, а получилась только полная пародия на них»[794]. Попытки большевиков собрать распыленные хозяйства в коммуны и артели не дали ощутимых производственных результатов.

4.2. ОРГАНИЗАЦИЯ СОВЕТСКИХ ХОЗЯЙСТВ

Базой для формирования советских хозяйств в черноземной деревне являлись помещичьи, государственные, церковные, монастырские землевладения. Большевики с их помощью старались создать благоприятные условия для развития производительного сельскохозяйственного

[793] ГАТО Ф. Р-956. Оп.1. Д. 134. Л. 58-об.
[794] Там же. Л. 5 об.

производства, а также сформировать базис для пропагандистского и экономического влияния на крестьянство.

Термин «советское хозяйство» стал применяться с весны 1918 г. С весны 1919 г. в употребление вошел термин «совхоз». В своем развитии советские хозяйства в черноземной деревне прошли ряд этапов. С конца 1917 по начало 1918 гг. на местах создавались первые советские хозяйства. С февраля 1918 г. по февраль 1919 г. шло развитие советских хозяйств общегосударственного значения, основываясь на положениях «Основного закона о социализации земли». На развитие советских хозяйств существенное влияние оказало утверждение Декрета Совета народных комиссаров «О национализации сахарной промышленности» от 2 мая 1918 г.

Формирование советских хозяйств в черноземной деревне осуществлялось по сходным сценариям. Так, в Воронежской губернии они создавались, в первую очередь, как показательные культурные хозяйства, которые специализировались в сфере садоводства, свекловодства, разведения племенного скота, семеноводства, а также как передовые земледельческие хозяйства. В марте 1918 г. под культурные хозяйства Воронежского уезда были отведены: имение барона Роппа общей площадью пятьсот десятин, имение Паньшина площадью в двести десятин, имение в Рамони в четыреста десятин с питомниками и садами.

В октябре 1918 г. были созданы два советских хозяйства и племенной рассадник скота в Острогожском уезде Воронежской губернии. По данным Народного комиссариата земледелия и губернского земельного отдела в начале ноября 1918 г. в этой губернии числилось 104 совхоза, имеющие в своем распоряжении 59107 десятины земли. В Курской губернии формирование советских хозяйств, в основном, началось во второй половине 1918 г. В Тамбовской[795] и Орловской губерниях[796] советские хозяйства действовали с весны 1918 г.

[795] Там же. ГАТО. Ф. Р-959. Оп. 1. Д. 315. Л. 3.
[796] ГАЛО. Ф. Р-150. Оп. 1. Д. 11. Л. 16.

Согласно данным И.Е. Зеленина, наибольшее число совхозов было организовано в районах промышленного центра, а также в примыкавших к нему губерниях – в Московской, Петроградской, Калужской, Тульской, Смоленской, Орловской, Псковской и Рязанской[797]. География формирования советских хозяйств определялась близостью политических и экономических центров советской России. Губернии Черноземного центра находились во втором эшелоне регионов, ставших базой развития советских хозяйств.

Образование советских хозяйств находилось под контролем как местных властей, так центральных органов власти. Для их организации выявлялись наиболее значимые сельскохозяйственные и перерабатывающие предприятия. Так, 8 августа 1918 г. земельный отдел Совета рабочих и крестьянских депутатов Новохоперского уезда предложил Воронежскому губернскому земельному отделу организовать в районе имений бывшего Краснянского и Раевской сахарное производство, возобновить и обеспечить деятельность Краснянского винокуренного завода и, одновременно, устроить в нем картофеле–крахмало–паточное производство. Также планировалось «образовать специальные культурные хозяйства: племенного животноводства, семеноводческих и луговых мелиораций»[798]. Совет народного хозяйства поддержал данное предложение[799].

Передача бывших помещичьих земель под опытные поля и советские хозяйства требовала дополнительных усилий со стороны органов власти, так как крестьянство в большинстве случаев рассматривало эти наделы как общинные. Усложняло вопрос выяснения прав на пользование и распоряжение землей промедление местных властей, неполнота данных о землеустройстве и площади наделов. В Шацком уезде Тамбовской губернии 1917 г. планировалось передать под опытное поле имение Астаповой. Но весной 1918 г. комиссия не смогла осмотреть это имение, поэтому было сдано местным

[797] Зеленин И.Е. Совхозы в первое десятилетние Советской власти // Вопросы истории. № 2. 1970. С. 20.
[798] Там же.
[799] Там же.

крестьянам на один посев. 30 августа 1918 г. комиссия в составе Шапеля, Ролофса и Тумина была командирована в Шацкий и Елатомский уезды Тамбовской губернии для отведения земли под опытные поля. Комиссия, осмотрев постройки и землю, пришла к выводу, что имение могло быть передано под опытное поле для обслуживания части губернии.

Согласно решению комиссии, все постройки имения и прилегающие к усадьбе земли должны были отойти к опытному полю. Комиссия не имела подобного плана имения, но привезла с собой копию в масштабе 1 верста в английском дюйме. Этот небольшой план и был использован при землеустройстве опытного поля. Крестьяне, понимая, что могут лишиться арендованной земли, попытались за нее бороться. В тот день, когда комиссия должна была приехать для осмотра имения, крестьянский сход села Верхне-Мальцево принял решение разобрать деревянные постройки в поместье Астаповой. Было даже объявлено о продаже построек и начали вноситься за постройки деньги. Комиссия, получив об этом информацию, сообщила председателю Верхне-Мальцевского совета об особом положении поместья Астаповой. А также предупредила, что без санкции Комиссариата земледелия «нельзя из имения увозить инвентарь и разбирать постройки»[800]. Совместно с комиссией в имении Астаповой работал помощник Шацкого уездного комиссара земледелия, который тоже информировал волостной земельный отдел о том, что постройки имения Астаповой нельзя разбирать без разрешения Комиссариата земледелия[801].

Летом 1918 г. опытное поле так и не было отведено. 18 октября 1918 г. Тамбовская сельскохозяйственная опытная станция сообщала в Тамбовский губернский земельный отдел о том, что в первый половине сентября комиссия вновь осмотрела имения Астапова Шацкого уезда и Иванова Елатомского уезда и «признала их подходящими для опытных полей»[802]. Опытная станция стремилась узнать, сообщалось ли в Шацкий и Елатомский земельные отделы

[800] ГАТО. Ф. Р-946. Оп. 1. Д. 422. Л. 25.
[801] Там же.
[802] Там же. Л. 63.

о данном решении, так как ожидали, что в противном случае могли произойти переделы земли, передававшихся под опытные поля, «вся земля имения Астапова пошла бы в разверстку между крестьянами»[803] и создание Шацкого опытного поля весной 1919 г. могло не состояться.

В черноземной деревне были зафиксированы случаи и бесконфликтного отведения земель под советские хозяйства. Например, в протоколе заседания совета отдела земельного фонда Народного комиссариата земледелия от 18 сентября 1918 г. выделен доклад разъездного агронома Кожевникова, где сообщается об имении Курской губернии Покровско-Арцушево в Ястребовской волости Старооскольского уезда. Бывшее имение включало 400 десятин земельных угодий и в том числе 200 десятин пашни. Полевая земля находилась в пользовании местных крестьян, которые, согласно данным агронома Кожевникова, были «согласны уступить значительную долю ее для создания образцового хозяйства (советского)»[804]. Подобное отношение крестьянства к вновь формируемому советскому хозяйству, по сути, выступавшему в качестве конкурента на земельные ресурсы, могло быть обусловлено либо влиянием местных властей на экономические и общественно-политические процессы, либо ожиданиями местных земледельцев получить конкретную материальную выгоду от него.

Для успешного функционирования советских хозяйств была необходима соответствующая нормативная база и организационная работа. Она проводилась на местах, опираясь на основные законодательные акты, утвержденные ВЦИК. Так, в начале 1918 г. Орловский губернский земельный отдел издал инструкцию о «культурных» хозяйствах. Согласно ей «культурными» считались бывшие имения с многопольным севооборотом, где применялись сложные сельскохозяйственные машины, а урожайность на треть превышала показатели крестьянских хозяйств. С февраля 1918 г. при местном губернском земельном отделе работала секция по сохранению и воссозданию

[803] Там же. ГАТО. Ф. Р-946. Оп. 1. Д. 422. Л. 63.
[804] РГАЭ. Ф. 478. Оп. 4. Д. 1. Л. 1.

сельскохозяйственного производства в бывших поместьях, преобразованных в советские хозяйства[805]. В постановлениях уездных земельных органов Орловской губернии, которые издавались весной 1918 г., выделялась потребность сохранения в каждой волости не менее чем одного помещичьего имения. На их базе планировалось организовать советские хозяйства. Комиссариат земледелия Елецкого уезда Орловской губернии также указывал на потребность к весне 1918 г. в каждой волости сберечь по одному культурному имению для снабжения крестьян скотиной, семенными и сельскохозяйственными материалами[806].

Наиболее точно, на наш взгляд, значение развития на базе бывших помещичьих имений опытных полей определил воронежский агроном Б. Бруа в уже упоминавшейся ранее диссертационной работе в докладной записке «Коллективное сельское хозяйство и область его применения в районе губернии». В ней агроном отметил, что данные хозяйства сохранены по причине того, что мелкое крестьянское хозяйство, заняв место крупного помещичьего, не в состоянии выполнить такие культурные задачи, как обеспечение племенным скотом и качественным семенным материалом[807]. Но для того, чтобы новые формы аграрного производства сформировали «наиболее благополучную почву для коллективной организации труда»[808], - считал Б. Бруа, - каждое из них должно было стать «цельным по идее, культурным по знаниям, крупным по масштабу»[809]. Агроном предлагал организовывать показательные и высокоэффективные хозяйства в форме артелей и коммун.

Для закрепления за государством наиболее эффективных хозяйств, перерабатывающих предприятий разрабатывались законодательные акты ограничительного характера. Например, в «Инструкции Алексеевского

[805] См.: Долгополов А.Г. Организация и деятельность коллективных хозяйств в первые годы Советской власти … С. 81.
[806] ГАЛО. Ф. Р-150. Оп. 1. Д. 11. Л. 16.
[807] ГАВО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 18. Л. 81.
[808] Там же.
[809] Там же.

уездного [Воронежской губернии] земельного отдела волостным сельским и хуторским советам о распределении земли на 1918 г.» указывалось, что не подлежали распределению между населением земли, принадлежащие общественным и земским культурно–просветительным учреждениям (сельскохозяйственным школам, опытным полям и т.д.). Также к данному фонду относились сады, питомники, огороды, пахотные участки, семенные хозяйства и хозяйства для выведения племенного скота, конские заводы, промысловые хозяйства, разводящие свекловицу, виноград, табак, хмель и т.д.[810] Оценку частновладельческим землям, пригодным для устройства показательных полей, семенных хозяйств и других культурных хозяйств, как отмечалось в протоколе экономическо–агрономического совещания при Алексеевском уездном земельном отделе 15 августа 1918 г., должны были давать агрономы[811].

В ходе второго этапа развития советских хозяйств, с февраля 1918 г. по февраль 1919 г., наблюдался острый дефицит производственных ресурсов. Например, в Курской губернии совхозам было передано не более 3 % лошадей и 12 % коров от необходимого поголовья[812].

На процесс создания и развития советских хозяйств влиял и такой фактор, как бессистемный раздел земли и других материальных ресурсов бывших помещичьих имений между крестьянами. В результате нередко советские хозяйства оказывались без лугов или других категорий земли. Попытки заполучить их приводили к столкновениям с общиной. Это ломало планы создания усадеб советских хозяйств и формировало нерациональное землепользование в организованных совхозах. Негативное влияние на процесс строительства советских хозяйств в черноземной деревне оказывало отсутствие опыта советских работников в организации крупного общественного производства

[810] Там же. ГАВО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 47. Л. 6.
[811] Там же. Д. 19. Л. 27.
[812] Мигущенко О.Н. Военный коммунизм в Курской губернии. Курск, 1998. С. 19.

Следующий, третий этап развития советских хозяйств хронологически ограничен февралем – сентябрем 1919 г. В этот период совхозы становятся «ячейками социализма» в деревне. С начала 1920 г. в них успешно осуществлялся весь комплекс землеустроительных работ.

1 октября 1918 г. вступил в силу Декрет о переходе имений, сельскохозяйственных предприятий и участков земли общегосударственного значения в ведение Народного комиссариата земледелия. Данный нормативный акт изменил правовое положение советских хозяйств в агропроизводственной структуре государства. Согласно данному Декрету к советским хозяйствам причислялись хозяйства, которые имели культурно–просветительное и учебно-показательное значение (в том числе участки опытных станций, опытные поля и другие.), имения, в которых находились ценные многолетние сельскохозяйственные культуры (в том числе питомники, сады и т.д.) и ряд других.

На организационно–экономические условия формирования советских хозяйств оказывали влияние местные власти, их приоритеты в реализации аграрного законодательства. Например, в таких уездах как Елецкий Орловской губернии, Обоянский и Ново–Оскольский Курской губернии и ряде других, где допускалась сдача в аренду садов, была существенно сокращена база для развития советских хозяйств[813].

Зачастую местные власти рассматривали строительство советских и коллективных хозяйств как комплексный процесс создания коллективного землевладения на социалистических началах. Так, в отчете агрономического отделения Моршанского уезда земельного отдела Тамбовской губернии о работе отделения, составленном не позднее 8 ноября 1918 г. отмечалось, что одной из целей деятельности участковых агрономов являлась организация «образцовых советских хозяйств с целью впоследствии организовать

[813] Борьба за установление и упрочение Советской власти в Курской губернии. Сборник документов и материалов. Курск, 1957. С. 385.

коммуны»[814]. По их замыслу сеть советских и коллективных хозяйств должна была сформировать фундамент не только экономически устойчивого, товарного хозяйства, но и укрепить позиции Советской власти в деревне.

Внимание местных властей к советским хозяйствам было связано и с тем, что их было проще организовать, чем коммуны и артели. Совхозы концентрировали бывших батраков, которые трудились в них за низкую заработную плату и с меньшей критикой относились к новым реалиям. Крестьяне–общинники же выступали преимущественно за развитие артелей и других форм коллективно–крестьянского землепользования, отрицательно относясь к совхозам.

Начиная с 1918 г. советские хозяйства, при всех их проблемах, пользуясь поддержкой власти, все же наращивали производственные показатели. Так, появлялись уезды с достаточно крупными земельными площадями, отведенными под советские хозяйства. В августе 1918 г. в Елецком уезде Орловской губернии действовало 19 советских культурных хозяйств с земельной площадью шесть тысяч десятин, обеспеченных инвентарем и скотом[815]. К концу 1918 г. в Курской губернии функционировало восемьдесят советских хозяйств, в Тамбовской губернии – около ста, в Орловской губернии – сто тридцать и в Воронежской губернии сорок[816]. Но уже в первый год работы большая их часть продемонстрировала свою нежизнеспособность.

Помимо помощи в создании материальной базы со стороны власти, советские хозяйства пользовались и рядом других привилегий. Например, недостаток рабочих рук и низкая производительность труда компенсировались привлечением трудовых ресурсов со стороны. В 1918 г. советские хозяйства в Елецком уезде Орловской губернии организовывали уборку урожая с большинства озимых полей с помощью привлеченных детей московских

[814] Аграрная политика Советской власти (1917–1918 гг.). Документы и материалы. М., 1954. С. 321.
[815] Там же. С. 21.
[816] Там же. С. 507.

рабочих и инвалидов. Так, в июне 1918 г. в данном уезде на совхозных полях трудилось пятьсот инвалидов войны и семьсот восемьдесят подростков[817].

Важнейшим фактором, влиявшим на эффективность деятельности советских и коллективных хозяйств, была их обеспеченность землей. В таблице 4 представлены статистические данные по губерниям Черноземного центра, характеризующие распределение фонда земель между совхозами и колхозами в 1918 г.

Таблица 4

Распределение фонда нетрудовых земель между советскими и коллективными хозяйствами в 1918 г.[818]

Название губернии	Фонд нетрудовых земель	Распределено (в десятинах)		Удельный вес земель хозяйств в фонде нетрудовых земель, %	
		советским хозяйствам	коммунам и артелям	советских хозяйств	коммун и артелей
Воронежская	1152133	59107	280	5,1	0,0002
Тамбовская	910000	37693	18334	0,04	0,02
Курская	604794	17254	903	0,029	0,0015
Орловская	755952	21985	5031	0,03	0,007

Из таблицы видно, что осенью 1918 г. приоритет в отведении нетрудовых, подлежащих ранее помещикам земель, отдавался советским хозяйствам. Особенно ярко иллюстрирует данную тенденцию положение в Воронежской губернии, где советским хозяйствам было отведено 5,1% всей наличной земли из фонда нетрудовых земель. В Тамбовской, Курской, Орловской губерниях удельный вес землепользования советских хозяйств по отношению к общему фонду нетрудовых земель находился на уровне 0,029–0,04%.

В основной своей массе черноземное крестьянство не желало трудиться в советских хозяйствах, тем более, отдавать в их пользование собственных лошадей и инвентарь. В ответ руководство советских хозяйств, пользуясь

[817] См.: Долгополов А.Г. Организация и деятельность коллективных хозяйств в первые годы Советской власти… С. 81.

[818] Составлено по: Аграрная политика Советской власти (1917–1918 гг.). Документы и материалы. М., 1954. С. 499, 500, 502, 505.

военным временем, нередко применяло по отношению к ним принудительные меры, заставляло их работать за скромное натуральное вознаграждение, а в ряде случаев и совсем бесплатно. Такая «трудовая обязанность» превращалась, по сути, в трудовую повинность, что вызывало недовольство в крестьянской среде, провоцируя их на пассивные способы сопротивления.

Важнейшей причиной ограниченной распространенности советских хозяйств в черноземной деревне стал недостаток опыта ведения крупного общественного хозяйства советскими служащими, что «не позволяло разработать общие для всех совхозов правила организации и управления»[819].

В качестве иллюстрации хозяйственной деятельности советских хозяйств в изучаемом регионе в годы Гражданской войны исследуем смету расходов, которая была подготовлена весной 1918 г. земельным отделом Моршанского уезда Тамбовской губернии. Смета была подготовлена для десяти советских хозяйств, каждое из которых имело по четыреста десятин земли. Все их сельскохозяйственные угодья располагались на землях бывших помещичьих имений.

Таблица 5

Смета расходов советских хозяйств Моршанского уезда Тамбовской губернии на 1918–1919 гг. (в руб.)[820].

Статьи расходов	Сумма	В % от всей сметы
Ремонт, восстановление и частичное возведение строений	21000	5,6
Содержание администрации	26500	7,1
Жалованье постоянным годовым работникам	84960	22,6
Найм рабочих на вспашку, посев, уборку и молотьбу	65325	17,4
Содержание рабочих лошадей	47512	12,7
Приобретение живого и мертвого инвентаря	49870	13,3
Приобретение семян, удобрений и проч.	79950	21,3
Всего	375117	100,0

[819] Зеленин И.Е. Совхозы в первое десятилетие советской власти // Вопросы истории. № 2. 1970. С. 20.

[820] Подсчитано по: ГАТО. Ф. Р-959. Оп. 1. Д. 315. Л. 3–5 об.

Данные, представленные в таблице 5, позволяют выделить, что порядка половины расходной части бюджета советских хозяйств планировалось направить на оплату труда (или 47,1% на заработную плату представителям администрации, постоянным и годовым рабочим, земледельцам, привлекавшимся на уборку, вспашку и молотьбу). В смету на оплату труда были включены хозяйственные операции, которые предполагали, в основном, использование рутинного ручного труда. Расходы на организацию производства включали в себя возведение скотных дворов и хозяйственных построек, улучшение условий проживания работников совхоза[821].

В расходы на заготовку семенного материала, приобретение живого и мертвого инвентаря входила треть средств от общей сметы затрат. В то же время на организацию процесса сельскохозяйственного производства и приобретение основных средств выделялось недостаточно средств, поскольку для развития советских хозяйств, особенно в первые годы их деятельности, для этого требовались более существенные вложения.

На содержание лошадей приходилось 12,7% общих затрат совхозов. Эти расходы, с точки зрения работников земельного отдела Моршанского уезда Тамбовской губернии, выглядели обоснованными. И объяснялись тем, что в совхозах половина рабочих процессов в поле должна была осуществляться на лошадях, остальные же – ручным трудом наемных работников. Предполагалось, что замена тягловой силы лошадей на ручной труд снизит производительность труда.

Доходная часть бюджета совхозов формировались после того, как урожай реализовывался. Согласно материалам, представленным в смете, поступления в исследуемый период должны были составить 684 тысяч рублей. При этом в плановые показатели были включены очевидно завышенные показатели урожайности сельскохозяйственных культур. Например, урожайность ржи планировалась в размере восьмидесяти пудов с десятины,

[821] Подсчитано по: ГАТО. Ф. Р-959. Оп. 1. Д. 315. Л. 1 об.

овса – шестидесяти пудов с десятины, пшеницы – восьмидесяти пудов с десятины. Но приведенная урожайность была достижима лишь в высокопродуктивных советских хозяйствах, которые сформировались на базе существовавших до революции имений и не подвергавшихся существенным земельным переделам. Так, советские хозяйства в Моршанском уезде были сформированы не только на месте бывших помещичьих землевладений, но и получили прирезки из крестьянских наделов. Это должно было найти отражение на результатах хозяйственной деятельности совхозов.

Неэффективное расходование финансовых ресурсов и нерациональные подходы в ведении сельскохозяйственного производства вели совхозы к упадку. Даже государственная поддержка не могла существенно изменить складывавшегося положения. К экономическим и производственным просчетам работников советских хозяйств добавлялись факторы революционного времени: вакуум власти на местах, размытость прав и обязанностей различных служб и органов, безнаказанность членов продотрядов. Так, управляющий Бектовским культурно–показательным хутором 18 сентября 1918 г. написал заявление в Нижнедевицкий уездный земельный отдел Воронежской губернии о выдаче 10 пудов овса красноармейцам из-за угрозы оружием с их стороны[822]. Фактически представители продовольственных органов, осуществляя продразверстку, подрывали создаваемые с большим напряжением сил советские хозяйства.

О результатах деятельности совхозов в 1918–1920 гг. в Тамбовской губернии сообщалось в информации представителя Тамбовской организации социалистов-революционеров (предположительно, Ю.Н. Подбельского) в Центральный комитет партии эсеров. В данной информации цитировалось заявление председателя съезда работников земли и леса Тамбовской губернии Смоленского в феврале 1920 г. Он отмечал, что советские хозяйства в губернии не только не оправдали в 1919 г. возлагавшихся на них надежд, но «уже сейчас сами предъявили к губпродкому требование на доставку

[822] ГАВО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 65. Л. 54 об.

продовольственных и семенных хлебов в общей сложности в объеме 2 миллионов пудов»[823]. Его поддерживали и местные большевистские руководители. «Советские хозяйства потерпели крах, – отмечал председатель тамбовского губернского комитета РКП(б) Н.М. Немцов, – в 1919–1920 гг. пролетарско–крестьянские хозяйничанье в совхозах оказалось безобразным, хлеб или остался неубранным, под снегом, или, убранный, сгнил»[824]. Таким образом, совхозы оказались не готовыми к эффективной обработке полученной земли. Значительная доля, переданных им сельскохозяйственных угодий, была не засеяна, нерационально возделывалась или обрабатывались с привлечением местных крестьян, приезжих детей рабочих и инвалидов.

Итоги деятельности совхозов Тамбовской губернии в 1919 г. проанализируем на примере нескольких хозяйств. Так, в Александровском совхозе 140 десятин пахотной земли из 820 засевалось окрестными крестьянами. Подобное положение наблюдалось в Плавицком советском хозяйстве Липецкого уезда. В Зиновьевском совхозе Усманского уезда осенью 1919 г. из 1500 десятин засеяно было всего 22[825]. За посевами многих советских хозяйств Тамбовской губернии не ухаживали. Из-за этого урожай 1919 г., собранный здесь в них, оказался существенно ниже по сравнению с показателями индивидуальных крестьянских хозяйств. Даже в хорошо организованном Ивановском советском хозяйстве, сформированном в бывшем имении князей Лейхтенбергских, на 168 десятинах было собрано 6375 пудов ржи. Также проблемы возникли у работников совхозов и в сфере животноводства.

Удручающее экономическое положение советских хозяйств Тамбовской губернии в 1920 г. отметил А.Н. Анцыферов. Он указал, что 87 совхозов губернии с общей площадью в 40000 десятин выдвинули губпродкому требование о выдаче 2 миллионов пудов зерна на семена. При площади в 40

[823] «Антоновщина». Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1920-1921 гг. С. 140–141.
[824] Там же.
[825] Там же.

тысяч десятин потребность в семенах составляла около 200 тысяч пудов. «Получилась, – констатировал Анцыферов, – таким образом, весьма печальная картина: “Хлебные фабрики” нужно было прокармливать хлебом, взятым со стороны»[826].

В то же время в губерниях Черноземного центра продолжали работать и эффективные советские хозяйства, которых были единицы. К ним относились советские хозяйства, имевшие статус общегосударственного значения. По сообщению газеты «Голос Трудового Крестьянства» от 12 октября 1918 г., таких культурных имений в Тамбовской губернии, было пять: Петрово–Солововo и Матвеево Кирсановского уезда, и имения Козминых и Лихтенбергского Тамбовского уезда, Жеребковский Козловского уезда[827].

Сопоставим результаты деятельности крестьянских и советских хозяйств в Тамбовской губернии. В качестве критериев сравнения выделим данные статистики урожайности за весну 1920 г., которые представлены в переписке Тамбовского губернского земельного отдела с советскими хозяйствами из Козловского уезда. Крестьянские дворы собирали с десятины 45 пудов овса, 55 пудов ржи и 600 пудов картофеля. Советские хозяйства демонстрировали большую производительность. Урожайность тех же культур здесь была на порядок выше: с гектара собиралось 68 пудов овса, 75–80 пудов ржи, 800 пудов картофеля[828]. В отчете об обследовании советских хозяйств «Пашино» и «Троекуровский» Козловского уезда Тамбовской губернии от 17 февраля 1920 г. отмечалось, что советские хозяйства демонстрировали преимущества крупного производства в сельском хозяйстве по сравнению с крестьянами-единоличниками[829].

Приведенные выше материалы показывают, что результаты деятельности советских хозяйств показали более эффективную работу по

[826] Анцыферов А.Н. Указ. соч. С. 194.
[827] Аграрная политика Советской власти (1917–1918 гг.). Документы и материалы. М., 1954. С. 299.
[828] ГАТО. Ф. Р-956. Оп. 1. Д. 134. Л. 66.
[829] Там же. Л. 1.

сравнению с индивидуальными крестьянскими хозяйствами. По-видимому, такие показатели у совхозов были основаны на том, что они располагали лучшими по плодородию в округе почвами, наиболее удобно расположенными с точки зрения землеустройства угодьями, наличием всех необходимых производственных ресурсов. Все указанные условия были характерны помещичьим имениям. И советские хозяйства, по сути, унаследовали их. Совхозы не только сохранили производственную базу помещичьих имений, но и в некоторых случаях прежних служащих, которые при новой власти стали советскими работниками.

Однако большинство советских хозяйств, как сообщалось на 1–м съезде представителей рабочих комитетов совхозов Тамбовской губернии в октябре 1919 г., имело «плачевное» положение. Здесь ощущалось «сильное недовольство рабочих и местного населения». В советских хозяйствах «сама же администрация не соответствовала своему назначению: выдавала продукты на сторону, пьянствовала, спекулировала»[830].

Имея общую социально–экономическую природу с коллективными хозяйствами, члены советских хозяйств сталкивались с аналогичными морально–психологическими проблемами. Особенно выделалось безразличие к результатам труда их работников. Например, в советском хозяйстве «Успенское», как отмечалось 21–28 июля 1920 г. в ведомости учета хозяйства, местные работники должны были пахать паровые земли, но из-за дождя удалось вспахать только одну десятину. При этом всю неделю члены советского хозяйства большую часть рабочего времени уделили не работе в поле, а охране садов и скотины[831].

В то время как сотрудники советских хозяйств уклонялись от производительного труда, большинство крестьян-единоличников не видели повода для вступления в них. Только под давлением органов власти или острой нужды крестьянам-индивидуалистам приходилось мириться с новыми

[830] ГАТО. Ф. Р-956. Оп. 1. Д. 1315. Л. 6 об.
[831] Там же. Д. 134. Л. 26.

реалиями и превращаться из независимых хлебопашцев в наемных сельскохозяйственных работников.

Проблема рациональной организации коллективных и советских хозяйств в бывших поместьях вызывала острые противоречия на местах. 16 октября 1918 г. на Орловском уездном съезде коммун и артелей между ними развернулся спор об эффективности организации образцовых хозяйств, и как следствие, и о праве на дополнительные средства. В работе съезда участвовали представители шести коммун и двух артелей. Сторону артелей заняли агрономы и специалисты. Разногласия начались с вопроса о передаче бывших культурных и образцовых хозяйств для организации в них коммун. Представители коммун требовали передачи всех хозяйств в распоряжение коммун. А специалистов и агрономов предлагалось взять на учет и распределить по коммунам, чтобы все коммуны являлись показательными в сфере «коммунистического образцового общежития и взаимоотношения людей»[832], так и в сфере аграрного производства. Коммунары утверждали, что высоких экономических показателей можно было добиться только, если в коммунах трудились бы специалисты из всех областей сельскохозяйственных наук.

Оппоненты коммунаров выступали за сохранение базы советских хозяйств. Они считали, что нельзя передавать коммунам показательные хозяйства. Предлагали сохранить их организацию «… по типу прежних экономий, [т.к.] туда будут наниматься рабочие, не имеющие самостоятельных хозяйств, а также и рабочие городов»[833]. Экономии предлагалось использовать как «лаборатории ученых специалистов»[834]. В ответ коммунары указывали оппонентам на то, что все приведенные организационно–производственные мероприятия можно производить и в коммунах, которые способны стать показательными хозяйствами. Они аргументировали свое экономическое превосходство тем, что наемный труд и

[832] РГАЭ. Ф. 478. Оп. 5. Д. 8. Л. 6.
[833] Там же.
[834] Там же.

труд вне коммуны менее производительный. Утверждали, что советские хозяйства всегда будут служить местом, куда будут стремиться интеллигенты, не желающие работать вместе с народом и всячески отлынивающие и избегающие коммун. Коммунары приходили к выводу, что интеллигенты, получив знание, не хотят передавать их народу, а «все специалисты как черт от ладана сторонятся от коммун»[835].

Преобладание представителей коммун на съезде определило победу их точки зрения. Большинством голосов была принята резолюция с требованием передачи всех экономий коммунам, учета всех специалистов и распределения их по коммунам[836].

Дискуссия вокруг значимости различных форм хозяйствования в советском аграрном секторе получила логическое завершение в декабре 1918 г. Накануне 1-го Всероссийского съезда земотделов, комбедов и коммун В.И. Ленин, давая ответ на вопрос делегаций рабочих о первоочередности коммун или советских хозяйств, разъяснил, что каждая из этих форм хозяйствования «должна развиваться, что они могут перейти одна в другую»[837]. В итоге на съезде было единогласно приято решение о необходимости развития земледельческих коммун, советских хозяйств и общественной обработки земли[838].

Революционные события пошатнули традиционные аграрные устои черноземной деревни, нарушил привычный ход внутриобщинных производственных отношений. В 1918 г. коллективные и советские хозяйства уже начинали изменять как существовавшее землеустройство, так и мировосприятие жителей деревни. При этом новые формы аграрного производства и, прежде всего, советские хозяйства, должны были выступить в качестве инструмента культурного и технологического преобразования

[835] Там же. РГАЭ. Ф. 478. Оп. 5. Д. 8. Л. 6.
[836] Там же.
[837] Зеленин И.Е. Совхозы в первое десятилетие советской власти // Вопросы истории. № 2. 1970. С. 22.
[838] Аграрная политика Советской власти (1917–1918 гг.). Документы и материалы. М., 1954. С. 416.

сельской среды. Но экономические и политические реалии существенно ограничивали результативность аграрных преобразований.

§ 4.3 ОБЩЕСТВЕННО–ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИТОГИ АГРАРНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ 1917–1918 гг. В ЧЕРНОЗЕМНОЙ ДЕРЕВНЕ

Если в 1917 г. крестьянство следило за разрешением земельного вопроса действующими властями, то после начала уравнительного распределения земли интерес к политике в деревне стал снижаться. Новые институты власти вызывали интерес или внимание общины лишь после того, как их появление приводило к росту налоговой нагрузки, трудовым повинностям, позволяло получить прирезку земли.

Проблемы реализации советского законодательства низовыми органами власти требует специального изучения. Существует множество материалов, которые свидетельствуют о ситуациях, когда руководители местного уровня в ходе реализации аграрных преобразований занимали либо антибольшевистскую позицию, либо уклонялись от исполнения своих обязанностей. Подобный саботаж увеличивал отчуждение между властью и крестьянством, препятствовал развитию земельной политики большевиков. Например, 9 сентября 1918 г. комиссариат земледелия Воронежской губернии сообщал в комиссариат труда о том, что агроном Александр Андреевич Сеславинский был уволен «за скрытый саботаж, выразившийся в полной бездеятельности»[839].

Прагматизм крестьянских общин в ходе уравнительного распределения земли нередко приобретал уродливые формы, отрицал нормы морали и справедливости. Зачастую без надела оказывались наиболее слабые, маломощные крестьянские хозяйства. В некоторых случаях низовые органы Советской власти занимали позицию поощрения зажиточной части деревни и

[839] ГАВО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 95. Л. 163.

середняков, уклонялись от борьбы за интересы крестьян, отвергнутых деревней, не реализовывали основных положений закона о социализации земли. Например, 17 августа 1918 г. земельный отдел Фатежского уезда Курской губернии писал руководителю по земельным делам Б.–Жировского исполкома о слепом, с маленькими детьми и без средств к существованию Гавриле Романовиче Михайлове: «Граждане по отношению к нему… проявили неограниченную власть, не дают ему ни земли, ни хлеба, ни места, где мог произвести себе постройки…»[840]. Поэтому Михайлов вынужден был «Христом богом просить кусок хлеба и угол, где можно было переночевать»[841]. 14 августа 1918 г. уездный земельный отдел предписывал исполнительному комитету решить данную проблему. Однако исполнительный комитет фактически не предпринимал никаких шагов. Уездным властям для того, чтобы наделить землей Г.Р. Михайлова пришлось подкрепить свое требование угрозами судебных репрессий.

В ходе социально-политических преобразований 1917-1918 гг. в советский аппарат власти приходили самые различные категории граждан. Они имели различный опыт, социальное происхождение, образование. Среди них встречались непрофессиональные люди, иногда склонные к злоупотреблению своим служебным положением. Многие из них длительное время оставались на советской службе, несмотря на периодические нарушения трудовых, законодательных и морально–этические норм. 22 апреля 1919 г. в докладной записке уполномоченного Совета обороны по чрезвычайной ревизии продовольственных отделов Рязанской, Тульской и Тамбовской губерний Озеровского о положении в Козловском уезде Тамбовской губернии сообщалось: «…местные власти – сельские члены ячеек, комиссары по борьбе с контрреволюцией брали взятки, пили самогон, допускали игру в карты, реквизировали, для себя, продавали лошадей, взятых на хранение и допускали

[840] ГАКуО. Ф. Р-571. Оп. 1. Д. 1. Л. 133 об.
[841] Там же.

злоупотребления»[842]. Также в Козловском уезде неверно осуществлялось распределение налогов. Были зафиксированы факты «бесчинства реквизиторов, реквизирующих припасы и делящих их между собой»[843]. Эта характеристика достаточно рельефно воспроизводит перегибы и нарушения законодательных норм советскими служащими в 1918 и 1919 гг.

Недостаток высококвалифицированных кадров в среде провинциальных управленцев первых лет Советской власти объясняется комплексом причин: от дефицита дипломированных специалистов до отсутствия стабильной заработной платы. Так, в протоколе заседания 2-го Курского губернского земельного съезда представитель Суджанского уезда Костин отмечал, что волостные и земельные комиссариаты не имеют средств для функционирования, и на службу никто идти не желает[844].

Постепенно нейтральное, а иногда и достаточно положительное отношение крестьянства к местным советским служащим менялось на абсолютно негативное. Довольно жестко оценил их деятельность, по материалам дневника М.М. Пришвина, земледелец Елецкого уезда Орловской губернии. «Какие это большевики, это наши мошенники, – делился мнением хлебопашец, – Я думаю, что общенародная оценка существующей власти такая: они наверху там хотят настоящего добра народу, но внизу власть захватывает разбойник...»[845]. Такое оценочное суждение, сделанное крестьянином о деятельности представителей Советской власти на местах, имеет отношение и к особенностям реализации аграрных отношений.

Систематические нарушения в административной системе губерний Черноземного центра уходили корнями к традициям местных хозяйственных споров XIX века, где служащие волостных правлений играли ключевую роль в решении имущественных споров. Летом 1918 г. ряд представителей Советской

---

[842] Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919-1921 гг. («Антоновщина»): Документы и материалы. Тамбов, 1994. С. 26.
[843] Там же.
[844] ГАКуО. Ф. Р-313. Оп. 1. Д. 5. Л. 5.
[845] Пришвин М.М. Указ. соч. С. 89.

власти, преследуя собственные интересы, влиял на ход распределения земельных угодий. 5 (18) августа 1918 г. в журнале Нижнедевицкого уездного отдела Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Воронежской губернии сообщалось о рассмотрении вопроса о наложении штрафа на секретаря Истобенского волостного земельного отдела Иванова за самовольное разрешение скосить траву в урочище «Прутки»[846].

В деревне Большая Матыра Липецкого уезда Тамбовской губернии возник спор по поводу пользования садом, который имел площадь около 4 десятин. Как отмечал один из местных жителей, на учет сад, видимо, не был взят. Зажиточные крестьяне Г.И. Воробьев и братья Воробьевы поехали в волостной Совет и сообщили о том, что фруктов в данном саду почти нет. «Лица в волостном Совете, заведующие этим делом, сами кулаки, потому что, не обследовав дела, сдали сад Воробьевым за 60 рублей, который нужно было при самой дешевой цене в 200 рублей»[847], – отмечалось в газете. Данный факт свидетельствует, что представители волостного Совета уклонились от соблюдения законодательства. Резкие оценки корреспондентом губернской газеты деятельности советских работников свидетельствуют о степени социального напряжения в деревне.

Систематические злоупотребления в среде руководителей низовых органов власти привели к тому, что негативные оценки деятельности советских работников стали давать сами большевики. Например, в протоколе заседания Тамбовского уездного комитета РКП(б) от 11 июня 1919 г. отмечалось, что член Понзарской ячейки Головлев на общем собрании граждан Поназарской волости заявил, что «наши коммунисты – это бандиты… и что он не считает себя членом партии»[848].

Для борьбы с нарушениями закона представителями Советской власти был предпринят ряд административных мер. В частности, на места

[846] ГАВО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 65. Л. 33.
[847] Известия Тамбовского губернского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. 1918. 7 августа.
[848] ГАСПИТО. Ф. П-842. Оп. 1. Д. 28. Л. 38.

командировались представители центральных и губернских органов власти. Так, в сообщении газеты «Голос Трудового Крестьянства» о распределении земли, организации культурных хозяйств, показательных участков и прокатных пунктов в Тамбовской губернии от 12 октября 1918 г. отмечалось, что контроль над деятельностью низших земельных отделов осуществляется посредством реализации разного рода контрольных и ревизионных комиссий, «в задачи которых входит иногда ревизия всего совдепа, а не только одного земотдела»[849].

Одна из таких контрольных поездок была совершена 22 августа 1918 г. представителем воронежского губернского земельного отдела С.Н. Синдеевым в Березовский волостной земельный отдел Воронежского уезда. Цель поездки заключалась в «выяснении положения дел в имении “Ольгино” и производстве ревизии Березовского волостного земельного отдела»[850]. Ревизор наделялся обширными полномочиями – получил право задерживать лиц, уличенных в злоупотреблениях для привлечения их к ответственности.

Попытки большевиков административными методами проводить аграрные преобразования встречали недовольство в крестьянской среде. Особенно ярко антисоветские настроения проявлялись при насильственной организации коллективных хозяйств. Так, 26 января 1921 г. представитель губколхоза Федоров, выступая на 1-м Воронежском губернском съезде Советов уколхоза сельского хозяйства коллективов (коммун, артелей) и работников по коллективизации сельского хозяйства, отмечал, что из-за ошибок и работы по обобществлению в коммунах становится ясно, что партийные работники, «совершенно не знакомы с сельским хозяйством и психологией крестьянства, [что] только отталкивало крестьянство от такого рода объединений, вызывая глубокую вражду к коммунарам»[851].

---

[849] Аграрная политика Советской власти (1917–1918 гг.). Документы и материалы. М., 1954. С. 299.
[850] ГАВО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 18. Л. 77.
[851] Там же. Оп. 34. Д. 107. Л.6.

Злоупотребления местных властей служебным положением усложнял процесс обретения взаимопонимания между властью и крестьянством. Ситуация осложнялась недостаточной компетентностью кадров, набираемых в советские органы. Иллюстрируют данный тезис материалы анкеты Александра Алексеевича Белякова – представителя Лебедянского отдела РКП(б). Занимая должность члена ВРК, члена коллегии труда, члена Бюро президиума профсоюза г. Лебедяни, он должен был оправиться в деревню в 1918 г. для заготовки продовольствия. На вопрос о знакомстве с кооперацией он отвечал, что «в кооперативах не работал, но при помощи литературы поверхностно знаком с кооперацией»[852]. Свою компетентность в сфере продовольственной политики он оценивал следующим образом: «Как коммунист… знаком с продовольственной политикой советской России. Хотя много и не работал как продовольственник»[853]. Занимая ведущие посты в уездном управленческом аппарате он, по-видимому, не был способен качественно и бесконфликтно осуществить заготовку продовольствия, учитывая незнание деревенских реалий.

Подобные кадровые назначения подрывали доверие крестьянства к представителям Советской власти. Неподготовленные к работе в деревне совработники без сожаления ломали устоявшиеся общинные нормы, реализовывали по собственному разумению инструкции правительства и зачастую не взвешивали их социально–экономические последствия. В целом партийные и советские работники воспринимались деревней как чужеродные элементы, мешавшие «нормальному течению жизни»[854], также как в недавнем прошлом помещики. Однако на местах отношение к местным партийным и советским работникам было дифференцированным, в особенности, если среди них были односельчане. «Сельский коммунист, ощущая себя частью крестьянского общества… оценивал происходящее с позиции полезности того

[852] ГАСПИТО. Ф. П-834. Оп. 1. Д. 56. Л. 97.
[853] Там же.
[854] Сафонов Д.А. Великая крестьянская война 1920–1921 гг. и Южный Урал. Оренбург, 1998. С. 26.

или иного начинания для своего села»[855]. И в случае отсутствия конфликта с односельчанами старался оказывать им поддержку.

Реализация аграрных преобразований требовала наличия подготовленных кадров в деревне, которые способны были разобраться в юридических тонкостях целого комплекса законодательных актов государственного и местного уровней. В 1918 г. ощущался дефицит в грамотных специалистах. Об это свидетельствует анализ архивных документов, где был зафиксирован низкий уровень грамотности в среде советских работников. Например, инструктор Егор Иванович Гуров в докладе Воронежскому губернскому земельному отделу 15 мая 1918 г. сделал целый ряд ошибок. Слово «инструктора» (вместо «инструкторы») он писал через «е», слово «ответили» через «а», букву «щ» в слове «обещали» через «сч»[856]. Низкий уровень грамотности советских работников, осуществлявших проведение социализации земли на местах, приводил к массовым искажениям закона, отступлению от его положений в силу непонимания и незнания юридических азов.

Приведем еще один пример. В письме Новохоперского земельного отдела уездного Совета рабочих и крестьянских депутатов от 8 августа 1918 г., направляемом в Воронежский губернский земельный отдел, была допущена достаточно грубая ошибка. В нем отмечалось, что «декрет о социализации земли был опубликован в ноябре прошлого года»[857]. Уездные руководители перепутали «Декрет о земле» и «Основной закон о социализации земли». Имевшие единый реформационный вектор, данные нормативные акты, как программные документы, имели различный объем и набор положений. В полной мере аграрная реформа могла быть осуществлена только подготовленными и грамотными кадрами.

---

[855] Там же. Сафонов Д.А. Великая крестьянская война 1920–1921 гг. и Южный Урал. Оренбург, 1998. С. 27.
[856] ГАВО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 18. Л. 5.
[857] Там же. Д. 98. Л. 2.

Необходимо отметить, что понять противоречия и тонкости, заложенные в «Основном законе о социализации земли», а также во «Временной инструкции переходных мер по проведению в жизнь закона о социализации земли», множестве резолюций, распоряжений, постановлений было тяжело даже правоведам с большим опытом. Советские служащие, которые работали в местных органах власти, зачастую, были слабо юридически подготовлены. Из-за этого практически любой волостной и уездный земельный отдел толковал аграрное законодательство, отталкиваясь от собственного видения, образования и опыта. Ограниченное число инструкторов в уезде также не позволяло решить проблему правовой грамотности. Сохранение в деревне приверженности нормам обычного права создавало условия для перманентного нарушения советского законодательства.

По нашему мнению, в ходе социализации земли преобладали две крайности в реализации основных положений аграрного законодательства: его неукоснительное исполнение, либо игнорирование и конструирование земельных отношений по собственному усмотрению. Некоторые представители местных властей намеренно нарушали ход аграрной реформы. Как отмечал неоднократно цитируемый в диссертационном исследовании инспектор по обзору и организации коммун Наркома земледелия Иван Чипенов в докладе Народному комиссару земледелия Середе 13 ноября 1918 г. о положении в Орловской губернии, в Севском уезде действовало четыре коммуны, начало работу бюро коммун. Однако в уезде их работе препятствовали местные комиссары и «даже партийные работники»[858]. Объяснение подобным явлениям находилось только одно – в местных органах власти оказывались крестьяне, которые транслировали интересы общины, не обращая внимания на смену своей социальной роли.

Социализация земли, как аграрная реформа, оказалась незавершенной, так как дух и буква закона становились жертвой отсутствия четкой исполнительской дисциплины на местах. В ряде случаев сельские Советы,

[858] РГАЭ. Ф. 478. Оп. 5. Д. 8. Л. 6.

игнорируя советские нормативные акты и не понимая их содержания, преступали черту закона. Так, в Таволжанской волости Липецкого уезда Тамбовской губернии местный сельский Совет не допускал трех крестьян к уборке озимых хлебов. В ответ 3 августа 1918 г. из Липецкого Совета рабочих и крестьянских депутатов последовало указание в адрес Таволжанского волостного земельного отдела разъяснить всем сельским Советам, чтобы они не нарушали постановления съезда 2–го объединенного съезда Липецкого уезда под угрозой судебного разбирательства, и тем самым «не загромождали бы излишней работой, как волостной, так и уездный комиссариат»[859].

Столь жесткая реакция властей была вызвана позиций местных большевиков, которые осознавали, что ошибки и злоупотребления отрицательно отражаются на образе Советской власти в деревне. Негативные итоги введения коллективных и советских хозяйств, злоупотребления на местах в совокупности с ужесточением продовольственной политики создавали угрозу укрепления пробольшевистских сил.

Были зафиксированы случаи, когда руководители низовых органов власти открыто выступали на стороне деревни. Летом 1918 г. председатель комиссариата земледелия Козловского уезда Тамбовской губернии зафиксировал попытку осуществить разверстание сельскохозяйственных угодий в Сабурово–Покровской волости. «Проезжая по деревне Ивановка, – отмечал он в протоколе, – нас останавливает собравшаяся толпа и начинает в возвышенном тоне говорить о неправильности распределения пара. В толпе этой находится председатель земельного отдела Сарычев, который вместо того, чтобы успокоить разъяренную толпу, содействовал выступлению, которое дошло до того, что толпа стала угрожать оружием, говоря, что пара все равно ни сажени не дадут»[860].

После того как община в целом осуществила передел земли и вытеснило из деревни вчерашних ее хозяев - помещиков, в деревне начался процесс

[859] ГАЛО. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 46. Л. 34 – 34 об.
[860] ГАТО. Ф. Р-956. Оп. 1. Д. 2. Л. 57.

«замыкания», отмежевания от экономических и политических процессов внешнего мира. Крестьянство, недовольное ходом аграрных преобразований, в некоторых случаях добивалось того, что уравнительное распределение земли производилось только в границах их уезда или даже волости[861]. Тем самым общества сохраняли все сельскохозяйственные угодья, какими пользовались и до 1917 г. Данное явление получило название «замыкания». Факты «замыкания», как отмечал 5 октября 1918 г. в своем отчете инструктор Велихов, встречались в Татарщинской и Бондарской волостях Тамбовского уезда Тамбовской губернии[862]. Побочным эффектом «замыкания» становилось сокращение землепользования у соседних общин и волостей, что формировало новые конфликты.

Государство оказалось под угрозой остаться без ключевых ресурсов, которыми его снабжало крестьянство. Поэтому уже со второй половины 1918 г. Советская власть начала планомерное наступление на деревню. Оказавшиеся на местах советские работники и служащие различных уровней получили широкие права. Но не всегда свои должностные обязанности они конвертировали в деяния, направленные на решение поставленных перед ними задач. Зачастую они дискредитировали образ советского служащего нарушением этических и законодательных норм.

На эту тему характерным является датированный 13 ноября 1918 г. доклад инспектора Народного комиссариата земледелия И. Чипенова Наркому земледелия С.П. Середе о действиях орловского губернского комиссара Дыбенко, который занимался расхищением бывшего помещичьего имущества. У него была обнаружена привезенную из различных имений мебель, целый выезд лошадей, кареты. Инспектор заключал: «И это делал сам губернский комиссар, что же оставалось делать уездным и волостным, не говоря уже о крестьянах…»[863]. Причиной роста волны произвола и злоупотреблений со

[861] Крестьянское движение в Тамбовской губернии (1917-1918). Документы и материалы. М., 2003. С. 343.
[862] ГАТО. Ф. Р-950. Оп. 1. Д. 19. Л. 98.
[863] РГАЭ. Ф. 478. Оп. 5. Д. 8. Л. 4.

стороны представителей местной власти было их ощущение безнаказанности, а также несовершенство самой системы управления. Ревизии и проверки организовывались вышестоящими органами открытый крестьянский протест. Все это снижало уровень доверия крестьян, как ко всему аппарату власти, так и к законодательным нормам Советской власти.

Кроме того, ситуация усугублялась тем, что для решения аграрного вопроса на местах и реализации основных мероприятий Советской власти в деревне губернские и уездные власти выбирали административные меры. В силу этого большинство директив и указаний на данную тему проводилось в жизнь угрозами и силой. Во главу угла ставились интересы государства, а не крестьянских дворов и общин. Так, в июне 1918 г. на хуторах Глотова и Куланина Таволжанской волости Липецкого уезда Тамбовской губернии, где располагались фруктовый сад и луга, крестьяне села Телеляй и деревни Виноградовка намерены были приступить к «уничтожению садов»[864]. Но уездные власти в приказном порядке потребовали от них не делать этого. Комиссариат земледелия требовал от крестьян немедленного прекращения беспорядков, в противном случае обещая применить репрессивные меры, включая отправку вооруженного отряда[865].

Но крестьяне не всегда были готовы выполнять волю Советской власти под угрозой применения вооруженной силы. В качестве примера приведем события, развернувшиеся в июле 1918 г. в Сырской волости Липецкого уезда Тамбовской губернии. Здесь местные советские служащие выдвинули ультиматум в адрес крестьян с требованием возвратить незаконно захваченные луга. Ответ местных жителей был следующим: «Сколько хотите присылайте красноармейцев, все равно Ваше не возьмет»[866].

Угроза применения репрессивных мер в случае невыполнения указаний советских органов власти на местах не была пустым обещанием. 4 июля 1918 г. Липецкий уездный комиссариат земледелия предложил Сырскому

[864] ГАЛО. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 46. Л. 10.
[865] Там же.
[866] Там же. Д. 45. Л. 52.

волостному земельному отделу «немедленно арестовать гражданина Чурсина, как «неподчиняющегося распоряжениям власти». Чурсин незаконно запахал чужой участок земли, за что и был арестован и осужден[867].

В арсенал административных мер воздействия на деревню органы Советской власти включали и экономические меры. Так, 4 июля 1918 г. вышеупомянутый Липецкий комиссариат земледелия в еще одном предписании Сырскому волостному земельному отделу указал на необходимость организации помощи маломощным безлошадным хозяйствам по вспашке паров. При этом указывалось, что в случае уклонения крепким крестьянским хозяйствам грозила денежная контрибуция, за счет которой следовало провести необходимые сельскохозяйственные работы безлошадным беднякам[868].

Возникавшие проблемы при реализации аграрных преобразований в черноземной деревне в рассматриваемый период объяснялись, с одной стороны, неэффективностью местных органов власти, а с другой – недостаточной экономической поддержкой со стороны вышестоящих административных структур. Например, в Воронежской губернии проведение аграрных преобразований Советской власти осуществлялось практически без финансирования. Об этом заявил на заседании 3-го съезда партии левых социалистов революционеров 29 июня 1918 г. Е.Ф. Муравьев: «Земельный отдел должен был жить подачками. Финансировать наш земельный отдел они не хотели, и когда их спрашивали: “Разве у нас социализации земли не будет?” – они ответили: “Ее не должно быть”»[869]. Е.Ф. Муравьев заключил, что в Воронежской губернии «социализацию земли приходилось делать почти без копейки» [870].

[867] Там же. ГАЛО. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 46. Л. 45.
[868] Там же. Д. 45. Л. 47.
[869] Партия левых социалистов-революционеров. Документы и материалы. Том 2. Часть 1. Апрель – июль 1918 г. М., 2010. С. 212.
[870] Там же.

К финансовым проблемам местных органов власти присовокуплялись трудности организационного характера. Например, вытеснение из деревни крупных земельных собственников, уничтожение их имущества привело к сокращению количества действующих мельниц. В результате в Моршанском уезде Тамбовской губернии в августе 1918 г. возле водяных мельниц выстраивались длинные очереди, в которых крестьяне проводили в «хвостах» по 2–3 ночи, «лишь бы смолоть свой пуд “новины”»[871]. Это обусловило рост непроизводственных потерь, что подстегнуло рост цен на хлеб. В результате в Моршанском уезде, несмотря на то, что в помол шла рожь нового урожая, цены на хлеб не снижались, а держались на уровне 120–150 руб.[872]. Этому способствовало и более раннее проведение уборочных работ на полях, как одно из последствий «черного передела» и общей кризисной ситуации в стране и регионе. Продовольственные затруднения, самовольные захваты покосов, уборка хлеба с чужих полей стимулировали этот процесс. Ранняя уборочная кампания вела к снижению урожайности. В том же Моршанском уезде Тамбовской губернии во многих волостях рожь была «скошена в сыром виде, так как ей не дали времени высохнуть на корню»[873].

Атмосфера недоверия и подозрительности формировалась самой властью. Были зафиксированы случаи, когда «бывшие экономические посевы убирались через посредство волостных советов местным населением»[874]. То есть, на законодательных основаниях крестьяне убирали урожай с чужих полей. Пионером в этом деле выступил Моршанский совдеп Тамбовской губернии. В данном контексте закономерным выглядит факт подстрекания «темными личностями» ряда сел к разделу бывших частновладельческих посевов[875]. Стабилизирующим фактором здесь выступали бедные слои

[871] Известия Тамбовского Совета рабочих, солдатских и красноармейских депутатов. 1918. 21 августа.
[872] Там же.
[873] Там же.
[874] Там же.
[875] Там же.

крестьянства, сконцентрированные в комбедах. Они не допустили фактов самовольного передела земли и несанкционированного сбора урожая.

Социальная напряженность внутри общины создавала дополнительные издержки на пути реализации «Основного закона о социализации земли». Трудности экономического взаимодействия с городом ограничивали эффективность большевистской аграрной реформы. Отметим ряд наиболее значимых факторов, повлиявших на ее реализацию. К ним необходимо отнести общественно–политические факторы, включающие нестабильную политическую ситуацию, и организационные факторы, подразумевающие наличие четкого контроля за реализацией земельного законодательства, отсутствие реформаторского опыта, «пробелы в нормативных положениях о земле»[876].

Аграрное законодательство Советского государства в 1917-1918 гг. было представлено двумя наиболее крупными нормативными актами «Декретом о земле» и «Основным законом о социализации земли». Данные нормативные акты имели ряд существенных недостатков и противоречий, что создавало условия для широкого трактования и злоупотреблений представителями власти. Советские служащие на местах обрели обширные полномочия, которые они, зачастую, применяли в личных интересах. Например, в Совете Богородицкой волости представители земельных отделов самовольно продали скот в бывшем помещичьем имении, ссылаясь на неимение кормов. Продан был из бывшего имения и весь сельскохозяйственный инвентарь[877]. Об этом 22 марта 1918 г. получил сообщение Тамбовский губернский комиссариат земледелия.

Среди фактов неверного трактования советского аграрного законодательства на местах следует выделить и сдачу в аренду угодий сельскохозяйственного назначения. Советские служащие, используя формулировку «исключительный случай», допускали арендные отношения,

[876] Подлесных С.Н. Реализация первых советских законов о земле в Воронежской губернии… С. 29.
[877] ГАТО. Ф. Р-950. Оп. 1. Д. 1. Л. 20 об.

чем нарушали нормы «Основного закона о социализации земли». Так, весной 1918 г. в земельном отделе Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Козловского уезда Тамбовской губернии была проведена ревизия. Комиссия выявила целый ряд нарушений. Одним наиболее значимых стало «неясное понимание закона о социализации земли и инструкции к нему, выразившихся в восстановлении арендных отношений по эксплуатации садов»[878]. Также комиссия обнаружила факты перехода государственных земельных угодий к спекулянтам. Последние скрывали свое участие в противозаконных сделках, выдвигая в качестве землепользователей «номинальных» лиц, которые в действительности нуждались в наделении землей[879]. По итогам ревизии Козловского земельного отдела были подготовлены специальные материалы, содержавшие описание нарушений, и 25 марта 1918 г. они были направлены во все земельные отделы Тамбовской губернии для предупреждения в дальнейшем подобных фактов.

Достаточно частым нарушением норм советского аграрного законодательства в черноземной деревне была сдача в аренду садов. В большинстве случаев она регулировалась местными органами власти. Так, 13 мая 1918 г. земельный отдел Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Коротоякского уезда Воронежской губернии утвердит постановление о сдаче в аренду в 1918 г. Лисицыну сада на урочище Аверше с оплатой в размере семидесяти пяти рублей. Арендатор принимал обязательства содержать сад в порядке, в том числе должен был бороться с вредителями и расчищать его от мусора[880]. Инициировал аренду местный земельный отдел. Подобная картина наблюдалась во многих уездах губерний Черноземного центра: Воронежской[881], Орловской, Курской. В Старооскольском уезде Курской губернии «усадьбы и сады сдавались в аренду»[882]. Подобные факты

[878] Там же. ГАТО. Ф. Р-946. Оп. 1. Д. 1057. Л. 5.
[879] ГАТО. Ф. Р-950. Оп. 1. Д. 12. Л. 14.
[880] ГАВО. Ф. Р-656. Оп. 1. Д. 13. Л. 45.
[881] Там же. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 106. Л. 147.
[882] Там же. Оп. 64. Д. 27. Л. 12.

свидетельствуют о массовом нарушении действующего аграрного законодательства местными органами власти.

Правовое регулирование процесса эксплуатации садов частично исполнялось, согласно положениям статьи 13 «Основного закона о социализации земли». В этой статье отмечалось, что источником права на пользование землями сельскохозяйственного назначения являлся личный труд. Однако правом на возделывание бывших казенных, монастырских, удельных, кабинетских и помещичьих земель для устройства образцовых ферм или опытных и показательных полей обладали советские органы власти. Сдача садов в аренду выходила за рамки этих законодательных норм.

24 августа 1918 г. председатель земельного отдела Курской губернии Сергеев сообщал сотрудникам местных земельных органов о специальном разъяснении к постановлению земельного съезда Фатежского уезда, подготовленного на основании распоряжения Московского отдела текущей земельной политики от 13 августа 1918 г. В разъяснении отмечалось, что сады, которые находились на усадьбах и обрабатывались личным трудом, даже превышая принятую усадебную норму, не должны были отчуждаться, а также обязаны оставаться в пользовании прежних владельцев. Согласно разъяснениям к постановлению земельного съезда Фатежского уезда, выявленные избытки земельной нормы, которые обнаруживались в садах, нужно было не отводить другим гражданам, а сохранять у прежних владельцев, вычитая излишки из их луговой или пахотной земли[883].

Сады ряда хозяйств подлежали передаче на учет местным земельным отделам, но для этого нужно было создавать коллективные хозяйства. Если же такая возможность отсутствовала, сады должны были передаваться в ведение земельных отделов и обрабатываться с помощью наемного труда (согласно положениям статьи 13 «Основного закона о социализации земли»). При этом

[883] ГАКуО. Ф. Р-571. Оп. 1. Д. 2. Л. 152.

делалось четкая установка, согласно которой сады «ни в коем случае [не могли] … сдаваться в аренду»[884].

Однако широкий процесс сдачи в аренду садов, охвативший черноземную деревню в 1918 г., не прекратился даже после публикации специальных юридических актов. Например, в октября 1918 г. на совещании уездных заведующих земельными отделами и бухгалтеров Курской губернии в очередной раз сообщалось о том, что сады «сдавать нельзя»[885]. 3 июля 1918 г. земельный отдел Воронежской губернии приказал «впредь до выяснения вопроса о садах, сдачу садов в аренду частным лицам не производить»[886]. В качестве мер наказания для арендаторов предусматривался запрет на покос трав, который должен был действовать до особого распоряжения местных органов власти.

Осуществление советских аграрных преобразований 1917-1918 гг. проходило в условиях военных и революционных событий, что ограничивало приток финансовых ресурсов из деревни. Поэтому власть вынуждена была искать самые различные способы пополнения бюджета. Например, в Курской губернии было принято решение взыскать суммы за частновладельческие посевы, ранее распределенные среди населения[887].

Основная причина кризисных явлений в экономике черноземной деревни в 1918 г. заключалась в том, что крестьянство не была заинтересовано в росте производительности сельскохозяйственного производства, так как значительную часть результатов их труда изымало государство для собственных нужд. Для получения контроля над общиной власть прибегла к политике социального раскола. Кроме того началась осуществляться жесткая продовольственная политика.

Также негативное воздействие на аграрное производство ряда уездов Курской губернии оказала полная оккупация немецко-гайдамацкими войсками

[884] Там же. ГАКуО. Ф. Р-571. Оп. 1. Д. 2. Л. 152.
[885] ГАВО. Ф. Р-19. Оп. 64. Д. 27. Л. 15.
[886] Там же. Оп. 1. Д. 65. Л. 67.
[887] Там же. Оп. 64. Д. 27. Л. 14 об.

с марта по ноябрь 1918 г. Корочанского, Грайворонского, Белгородского уездов и частичная оккупация Новооскольского, Путивльского, Обоянского, Рыльского, Льговского, Суджанского уездов. Также на валовой сбор зерна в губернии негативно повлиял и ряд других событий. В частности, в сентябре – декабре 1919 г. ее территорию контролировали вооруженные силы Юга России, а в 1920 г. там произошла засуха. В результате указанных факторов в период с 1917 по 1920 гг. в Курской губернии площадь посевов сократилась на 18,6%[888], урожайность озимой ржи с 1917 по 1918 гг. снизилась с 50 до 39 пудов с десятины, озимой пшеницы с 66 до 49 пудов, яровой пшеницы с 47 до 29 пудов, ячменя с 37 до 27 пудов[889]. В то же время урожайность картофеля и овса, как основных кормовых и низкотоварных культур, возросли соответственно на 24 и 2 пуда с десятины[890].

В Курской губернии в изучаемый период наблюдался и упадок огородного плодоводства. Об этом сообщалось, например, 22 ноября 1918 г. в докладе земельного отдела Курской губернии в центральный комиссариат земледелия. Следует указать, что до 1914 г. сады занимали в губернии 39 тыс. десятин, но к 1918 г. они действительно пришли в упадок. Об этом свидетельствовали следующие факты. В Тимском уезде от сданных в аренду садов предполагалось получить в казну 546840 рублей, но фактически было получено 333288 рублей[891]. Также в 1918 г. образовался дефицит семенного материала. Факт «семенного голода», приведшего к недосеву овощей, был отмечен в специальном докладе агрономического подотдела Тимского земельного отдела Курской губернии[892].

Острый дефицит семенного материала в рассматриваемый период наблюдался в Тамбовской губернии, где по этой причине недосев яровых и озимых в 1918 г. составил 19759 десятин. Например, в протоколе районного

[888] Мигущенко О.Н. Военный коммунизм в Курской губернии. С. 8.
[889] Там же. С. 8.
[890] Подсчитано по: Мигущенко О.Н. Военный коммунизм в Курской губернии. М., 1997. С. 8.
[891] ГАКуО. Ф. Р-685. Оп. 1. Д. 6. Л. 35.
[892] Там же.

съезда комитетов деревенской бедноты на тамбовском пороховом заводе с участием 17 представителей данных комитетов от 19 августа 1918 г. сообщалось представителем деревни Комбаровщина, что имелось «70 десятин прирезной земли, но обсеменения на нее не имелось»[893]. В отчете губернского бюро статистики на эту тему отмечалось, что в Тамбовской губернии оставались для посева на 1919 г. следующий запас семян: «На 1 февраля клевера и тимофеевки – 120 пудов, кормовой свеклы – 60 пудов, костра – 1600 пудов, сахарной свеклы – 711 пудов, капусты – 1 пуд, лука–севка – 12 пудов, моркови – 5 пудов»[894]. Кроме того, губстатбюро сообщало, что заготовка семян Тамбовским земельным отделом началась с середины декабря и «дело только налаживалось»[895]. Поэтому требовалось прислать для посева яровых хлебов следующее количество семенного материала: «Овса – 460000 пудов, яровой пшеницы – 25000 пудов, гречихи – 15000 пудов, проса – 36000 пудов, чечевицы – 19000 пудов, гороха – 20000 пудов»[896] Дефицит семян был обусловлен тем, что к началу 1919 г. в производящей зерно Тамбовской губернии не сохранилось специализированных семенных хозяйств. Несколько смягчили экономический «удар» погодные условия 1918 г. В частности в Липецком уезде Тамбовской губернии в августе месяце налив озимого хлеба был «весьма хорош»[897]. Однако опоздание с уборкой обусловило значительные потери зерна[898].

Послеоктябрьские аграрные преобразования отразились и на экономике орловской деревни. До 1917 г. местное крестьянство располагало 1924850 дес. земли, затем в результате реализации большевистского аграрного законодательства в его пользовании оказалось 2229205 дес. (92% от всего земельного фонда Орловской губернии). Земельная прибавка составила около

[893] ГАСПИТО. Ф. П-840. Оп. 1. Д. 60. Л. 7.
[894] ГАТО. Ф. Р-946. Оп. 1. Д. 333. Л. 17.
[895] Там же.
[896] Там же.
[897] Известия Тамбовского губернского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. 1918. 4 августа.
[898] Там же.

трехсот тысяч десятин, но и она не устранила малоземелья в деревне. При переходе к нэпу принятая в губернском масштабе норма на душу населения в 1–1,5 дес. имелась лишь у 63,77 хозяйств[899]. А около трети крестьянских хозяйств имели более низкие нормы наделения землей. К тому же данные показатели имели негативную динамику в сторону уменьшения, что, в первую очередь, было связано с ростом семейных разделов. В этом же ряду находится наметившаяся в годы Гражданской войны тенденция к сокращению однолошадных и двухлошадных крестьянских хозяйств.

В Воронежской губернии в ходе социализации земли из общего земельного фонда в 1152133 дес. крестьянство получило 992680 дес.[900] (или 86,2% всего земельного фонда). При этом советским хозяйствам было отведено 59107 десятин, коммунам 280 десятин, а 100160 десятин осталось в запасном фонде[901]. Но изменение структуры землепользования в губернии не улучшило производственные показатели, как в земледелии, так и в животноводстве. Более того, к 1921 г. сельское и лесное хозяйство губернии пришло в упадок: посевные площади уменьшились почти до 60% площади засева 1916 г. Произошли и негативные изменения в структуре посевов продовольственных культур. Из яровых культур первостепенное значение стали иметь просо и картофель[902].

Негативные тенденции снижения производства обозначились и в животноводческой отрасли Воронежской губернии, где за годы Гражданской войны произошло сокращение поголовья овец на 35%, свиней на 20%, лошадей и рабочего скота соответственно на 50%[903]. Только поголовье коров осталось на прежнем уровне[904]. Первые годы Советской власти в воронежской

---

[899] Рогалина Н.Л., Гончарова И.В. Крестьянское хозяйство Центральной России в 1920-е гг.: общее и особенное // Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XX века: сборник статей. Коломна, 2013. С. 329.
[900] Очерки истории Воронежской организации КПСС. Воронеж, 1967. С. 150.
[901] Борьба за Советскую власть в Воронежской губернии. 1917–1918 гг. (Сборник документов). Воронеж, 1957. С. 404.
[902] Там же.
[903] ГАВО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 107. Л. 16.
[904] Там же.

деревне привели не только к сокращению крупного рогатого скота, но и к фактической утрате племенного коневодства и овцеводства[905].

В Воронежской губернии за исследуемый период практически исчезло промышленное садоводство, и, как следствие, посадочный материал. Однако «мелкое садоводство» крестьянских хозяйств на площади до одной десятины и огородничество сохранялось в прежних размерах[906]. Деструктивные процессы аграрной политики Советской власти коснулись и качества луговых угодий. Как отмечалось в отчете «Сельское хозяйство Воронежской губернии и меры к его восстановлению», луга, хотя и не сократились по площади, но урожай трав, в частности, костра безостого, существенно снизился[907].

Одним из факторов сокращения площади крестьянской запашки стала нерациональная организация территории, наличие дальноземелья, длинноземелья, узкополосицы, межполосицы, чересполосицы, мелкополосицы, неудобной конфигурации наделов, роста числа заполий. Отсутствие возможности сдать в аренду неиспользуемые участки земли вело к тому, что крестьяне переставали обрабатывать земли. Но эти же самые условия толкали наиболее предприимчивых и ориентированных на риск крестьян на поиски заброшенных земель, самовольное распахивание «ничейных» полей. Их число под влиянием аграрной политики большевиков перманентно возрастало.

Дальноземелье, межполосица, чересполосица, длинноземелье, маленькие участки земли не позволяли крестьянским хозяйствам осуществлять продуктивную обработку земли еще и по причине того, что узкие полосы наделов затрудняли реализацию пахоты земли на лошади и боронование, не позволяли применять сеялки. Под их влиянием на сельскохозяйственных угодьях появлялись дополнительные рубежи, дороги, межняки. Эти земли не использовались для непосредственного аграрного производства, но являлись рассадниками сорных растений, вредителей,

[905] Там же. ГАВО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 107. Л. 16.
[906] Там же.
[907] Там же.

болезней для культурных растений. Эти явления полностью не исчезли после аграрных преобразований 1917-1918 гг. и в некоторых случаях продолжали существовать вплоть до начала коллективизации.

Неэффективное землеустройство сужало экономический потенциал сельского хозяйства, так как у непосредственных производителей под его воздействием росли затраты на производство. Увеличение издержек было связано с непродуктивным использованием рабочего времени, нерациональным возделыванием сельскохозяйственных угодий, а также с отсутствием возможности внедрить многопольный севооборот. Все это уменьшало урожайность сельскохозяйственных культур, приводило к увеличению трудозатрат. Как результат, сократилась площадь запашки, измельчавшие наделы стали непригодны для товарного производства[908]. Снижение площади пашни усилило налоговую нагрузку на обрабатываемые сельскохозяйственные угодья и крестьянские дворы.

На качестве обработки посевов сказался и недостаток инвентаря, утерянного и пришедшего в негодность в ходе аграрных преобразований начального периода Советской власти. Ни платежеспособность деревни, ни состояние промышленности, ни постепенное ослабление рыночных связей не позволяли решить данную задачу. О том, каким образом менялись показатели обеспеченности инвентарем крестьянских хозяйств в 1918-1920 гг., рассмотрим на примере Тамбовской губернии.

[908] Там же. ГАВО. Ф. Р-19. Оп. 64. Д. 27. Л. 13 об.

Таблица 6

Наличие сельскохозяйственного инвентаря в крестьянских хозяйствах Тамбовской губернии в 1917 и 1920 гг.[909]

Уезды	1917 г.	1920 г.	1920 г. в % к 1917 г.
Елатомский	2216	1738	78,4
Шацкий	4475	2806	62,7
Темниковский	1157	467	40,4
Спасский	822	286	34,8
Моршанский	6250	6854	100,9
Козловский	10162	6092	59,9
Лебедянский	7819	3468	44,4
Липецкий	6213	2296	37,0
Тамбовский	31756	3889	12,2
Усманский	9108	3308	36,3
Борисоглебский	17992	10141	56,4
Кирсановский	7362	–	–
В среднем по губернии	84322	48085	57,0

Данные, представленные в таблице 6, позволяют прийти к выводу, согласно которому в среднем по Тамбовской губернии за 1917–1920 гг. общее количество инвентаря в крестьянских дворах снизилось на 43%, то есть практически в два раза. Данный процесс происходил под влиянием целого ряда причин. Во-первых, в крестьянских дворах собственный инвентарь и захваченный в поместьях постепенно приходил в негодность. Во-вторых, дефицит продуктов питания в городе способствовал наплыву в деревню рабочих, служащих и других категорий населения, ранее не проживавших в сельской местности. И в случае наделения землей, их также требовалось обеспечить тягловой силой и инвентарем.

Среди уездов Тамбовской губернии, подвергшихся наибольшему сокращению наличного инвентаря, выделялись Тамбовский, Усманский и

[909] «Антоновщина». Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1920–1921 гг. Документы, материалы, воспоминания. Тамбов, 2007. С. 680–681.

Липецкий. Здесь его в крестьянских хозяйства к 1920 г. по сравнению с 1917 г. оставалось соответственно 12,2, 36,3 и 37,0 %. Именно в этих уездах летом 1920 г., а также в Борисоглебском и Козловском уездах той же Тамбовской губернии начался сильный голод. Оказавшись в тяжелейших условиях, крестьянство либо дешево продавало свой инвентарь, либо теряло его, покидая дома в поисках пропитания. Но наблюдались и исключения. Так, крестьянские хозяйства в наиболее обеспеченном хлебом Моршанском уезде смогли не только сохранить количество инвентаря, зарегистрированного в 1917 г., но и даже его увеличить в последующий период.

В Воронежской губернии инвентарь крупных частновладельческих имений, включая молотилки, сеялки, веялки, плуги массово перешел в руки крестьян, и лишь незначительное его количество оставлялось для обработки культурных полей и прокатных пунктов. Оставшийся инвентарь мог распределяться местными властями за деньги. На эту тему можно привести пример постановления Нижнежевицкого уездного земельного отдела Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов с участием представителей от волостных земельных отделов от 18 – 21 марта 1918 г. о распределении за плату экономического и живого инвентаря между волостями и городом пропорционально их числу жителей[910].

Аналогичные процессы наблюдались в Орловской и Курской губерниях. Например, в Курском уезде Курской губернии имущество имений «распределялось с ведома уездкома… деньги за вырученный инвентарь поступали на уплату жалованья как волостных, так и уездных земельных отделов»[911]. В Старооскольском, Фатежском, Новооскольском, Тимском, Обоянском уездах этой же губернии мелкий инвентарь был распределен среди населения, а крупный за небольшим исключением остался на учете местных органов власти[912].

[910] ГАВО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 65. Л. 2.
[911] Там же. Д. 27. Л. 11.
[912] Там же. Л. 11 об., 12.

Попытки Центра с помощью директив установить полный контроль над хозяйственным инвентарем и имуществом частновладельческих имений, как правило, только усиливали в деревне погромные настроения[913]. В частности в Фатежском уезде Курской губернии они привели к увеличению числа поджогов бывших помещичьих хозяйств[914].

Не давали практических результатов и попытки уездных органов Советской власти с помощью специальных постановлений вернуть утраченный в ходе крестьянских погромов помещичий инвентарь. В целом волна крестьянского погромного движения в черноземной деревне в 1917 – 1918 гг. подорвала крепкие товарные хозяйства, деформировав экономику аграрного сектора. В этих условиях наиболее жизнеспособными оказались индивидуальные крестьянские хозяйства, которые даже под воздействием реформ и административного давления сохраняли достигнутый производственный потенциал.

Массовое распределение и вывоз из деревни инвентаря вело не только к сокращению оборотных средств производства, но и создавало условия для свертывания модернизационного потенциала сельского хозяйства. Разрушались рыночные связи деревни с городом. Так, Рощин в статье «Три пути», опубликованной в газете «Голос труда» 12 января 1918 г., отмечал, что «многие видят в социализации земли окончательный “уход” России из “фабрично-промышленной” семьи наций, переход к деревенской культуре»[915]. Господствовавшая идея о социально-экономических преимуществах коллективного труда над индивидуальным, ставшая фундаментом для формирования коммун, артелей по совместной обработке земли, советских хозяйств, себя не оправдывала. Как следствие, должен был наступить этап насильственного изъятия крестьянских ресурсов властью.

Социализация земли в черноземной деревне привела к усреднению земельных наделов крестьянства. Об этом свидетельствуют данные,

[913] Там же. ГАВО. Ф. Р-19. Оп. 1. Оп. 64. Д. 27. Л. 12.
[914] Там же.
[915] ГАРФ. Ф. А 353. Оп. 2. Д. 181. Л. 143.

представленные в таблице 7. Они характеризуют социально–экономическую дифференциацию крестьянских дворов в исследуемый период.

Таблица 7

Уменьшение состава крайних групп крестьянских хозяйств с 1917 по 1919 гг. (%)[916]

Группы хозяйств	Тамбовская губерния		Курская губерния	
	1917г.	1918г.	1917 г.	1918 г.
Без посева	6,9	0,6	7,0	1,4
С посевом свыше 10 дес.	5,6	0,6	14,6	1,7
Всего по двум крайним группам	12,5	1,2	21,6	3,1
Без лошадей	38,3	28,9	30,0	19,2
С 3 лошадьми и более	2,9	0,8	9,6	2,1
Всего по двум крайним группам	43,2	29,7	39,6	21,3

Данные, представленные в таблице 7, позволяют сделать вывод о том, что в ходе социализации земли в Курской и Тамбовской губерниях произошло резкое сокращение двух крайних групп крестьянских хозяйств, представленных наиболее бедными (беспосевными и безлошадными) и наиболее зажиточными дворами. Сокращение произошло в 7 раз по Курской губернии и в 10 раз по Тамбовской губернии. Процесс осереднячивания деревни произошел также в Орловской и Воронежской губерниях. К началу новой экономической политики крестьянские хозяйства представляли собой вполне экономически однотипную и социально однообразную массу.

А.Н. Курцев, исследуя экономическое положение крестьянских хозяйства, пришел к аргументированному выводу, что за период с лета 1917 по 1919 г. в Черноземном Центре (3 уезда Курской губернии и 5 уездов Тамбовской губернии) процент крестьянских дворов с посевом свыше 16 дес. упал с 2,3 до 0,02; дворов с 4 и более рабочих лошадей – с 1,8 по 0,2. Типичной была картина по Вышне–Деревенской волости Курской губернии и

[916] Составлено по: Першин П. Н. Аграрная революция в России. Т. 2. Аграрные преобразования Великой Октябрьской социалистической революции (1917–1918 гг.). М., 1966. С. 534.

Нечаевской волости Тамбовской губернии, где процент крупных крестьянских хозяйств с посевом свыше 16 дес. составлял в 1917 г. соответственно 1,7 и 2,3. Средние производители с 8,01 – 16 дес. посева в 1917 г. составляли соответственно 12,4 и 13,8 %, в 1920 г. – 0,7 и 0,8 %, в 1926 г. – 65,5 и 54,7 %, дворов с 2,01 – 8 дес. посева в 1920 г. 85,3 и 74,4 %, в 1926 г. – 83,7 и 75,0[917].

Процесс «осереднячивания» черноземной деревни ярко иллюстрирует положение, сложившееся в Никольской волости Тимского уезда Курской губернии, где за период с 1917 по 1920 гг. количество беспосевных крестьянских хозяйств сократилось с 15,5 до 4,9 %. Снизилось также число хозяйств с посевом до 2–х десятин. За этот же период группа хозяйств со средним для того времени размерами посевных площадей возросла до 28,3 % от общего количества крестьянских дворов волости[918]. Процесс осереднячивания деревни сопровождался упадком крупных товарных хозяйств, разрывом экономических связей деревни с городом.

Социализация земли поставила перед Советской властью масштабные задачи по переустройству деревни. Уравнительное распределение рождало самые нестандартные программы по изменению крестьянского общества. Например, в Новохоперском уезде Воронежской губернии прорабатывался проект переселения крестьянских хозяйств за пределы деревни в специально организованные земледельческие поселки. Например, 8 августа 1918 г. земельный отдел Новохоперского уезда Совета рабочих и крестьянских депутатов сообщил Воронежскому губернскому земельному отделу, что «в целях более рационального земельного пользования» предложено всем сельским общинам «выселиться и расселиться в поселки»[919].

В Инструкции для отведения земельных участков и выбора места под посев в Новохоперском уезде предполагалось расселение в земледельческих поселках 20000 дворов. Создаваемые населенные пункты должны были

[917] Курцев А.Н. Крупные крестьяне Черноземного центра в конце XIX – начале XX веков // Методика и опыт изучения сельских поселений Центрального Черноземья. М., 1990. С. 43.
[918] 1917–1957. Статьи, воспоминания, очерки. Курск, 1957. С. 41–42.
[919] ГАВО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 98. Л. 2.

включать в себя 20–70 дворов. Земельные участки для каждого поселения должны были составить от 300 до 700 десятин и лишь «в крайних случаях» 800 десятин[920]. Располагать поселки предлагалось так, чтобы расстояние всех полей от поселка было, по возможности, одинаковым. Также каждый поселок должен был иметь пруд или реку для водопоя скота.

Поселок следовало создать таким образом, чтобы одна из его улиц непременно выходила бы к водопою. Кроме того, в рамках организации территории поселков предлагалось найти грунтовые воды для строительства колодца, оставлять выгон между поселком и водопоем, выбирать место создания поселка так, чтобы не было балок и рек, способных затруднить сообщение[921]. Подобные шаги, по мнению местных властей, позволяли решить проблему дальноземелья, неудобной конфигурации земли, узкополосицы, а также «скученности» населения. На наш взгляд, подобные планы по организации переселений крестьянских дворов опирались на идейные построения столыпинского аграрного законодательства.

Население Новохоперского уезда отреагировало на эту инициативу подачей 80 заявлений на переселение. Однако проект не был реализован из-за отсутствия финансовых средств и недостатка технического персонала.

Аналогичный вариант разрешения проблем узкополосицы и малоземелья, нерешенных в рамках реализации в регионе социализации земли, предлагал Фатежский уездный земельный съезд Курской губернии. Согласно переписке комиссариата по земельным делам Фатежского уезда и Курской губкомиссии от 4 июня 1918 г., съезд и комиссариат считал необходимым равномерное расселение крестьянских дворов на новые участки. Для этого, как отмечали представители Фатежского уезда, ссылаясь на «Основной закон о социализации земли» просили предоставить от Правительства денежные

[920] Там же. ГАВО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 98. Л. 6.
[921] Там же.

средства[922]. Для реализации данной программы уездные власти просили перечислить один миллион рублей.

Чтобы снизить волну недовольства крестьян малоземельем, дальноземельем и т.д. губернские власти Воронежской губернии попытались переселять крестьян во вновь образуемые коллективные хозяйства. Воронежский губернский земельный отдел 19 августа 1918 г. в переписке с Коротоякским земельным отделом предлагал «для удовлетворения земельной нужды в 6 волостях отвести в Бобровском уезде свыше 1000 десятин земли»[923]. При этом на новом месте планировалось организовать артели и коммуны. Ряд крестьянских хозяйств Боршевской волости отозвались на данное предложение, поставив условие осмотра нового поселения и отводимых земель ходоками и обязательной финансовой помощи им со стороны государства.

Этот же вопрос обсуждался 21 августа 1918 г. на заседании земельного отдела Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Воронежской губернии. Было решено создать коммунальные поселки и оказать им финансовую поддержку в Коротоякском и Бобровском уездах[924].

Проблемы в аграрной экономике, с которыми столкнулась Советская власть в ходе социализации земли, широко обсуждались на разных уровнях, в том числе в советской прессе, где печатались корреспонденции с мест с самыми различными предложениями по их решению. Так, например, 14 августа 1918 г. в газете «Известия Тамбовского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов» было опубликовано письмо жителя деревни под псевдонимом «Смелый». В нем отмечалось, что для оказания реальной агрономической поддержки крестьянству со стороны Правительства требовалось «распределение земли по потребительной норме, отрезать каждому домохозяину причитающееся количество земли в одно месте, отдать ее во временное пользование на 10–12 лет с условием, что земля будет

[922] ГАКуО. Ф. Р-571. Оп. 1. Д. 2. Л. 37 об.
[923] Там же. Л. 14.
[924] ГАВО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 98. Л. 17.

обработана надлежащим образом согласно указанию агронома и под его присмотром»[925]. За всякое неисполнение указаний агронома «Смелый» предлагал налагать штраф, а если и это не поможет, то лишать права пользоваться землей.

В данном направлении в рассматриваемый период местные власти предпринимали определенные шаги. Так, на заседании Липецкого уездного земельного отдела Тамбовской губернии и его подотделов 19 ноября 1918 г. было принято решение организовать агрономические пункты в тех волостях, где отсутствуют советские хозяйства[926].

Для подъема сельскохозяйственного производства в регионе предлагалось расширять пропаганду агрономических знаний в крестьянской среде. Например, 13 декабря 1918 г. на заседании уже упомянутого выше Липецкого уездного земельного отдела и его подотделов рассматривалась телеграмма наркома земледелия С.П. Середы и предложение губземотдела от 2 декабря 1918 г. об организации передвижных лекций по вопросам общественной обработки земли, кооперативной организации сельского хозяйства, устройства небольших сельскохозяйственных обществ, а также с разъяснением директивы 2 ноября 1918 г. о миллиардном фонде на улучшение сельского хозяйства. Было решено 15 декабря 1918 г. открыть летучие лекции, «для правильной постановки этого дела разбить уезд на районы»[927]. 17 декабря 1918 г. Липецкий уездный земельный отдел рассмотрел вопросы о ремонте инвентаря, закупки, сортировки и подготовки к посеву семенного материала, раздачи семян, трав и корнеплодов крестьянам для их дальнейшего взращивания и др.[928]

Еще одной инициативой властей ряда губерний Черноземного центра в плане подъема сельскохозяйственного производства стало стремление

[925] Известия Тамбовского Совета рабочих, солдатских и красноармейских депутатов. 1918. 14 августа.
[926] ГАЛО. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 13. Л. 8–9.
[927] Там же. Л. 10 об.
[928] Там же. Л. 2.

создавать прокатные пункты. Например, председатель Курского губернского земельного отдела Сергеев предлагал крестьянам для вспашки земли использовать на прокатных пунктах наличный инвентарь и скот, имевшийся в Главсахаре[929]. В Нижнедевицком уезде Воронежской губернии, согласно постановлению уездного земельного отдела, также планировалось создать прокатный пункт[930]. Но подобные инициативы в большинстве своем не реализовывались на местах из-за недостатка финансовых ресурсов. Так, например, по этой причине не был организован запланированный к октябрю 1918 г. прокатный пункт в Фатежском уезде Курской губернии[931].

Проблема поисков резервов роста сельскохозяйственного производства постоянно волновала представителей местных органов Советской власти. Показательным в этом плане является доклад уже неоднократно упоминавшегося в работе инспектора Наркомзема И. Чипенова Наркому земледелия С.П. Середе от 13 ноября 1918 г. В нем автор констатировал наличие «собственнических устремлений» у крестьян Орловской губернии. По его мнению, такие мотивы земледельцев нужно было применять для повышения продуктивности аграрного производства. Чипенов с целью пробуждения сознания у крестьян предлагал повысить плодородие земли, усовершенствовать систему ведения сельского хозяйства за счет полеводства и скотоводства, внедрить машинный труд для экономии издержек от применения ручного труда, «ввести необходимые ремесла для поднятия техники в сельском хозяйстве»[932]. В результаты эти меры, по мнению инспектора Наркомзема, должны были способствовать привлечению крестьянства в коммуны.

Следует указать, что в рамках строительства в деревне коллективных и советских хозяйств, а также развития перерабатывающих предприятий, местные власти, как правило, искали наиболее бесконфликтные способы

[929] Там же. ГАЛО. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 13. Л. 14.
[930] Там же. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 65. Л. 2.
[931] Там же. Л. 14 об.
[932] РГАЭ. Ф. 478. Оп. 5. Д. 8. Л. 7 об.

разрешения спорных земельных вопросов. Так, в докладе инструктора комиссариата земледелия Московской области Гутьева отмечалось, что 5 июня 1918 г. граждане села Садовского Первого предъявили претензии на землю садовского сахарного завода Воронежской губернии. Земли, которые относились к заводу, создали большую чересполосицу с землями общины. В результате было принято решение, согласно которому план землеустройства данной территории был пересмотрен, и путем перераспределения земельного фонда крестьянские требования были удовлетворены[933].

В контексте анализа итогов советских аграрных преобразований 1917–1918 гг. в черноземной деревне нельзя не вернуться к оценке влияния на них коллективного сектора. В 1918 г. эта проблема достаточно широко обсуждалась в среде советских специалистов. Например, в докладной записке воронежского агронома Б. Бруа «Коллективное сельское хозяйство и область его применения в районе губернии» поднимался вопрос о более глубоком осмыслении экономических основ существования коммун и артелей. «Хозяйство коллектива должно представлять собой не только механическое соединение мелких хозяйств, которые в любой момент могут поделить между собой лошадей и плуги и размежевать землю, – отмечал Б. Бруа. – Такие механические слаживаемые команды будут оставаться все время в состоянии недостаточного равновесия и при одном возникновении внутренних трений они [начнут]… распадаться. Для устойчивости коммунистическое хозяйство должно быть связано организационным планом, внутренней идеей данного хозяйства…»[934]. Кроме того такие хозяйства, по мнению агронома, должны были иметь перерабатывающие мощности и развивать маслобойное, крахмалопаточное и другие виды производства.

Сама по себе большевистская стратегия аграрных реформ, направленная на создание коллективных и советских хозяйств, повышение агрономических знаний деревни, была рациональной и жизнеспособной. Заслуживает

933 ГАВО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 105. Л. 185.
934 Там же. Д. 18. Л. 80.

положительной оценки и стремление Советской власти в 1917 – 1918 гг. развивать аграрные знания, изжить трехполье, повысить обеспеченность тягловой силой крестьянские хозяйства. Так, в октябре 1918 г. на совещании уездных заведующих земельными отделами и бухгалтеров Курской губернии докладчик Вознесенский отмечал, что в деревнях Старооскольского уезда Курской губернии устраивались прокатные агрономические станции, а в имениях Клейнмхеля, Арцибашева находились племенные рассадники[935]. Кроме того, агрономические пункты были образованы в Тимском уезде[936], семь агрономических пунктов действовало в Щигровском уезде[937]. Подобные примеры можно привести и по другим губерниям.

Но результаты аграрной политики первых лет Советской власти для крестьянских дворов черноземной деревни, ведущих традиционное хозяйство, оказались малоэффективными. В частности, на практике преимуществами организуемых прокатных пунктов могли воспользоваться только коммунары, члены артелей и советских хозяйств. Кроме того, были и другие причины подобной ситуации.

Так, например, 23 июля 1918 г. в протоколе съезда рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Кирсановского уезда Тамбовской губернии сообщалось, что агрономический отдел ставил одной из главных своих задач сконцентрировать в прокатных пунктах сельскохозяйственные машины и орудия и разъяснять населению пользу таких пунктов. Но советские работники признавали, что реализовать данное предложение оказалось трудно, так как все бывшие орудия из экономий были уже распределены и расхищены населением, или попало в руки зажиточных крестьян. Получить же новые орудия с заводов было не возможно. Кроме того, собранный на пунктах инвентарь в большинстве случаев оказывался неисправным и поломанным. Ремонт его на местах было осуществить трудно, так как инструменты из бывших экономических мастерских (за редким случаем) оказались

[935] ГАВО. Ф. Р-19. Оп. 64. Д. 27. Л. 11 об.
[936] Там же. Л. 12.
[937] Там же. Л. 12 об.

расхищенными[938]. Поэтому приходилось прибегать к комплектованию инструментов по одному из нескольких непригодных орудий труда. В бывших помещичьих имениях сохранились только те инструменты, которые мало применялись в крестьянском хозяйстве.

С прокатными пунктами складывалась парадоксальная ситуация: бедняцким хозяйствам они не могли принести ощутимой помощи, зажиточная часть деревни в них не нуждалась, так как, владея тягловой силой, сконцентрировала у себя значительные запасы инвентаря бывших помещичьих усадеб.

Данный тезис иллюстрируют события, произошедшие весной 1918 г. в с. Большая Матыра Липецкого уезда Тамбовской губернии. В экономиях Грушецкой в марте 1918 г. был разгромлен 2–й хутор. Громить пошла беднота, но разгромленное имущество оказалось в руках кулаков – богатеев. В результате кулак пахал землю «грушецкими» плугами, а беднота по–прежнему «ковыряла» землю «ломаной сошкой»[939]. Таким образом, ресурсная база помещичьих имений в виде сохранившихся орудий труда, культурных ценностей оседала, в первую очередь, в руках самых активных и зажиточных крестьян, способных вывезти, а не унести «барское» имущество.

Наряду с прокатными пунктами в черноземной деревне с целью подъема сельскохозяйственного производства в рамках аграрных преобразований советской власти предпринимались попытки организовать показательные поля, ветеринарные пункты, училища и т.п. В частности, в марте 1918 г. в Новодевицком уезде Воронежской губернии планировалось организовать четыре показательных поля площадью по 200 десятин на базе бывших имений Байбуа, Гурко, Вейнштета, Варварина. В каждое из них было выделено по 8 пар волов, по 15 рабочих лошадей, по 3 коровы, по 2 свиньи, по 10 кур, по 3 индейки и 3 утки[940]. В октябре 1918 г. Курском уезде действовал

[938] ГАСПИТО. Ф. П-837. Оп. 1. Д. 23. Л. 56 об.
[939] Известия Тамбовского губернского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. 1918. 7 августа.
[940] ГАВО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 65. Л. 3.

ветеринарный пункт, а на базе бывших помещичьих имений было образовано 25 училищ[941].

Приведенные примеры – это капля в море, поскольку ветеринарные пункты, училища и т.п. не охватывали своей деятельностью основную массу крестьянских хозяйств и не позволяли сформировать мощный фундамент для развития эффективного сельского хозяйства в целом. Главной причиной этого была ограниченность ресурсной базы из-за последствий погромных акций бывших частновладельческих имений, а также общего экономического кризиса в стране, вызванного последствиями Первой мировой войны и ведущейся Гражданской войны.

Именно поэтому попытка Советской власти изменить технологический образ деревни, кинув в топку экономической реконструкции помещичьи хозяйства и осуществив на практике социализацию земли, не дала ожидаемых результатов. В то же время в 1918 г. произошло масштабное перераспределение ресурсов в сельском хозяйстве региона. Фактически социализация земли привела к переходу основной ее части к общине. Слабые попытки собрать орудия труда, оборотные средства, трудовые ресурсы в коллективные и советские хозяйства демонстрировали лишь намерения большевиков в сфере аграрного строительства. Но реальность оказалась иной. Земля и имевшийся сельскохозяйственный инвентарь остались в руках крестьянства.

В начале 1918 г. Советская власть сознательно сохраняла перераспределительные процессы в деревне, стремясь «успокоить» общину, а уж затем приступила к фактической национализации земли. В этот период большевики, по сути, занимали выжидательную позицию. Относительная свобода черноземной деревни от Советской власти завершились летом 1918 г., когда в широком масштабе начала реализовываться продразверстка. Тактическим маневром в сфере аграрной политики большевики добились того, что в течение самого сложного начального периода становления Советской

[941] Там же. Оп. 64. Д. 27. Л. 11.

власти в деревне удалось переориентировать политическую борьбу в экономическую плоскость и тем самым одержать победу над крестьянством на этом этапе Гражданской войны. Общинное крестьянство сохранило завоеванные в ходе революции земельные угодья, а большевики усиливали контроль над деревней с помощью укрепившегося местного аппарата Советской власти.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ни аграрные преобразования П.А. Столыпина, ни Первая мировая война, ни революционные события не изменили отношения крестьянства к основополагающей категории существования традиционной деревни – вопросу о земле. Важнейшим моментом стала для российского крестьянства Февральская революция 1917 г. Она позволила земледельцам начать осуществлять свою давнюю мечту о «земле и воле». Деревня ожидала от Временного правительства достаточно быстрого разрешения аграрного вопроса, но цейтнот, в котором оказались представители власти при подготовке новой реформы не позволил осуществить это. Такое положение побудило общины начать активную борьбу за землю. В деревне начался захват помещичьих имений, сельскохозяйственных угодий и других категорий земель, которые ранее не принадлежали крестьянам. В этом движении чернозёмное крестьянство было одним из наиболее активных участников. Ключевым моментом крестьянского «мятежа» стало изгнание прежних владельцев из поместий, их захват и включение в общинную запашку пахотных угодий.

Вступая в борьбу с крупными земельными собственниками, жители деревни использовали полный арсенал «оружия слабых»: от снятия урожая, захвата продовольствия и фуража до потрав хлебов и лугов. В Тамбовской губернии развернулось одно из наиболее мощных крестьянских движений в центральной полосе России. В период с лета по осень 1917 г. крестьянские выступления в тамбовской деревне приобрели наиболее острую форму, на местах были прекращены все сделки с землей. Высшая точка погромного движения пришлась на осень 1917 г. Ведущую роль в борьбе с чередой крестьянских погромов в тамбовской деревне сыграло «Распоряжение № 3». В других губерниях Черноземного центра общины действовали так же решительно и прагматично, как в Тамбовской губернии. Так, в Курской и Орловской губерниях пик конфискаций помещичьих имений пришелся на

ноябрь и декабрь 1917 г. Крестьяне Воронежской губернии также были активно включены в процесс «черного передела».

Местные природно-климатические, экономические, общественно-политические условия оказывали влияние на хронологические рамки «общинной революции», но не меняли самого содержания крестьянской борьбы за землю. В начале данной борьбы крестьянство выбрало один из наиболее результативных и, по сути, ненасильственных способов включения в свое землепользование новых сельскохозяйственных угодий – арендное движение. Так, наделы, уже арендовавшиеся и обрабатывавшиеся крестьянами, расширяли экономический потенциал общины. В тех случаях, когда крестьянство теряло все возможности расширить свое землепользование без применения силы, то шло на самые решительные меры – погромы и захваты. Зачастую такие радикальные действия общин приводили к безвозмездным переходам сельскохозяйственных угодий под контроль крестьян.

Захлестнувшая Россию осенью 1917 г. революционно–анархическая волна, сильно ударила по экономическому потенциалу и социальной стабильности черноземной деревни. Вспыхнувший неконтролируемый «черный передел» земли не решал застарелую проблему крестьянского малоземелья, запутывал и без того неустойчивое землеустройство. Под влиянием арендного движения были практически преобразованы отношения собственности на землю в черноземной деревне, формировавшиеся весь пореформенный период. За ширмой арендных отношений скрывались стремления крестьян получить как можно больше земельных ресурсов, в том числе путем вытеснения из деревни крупных землевладельцев.

Временное правительство стремились во избежание анархии и самодеятельности местных органов власти сформировать свой аппарат управления. Одним из таких органов стали земельные комитеты. В практической работе земельные комитеты оказались малоэффективными органами управления. В 1917 г. они были перегружены различными

обязанностями, связанными, зачастую, не с решением вопросов по переустройству деревни, а попытками умиротворить общину, найти способы остановить крестьянское движение. К осени 1917 г., в ряде случаев, они становятся проводниками политики, направленной на постепенное вытеснение крупных землевладельцев из деревни. Об это свидетельствуют решения о передаче арендных денег комитетам или казначейству, что на практике означало конфискацию частновладельческих земель.

Пришедшие на смену земельным комитетам земельные отделы Советов стали проводниками большевистской аграрной политики. Летом 1918 г. важными элементами большевистского управления на местах стали комитеты бедноты. Но комбеды, как политико-экономические институты, не оправдали себя. Усложнение системы управления на местах в связи с развитием новых формам организации аграрного производства расшатывали и без того зыбкий политический союз власти и крестьянства. Поэтому к концу 1918 г. вновь в качестве основных низовых органов власти были выбраны сельсоветы.

Осмысление аграрных преобразований 1917-1918 гг. требует глубокого анализа партийных программ, которые раскрывают основные альтернативы развития российской деревни в изучаемый период. Большинство таких программ накануне и в ходе революционных событий было отвергнуто крестьянством. Политические проекты кадетов, меньшевиков, и вызывавший крайние формы недовольства крестьянства – монархический, практически не находили поддержки общины, так как они явно предлагали иные механизмы, чем уравнительность в земельных отношениях. Подавляющая часть крестьянства отдавала предпочтение программе эсеров по социализации земли. Она оказалась наиболее понятной и популярной для крестьянства. Большевики перехватили ряд основных положений данной программы и использовали их в качестве политического инструмента. «Земельный голод» деревни в полной мере применили большевики, которые «модернизировали» эсеровскую программу и в 1918 г. под вывеской «социализации земли» осуществили фактическую национализацию земельных ресурсов.

В конце 1917 – начале 1918 гг. многие законодательные акты и новшества, вводившиеся в сельском хозяйстве советской властью, находили поддержку в деревне. Одним из ключевых из них стал «Декрет о земле», который, по сути, узаконил уравнительный передел земли. Его положения отражали основные крестьянские требования «земли и воли».

Малоземелье, сформировавшееся в черноземной деревне в начале XX в., делало невозможным возврат деревни к традиционным стилям и формам жизни. Но община продолжала искать выход в уравнительности, в устаревших социальных институтах, стремясь держаться за землю, как единственный стабильный источник существования. По мнению деревни, идеи справедливого распределения земли были изложены в программе социализации земли.

Эсеровская социализация земли подразумевала под собой систему преобразований, включавших в себя как политические, социально–экономические аспекты, так и административные элементы. Но это была программа экстенсивного развития деревни, так как только при такой системе ведения хозяйства община могла существовать. Трехпольная система земледелия, унаследованная крестьянским хозяйством из XIX века, консервировала традиционные формы и техники обработки земли, оставляла практически неприкосновенным структуру производства большинства крестьянских дворов. Но и в этом случае в деревне возрастало малоземелье, углублялась «системная бедность». Рациональное использование земли при интенсивном сельском хозяйстве требовало других форм аграрного производства. «Основной закон о социализации земли», подготовленный большевиками был слабо проработан. Однако он резко изменил вектор развития деревни, создал фундамент для образования новых форм аграрного производства, и укрепил позиции Советской власти в первые месяцы после Октябрьской революции 1917 г.

Утверждение «Основного закона о социализации земли» свидетельствовало об окончательной победе большевиков на российской

политической арене, и, одновременно, стало одной из последних возможностей прийти к компромиссу среди партий социалистического блока по ключевой повестке российской государственности – вопросу о земле. Утверждение 27 января (9 февраля) 1918 г. ВЦИК этого законодательного акта разрушило последние условия для диалога среди партий социалистической направленности. Аграрный вопрос решался под жестким давлением блока большевиков и левых эсеров.

Практическая социализация земли, формируя новые аграрные отношения, содержала в себе потенциал эскалации Гражданской войны. «Основной закон о социализации земли» формировал экономические реалии в деревне, которые исключали возможность действия рыночных механизмов и создавали условия для силового решения продовольственного вопроса.

Положения «Основного закона о социализации земли» закладывали основы новых поземельных отношений в деревне с коммунами, коллективными и советскими хозяйствами. Так формировалась социальная база для конфликта между государством и крестьянством по вопросу о владении, пользовании и распоряжении землей, сельскохозяйственными ресурсами, продуктами аграрного производства.

«Основной закон о социализации земли» оказался для первой четверти XX века регрессивным нормативным актом, поскольку консервировал архаичное мелкое крестьянское хозяйство и отдавал приоритет утопической сельской коммуне. Сами аграрные преобразования 1917–1918 гг., включая социализацию земли, оказались нереализованными в том масштабе, в котором они закладывалась в законопроектах. Более того они закрепляли переход крестьянских хозяйств к полунатуральному производству, способствовали разрыву рыночных связей города и деревни, ломали устоявшееся землепользование, сокращали валовые сборы в аграрном секторе. Одновременно аграрные преобразования 1917–1918 гг. способствовали развитию новых форм хозяйствования в деревне – коллективных и советских хозяйств. Они должны были выполнить важную миссию для Советской

власти: взять под контроль «общинную революцию» и продемонстрировать крестьянству альтернативное направление развития российского сельского хозяйства.

Социализация земли стала фактической «революцией сверху», своего рода «псевдомодернизационной» альтернативой. Перераспределительная волна конца 1917 – первой половины 1918 гг., вызванная «черным переделом» земли, намеренно не сдерживалась большевиками. Впоследствии это временное отступление перед деревенской стихией обернулось для государства формированием дополнительных затрат, связанных с восстановлением экономического потенциала аграрной сферы и развитием административного аппарата.

Распределительный подход, реализованный в ходе социализации земли, не только изъял из реального сектора оборотные средства, но и не создал условий для модернизации сельскохозяйственного производства. Идея о социально–экономических преимуществах коллективного труда над индивидуальным, ставшая фундаментом для формирования коммун, артелей и товариществ по совместной обработке земли, также себя не оправдала. Как следствие, должен был наступить новый этап выкачки ресурсов из деревни, но теперь уже основанный на внеэкономических методах принуждения, что и произошло в ходе реализации продразверстки.

Как и в других регионах Центральной России, уравнительное распределение земли приобрело в черноземной деревне радикальный характер. В 1918 г. община использовала весь арсенал средств и методов для защиты своих интересов от власти и тем самым сохранила общинные институты.

Крестьянская община к началу 1918 г. контролировала подавляющую часть сельскохозяйственных угодий губерний Черноземного центра. Однако в ряде районов еще имелись земли, не вошедшие в ее экономическую орбиту. Например, в Курской губернии до мая 1918 г. сохранялись помещичьи землевладения, нераспределенные общинами. В других губерниях также

имелись нераспределенные имения, монастырские угодья, на базе которых впоследствии стали формироваться советские и коллективные хозяйства. Общая площадь, которую занимали данные категории земель, составляла от 0,037% до 5,1 % нетрудовых земель фонда губерний Черноземного центра или в среднем 0,1 – 0,2 % общей площади землепользования.

Весной 1918 г. уже не на трибуне, а в полях происходило столкновение двух взглядов на программу социализации земли. Для общины важно было сохранить всю полноту владения и распоряжения сельскохозяйственными угодьями при минимальном участии государства в делах деревни. Большевики стремились сберечь всю полноту власти в стране, что было увязано с необходимостью максимального присутствия государства в сельской местности. Реальные позиции Советской власти по аграрному вопросу стали обозримы во второй половине 1918 г. Четко они обозначились уже летом, когда начали формироваться комитеты бедноты.

Для построения новой системы экономических отношений в деревне большевики направили в деревню своих агентов: землемеров, техников, инструкторов, агрономов. Последние должны были сбить накал крестьянского недовольства, познакомить население с агарными новациями, помочь им мирно распределить землю и вести советскую пропаганду.

Политические маневры большевиков в деревне были ограничены, так как крестьяне не собирались отступать от своих целей. Но в течение 1918 г. происходила некоторая эволюция крестьянских требований от лозунгов «земли и воли» до более взвешенных политических оценок. Крестьяне почувствовали необходимость закрепления своих земельных прирезок в рамках закона.

Власти, четко осознавая, что революционные и реформационные процессы невозможны без конфликтов, делали ставку не только на «диктатуру пролетариата», но и на самоорганизующие силы деревни. Однако такой, отчасти непоследовательный подход, еще более разбалансировал крестьянский мир. Не только крестьянство, но и местная советская

бюрократия стали концентрировать в руках земельные ресурсы, сокращая материальную базу, требовавшуюся для построения советских и коллективных хозяйств. Это создавало опасность для хлебозаготовок советского государства. Кроме того, дефицит товаров и их высокая стоимость не стимулировали деревню к повышению производительности труда. Поэтому правительство вскоре усилило экономическое давление на крестьянство, несмотря на падение аграрного производства.

В период реализации новой экономической политики были определены истинные масштабы экономических издержек, возникших под влиянием аграрной политики большевиков. Например, были выведены из официального оборота и оказались необлагаемыми налогами только по уездам Тамбовской губернии к началу 1922 г. в сравнении с данными 1916 г. от 2 до 29 % земель. В количественном выражении «сокрытие запашки» составило 114898 десятин. Изменения в системе земельных отношений сопровождались ухудшением качества обработки наделов, переходом от посевов крестьянами товарных культур к нетоварным.

Черноземное крестьянство в ходе «общинной революции» включила в свою запашку новые земли. Но эта победа деревни была временной. Включенные в новые аграрные законы положения о праве государства на владение, пользование и распоряжение землей, дифференциальную земельную ренту, положения о том, что Советская власть стала источником права на землю, а также о преимуществах коллективных форм хозяйствования в сельскохозяйственном производстве фактически обесценивали усилия крестьянского аграрного движения. В течение последующих нескольких месяцев иллюзии деревни о целях большевистских аграрных преобразований рассеялись. Большевики начали наступление на деревню.

Советские аграрные преобразования в 1917-1918 гг. еще не угрожали существованию института общины, но уже изменяли традиционный порядок. Крестьянин – прагматик был против ломки вековых аграрных устоев, на которых базировалось его благосостояние. Но частнособственнические

экономические интересы, углублявшаяся социальная дифференциация деревни внутри деревни постепенно разрушала привычные социально-экономические нормы. Поэтому для укрепления своих позиций в деревне новой власти нужно было только умело воспользоваться складывавшимся положением.

В ходе советских аграрных преобразований 1917-1918 гг. в черноземной деревне произошли существенные социальные сдвиги. Социализация земли привела к изменению баланса сил. Помещики исчезли из системы агропроизводственных отношений. В деревне произошел процесс «осереднячивания», из-за чего крупные крестьянские хозяйства также практически исчезли. Исключения составляли лишь те, кто сумел найти возможность сохранить землю, рабочий скот путем их сокрытия или умелого манипулирования местными советскими органами власти в удаленных уголках от региональных политических центов. Наибольшую выгоду от советских аграрных преобразований получили безземельные и малоземельные крестьяне.

В 1918 г. на крестьянский вопрос ответ не был найден, так как в ходе реформ не удалось полностью решить противоречия между новыми правовыми отношениями и аграрным строем, сохранявшем традиционные черты. Однако новый уклад постепенно менял социально-политические отношения в деревне и восприятие крестьянами экономических реалий. Вскоре стали преобразовываться традиционные установки, в селе начали меняться общественно-производственные связи. В этих условиях большевики не только не сумели предотвратить мощные крестьянские восстания, но, напротив, произвол и злоупотребления ее представителей, аграрная и продовольственная политика создали почву для крестьянских выступлений.

Аграрные преобразования 1917–1918 гг. наталкивались на структурные, экономические и культурные барьеры, заключенные в традициях общин и устоявшейся системе земельных отношений. С одной стороны, такими преградами стало отсутствие минимально необходимой экономической инфраструктуры в деревне (случных пунктов, опытных полей, показательных

участков), с другой – это был индивидуализм и традиционный способ пользования землей, с ежегодными переделами.

Технические знания и навыки крестьянства черноземной деревни не только не позволяли резко увеличить объем производимой продукции, но и не способствовали эффективному использованию современных орудий труда. Деревне необходимо было дать образование и только потом внедрять аграрные новации. Только после этого следовало ожидать повышения эффективности деятельности экономических и административных структур, роста уровня жизни населения и качества агрокультуры.

Парадоксальным выглядит факт обратного эффекта от первых аграрных преобразований большевиков. Агрономическая помощь, которую стало получать крестьянство, дало ощутимый эффект среди отрубщиков и мелких собственников, но на деятельности хозяйств общинников практически не отразилось. Общинники продолжали вести свое хозяйство по старой трехпольной системе. Таким образом, агрономическими знаниями смогли воспользоваться противники Советской власти в деревне, а не батраки или малоземельные крестьяне–общинники.

По итогам социализации земли землепользование в черноземной деревне приобрело вид лоскутного одеяла. Оно было «скроено» из мельчайших, усредненных крестьянских наделов, а также из низкоэффективных или нерентабельных коллективных хозяйств и совхозов. Новые аграрные отношения, а политика «военного коммунизма» привели к резкому снижению площадей посевов, падению валовых сборов зерна и других сельскохозяйственных культур. Если в целом по России к 1920 г., по сравнению с предвоенным периодом, сокращение посевных площадей составило 7,4%, то в Курской губернии – 26%, Тамбовской губернии с 1917 по 1920 гг. в среднем – на 22,6%[942]. Столь заметное снижение посевной площади свидетельствовало о негативных последствиях уравнительного распределения земли. Это утверждение находит отражение в целом массиве документальных

[942] Тамбовская энциклопедия. С. 99.

источников. Практически в каждом уезде, по различным причинам, земли ярового клина не были засеяны полностью, а часть из них совершенно не использовалась. Это было обусловлено сокращением посевных площадей, организационно–техническими причинами, а также жесткой продовольственной политикой. Крестьянство не было заинтересовано в увеличении производительности своего труда, если все излишки по продразверстке забирало себе государство. Близость деревень к губернским и уездным городам, где базировались основные силы продорганов, делала их наиболее «уязвимыми» в данной сфере.

Обращаясь к проблеме спада сельскохозяйственного производства в черноземной деревне необходимо учесть и экологический аспект. Здесь тяжелое экономическое положение крестьянства, перенаселение обострялось высоким уровнем распашки сельскохозяйственных угодий периода с XIX – по первую половину XX вв. Высокое демографическое давление на землю порождало экологические проблемы: усиление ветровой эрозии в безлесных пространствах, истощение чернозема, нарушение гидрологического режима почв.

В части политической целесообразности, большевистский подход к решению аграрного вопроса оказался верным, поскольку он стал едва ли не главным условием победы большевиков в Гражданской войне. Однако ломка аграрных устоев вела к появлению «антоновщины» и ряду других аграрных выступлений в черноземной деревне. Эти мощные крестьянские движения стали сигналом для продолжения аграрных преобразований и введения нэпа.

Крестьянские восстания, вспыхнувшие в черноземной деревне, возникли под влиянием комплекса причин. Во–первых, социализация земли оказала существенное влияние на экономические интересы средних и зажиточных слоев деревни. Это «накалило» деревню, в силу того что крепкие дворы и их главы имели большой авторитет в общинах, а сформированные в ходе уравнительного передела земли усредненные наделы не могли удовлетворить их потребности. Во–вторых, продразверстка, которая исчислялась по едокам,

напрямую зависела от величины посева каждого конкретного крестьянского хозяйства. Большие семьи, которые обладали значительными земельными ресурсами, наиболее сильно ощутили на себе тяжесть продналогов по сравнению с их малоземельными соседями. Также «военный коммунизм» перекрыл дорогу на рынок крупным крестьянским хозяйствам. Руководитель полномочной комиссии ВЦИК в Тамбовской губернии В.А. Антонов-Овсеенко в качестве причин антоновского восстания называл крестьянскую «неудовлетворенность от владения маленьким земельным участком и диктатурой пролетариата…»[943].

Третьей причиной влияния аграрной политики большевиков на развитие крестьянских выступлений следует выделить создание новых форм аграрного производства. В некоторых случаях крестьянам приходилось вступать в коллективные хозяйства под давлением продразверстки. В них земледельцы трудились за более чем скромное натуральное вознаграждение, а в ряде случаев совершенно бесплатно выполняли трудовую и гужевую повинности. Наиболее глубокие конфликты между общиной и коллективными (или советскими) хозяйствами возникали по вопросу пользования спорными землями.

Таким образом, истоки «антоновщины», «колесниковщины» и других крестьянских выступлений содержались не только в продовольственной политике Советской власти, но были обусловлены проблемами реализации советских аграрных преобразований. Данные за первое полугодие 1919 г. о причинах восстания крестьян в губерниях Черноземного центра, большинство из которых входило в Орловский военный округ (Воронежская, Орловская и Курская губернии), свидетельствуют о том, что аграрные движения привели к 7,14% выступлений, «реквизиции» – к 14,9%.

Большевики оценивали крестьянство в качестве бесправного экономического донора для города. Они существенно ограничили для деревни

[943] Корчагова М.Н. Проблемы аграрной истории Октябрьской революции и гражданской войны в англоязычной литературе (Историографический обзор).... 1994. № 4–5. С. 213.

возможности в сфере владения, пользования и распоряжения землей, ограничили права распоряжения результатами своего труда. Черноземные крестьяне по данному вопросу имели свое мнение. Вскоре они начали активную антисоветскую борьбу.

В результате мощных крестьянских восстаний власть услышала экономические требования деревни. Крестьянская община получила своеобразные репарации от государства в форме существенных послаблений в сфере налогообложения и расширила свои экономические права. Запросы деревни нашли отражение в ряде законодательных актов.

С 1921 г. начался новый период в экономическом развитии государства. Переход от продразверстки к продналогу сформировал такие условия труда для крестьянских хозяйств, которые позволяли увеличивать площади запашек, нанимать работников и арендовать землю. Основным документом, регулировавшим земельные отношения, стал Земельный кодекс. Он был принят в 1922 г. В нем содержались нормы, провозглашавшие отмену частной собственности на землю. Также земля могла передаваться в бессрочное пользование. Правом на пользование землей для сельскохозяйственных нужд при условии ее обработки собственным трудом обладали все граждане. Согласно нормам Земельного кодекса, допускалась аренда. Она носила трудовой характер. С введением кодекса формы землепользования были существенно расширены по сравнению с 1917-1918 гг. от общинной с уравнительными переделами между дворами и коллективными хозяйствами до отрубов и хуторов. Вводился юридический статус крестьянского двора.

Но, Земельный кодекс включал ряд и положений, ограничивавших права крестьянства. Уголовное преследование могло наступить в случае осуществления сделок с землей. Наем сельскохозяйственных работников не был запрещен, но данное право было существенно ограничено. Все сельскохозяйственные угодья объединялись в общегосударственный земельный фонд и находились в ведении Народного комиссариата земледелия.

Власть, несмотря на ряд уступок деревне, умело лавировала и добивалась доминирования в сфере контроля земельных ресурсов. Большевики сознательно шли по пути ретуширования действительности и в 1929 г. расторгли договор с деревней, негласно заключенный накануне НЭПа. Коллективизация окончательно объединила большинство жителей черноземной деревни в колхозы и совхозы, ликвидировала основные противоречия, рожденные в деревне в результате социализации земли, но тогда же сформировала новые противоречия между властью и крестьянством.

Социально–экономические отношения в деревне 1920–х гг., как наследие революционных событий 1917 г. и советских аграрных преобразований 1917-1918 гг., сохранили высокую степень конфликтности. По мере реализации положений Земельного кодекса углублялись негативные черты в поведении представителей Советской власти на местах, выражающиеся в росте бюрократизма и проволочек в решении земельных вопросов. Вновь начала формироваться хорошо известная деревне модель экономической зависимости малоземельных крестьян от зажиточной части деревни.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ.

1. Государственный архив Липецкой области

Ф. Р–7. Земельное управление исполнительного комитета Липецкого уездного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов

Ф. Р–150. Земельное управление исполнительных комитетов уездных Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Елецкого уезда

Ф. Р–93. Земельное управление исполнительных комитетов уездных Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Задонского уезда

2. Государственный архив Орловской области

Ф. Р–314. Орловское губернское земельное управление, где хранятся приказы, циркуляры, инструкции Наркомзема, протоколы заседаний губернских и уездных земельных съездов.

Ф. Р–2440. Дмитровское земельное управление уисполкома

Ф. Р–447. Мценское земельное управление уисполкома

Ф. Р–223. Кромское земельное управление уисполкома

Ф. Р–476. Орловское земельное управление уисполкома

Ф. Р–80. Новосильское земельное управление уисполкома

Ф. Р–82. Малоархангельское земельное управление уисполкома

Ф. Р–150. Ливенское земельное управление уисполкома

3. Государственный архив Российской Федерации.

Ф. 1796. Главный земельный комитет Министерства земледелия Временного правительства.

Ф. А 353. Министерство юстиции РСФСР (Минюст РСФСР)

Ф. Р–1235. Всероссийский Центральный исполнительный комитет Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (ВЦИК)

4. Государственный архив социально – политической истории Тамбовской области.

Ф. П–1045. Тамбовский областной комитет КП РСФСР

Ф. П–832. Козловский уездный комитет ВКП(б)

Ф. П–834. Лебедянский уездный комитет ВКП(б)

Ф. П–837. Кирсановский уездный комитет ВКП(б)

Ф. П–840. Тамбовский губком РКП(б)

Ф. П–842. Тамбовский уездный комитет ВКП(б)

Ф. П–997. Моршанский уездный комитет ВКП(б)

5. Государственный архив Тамбовской области.

Ф. 207. Главная контора уполномоченного Министерства земледелия по заготовкам в Тамбовской и Воронежской губерниях

Ф. Р–1. Исполнительный комитет Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Тамбовской губернии

Ф. Р–946. Тамбовский губернский земельный комитет

Ф. Р–950. Тамбовский уездный земельный комитет

Ф. Р–955. Кирсановский уездный земельный комитет

Ф. Р–956. Козловский уездный земельный комитет

Ф. Р–959. Моршанский уездный земельный комитет

Ф. Р–3544. Тамбовское губернское сельскохозяйственное общество

Ф. Р–761. Статистический отдел Тамбовского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов

6. Российский государственный архив социально–политической истории.

Ф. 17. Центральный Комитет КПСС (ЦК КПСС)

7. Российский государственный архив экономики.

Ф. 478. Народный комиссариат земледелия РСФСР (Наркомзем РСФСР)

8. Государственный архив Курской области

Ф. Р–1634. Курский губернский комиссариат земледелия

Ф. Р–313. Курское губернское земельное управление

Ф. Р–685. Тимское уездное земельное управление

Ф. Р–571. Фатежский уездный земельный отдел

Ф. Р–1339. Суджанский уездный земельный отдел

9. Государственный архив Воронежской области.

Ф. Р–19. Воронежское губернское земельное управление

Ф. Р–2088 Земельный отдел Воронежского уисполкома

Ф. Р–23 Земельный отдел Землянского уисполкома

Ф. Р–549 Земельный отдел Острогожского уисполкома

Ф. Р–64. Нижнедевицкое уездное земельное управление

Ф. Р–656. Коротоякское уездное земельное управление

Ф. Р– 3210. Земельный отдел Алексеевского уисполкома

2. ОПУБЛИКОВАННЫЕ ДОКУМЕНТЫ.

1. «Антоновщина». Крестьянское восстание в Тамбовской области в 1920–1921 гг. Документы, материалы, воспоминания / Гос. архив Тамбовской области и др. –Тамбов, 2007. – 800 с.

2. Аграрная политика Советской власти (1917–1918 гг.). М., 1954. – 551 с.

3. Борьба за Советскую власть в Воронежской губернии. 1917–1918 гг. (Сборник документов). – Воронеж. Воронежское книжное издательство. 1957. – 476 с.

4. Борьба за установление и упрочение Советской власти в Курской губернии. Сборник документов и материалов. –Курск. Курское книжное издательство. 1957 – 509 с.

5. Борьба трудящихся Орловской губернии за установление советской власти в 1917–1918 гг. – Орел: Издательство «Орловская правда», 1957. – 354 с.

6. Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире: Пер. с англ. / Сост. Т. Шанин; Под ред. А.В. Гордона. М.: Издательская группа «Прогресс»– «Прогресс–академия», 1992. – 432 с.

7. Жизнь тамбовской провинции в эпоху революций (февраль 1917 г. – февраль 1918 г.). Сборник документов и материалов. – Тамбов. –2018. – 528 с.

8. Журнал Воронежского губернского земского собрания. Чрезвычайной сессии 16 января 1918 г. Воронеж, Типо–Литография. Издательство Т–ва. Б. –Дворян, д. Сомова, 1918.

9. Известия Тамбовского губернского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов за 1918 г., –1922 г.

10. К четырехлетней годовщине Октябрьской революции. Красный Октябрь. 4–я годовщина. Тамбов, 1921. –73 с.

11. Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919–1921 гг. («Антоновщина»): Документы и материалы/ Интерцентр; Гос. архив Тамбовской обл. и др. / Под ред. В.Данилова и Т. Шанина и др. –Тамбов, 1994. – 334 с.

12. Крестьянское движение в Тамбовской губернии (1917–1918): Документы и материалы. / Под ред. В.Данилова и Т. Шанина. –М., РОССПЭН, 2003. – 480 с.

13. Крестьянское движение в Тамбовской губернии (1917–1918): Документы и материалы. /Под ред. В.П. Данилова, Т. Шанина. – М., 2003. – 370 с.

14. Ленин, В.И. Полное собрание сочинений. / Ленин, В.И. –Т.14, 15, 28, 37, 42, 44.

15. Наша правда за 1918 г.

16. Политические партии России: история и современность. /Под. ред. А.И. Зевелева. Учебник для исторических и гуманитарных факультетов высших учебных заведений. –М., РОССПЭН, 2000. – 634 с.

17. Поуездные итоги сельскохозяйственной переписи Тамбовской

губернии в 1917 году (Население, скот, посев, сельскохозяйственный инвентарь). Секция статистики земледельческого хозяйства. Выпуск 1. Государственное издательство Тамбовское отделение.

18. Советы Тамбовской губернии в годы гражданской войны (1918 1921): сб. док. и матер. – Воронеж, 1989. – 377 с.

19. Соха и молот за 1919 г.

20. Социализация земли. Проект основных положений земельного закона, с предисловием С.Л. Маслова. Петроград, Кооперативное издательство Т–во Социалистов–революционеров. «Революционная мысль» 1917. – 31 с.

21. Сталин, И. Вопросы ленинизма. Издание одиннадцатое. / Сталин И. –Ленинград: Государственное издательство политической литературы, 1947. – 611 с.

22. Эльцбахер, П. Анархизм. Суть анархизма. / Эльцбахер П. –М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. –351 с.

3. ВОСПОМИНАНИЯ И МЕМУАРЫ.

1. Врангель, П. Записки. Ноябрь 1916 – ноябрь 1920 гг. Т.: 2: Воспоминания. Мемуары. / Врангель П. – Мн.: Харвест, 2002 – 384 с.

2. Горький, М. Несвоевременные мысли.: Заметки о революции и культуре / Сост. А.В. Диенко. –М., 1991. – 128 с.

3. Пришвин, М.М. Ранний дневник 1906–1916 гг. / Пришвин М.М. – М., 2007.– 217 с.

4. Пришвин, М.М. Собрание сочинений. В 8–ми т. Т. 8. Дневники 1905–1954. / Пришвин М.М. М., 1986 . – 759 с.

5. Статьи, воспоминания, очерки. 1917–1957. – Курск, Курское книжное издательство. 1957. – 440 с.

6. Троцкий, Л.Д. История русской революции: в 2 т. Т. 2: Октябрьская революция. Ч. 2. / Троцкий Л.Д. – М.: ТЕРРА; Республика, 1997. – 400 с.

7. Фомин, И. Борьба за Советы в 1917 г. (Козловский уезд)/ Фомин И. // Коммунист. Журнал Тамбовского губкома ВКП(б). 1927. № 20–21. С. 36–37.

8. Чернов, В.М. Перед бурей. Воспоминания. 2–е изд. / Чернов В.М. – М.: Международные отношения, 1993. – 406 с.

9. Энгельгардт, А.Н. Из деревни. 12 писем. 1872–1887. / Энгельгардт А.Н. –М., Мысль, 1987. — 638 с.

4. СПРАВОЧНЫЕ ИЗДАНИЯ.

1. Отечественная история. История России с древнейших времён до 1917 года. Энциклопедия. М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», Т. 1. – 1994., Т. 2. – 1996., Т. 3. – 2000.

2. Очерки истории Воронежской организации КПСС. –Воронеж. Центрально–Черноземное издательство, 1967. –549 с.

3. Очерки истории Тамбовской организации КПСС. Коллектив авторов. – Воронеж, Центр.–Чернозем. КН. Изд–во, 1984. –503 с.

4. Политические партии России конца XIX–первой половины XX века. Энциклопедия. – М., РОССПЭН, 1996.–876 с.

5. Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи Вып. 1. –Пг.,1916. – 113 с.

6. Протокол третьего съезда Советов рабочих и крестьянских депутатов Воронежской губернии (5–10 апреля 1918 г.). –Воронеж, 1918.

7. Сборник статистико–экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. –Пг., 1915. – 115 с.

8. Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. В 4–х т. Т. 1. Под ред. А. Береловича, В. Данилова. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000–2005. – 427 с.

9. Советская историческая энциклопедия. В 16–ти тт. М.: Государственное научное издательство «Советская энциклопедия», 1961 –

1976.

10. Тамбовская энциклопедия. –Тамбов, 2004. – 439 с.

11. Энциклопедический словарь Россия. /Издатели Ф.А. Брокгауз и А. Ефрон. –Л. Лениздат, 1991. – 922 с.

5. ИССЛЕДОВАНИЯ.

1. Atkinson, D. The End of the Russian Land Commune, 1905-1930. / Atkinson D. –Stanford, 1983. – 457 p.

2. Carr, E.H. The Bolshevik Revolution, 1917 1923, 3 vols. /Carr E.H. – New York, 1951 – 1953.

3. Figes, O. Peasant Russia, Civil War: the Volga Countryside in Revolution (1917 1921). / Figes O. –Oxford, 1989. – 401 p.

4. Figes, O. The Village and Volost Soviet Elections of 1919/ Figes O. // Soviet Studies –Vol. 40 (1988) –No. 1 –pp. 21–46.

5. Gill, Graeme J. The Mainsprings of Peasant Action in 1917/ Gill Graeme J.// Soviet Studies –Vol. 30 (1978) –No. 1 –pp. 63–68.

6. Gill, G. J. Peasants and Government in the Russian Revolution /Gill Graeme J. –London –1979 – 233 p.

7. Silvana, Malle. The Economic Organization of War Communism 1918–1921. Cambridge [Cambridgeshire]/Silvana Malle – New York: Cambridge University Press, 1985. – 548 p.

8. Pipes, R. The Russian Revolution, 1899-1919. 3 vols. / Pipes R. –New York –1990.

9. Radkey, O.H. Chernov and Agrarian Socialism before 1918 // Continuity and Change in Russian and Soviet Thought / Ed. Ernest J. Simmons. – Cambridge /Radkey O.H. –Mass.: Harvard Univ. Press –1955. – 170 p.

10. Radkey, O.H. The Agrarian Foes of Bolshevism: Promise and Default of the Russian Social Revolutionaries, February to October / Radkey O.H. –N.Y. 1958. – 407 p.

11. Service, R. The Bolshevik Party in Revolution: A Study in

Organisational Change, 1917-1923/ Service R. – London, 1979. – 260 p.

12. Анцыферов, А.Н. Россия, кооперация, христианство: Избранные исследования / Анцыферов А.Н. – М.: Собрание, 2011. – 332 с.

13. Арроусмит, Дж. История Британии. / Арроусмит Дж. – М.: АСТ–Пресс, 2008. – 696 с.

14. Артемов, А.Н. Участие земельных комитетов в разработке аграрной реформы в России / Артемов А.Н. // Научно-теоретический журнал «Научные проблемы гуманитарных исследований». – Выпуск 1 – 2012 – С. 6–15.

15. Артемов, С.Н. Деятельность земельных комитетов по реализации положений Декрета о земле (по материалам Юга России) / Артемов С.Н. // Государственная служба –2008 –№ 2 – С. 205–208.

16. Артемов, С.Н. Земельные комитеты Юга России в решении аграрного вопроса после октябрьских событий 1917 года / Артемов С.Н. // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена – 2008 – № 62 – С. 114–122.

17. Бабашкин, В.В. Крестьянский менталитет как системообразующий фактор советского общества / Бабашкин В.В. // Менталитет и аграрное развитие России (XIX-XX вв.) – М.: РОССПЭН – 1996 – С. 276–284.

18. Бабашкин, В.В. Россия в 1902–1935 гг. как аграрное общество: закономерности и особенности отечественной модернизации / Бабашкин В.В. – М.: РГАЗУ, 2007. – 232 с.

19. Бабашкин, В.В. Россия в 1902–1935 гг. как аграрное общество: закономерности и особенности отечественной модернизации / Бабашкин В.В. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук: 07.00.02 –Отечественная история. Тамбов, 2009. –38 с.

20. Байрау, Д. Янус в лаптях: крестьяне в русской революции. 1905–1907 гг./ Байрау Д. // Вопросы истории –1992 –№ 1 – С. 19–30.

21. Безгин, В.Б. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX начала XX вв.)/ Безгин В.Б. – М. – Тамбов: Изд-во Тамбов, гос. тех. ун-та,

2004. – 304 с.

22. Белоусов, Р.А. Экономическая история России: XX век. / Белоусов Р.А. – М.: ИздАТ, 1999. – 408 с.

23. Белькова, Н.А. Позиции крестьянства Центрального Черноземья в годы гражданской войны /Белькова Н.А.// Межвузовские научно–методические чтения памяти К.Д. Калайдовича. Сборник материалов – Выпуск 8 – Елец, 2008 – С. 90–106.

24. Бердяев, Н.А. Духовные основы русской революции. Истоки и смысл русского коммунизма. /Бердяев, Н.А. – М.: АСТ Москва: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. – 444 с.

25. Берендтс, Э.Н. О прошлом и настоящем русской администрации / Записка, составленная в декабре 1903 года / Берендтс Э.Н.– М.: Гос. публ. ист. библиотека, 2002. – 280 с.

26. Биценко, А.А. К вопросам теории и истории коллективизации сельского хозяйства. / Биценко А.А. – М., Книгоиздат, 1929. – 165 с.

27. Благодатских, В.Г., Стожко, Д.К. Теория и практика партии эсеров в 1917 г./ Благодатских В.Г.// Человек, общество, власть. К 100-летию российской революции 1917 года Сборник научных статей. Ответственные за выпуск: И.В. Борзихина, М.А. Клинова – Екатеринбург, 2017. – С. 3-13.

28. Бойко, Л. Сельское хозяйство Курской области / Бойко Л. – Курск, Курское областное издательство. 1938. – 26 с.

29. Большаков, А.М. Очерки деревни СССР. 1917 – 1926. / Большаков А.М. – М.: Работник просвещения, 1928. – 214 с.

30. Бруцкус, Б.Д. Аграрный вопрос и аграрная политика / Бруцкус Б.Д. – Петроград, 1922. – 365 с.

31. Булдаков, В.П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия / Булдаков В.П.–М.: РОССПЭН, 1997. – 376 с.

32. Вебер, К.К. Очерки из истории Тамбовского края / Вебер К.К. – Тамбов, 1922. – 134 с.

33. Верт, Н. История советского государства. 1900–1991. / Верт Н. –

М.: Прогресс–Академия, 1994. – 544 с.

34. Войнов, Е.В. Деятельность земельных органов Воронежской губернии по организации колхозов и совхозов: 1918–1919 годы / Войнов Е.В.// Вестник Поморского университета. – Архангельск. 2008. –№ 13. –С. 17–21.

35. Волобуев, П.В., Булдаков, В. П. Октябрьская революция: новые подходы к изучению / Волобуев П.В. –Вопросы истории–1996. –№ 5–6. –С. 28–38.

36. Герасимюк, В.Р. Уравнительное распределение земель в Европейской части Российской Федерации в 1918 г. /Герасимюк В.Р. // История СССР –1965. № 1. –С. 94–103.

37. Герман, А.А. Политические и социально-экономические процессы 1918 года в селах Саратовского Поволжья /Герман А.А. //Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. - 2018.- Т. 18.- Вып. 3.- С. 377-387.

38. Гинев, В.Н. Аграрный вопрос и мелкобуржуазные партии в России в 1917 г. / Гинев В.Н. –Ленинград: Наука, 1977. –294 с.

39. Гордон, А.В. Пореформенная российская деревня в цивилизационном процессе (Размышления о постановке вопроса)/ Гордон А.В. // Рефлексивное крестьяноведение: Десятилетие исследований сельской России. –М.: МВШСЭН-РОССПЭН, 2002. –С. 141–160.

40. Грациози, Андреа. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917–1933/ пер. с англ. / Грациози Андреа –М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. – 96 с.

41. Гришаев, В.В. Сельскохозяйственные коммуны Советской России 1917–1929. / Гришаев В.В. – М., Издательство «Мысль». –1976. –188 с.

42. Гросул, В.Я. Истоки трех русских революций / Гросул В.Я. // Отечественная история. –1997. – № 6. –С. 34–52.

43. Данилов, В.П. Аграрные реформы и аграрная революция в России / Данилов В.П. // История крестьянства России в XX веке. Избранные труды: в 2-х ч. Ч. 2. – М., 2011. –С. 276 – 277.

44. Данилов, В.П. Крестьянская революция в России. 1902–1922 гг. / Данилов В.П. // Крестьяне и власть. –М.: МШСЭН, Тамбов: ТГТУ, 1996– С. 4–23.

45. Данилов, В.П. Перераспределение земельного фонда России в результате Великой Октябрьской революции /Данилов В.П.// Ленинский декрет о земле в действии: сборник статей. – М.: Наука, 1979. –С. 261-310.

46. Данилова, Л.В. Природное и социальное в крестьянском хозяйстве // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ежегодник. / Данилова Л.В.–М., 1997/Теодор Шанин, Гамза Алави, В.П. Данилов и др. Под ред. В. Данилова, Т. Шанина. С. 21– 52.

47. Догаева, В.П. Земельные комитеты Пензенской губернии в 1917 г.// Из истории советской деревни / Догаева В.П. –Рязань, 1972. – С. 3–41.

48. Долгополов, А.Г., Родионов, С.И., Бутылкин, П.А. Организация и деятельность коллективных хозяйств в первые годы Советской власти/ Долгополов А.Г. // История СССР. –1959. –№ 5. –С. 80–92.

49. Дьячков, В.Л. Военный коммунизм и Тамбовщина // Наш край Тамбовский: тезисы докладов и сообщений /Дьячков В.Л. – Тамбов – 1991. – С. 54–57.

50. Емельянов, С.Н., Зорин, А.В., Шпилев, А.Г. Курский край в гражданской войне 1917–1921 гг. (очерк военно–исторической истории) / Емельянов С.Н.–Курск, Полстар.2013. – 531 с.

51. Есиков, С.А. Коллективизация в Центральном Черноземье: предпосылки и осуществление (1929–1933 гг.) /Есиков С.А. –Тамбов. Издательство ТГТУ, 2005. –124 с.

52. Есиков, С.А. Крестьянство Тамбовской губернии в начале XX века (1900–1921). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук: 07.00.02 – Отечественная история/ Есиков С.А. –М., 1998. – 35 с.

53. Есиков, С.А. На пути к военному коммунизму. Государственное регулирование хлебозаготовок в Тамбовской губернии в 1914 начале 1917 г. //

Крестьяне и власть /Есиков С.А. – М.: МВШСЭН, Тамбов: ТГТУ, 1996. –С. 66–77.

54. Есиков, С.А. Российская деревня в годы нэпа: К вопросу об альтернативах сталинской коллективизации (по материалам Центрального Черноземья). /Есиков С.А. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд «Президенсткий центр Б.Н. Ельцина», 2010. – 246 с.

55. Есиков, С.А. Тамбовское крестьянство в годы гражданской войны. Антоновщина (1918 – 1921 годы) // Аграрное развитие и продовольственная политика России в XVIII – XX веках: проблемы источников и историографии: сб. статей / С.А. Есиков и др. – Оренбург, 2007. – С. 217–227.

56. Жирнов, Н.А. Демографические процессы в среде орловского крестьянства в годы Первой мировой войны / Жирнов Н.А. // Российское крестьянство в условиях военных, социально-экономические и политических потрясений. Материалы III Международной научно-практической конференции 16-18 мая 2016 г. –Мичуринск, МичГАУ –С. 33–38.

57. Жиромская, В.Б. Российская постсоциализированная деревня. 1918–1921 // Демографические и экологические проблемы истории России в 20 веке./ Жиромская В.Б. –Москва–Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина – 2010. – С. 107–131.

58. Загоровский, П.В. Социально–политическое развитие сельского населения Центрально–Черноземного региона России во второй половине 1920–х – первой половине 1930–х гг. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук: 07.00.02 / Загоровский П.В. –М., 1999. – 43 с.

59. Зак, С.С. Революция и социализация земли. / Зак С.С. – Одесса: Печатник, 1917. – 64 с.

60. Зеленин, И.Е. Совхозы в первое десятилетие советской власти / Зеленин И.Е. // Вопросы истории. – 1970. – № 2. –С.18–33.

61. Зиновьев, Е.А. Крестьянские земельные комитеты Мордовии в период от февраля к октябрю 1917 года / Зиновьев Е.А. // Труды НИИ

Мордовской АССР. – Саранск, 1961. – Вып. 21. –С. 187–199.

62. Зыбко, Н.П. Тамбовская партийная организация в годы гражданской войны и интервенции (1918–1920 гг.). / Зыбко Н.П. –Тамбов: Книжное издательство, 1961. – 39 с.

63. Ибрагимов, К.Х. Особенности общинной поземельной собственности в России / Ибрагимов К.Х. // Вопросы истории. –2007. –№ 12. – С. 117–125.

64. Иванов, А.А. Инструкция о переходных мерах к социализации земли в Нижегородской губернии /Иванов А.А. // Марийский археографический вестник. 2002. – № 12. – С. 170–185.

65. Иванова, А.А., Старикова С.В. Закон левых эсеров о земле (редкое издание Основного закона о социализации земли) / Иванов А.А. // Марийский археографический вестник –№ 11. – 2001. –С. 182–205.

66. Иванов, В.С. Великие реформы Александра Второго./ Иванов В.С. –М. – 2001. – С. 206.

67. Игнатьева, О.А. Меньшевики об аграрном вопросе в России (1917–первая половина 1918 г.) // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. / Игнатьева О.А. –2005. –№ 1. –С. 37–50.

68. Кабанов, В.В. Кооперация, революция, социализм. / Кабанов В.В. – М.: Наука, 1996. – 205 с.

69. Кабанов, В.В. Крестьянское хозяйство в условиях «военного коммунизма». / Кабанов В.В. – М.: Наука, 1988. – 303 с.

70. Кабанов, В.В. Пути и бездорожье аграрного развития России в XX веке / Кабанов В.В. // Вопросы истории. –1998. – № 2. –С. 34–42.

71. Кабанов, В.В. Разработка Основного закона о социализации земли / Кабанов В.В. // Октябрь и советское крестьянство. 1917–1927 гг. М.: Наука, 1977. С. 79–111.

72. Кабытов, П.С. Русское крестьянство в начале XX в. / Кабытов П.С. – Самара, 1999. – 156 с.

73. Канищев, В.В., Мещеряков, Ю.В. Анатомия одного мятежа

(Тамбовское восстание 17-19 июня 1918 г.) / Канищев В.В. – Тамбов, 1995. – 295 с.

74. Карпачев, М.Д. Воронежские неонародники о крестьянской политике в 1920–е гг./ Воронеж народнический: сборник статей / под ред. Г.Н. Мокшина. / Карпачев М.Д.–Воронеж, Издательство «Истоки», 2002. – С. 160–173.

75. Кауфман, А.А. Аграрный вопрос в России. / Кауфман А.А. –М.: АСТ (Репринт. изд. 1919 г.), 2001. – 320 с.

76. Кимитака, Мацузато. Почему умерли земства /Кимитака Мацузато // Родина. – 1994. – № 7. –С. 36–40.

77. Кириллов, И.А. Очерки землеустройства за три года революции. /Кириллов И.А. –Пг., 1922. – 128 с.

78. Книпович, Б.Н. Направление и итоги аграрной политики./ Книпович Б.Н. – М., 1921. –138 с.

79. Книпович, Б.Н. Очерк деятельности Народного Комиссариата Земледелия за три года (1917–1920). / Книпович Б.Н. –М., 1920. – 204 с.

80. Ковалев, Д.В. Социализация земли и крестьянское землепользование (по материалам Подмосковья) / Ковалев Д.В. // Отечественная история. 2007. № 5. С. 97–106.

81. Ковалев, Д.В. Социально-политическая активность крестьянства весной-летом 1917 г. в материалах анкетирования земельных комитетов// Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. / Ковалев Д.В. –2011. –№ 1. –С. 246–252.

82. Ковалев, С., Латов, Ю. «Аграрный вопрос» в России на рубеже XIX — XX вв.: попытка институционального анализа /Ковалев С.// Вопросы экономики – 2000. –№ 4. –С. 102–118.

83. Колупаев, А.А. Индивидуальное крестьянское хозяйство Курской губернии в годы революций и гражданской войны (1917 г. – весна 1921 г.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук: 07.00.02. / Колупаев А.А. –Курск, 2005. – 26 с.

84. Колупев, А.А. Решение земельного вопроса в Курской губернии накануне и в период революционных событий 1917 года и гражданской войны / Колупев А.А. // Известия Юго-Западного государственного университета. – 2013. –№6 (51). Ч. 1. – С. 181–186.

85. Кондратьев, Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции./ Кондратьев Н.Д. – М., 1991. – 487 с.

86. Кондрашин, В.В. Историки-аграрники России XX – начала XXI вв.: творческий путь и международное сотрудничество. / Кондрашин В.В. – Выпуск первый. Прага, 2014. – 198 с.

87. Кондрашин, В.В. Крестьянское движение в Поволжье в 1918–1922 гг. / Кондрашин В.В. –М.: Янус – К, 2001. – 544 с.

88. Кондрашин, В.В. Крестьянство и революция // Великая российская революция, 1917: сто лет изучения: материалы Междунар. науч. конф. (Москва, 9 – 11 октября 1917 г.). / Кондрашин В.В. – М. – 2017. –С. 66 – 73.

89. Кондрашин, В.В. Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. / Кондрашин В.В. – М., 2009. – 575 с.

90. Коновалова, О.В. В.М. Чернов и аграрная программа партии социалистов–революционеров // Коновалова О.В. / Отечественная история. – 2002. – № 2. –С. 43–60.

91. Кончаков, Р.Б. Демографическое поведение крестьянства Тамбовской губернии в XIX–начале XX. Новые методы исследования. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук: 07.00.02 –Отечественная история. /Кончаков Р.Б. –Тамбов, 2006. – 20 с.

92. Конюков, И.А. Очерки о первых этапах развития коллективного земледелия, 1917–1925 гг. / Конюков И.А.–М.: Сельхозгиз –1949. –189 с.

93. Корчагова, М.Н. Проблемы аграрной истории Октябрьской революции и гражданской войны в англоязычной литературе (Историографический обзор)/ Корчагова М.Н. // Отечественная история. – 1994. – № 4–5. –С. 205–215.

94. Кострикин, В.И. Земельные комитеты в 1917 году. / Кострикин В.И. –М., Издательство «Наука», 1975. – 336 с.

95. Кострикин, В.И. Крестьянское движение накануне Октября // Октябрь и советское крестьянство. 1917–1927 гг. / Кострикин В.И. –М.: Наука, 1977. – С. 10–40.

96. Кочетков, И.В. Институты крестьянского землепользования в 1918–1919 гг. // Власть, общество и реформы в России (XVI– нач. XX веков): Материалы научно–теоретической конференции 8–10 декабря 2003 г./ Кочетков И.В. – СПб. Издательство С.–Петербургского ун–та, 2004. – С. 510–526.

97. Краев, М.А. Победа колхозного строя в СССР. / Краев М.А. –М.: Госполитиздат, 1954. –720 с.

98. Крестов, Ф.Д. Деревня после Октября. / Крестов Ф.Д. –М.: Красная новь, 1925. — 128 с.

99. Крестьяне и власть: Тезисы докладов и сообщений научной конференции 7-8 апреля 1995 г. /Реакционная коллегия: В.П. Данилов, С.А. Есиков (ответственный редактор), В.В. Канищев, В.Н. Митрофанова, Н.Н. Мочалин, А.А. Слезин–Тамбов, 1995. – 112 с.

100. Крестьянство в первые десятилетия советской власти.1917–1927. т.1. /Под ред. Кузнецовой Л.М. –М.: Наука, 1986. –456 с.

101. Кузнецов, А.А., Давыдова И.В. Аграрные реформы в России 20 столетия (на примере Тамбовской области)./ Кузнецов А.А. –Мичуринск, 2004. –185 с.

102. Кузнецов, А.А. История экономики Козловского края. / Кузнецов А.А.–Мичуринск, 2000. – 74 с.

103. Куренышев, А.А. Крестьянство России в период войны и революции 1917–1920 гг. (историографические аспекты) / Куренышев А.А.// Вопросы истории. –1999. –№ 4–5. –С. 148–156.

104. Куренышев, А.А. «Революционная война» и крестьянство/ Куренышев А.А.// Отечественная история. –2001. – № 6. –С. 33–46.

105. Курсков, Н.А. Роль земельных комитетов в крестьянском движении в 1917 г. (на материалах Самарской губ.) /Курсков Н.А.// Социально-экономическое развитие Поволжья в 19-начале 20 вв. Куйбышев – 1986. – С. 163–169.

106. Курцев, А.Н. Крупные крестьяне Черноземного центра в конце XIX – начале XX веков / Курцев А.Н. // Методика и опыт изучения сельских поселений Центрального Черноземья. –М. –1990. –С. 42–44.

107. Куцеволов, А.А. Деятельность партии социалистов–революционеров среди крестьянства Воронежской губернии (90–е гг.XIX в. – 1917 г.)/ Куцеволов А.А. // Воронеж народнический: сборник статей. Под ред. Г.Н. Мокшина, –Воронеж –2002. –С. 139–159.

108. Лавров, В.М. Крестьянский парламент России. Всероссийские съезды советов Крестьянских депутатов в 1917–1918 годах. РАН; Ин–т рос. истории. / Лавров В.М. – М.: Археографический Центр,1996. – 239 с.

109. Лавров, В.М. Мария Спиридонова: террористка и жертва террора: Повествование в документах / Лавров В.М. – М.: «Прогресс–Академия», 1995 – 228 с.

110. Лавров, В.М. Партия Спиридоновой (Мария Спиридонова на левоэсер. съездах)./ Лавров В.М. –М.: Ин–т рос. истории РАН, 2001. – 223 с.

111. Левин, М. Деревенское бытие: нравы, верования, обычаи // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ежегодник. / Левин М. – М., 1997. –С. 84–127.

112. Лесков, С.А. Земельные захваты и споры в период гражданской войны в Забайкалье/ Лесков С.А. // Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XXI века: сборник статей. – Коломна –2013. – С. 255–259.

113. Литошенко, Л.Н. Социализация земли в России. / Литошенко Л.Н. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. – 536 с.

114. Лозбенев, И.Н. Крестьянская община в годы НЭПа / Лозбенев И.Н.// Вопросы истории. –2005. – № 4. –С. 112–118.

115. Лопаткин, А.Н. Агарная политика большевиков / Лопаткин А.Н. //

Вопросы истории. –1957. –№ 4. – С. 45–58.

116. Луцкий, Е.А. Борьба вокруг Декрета «О земле» (ноябрь–декабрь 1917 г.) /Луцкий Е.А. // Вопросы истории. –1947. –№ 3. –С. 15–39.

117. Луцкий, Е.А. Закон о социализации земли /Луцкий Е.А. // Вопросы истории. – 1948. – № 10. –С. 21–38.

118. Луцкий, Е.А. Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в сентябре 1917 г./Луцкий Е.А. // Ист. записки. – М. –1938. –Т. 2. – С. 49–78.

119. Луцкий, Е.А. О сущности уравнительного землепользования в советской России/Луцкий Е.А. // Вопросы истории. –1956. –№ 9. –С. 59–70.

120. Люкшин, Д.И. Крестьяне России в 1917 году. Пиррова победа общинной революции. /Люкшин Д.И. –М.: Наука, 1998. – 389 с.

121. Магнутов, Н.Р. Аграрные преобразования в Советской Бурятии до победы колхозного строя / Магнутов Н.Р. // История СССР. –1959. – № 6. –С. 30.

122. Максимова, О.Д. Законотворческая деятельность Всероссийских съезд Советов и ВЦИК в условиях многопартийности (ноябрь 1917 – июль 1918 г.)/ Максимова О.Д.// Вестник Московского университета сер. 11. – Право. –2009. – № 4. –С. 77–93.

123. Малявский, А.В. Крестьянское движение в России в 1917 г. март–октябрь. / Малявский А.В. –М., Издательство «Наука». 1981. – 400 с.

124. Маслов, Петр. Аграрный вопрос в России. т. II. Кризис крестьянского хозяйства и крестьянское движение./ Маслов Петр – СПб. 1908.

125. Марченя, П.П., Разин, С.Ю. Коммунистическая Россия как мегаобщина: Первый Международный круглый стол «Сталинизм и крестьянство» (Заседание № 3 теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории» // Сталинизм и крестьянство: сборник научных статей и материалов круглых столов и заседаний теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории». /Марченя П.П.–М.: Изд-во Иполлитова, 2014. –С. 535–614.

126. Мау, В.А. Реформы и догмы. Государство и экономика реформ

и революций (1861–1929). Издание третье, переработанное / В.А. Мау. –М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2013. –513 с.

127. Месяцев, П.А. Земельная и сельскохозяйственная политика России. /Месяцев П.А. –1922. – 209 с.

128. Мигущенко, О.Н. Военный коммунизм в Курской губернии: Учебное пособие для высших учебных заведений МВД России. / Мигущенко О.Н. –Орел, 1997. –39 с.

129. Мигущенко, О.Н. Социальные изменения в Курской деревне 1918–1920 годов// Методика и опыт изучения сельских поселений Центрального Черноземья. / Мигущенко О.Н. –М., 1990. –С. 50–51.

130. Миклашевский, А.Н. Земельная реформа и организация труда. Ученые записки имп. Юрьевского университета. / Миклашевский А.Н. – 1906. – 195 с.

131. Милов, Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. / Милов Л.В. –М.: Наука, 2001. – 217 с.

132. Милов, Л.В. Природно–климатический фактор и особенности российского исторического процесса/ Милов Л.В. // Вопросы истории. – 1992. –№ 4–5. –С. 37–54

133. Милосердов, В.В., Милосердов, К.В. Аграрная политика России–XX век./ Милосердов В.В.– М.: ФГУП «ВО Минсельхоза России», 2002. – 543 с.

134. Милютин, В.П. Аграрная политика СССР. / Милютин В.П. – М., Государственное издательство, 1929. – 336 с.

135. Миронов, Борис. Когда в России жилось хорошо? // Русский исторический журнал «Родина». / Миронов Борис – 2008. –№ 5. –С. 80–85.

136. Миронов, Борис. Когда в России жилось хорошо? // Русский исторический журнал «Родина». / Миронов Борис – 2008. –№ 6. –С. 11–15.

137. Михеев, В.И. Сопротивление курского крестьянства политике большевиков в 1918–1933 гг. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук: 07.00.02 – Отечественная история.

/Михеев В.И. – Курск, 1998. –254 с.

138. Морозов, В.Ф. Борьба большевистской партии за установление Советской власти в губерниях Центральной России. Октябрь 1917 г. – март 1918 г./ Морозов В.Ф. – Саратов – Пенза, 1967. – 120 с.

139. Никольский, С.А. Коллективизация и деколлективизация: сравнительный анализ процессов, последствий, перспектив // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ежегодник. 1997. Под ред. В. Данилова, Т. Шанина. / Никольский С.А. – М., 1997. – С. 223-240.

140. Никонов, А.А. Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика (XVIII – XX вв.). / Никонов А.А. – Москва., Энциклопедия российских деревень. – 576 с.

141. Новикова, Е.В. Правовое оформление земельных отношений в 1917 – 1926 гг. /Новикова Е.В.// Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. –2013. –№ 2. –С. 244–248.

142. Новоторжский, Г. Социализация земли (издание 2–е, исправленное). / Новоторжский Г. – С.–Петербург, типография «Север» А. М. Лесмана, 1906 г. – 31 с.

143. Окатов, Н.А. Тамбовская партийная организация в период восстановления народного хозяйства (1921–1925 гг.). /Окатов Н.А. –Тамбов: Книжное издательство, 1961. –56 с.

144. Осипова, Т.В. Октябрь и аграрный вопрос. Актуальные проблемы // Октябрьская революция. Народ: ее творец или заложник? / Осипова Т.В.–М.: Наука, 1992. – С. 191–202.

145. Осипова, Т.В. Развитие социалистической революции в деревне в первый год диктатуры пролетариата // Октябрь и советское крестьянство. 1917–1927 гг. / Осипова Т.В.–М.: Наука, 1977. – С. 43–78.

146. Пайпс, Р. Русская революция: В 3–х кн. Кн. 3. Россия под большевиками. 1918—1924. /Пайпс, Р. –М. Наука: 2005. – 704 с.

147. Первая мировая война и военно-мобилизационные мероприятия в Среднем Поволжье и Центральном Черноземье: монография / под. ред. М.М.

Есиковой, П.С. Кабытова, К.В. Самохина. –М.: Новых хронограф, 2015. – 288 с.

148. Першин, П.Н. Аграрная революция в России. т. 1–2. / Першин П.Н. –М.: Наука, 1966. –574 с., –590 с.

149. Погорелый, Д.Н. Земельные комитеты Тамбовской губернии 1917–1918 гг. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук: 07.00.02 –Отечественная история. / Погорелый Д.Н.– Тамбов, 2002. –24 с.

150. Погорелый, Д.Н. Организация Тамбовского губернского земельного комитета в 1917 г.: компетенция и задачи. /Погорелый Д.Н.//Вестник Тамбовского университета. – Серия: Гуманитарные науки. – 2001. – № 33 (23). –С. 14.

151. Подлесных, С.Н. Правовое положение земельных отделов по декрету ВЦИК «О социализации земли» 1918 гг./ Подлесных С.Н. // Научное обеспечение агропромышленного комплекса Сборник статей по материалам X Всероссийской конференции молодых ученых, посвященной 120-летию И. С. Косенко. Отв. за вып. А. Г. Кощаев. –2017. –С. 957-958.

152. Подлесных, С.Н. Правовое регулирование переселения по декрету ВЦИК «О социализации земли» 1918 г./ Подлесных С.Н. // Инновационные технологии и технические средства для АПК. Материалы международной научно-практической конференции молодых ученых и специалистов. Под общей редакцией Н.И. Бухтоярова, Н.М. Дерканосовой, В.А. Гулевского. – 2016. – С. 234-239.

153. Подлесных, С.Н. Правовые источники социализации земли в 1917-1922 гг./ Подлесных С.Н.// Инновационные технологии и технические средства для АПК. Материалы Международной научно-практической конференции молодых ученых и специалистов. Под общей редакцией Н.И. Бухтоярова, Н.М. Дерканосовой, В.А. Гулевского. –2017. –С. 288-291.

154. Подлесных, С.Н. Правопользование землей по декрету ВЦИК «О социализации земли» 1918 г./ Подлесных С.Н. // Материалы международной

научно-практической конференции профессорско–преподавательского состава, научных сотрудников и аспирантов, посвященной Дню юриста. Под общей редакцией Н.И. Бухтоярова, В.Н. Плаксина, С.Н. Махиной, Т.М. Куценко. 2016. –С. 74-78.

155. Подлесных, С.Н. Реализация первых советских законов о земле в Воронежской губернии (по материалам Новокурлакской волости Бобровского уезда): общие положения / Подлесных С.Н. // Юридическая наука. 2013. № 4. С. 28–34.

156. Покровский, М.Н. Историческая наука и борьба классов. /Покровский М.Н.–Москва–Ленинград: Государственное социально–экономическое издательство, 1933. –450 с.

157. Покровский, М.Н. Октябрьская революция: Сборник статей: 1917 –1927 / М.Н. Покровский; Коммунистическая Академия, О–во историков–марксистов. –М.: Изд–во Ком. акад., 1929. – 418 с.

158. Полтерович, В.М. Элементы теории реформ. / Полтерович В.М. – М.: ЗАО Издательство «Экономика», 2007. – 447 с.

159. Протасов, Л.Г. Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели. /Протасов Л.Г. –М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1997. – 368 с.

160. Протасов, Л.Г. Выборы в Учредительное собрание в Тамбовской губернии / Протасов Л.Г. // История Тамбовского края: избранные страницы. – Тамбов, 2004. – С.145–161.

161. Протасов, Л.Г. Крестьянское восстание осенью 1917 г. и эсеры // Октябрьская революция. Народ: ее творец или заложник? / Протасов Л.Г. – М.: Наука, 1992.– С. 203–212.

162. Протасов, Л.Г. Люди Учредительного собрания: портрет в интерьере эпохи. / Протасов Л.Г. – М.: РОССПЭН, 2008.– 463 с.

163. Рассказов, Л.П., Верхогляд, Д.П. Ленинская идея национализации земли и ее реализация в процессе формирования законодательной базы, определявшей статус земельной собственности после Октябрьской революции

1917 г./ Рассказов Л.П.// Научный журнал КубГАУ – №94 (10) – 2013. –С. 982–993.

164. Рогалина, Н.Л. Аграрные преобразования в России 10–20–х годов (историко–сравнительный анализ) /Рогалина Н.Л. / /Россия в XX веке: Реформы и революции. В 2–х томах. – Т. 1. –М. –2007. –С. 543–563.

165. Рогалина, Н.Л., Гончарова, И.В. Крестьянское хозяйство Центральной России в 1920–е гг.: общее и особенное /Рогалина Н.Л.// Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XIX века: сборник статей. – Коломна – 2013. – С. 328–336.

166. Романченко, В.Я. Из истории формирования системы государственных сельских хозяйств в первые годы Советской власти (1918–1920 гг.) / Романченко В.Я. // Государственная власть и крестьянство в XIX–начале XX века: сборник статей. –Коломна –2013. –С. 283–287.

167. Саблин, В.А. Аграрная революция на Европейском Севере России. 1917–1921. (Социальные и экономические результаты). /Саблин В.А. – Вологда, 2002. – 344 с.

168. Сазонов, В.В. У истоков крестьянского восстания на Тамбовщине // Вопросы истории. / Сазонов В.В. –2001. – № 4. – С. 75–83.

169. Самошкин, В.В. Антоновское восстание./ Самошкин В.В. – М.: Русский путь, 2005.– 360 с.

170. Сафонов, Д.А. Великая крестьянская война 1920-1921 гг./ Сафонов Д.А. – Оренбург: Оренбургская губерния – 1998. – 215 с.

171. Свиридов, В.В. Сельскохозяйственные общества Тамбовской губернии (вторая половина XIX–XX века). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук: 07.00.02 – Отечественная история. / Свиридов В.В. –Тамбов, 2006. – 28 с.

172. Сельцер, Д.Г. Крестьянское движение в губерниях Черноземного центра России (март 1917 – март 1918 гг.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук: 07.00.02/ Сельцер Д.Г. –Казань, 1991. –17 с.

173. Сельцер, Д.Г. Создание органов советской власти в сельских населенных пунктах Центрального Черноземья/ Сельцер Д.Г.// Методика и опыт изучения сельских поселений Центрального Черноземья. –М., 1990. –С. 48–49.

174. Скрыпнев, Н. Первые шаги социалистического переустройства сельского хозяйства в 1918–1920 гг. / Скрыпнев Н. –М., 1951. –217 с.

175. Слезин, А.А. За «новую веру». Государственная политика в отношении религии и политический контроль среди молодежи РСФСР (1918-1929 гг.). / Слезин А.А. – М.: Акад. Естествознания, 2009. –222 с.

176. Слезин, А.А., Скоропад, А.Э. Открытый внешний политический контроль над комсомольскими организациями в РСФСР (1918-1929 гг.)/ Слезин А.А.// Социодинамика. – 2013. – № 12. –С. 97–123.

177. Смирнов, А.С. Крестьянские съезды в 1917 году. / Смирнов, А.С. – М.: Мысль, 1979. – 245 с.

178. Соболев, П. Подготовка социалистической революции и установление Советской власти в Воронежской губернии. / Соболев П. – Воронеж. Воронежское книжное издательство, 1955. –149 с.

179. Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке/ под. ред. В.В. Бабашкина. –М.: Политическая энциклопедия, 2015. –743 с.

180. Солнышко, Ю. Октябрь в Курской области. / Солнышко Ю. – Курск, Издательство «Курская правда», 1947. –552 с.

181. Социализация земли. Сборник статей. Выпуск первый. – Москва, Книгоиздательство «Сотрудничество». 1907. – 205 с.

182. Сталин, И. Вопросы ленинизма. Издание одиннадцатое. / Сталин И. –Ленинград: Государственное издательство политической литературы, 1947. – 611 с.

183. Струмилин, С.Г. Проблемы экономики труда. / Струмилин С.Г. – М. Наука, 1982. – 472 с.

184. Сухова, О.А. Десять мифов крестьянского сознания: Очерки

истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья. / Сухова О.А. –М.: РОССПЭН, 2008. – 679 с.

185. Тамбовская губерния в начальный период советской власти, октябрь 1917 – август 1918 гг. / Ю. В. Мещеряков; Упр. культуры и архивного дела Тамбовской обл., ТОГБУ «Гос. архив Тамбовской обл.». –Тамбов: Тип. «Пролетарский светоч», 2012. – 423 с.

186. Тернер, Ф.Г. Дворянство и землевладение. / Тернер Ф.Г. –СПб., 1903. – 84 с.

187. Фарберова, О.Е. Правовое регулирование становления кооперативного движения в первые годы Советской власти (октябрь 1917 г. – январь 1921 г.) /Фарберова О.Е.// Вестник Белгородского университета потребительской кооперации. –С. 396– 401.

188. Фатуева, Н.В. Противостояние: кризис власти – трагедия народа (Из истории крестьянских волнений и восстаний в Тамбовской губернии в 1918 – 1921 гг.). / Фатуева Н.В. – Рязань, 1996. – 228 с.

189. Хитрова, Н.Е. Аграрная политика Временного правительства в 1917 году. / Хитрова Н.Е. –Нижний Новгород: Нижегородский гуманитарный центр, 2001. – 383 с.

190. Хмель, Е.В. Формирование рационального природопользования в хозяйствах крупных землевладельцев Тамбовской губернии в конце XIX–начале XX вв. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук: 07.00.02 / Хмель Е.В. –Тамбов, 2004. – 23 с.

191. Чаянов, А.В. Краткий курс кооперации. /Чаянов А.В. –М., Центральное товарищество «Коооперативное издательство». 1925. – 78 с.

192. Чаянов, А.В. Крестьянское хозяйство: Избранные труды. / Чаянов А.В. –М., Экономика. 1989. – 432 с.

193. Челинцев, А.Н. Русское сельское хозяйство перед революцией. / Челинцев, А.Н. – Москва, Кооперативное издательство студентов сельскохозяйственной академии им. Тимирязева. Новый агроном. 1928. – 239

с.

194. Черменский, П.Н. От крепостного права к Октябрю в Тамбовской губернии (1861 – 1917 гг.). / Черменский П.Н. – Тамбов, 1928. – 100 с.

195. Чернов, В. и М.Р., Гоц [Р.Р]. Социализация земли // Образ будущего в русской социально–экономической мысли конца XIX – начала XX века. Избранные произведения / Сост. Я.И. Кузьминов. –М., 1994. – С. 29–36.

196. Чернов, В.М. Конструктивный социализм./ Чернов В.М. – М.: РОССПЭН, 1997. – 647 с.

197. Черномырдик, С. Сталин и коллективизация / Черномырдик С. // Историк–марксист. –1940. – № 2. –С. 37–59.

198. Шадский, О.Г. Зарубежная историография российского крестьянства и крестьянских движений в 1918 1921 годах: Историографический обзор./ Шадский О.Г. – Тамбов, 2000. – 44 с.

199. Шадский, О.Г. Советская власть и крестьянство Тамбовской губернии (лето 1918 – лето 1920), «предантоновщина». Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук: 07.00.02 /Шадский О.Г. – Пенза, 2000. –24 с.

200. Шанин, Т. Четыре с половиной программы Ленина / Шанин Т. // Отечественные записки. – 2014 – №. 1. – С. 188 – 211.

201. Шарапов, Г.В. К вопросу о сущности уравнительного землепользования в советской России / Шарапов Г.В. // Вопросы истории. – 1957. –№ 3. – С. 113–121.

202. Шатковская, Т.В. Место обычного права в регулировании земельных отношений в первые годы советской власти (1917–1922 гг.) / Шатковская Т.В. // Юристъ–Правоведъ. – Ростов–на–Дону: Изд–во Рост. юрид. ин–та МВД России – 2008 – № 3. – С. 87–92.

203. Шелестов, Д.К. Борьба за власть Советов на Алтае в 1917–1919 гг. / Шелестов Д.К. –М., 1959. –172 с.

204. Шестаков, А.В. Классовая борьба в деревне ЦЧО в эпоху военного коммунизма./ Шестаков А.В. –Воронеж, 1930. –187 с.

205. Шмелев, Г.И. Национализация земли в теоретических схемах большевиков и в реальности/ Шмелев Г.И. // Вопросы истории. – 2003. –№ 2. – С. 35–49.

206. Шуструйский, А.В. Продовольственный вопрос и крестьянское движение за землю в условиях общенационального кризиса в России. 1917 год / Шуструйский А.В. // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2013. –№ 1. –С. 180–184.

207. Щагин, Э.М. Октябрьская революция в деревне Восточных окраин России (1917–лето 1918) / Щагин Э.М. –М., 1974. – 331 с.

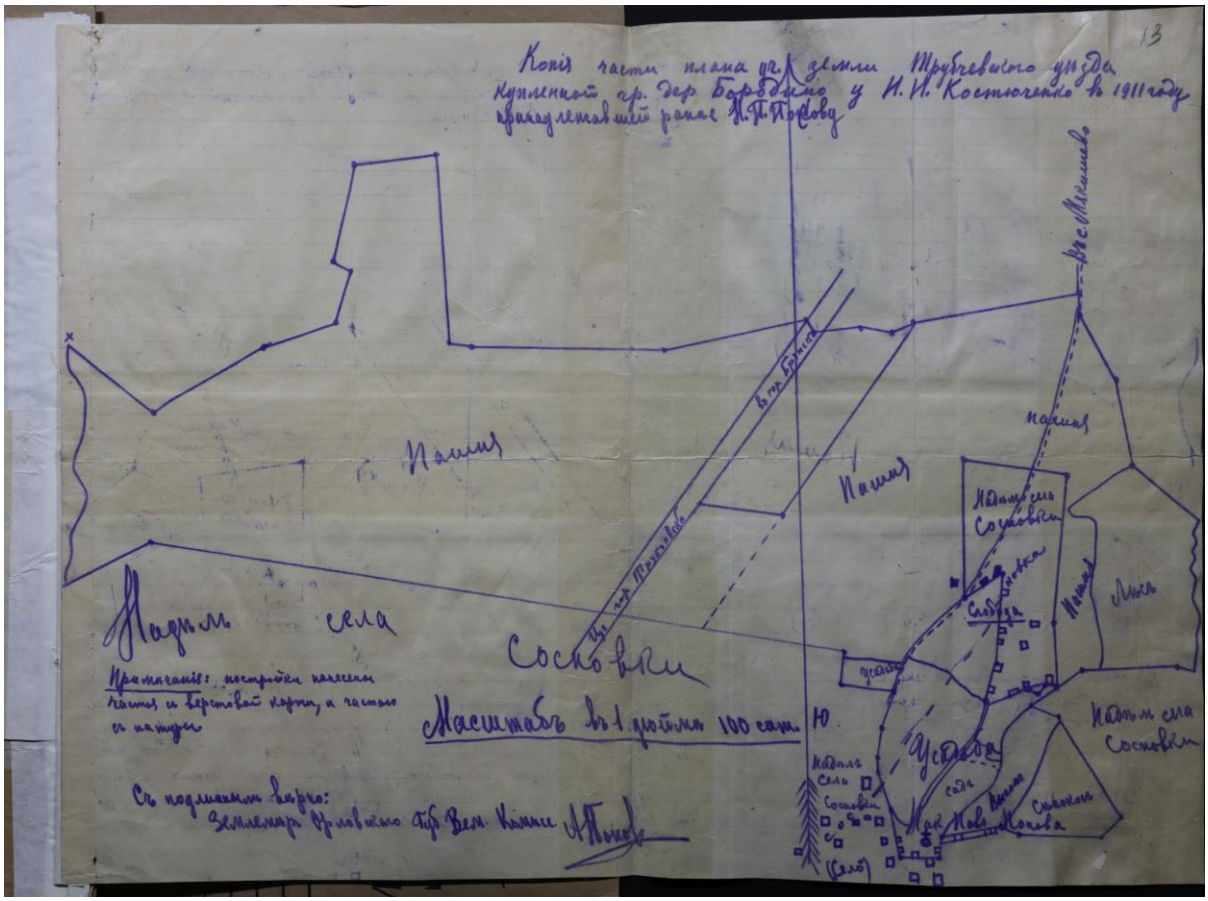
208. Якимов, Д.В. Взгляды большевиков и левых эсеров на формы организации сельскохозяйственного производства в 1917-1918 годах (на материалах Саратовской губернии) /Якимов Д.В.// Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета –2008. – № 3. –С. 157–161.

209. Якимов, Д.В. Право собственности на землю в аграрной политике большевиков и левых эсеров (на материалах Саратовской губернии) /Якимов Д.В.// Вестник Саратовского государственного социально–экономического университета. – 2008. –№ 2. – С. 158–162.

210. Яковлев, Я.А. Деревня как она есть. 2–е изд. / Яковлев Я.А.– М.: Красная новь, 1923. – 145 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

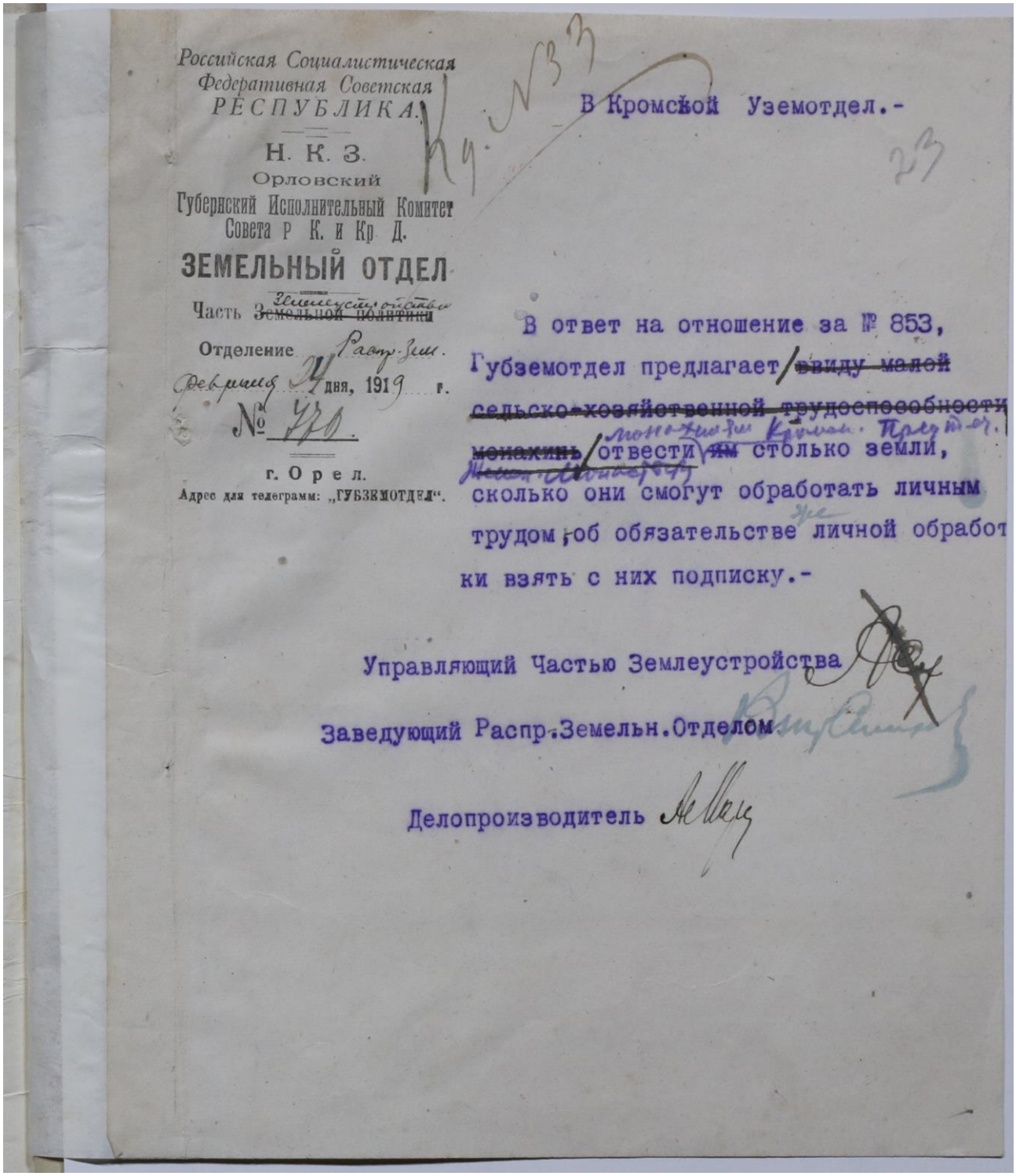
Карта спорной земли крестьян д. Бородино и с. Садовая Сосновка Трубчевского уезда Орловской губернии[944]



[944] ГАОО. Ф. Р-314. Оп. 1. Д. 8. Л. 13.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Разъяснения земельных органов Орловской губернии по поводу отведения земли монахиням[945]



Российская Социалистическая Федеративная Советская РЕСПУБЛИКА.

Н. К. З.
Орловский
Губернский Исполнительный Комитет
Совета Р. К. и Кр. Д.
ЗЕМЕЛЬНЫЙ ОТДЕЛ
Часть ~~Земельной политики~~ Землеустройства
Отделение Распр. Зем.
Февраля 24 дня, 1919 г.
№ 770.

г. Орел.
Адрес для телеграмм: „ГУБЗЕМОТДЕЛ".

№ 33

В Кромской Уземотдел.-

23

В ответ на отношение за № 853, Губземотдел предлагает ~~ввиду малой сельско-хозяйственной трудоспособности монахинь~~ монахиням Кромск. Преч. отвести им столько земли, сколько они смогут обработать личным трудом, об обязательстве личной обработки взять с них подписку.-

Управляющий Частью Землеустройства

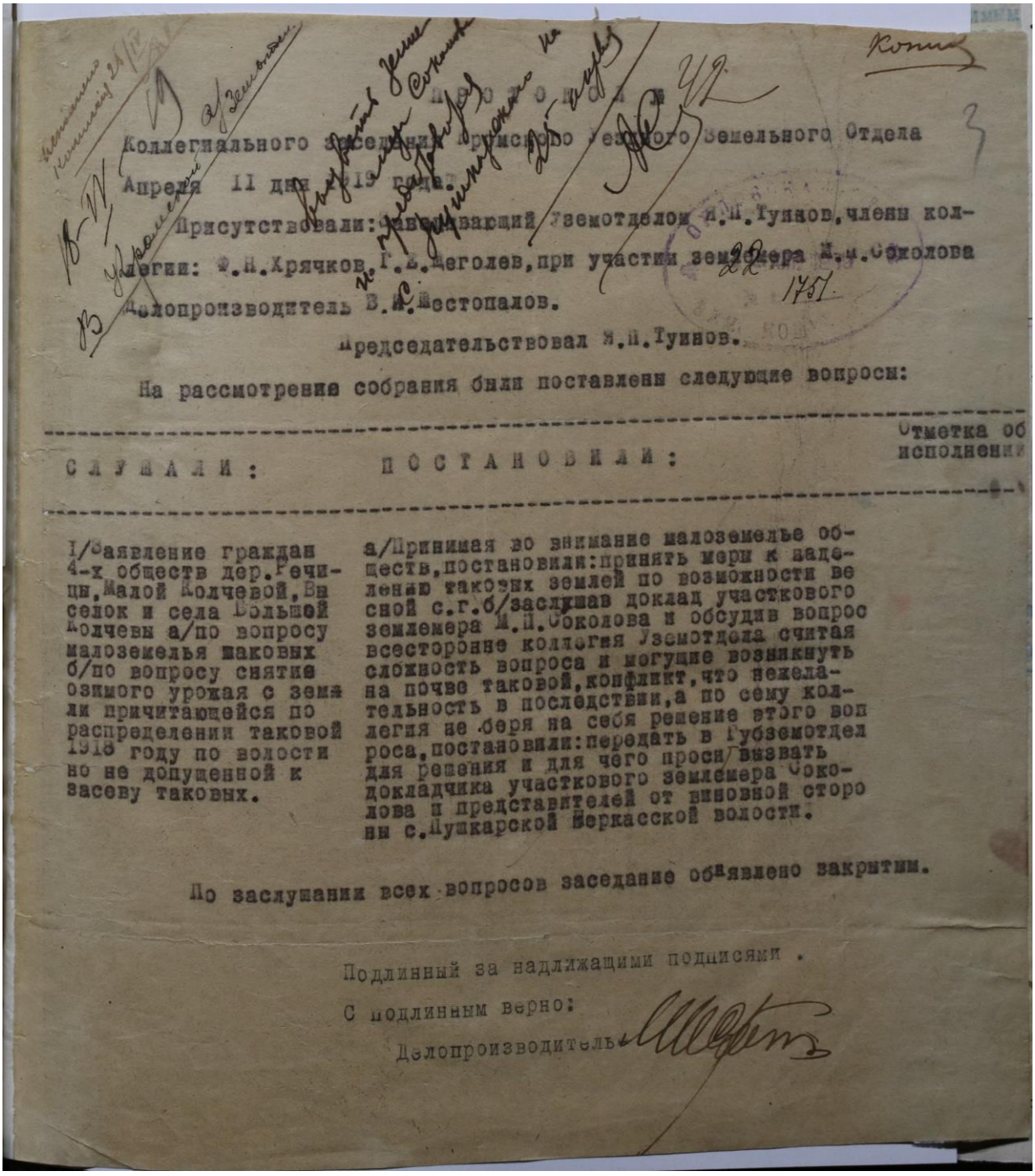
Заведующий Распр.Земельн.Отделом

Делопроизводитель

[945] ГАОО. Ф. Р-314. Оп. 1. Д. 29. Л. 23.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Протокол коллегиального заседания Кромского уездного земельного отдела Орловской губернии от 11 апреля 1919 г. о наделении землей малоземельных крестьян, не получивших при уравнительном распределении земли наделов по норме[946]



Коллегиального заседания Кромского Уездного Земельного Отдела

Апреля 11 дня 1919 года.

Присутствовали: Завед[ующий] Уземотделом И.П.Туинов, члены коллегии: Ф.Н.Хрячков, Г.Е.Неголев, при участии землемера М.И.Соколова

Делопроизводитель В.И.Шестопалов.

Председательствовал И.П.Туинов.

На рассмотрение собрания были поставлены следующие вопросы:

СЛУШАЛИ:	ПОСТАНОВИЛИ:	Отметка об исполнении
I/Заявление граждан 4-х обществ дер.Речицы, Малой Колчевой, Выселок и села Большой Колчевы а/по вопросу малоземелья таковых б/по вопросу снятие озимого урожая с земли причитающейся по распределении таковой 1918 году по волости но не допущенной к засеву таковых.	а/Принимая во внимание малоземелье обществ, постановили: принять меры к наделению таковых земель по возможности весной с.г. б/заслушав доклад участкового землемера М.И.Соколова и обсудив вопрос всесторонне коллегия Уземотдела считая сложность вопроса и могущие возникнуть на почве таковой, конфликт, что нежелательность в последствии, а по сему коллегия не беря на себя решение этого вопроса, постановили: передать в Губземотдел для решения и для чего просить вызвать докладчика участкового землемера Соколова и представителей от виновной стороны с.Лункарской Беркасской волости.	

По заслушании всех вопросов заседание объявлено закрытым.

Подлинный за надлежащими подписями.

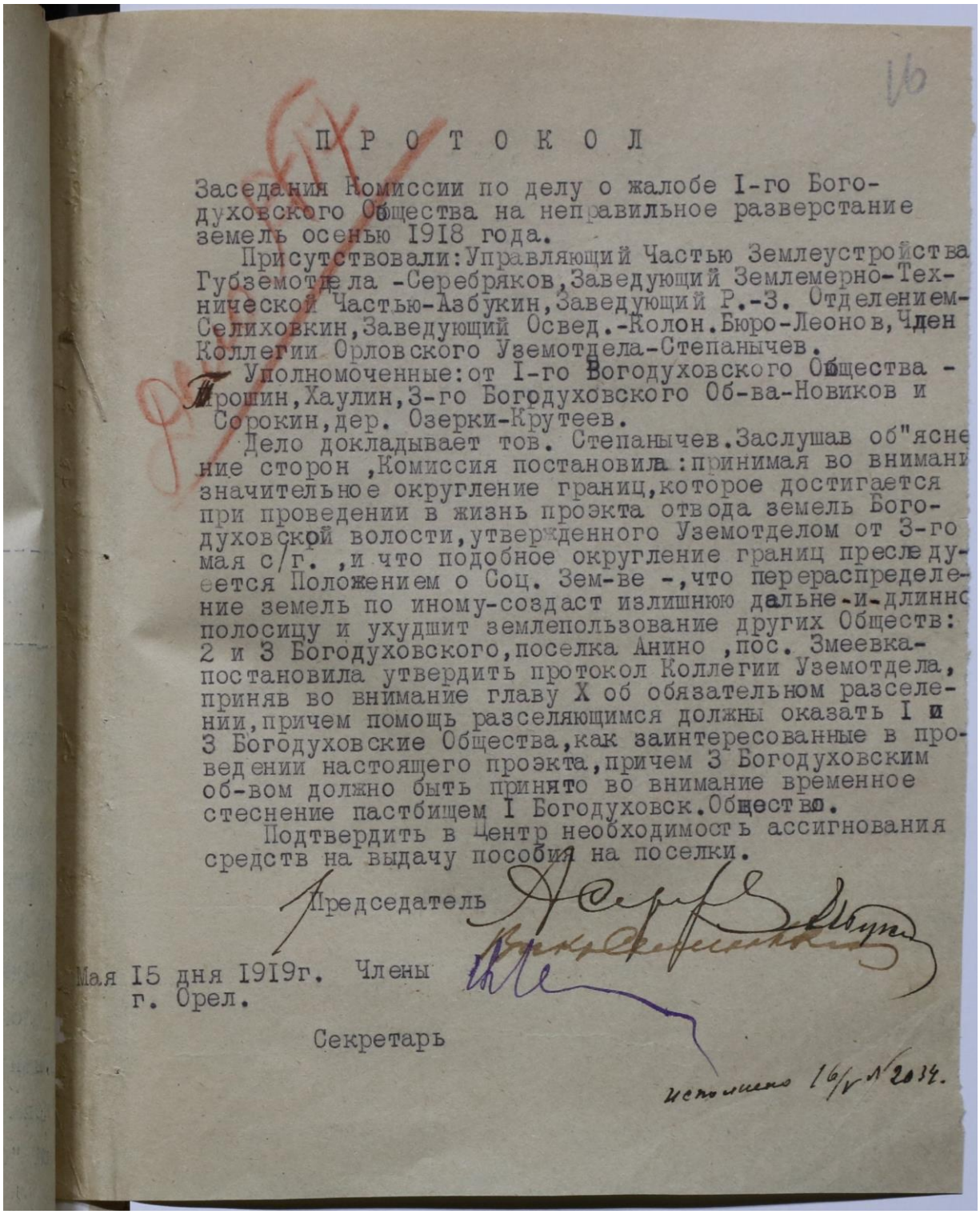
С подлинным верно:

Делопроизводитель

[946] ГАОО. Ф. Р-314. Оп. 1. Д. 42. Л. 3.

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

Протокол заседания комиссии по делу о жалобе 1-го Богодуховского общества Орловского округа Орловской губернии на неправильное разверстание земель осенью 1918 г.[947]



16

П Р О Т О К О Л

Заседания Комиссии по делу о жалобе I-го Богодуховского Общества на неправильное разверстание земель осенью 1918 года.

Присутствовали: Управляющий Частью Землеустройства Губземотдела -Серебряков, Заведующий Землемерно-Технической Частью-Азбукин, Заведующий Р.-З. Отделением-Селиховкин, Заведующий Освед.-Колон. Бюро-Леонов, Член Коллегии Орловского Уземотдела-Степанычев.

Уполномоченные: от I-го Богодуховского Общества - Прошин, Хаулин, 3-го Богодуховского Об-ва-Новиков и Сорокин, дер. Озерки-Крутеев.

Дело докладывает тов. Степанычев. Заслушав об"ясне ние сторон, Комиссия постановила: принимая во внимани значительное округление границ, которое достигается при проведении в жизнь проэкта отвода земель Богодуховской волости, утвержденного Уземотделом от 3-го мая с/г., и что подобное округление границ преследуеется Положением о Соц. Зем-ве -, что перераспределение земель по иному-создаст излишнюю дальне-и-длинно полосицу и ухудшит землепользование других Обществ: 2 и 3 Богодуховского, поселка Анино, пос. Змеевка- постановила утвердить протокол Коллегии Уземотдела, приняв во внимание главу X об обязательном расселении, причем помощь расселяющимся должны оказать I и 3 Богодуховские Общества, как заинтересованные в проведении настоящего проэкта, причем 3 Богодуховским об-вом должно быть принято во внимание временное стеснение пастбищем I Богодуховск. Общество.

Подтвердить в Центр необходимость ассигнования средств на выдачу пособия на поселки.

Председатель

Мая I5 дня I9I9г. Члены
г. Орел.

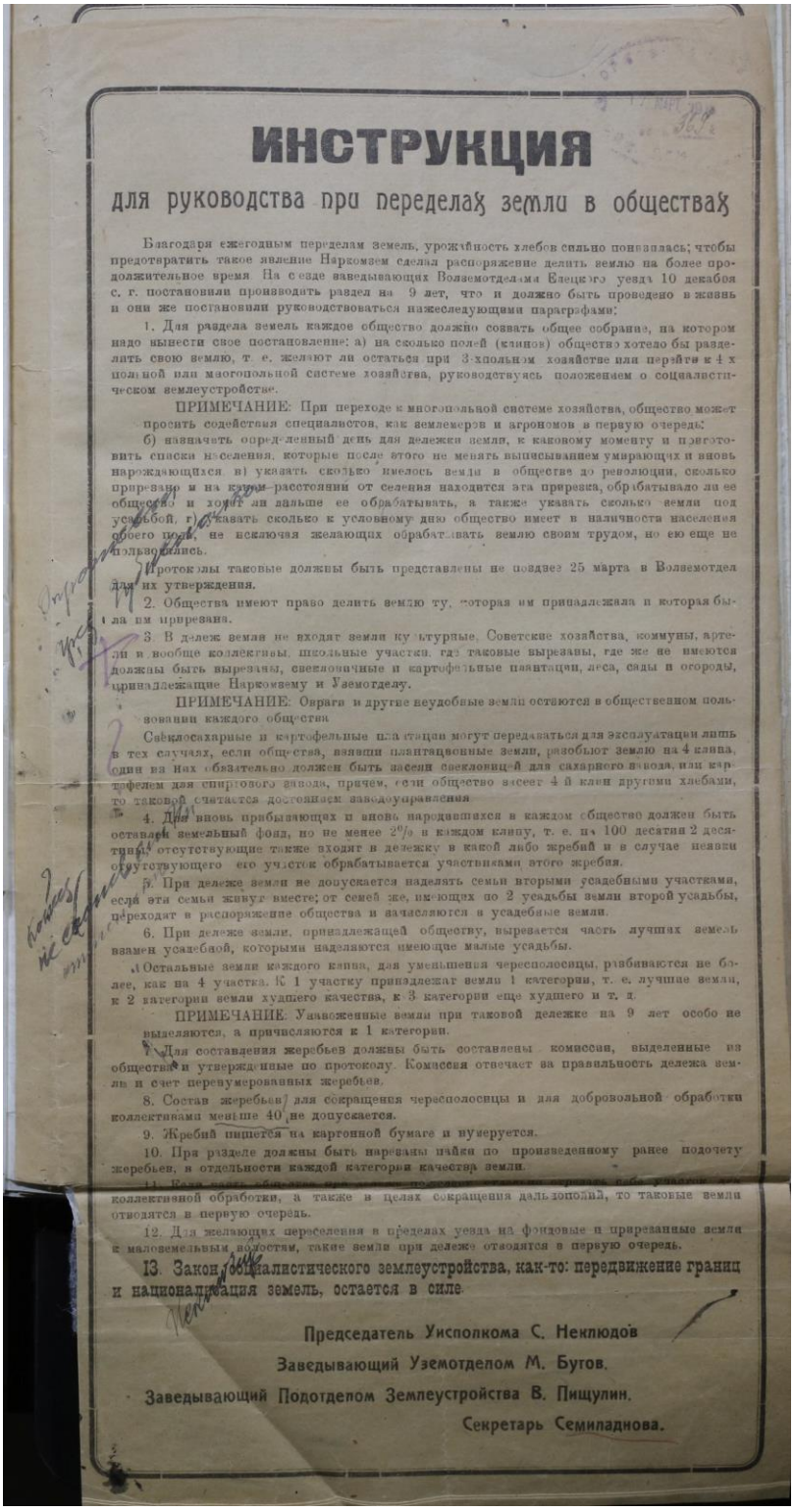
Секретарь

исполнено 16/V № 2034.

[947] ГАОО. Ф. Р-314. Оп. 1. Д. 42. Л. 16.

ПРИЛОЖЕНИЕ 5

Инструкция для руководства при переделах земли в общинах
(от 17 марта 1919 г.)[948]



ИНСТРУКЦИЯ

для руководства при переделах земли в обществах

Благодаря ежегодным переделам земель, урожайность хлебов сильно понизилась; чтобы предотвратить такое явление Наркомзем сделал распоряжение делить землю на более продолжительное время. На с'езде заведывающих Волземотделами Елецкого уезда 10 декабря с. г. постановили производить раздел на 9 лет, что и должно быть проведено в жизнь и они же постановили руководствоваться нижеследующими параграфами:

1. Для раздела земель каждое общество должно созвать общее собрание, на котором надо вынести свое постановление: а) на сколько полей (клинов) общество хотело бы разделить свою землю, т. е. желают ли остаться при 3-хпольном хозяйстве или перейти к 4-х польной или многопольной системе хозяйства, руководствуясь положением о социалистическом землеустройстве.

ПРИМЕЧАНИЕ: При переходе к многопольной системе хозяйства, общество может просить содействия специалистов, как землемеров и агрономов в первую очередь;

б) назначить определенный день для дележки земли, к каковому моменту и приготовить списки населения, которые после этого не менять выписыванием умирающих и вновь нарождающихся, в) указать сколько имелось земли в обществе до революции, сколько прирезано и на каком расстоянии от селения находится эта прирезка, обрабатывало ли ее общество и хочет ли дальше ее обрабатывать, а также указать сколько земли под усадьбой, г) указать сколько к условному дню общество имеет в наличности населения обоего пола, не исключая желающих обрабатывать землю своим трудом, но ею еще не пользовались.

Протоколы таковые должны быть представлены не позднее 25 марта в Волземотдел для их утверждения.

2. Общества имеют право делить землю ту, которая им принадлежала и которая была им прирезана.

3. В дележ земля не входят земли культурные. Советские хозяйства, коммуны, артели и вообще коллективы, школьные участки, где таковые вырезаны, где же не имеются должны быть вырезаны, свекловичные и картофельные плантации, леса, сады и огороды, принадлежащие Наркомзему и Уземотделу.

ПРИМЕЧАНИЕ: Овраги и другие неудобные земли остаются в общественном пользовании каждого общества.

Свеклосахарные и картофельные плантации могут передаваться для эксплуатации лишь в тех случаях, если общества, взявши плантационные земли, разобьют землю на 4 клина, один из них обязательно должен быть засеян свеклой для сахарного завода, или картофелем для спиртового завода, причем, если общество засеет 4 й клин другими хлебами, то таковой считается достоянием заводоуправления.

4. Для вновь прибывающих и вновь нарождающихся в каждом обществе должен быть оставлен земельный фонд, но не менее 2% в каждом клину, т. е. на 100 десятин 2 десятины, отсутствующие также входят в дележку в какой либо жребий и в случае неявки отсутствующего его участок обрабатывается участниками этого жребия.

5. При дележе земли не допускается наделять семьи вторыми усадебными участками, если эти семьи живут вместе; от семей же, имеющих по 2 усадьбы земли второй усадьбы, переходят в распоряжение общества и зачисляются в усадебные земли.

6. При дележе земли, принадлежащей обществу, вырезается часть лучших земель взамен усадебной, которыми наделяются имеющие малые усадьбы.

7. Остальные земли каждого клина, для уменьшения чересполосицы, разбиваются не более, как на 4 участка. К 1 участку принадлежат земли 1 категории, т. е. лучшие земли, к 2 категории земли худшего качества, к 3 категории еще худшего и т. д.

ПРИМЕЧАНИЕ: Уязвоженные земли при таковой дележе на 9 лет особо не выделяются, а причисляются к 1 категории.

8. Для составления жеребьев должны быть составлены комиссии, выделенные из общества и утвержденные по протоколу. Комиссия отвечает за правильность дележа земель и счет перенумерованных жеребьев.

9. Состав жеребьев для сокращения чересполосицы и для добровольной обработки коллективами меньше 40 не допускается.

10. Жребий пишется на картонной бумаге и нумеруется.

11. При разделе должны быть нарезаны пайки по произведенному ранее подсчету жеребьев, в отдельности каждой категории качества земли.

12. Если общество имеет [illegible] коллективной обработки, а также в целях сокращения дальнополий, то таковые земли отводятся в первую очередь.

13. Для желающих переселения в пределах уезда из фондовые и прирезанные земли в малоземельным волостям, такие земли при дележе отводятся в первую очередь.

13. Закон о социалистического землеустройства, как-то: передвижение границ и национализация земель, остается в силе.

Председатель Уисполкома С. Неклюдов

Заведывающий Уземотделом М. Бугов.

Заведывающий Подотделом Землеустройства В. Пищулин.

Секретарь Семиладнова.

[948] ГАОО. Ф. Р-314. Оп. 1. Д. 46. Л. 9.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1. ВИК – Волостной исполнительный комитет
2. ВРК - Всероссийский военно-революционный комитет
3. Вол. - Волость
4. ВСНХ – Высший совет народного хозяйства
5. ВЦИК – Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет
6. ГСНХ, Губсовнархоз – Губернский совет народного хозяйства
7. Губком – Губернский комитет
8. Губземотдел – Губернский земельный отдел
9. Губпродком – Губернский продовольственный комитет
10. Губсовдеп – Губернский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, Губернский Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов
11. ГЗУ – Губернское земельное управление
12. К.–д., кадеты – Конституционные демократы
13. Комбеды – Комитеты бедноты
14. Наркомзем – Народный комиссариат земледелия
15. НЭП – Новая экономическая политика
16. Ревком – Революционный комитет
17. РКП(б) Российская коммунистическая партия (большевиков)
18. РСДРП(б) – Российская социал-демократическая рабочая партия (большевиков)
19. С.-р., эсеры, социал-революционеры
20. СНК, Совнарком – Совет Народных Комиссаров
21. УИК – уездный исполнительный комитет
22. У. – уезд
23. УЗУ – уездное земельное управление
24. Уком – уездный комитет партии
25. Упродком – уездный продовольственный комитет

26. Усовдеп – Уездный Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, Уездный Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов

27. ЦИК – Центральный Исполнительный Комитет

28. ЦК - Центральный Комитет

29. ЦЧР – Центрально-Черноземный район

30. Ю.-В. ж.д.- Юго-Восточная железная дорога